This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, ирimечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использоваиия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

P Slav 381.10

Harvard College Library

THE GIFT OF

Archibald Cary Coolidge

Class of 1887

PROFESSOR OF HISTORY

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

АПРѢЛЬ, 1881.

P Slav 381.10
Slav 25.15
ARCHIBALD CARY ...
JULY 1 192.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1881 г.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

Съ фотографіи, снятой въ Горномъ Студенѣ (въ Болгаріи), 11 октября 1877 г., рѣз. на деревѣ А. И. Зубчаниновъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ., 26 марта 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

1-го марта въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано:

Отъ министра внутреннихъ дѣлъ.

I.

Сего 1-го марта, въ $1^3/_4$ часа дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Конюшеннаго моста, опасно раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно.

Лейбъ-Медикъ Боткинъ.
Профессоръ Е. Богдановскій.
Почетный лейбъ-медикъ Головинъ.
Докторъ Круглевскій.

II.

Воля Всевышняго совершилась. Въ 3 часа 35 минутъ дня сего 1-го марта Онъ призвалъ къ Себѣ Государя Императора Александра Николаевича.

За нѣсколько минутъ до кончины Его Императорское Величество изволилъ пріобщиться Святыхъ Таинъ.

Лейбъ-медикъ Боткинъ.
Профессоръ Е. Богдановскій.
Почетный лейбъ-медикъ Головинъ.
Докторъ Круглевскій.
Министръ внутреннихъ дѣлъ
генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Господу Богу угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ поразить Россію роковымъ ударомъ и внезапно отозвать къ Себѣ ея благодѣтеля, Государя Императора Александра II-го. Онъ палъ отъ святотатственной руки убійцъ, неоднократно покушавшихся на Его драгоцѣнную жизнь. Они посягали на сію столь драгоцѣнную жизнь, потому что въ ней видѣли оплотъ и залогъ величія России и благоденствія русскаго народа. Смиряясь предъ таинственными велѣніями Божественнаго Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы объ упокоеніи чистой души усопшаго Родителя Нашего, Мы вступаемъ на Прародительскій Нашъ Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.

Подъемлемъ тяжкое бремя, Богомъ на Насъ возлагаемое, съ твердымъ упованіемъ на Его Всемогущую помощь. Да благословитъ Онъ труды Наши ко благу возлюбленнаго нашего отечества и да направитъ Онъ силы Наши къ устроенію счастія всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ.

Повторяя данный Родителемъ Нашимъ священный предъ Господомъ Вседержителемъ обѣтъ посвятить, по завѣту Нашихъ предковъ, всю жизнь Нашу попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи, Мы призываемъ Нашихъ вѣрноподданныхъ соединить ихъ молитвы съ Нашими мольбами предъ Алтаремъ Всевышняго и повелѣваемъ имъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 1-й день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „АЛЕКСАНДРЪ".

Циркулярная депеша управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ статсъ-секретаря Гирса, къ Россійско-Императорскимъ представителямъ за границею.

Его Величество Государь Императоръ, вступая на Прародительскій Престолъ, пріемлетъ въ наслѣдіе преданія, освященныя временемъ, дѣяніями Его предшественниковъ, трудами и жертвами поколѣній, созидавшихъ прошлое Россіи.

Его Величество, принимая это наслѣдіе всецѣло, ставитъ Себѣ въ священную обязанность передать его ненарушимо Своимъ преемникамъ.

Россія, какъ всѣ другія государства, должна была, для созиданія своего, выносить борьбу, въ которой выработались ея силы и народный духъ.

Нынѣ она достигла своего полнаго развитія. Чувства зависти и

недовольства ей одинаково чужды. Ей остается только упрочить свое положеніе, оградить себя извнѣ и развить свои силы, свои богатства, свое благосостояніе. Такова цѣль, которую поставляетъ Себѣ Нашъ Августѣйшій Монархъ, и Его Величество твердо рѣшился неуклонно идти къ ней.

Государь Императоръ посвятитъ Себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности, и съ вопросами экономическими и соціальными, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ.

Внѣшняя политика Его Величества будетъ вполнѣ миролюбивою. Россія останется вѣрною своимъ друзьямъ и неизмѣнною въ чувствахъ, освященныхъ преданіями, отвѣчая въ то же время взаимностью на дружественный образъ дѣйствій всѣхъ государствъ. Сохраняя принадлежащее ей въ средѣ другихъ державъ положеніе и заботясь о поддержаніи политическаго равновѣсія, согласно съ ея интересами, она не уклонится отъ призванія охранять, совмѣстно съ другими правительствами, общій миръ, основанный на уваженіи къ праву и трактатамъ.

На Россіи лежатъ прежде всего заботы о самой себѣ; только долгъ защитить честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы.

Нашъ Августѣйшій Монархъ будетъ стремиться къ упроченію могущества и благоденствія Россіи, для счастія ея и безъ вреда другимъ.

Таковы начала, которыми неизмѣнно будетъ руководиться Государь Императоръ въ Своей политикѣ.

Его Величество поручаетъ вамъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства, при которомъ вы аккредитованы, и прочитать настоящую депешу министру иностранныхъ дѣлъ".

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая и прочая.

Вступивъ на Всероссійскій Прародительскій Престолъ Нашъ, Мы, въ неуклонномъ попеченіи объ охраненіи и утвержденіи спокойствія и благоденствія Государства, Всевышнимъ Промысломъ Намъ ввѣреннаго, слѣдуя примѣру незабвенныхъ Предшественниковъ Нашихъ, блаженныя памяти Императоровъ Николая I-го и Александра II-го, признали Священною обязанностію Нашею озаботиться предуказаніемъ мѣръ имѣющихъ быть принятыми въ случаяхъ необыкновенныхъ. Въ виду сего и принявъ въ уваженіе малолѣтство Наслѣдника Нашего, Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, Мы положили, на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи и Учрежденія объ Императорской Фамиліи, постановить и объявить во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее:

1. На случай кончины Нашей прежде достиженія Любезнѣйшимъ Сыномъ и Наслѣдникомъ Нашимъ опредѣленнаго закономъ возраста для совершеннолѣтія Императоровъ, Правителемъ Государства и нераздѣльныхъ съ онымъ Царства Польскаго и Великаго Княжевста

Финляндскаго, до совершеннолѣтія Его, назначается Нами Любезнѣйшій Братъ Нашъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

2. Если Всевышнему угодно будетъ, по кончинѣ Нашей, воззвать къ Себѣ и первороднаго Сына Нашего, прежде достиженія Имъ совершеннолѣтія, то и по вступленіи за Нимъ, по закону о наслѣдіи, на Престолъ Всероссійскій другаго Сына Нашего, Любезнѣйшій Братъ Нашъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, долженъ оставаться Правителемъ Государства также до совершеннолѣтія сего другаго Сына Нашего.

3. Во всѣхъ случаяхъ, означенныхъ въ предшедшихъ 1-й и 2-й статьяхъ сего Манифеста, опека и надъ первороднымъ Сыномъ и надъ прочими дѣтьми Нашими, до совершеннолѣтія каждаго изъ нихъ, во всей той силѣ и пространствѣ, кои опредѣлены закономъ, должна принадлежать Любезнѣйшей Супругѣ Нашей, Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Постановленіемъ и обнародованіемъ таковой воли и намѣреній Нашихъ, относительно управленія Государствомъ во время малолѣтства Нашего Наслѣдника, Мы, въ благоговѣйномъ уваженіи къ законамъ Нашего Отечества, устраняя заранѣе всякое по сему предмету сомнѣніе, молимъ Всевышняго, да благословитъ Насъ въ непрестанномъ попеченіи Нашемъ о вящшемъ благоустройствѣ, могуществѣ и счастіи Державы, отъ Бога Намъ врученной.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 14-й день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ".

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя московскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта князя Долгорукова.

Князь Владиміръ Андреевичъ. Мнѣ былъ представленъ приговоръ московской городской думы, 8 сего марта, съ выраженіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ, одушевляющихъ населеніе первопрестольной столицы, а также съ ходатайствомъ объ открытіи какъ въ Москвѣ, такъ и во всей Россіи подписки на сооруженіе, среди святынь Кремля, памятника въ Бозѣ почившему блаженныя и вѣчныя славы достойному Императору Александру II.

Въ дни радости, какъ и въ годины тяжкихъ испытаній, всѣ слои населенія Москвы всегда являли вѣрный откликъ чувствамъ своихъ Государей. Поручаю вамъ изъявить московской городской думѣ Мою искреннюю сердечную благодарность.

Согласно желанію города Москвы, да будутъ стѣны Кремля вмѣщать въ себѣ воздвигнутый всею Россіею, по почину Москвы, памятникъ Тому, Кто всю жизнь Свою посвятилъ на служеніе возлюбленному Отечеству.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„АЛЕКСАНДРЪ".

Въ С.-Петербургѣ,
14-го марта 1881 года.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ и АПРѢЛЬ).

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ.

Отрывки изъ воспоминаній.

1852—1863.

Пропускаю впечатлѣнія моего ранняго дѣтства, хотя изъ нихъ очень многое сохранилось въ моей памяти. Пропускаю ихъ потому, что они касаются моего собственнаго внутренняго міра и моей семьи, и не могутъ интересовать читателя. Въ этихъ бѣглыхъ наброскахъ я имѣю намѣреніе какъ можно менѣе заниматься своей личной судьбой, и представить вниманію публики лишь то, чему мнѣ привелось быть свидѣтелемъ, что заключаетъ въ себѣ интересъ помимо моего личнаго участія.

Въ августѣ 1852 года, меня отдали въ первую петербургскую гимназію. Преобразованная изъ бывшаго благороднаго пансіона при петербургскомъ университетѣ, она оставалась закрытымъ заведеніемъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сохраняла еще прежній характеръ привиллегированной школы. Въ нее принимались только дѣти потомственныхъ дворянъ, въ обстановкѣ воспитанія замѣчалось стремленіе къ чему то болѣе порядочному, чѣмъ въ другихъ гимназическихъ пансіонахъ; кажется и плата за воспитанниковъ въ ней была положена значительно высшая.

Я былъ недурно подготовленъ дома, и кромѣ того доступъ въ учебныя заведенія тогда былъ очень легокъ. Начальство находило нужнымъ такъ сказать заманивать учениковъ, во всякомъ случаѣ встрѣчало ихъ съ распростертыми объятіями. Меня проэкзаменовали шутя и предложили принять во второй классъ; но отецъ мой, большой любитель порядка и послѣдовательности, предпочелъ помѣстить меня въ первый классъ—чтобъ ужъ непремѣнно съ начала до конца, систематически, пройти весь курсъ.

Выросшій дома, среди соотвѣтствовавшей возрасту свободы, я съ большимъ трудомъ входилъ въ условія пансіонской жизни. Меня стѣсняла не дисциплина этой жизни, а невозможность остаться хотя на минуту одному съ самимъ собою. Дома я привыкъ читать; въ гимназіи это было почти немыслимо. Имѣть свои книги не разрѣшалось, а изъ казенной библіотеки давали нѣчто совсѣмъ несообразное—въ родѣ напримѣръ допотопнаго путешествія Дюмонъ-Дюрвиля, да и то очень неохотно, какъ бы только во исполненіе воли высшаго начальства. Библіотекой завѣдывалъ инспекторъ, Василій Степановичъ Бардовскій—человѣкъ, обладавшій замѣчательною способностью „идти наравнѣ съ вѣкомъ", только въ самомъ невыгодномъ смыслѣ. Мнѣ говорили, что въ 60-хъ годахъ, будучи уже директоромъ, онъ страшно распустилъ гимназію, что и было причиною нареканій на это заведеніе; но въ мое время онъ обнаруживалъ во всей неприкосновенности закалъ педагога-бурсака, и раздѣлялъ всѣ увлеченія тогдашняго обскурантизма. Розга въ четырехъ младшихъ классахъ царствовала неограниченно, и лишь немногіе изъ моихъ товарищей избѣгли вмѣстѣ со мною знакомства съ этимъ спорнымъ орудіемъ воспитанія. Сѣкли, главнымъ образомъ, за единицы. Каждую пятницу вечеромъ дежурный гувернеръ выписывалъ изъ журналовъ всѣхъ получившихъ на недѣлѣ единицы или нули, а каждую субботу, на первомъ урокѣ, Василій Степановичъ являлся въ классъ и кивкомъ головы вызывалъ попавшихъ въ черный списокъ. Товарищи провожали ихъ умиленными глазами... Надо впрочемъ сказать, что учиться было не тяжело, и избѣгать единицъ не представляло большихъ трудностей.

Забота о развитіи молодого ума, о воспитаніи благородныхъ инстинктовъ, какъ-то не вяжется съ розгой. И дѣйствительно, о такихъ вещахъ заботились мало. О жалкомъ составѣ гувернеровъ я скажу дальше; самъ инспекторъ, духъ и руку котораго мы ощущали ежеминутно, хлопоталъ только о водвореніи порядка и страха и объ искорененіи свободомыслія. Поощрять охоту къ чтенію, къ труду не по указкѣ, не входило въ его программу, и на просьбу о выдачѣ книги изъ библіотеки большинство учениковъ получало неизмѣнный, иногда оскорбительный отказъ. „Занимайся лучше уроками! единицы имѣешь! Да, такъ-съ!" отвѣчалъ обыкновенно Василій Степановичъ, повертывая между пальцами серебряную табатерку. „Да, такъ-съ" прекращало всякіе разговоры. Не знаю, самъ ли инспекторъ руководилъ покупкою книгъ для библіотеки, но помню что составъ ея былъ удивительный. Она помѣщалась въ пріемной комнатѣ, и бывая тамъ я усердно разглядывалъ надписи на корешкахъ книгъ, но постоянно видѣлъ одни и тѣже „Сочиненія Нахимова". Съ тѣхъ поръ я долго не могъ отдѣлаться отъ представленія о Нахимовѣ, какъ о величайшемъ русскомъ писателѣ... Достать книгу по собственному желанію было невозможно. Помню, что я долго искалъ, какъ клада, томъ лири-

ческихъ стихотвореній Пушкина. Въ то время Пушкина не было въ продажѣ: смирдинское изданіе (плохое, не полное, на сѣрой бумагѣ) уже исчерпалось, а анненковское еще не появилось; въ моей домашней библіотекѣ недоставало почему-то одного тома, съ мелкими лирическими пьесами, и я зналъ нѣкоторыя изъ нихъ только по хрестоматіи Ѳалахова. Пробѣлъ этотъ просто мучилъ меня, и я нѣсколько разъ, рискуя навлечь на себя гнѣвъ В. С—ча, приставалъ къ нему съ просьбой выдать мнѣ изъ библіотеки этотъ заколдованный томъ; но инспекторъ, находя такое стремленіе къ поэзіи предосудительнымъ, отказывалъ наотрѣзъ. Уже года черезъ два, учитель русскаго языка Сергѣевъ—не блестящая, но добрѣйшая, славная личность—выхлопоталъ Пушкина для себя, и подъ величайшимъ секретомъ передалъ его на одинъ день мнѣ. Это былъ, можетъ быть, одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моего дѣтства.

Литературные взгляды начальства выражались между прочимъ въ выборѣ книгъ, раздаваемыхъ въ награду лучшимъ ученикамъ при переходѣ изъ одного класса въ другой. Мнѣ разъ дали какой-то „Дѣтскій театръ“, состоящій изъ малограмотныхъ переводныхъ комедій, въ другой разъ „Очеркъ похода Наполеона I противъ Пруссіи въ 1806 году“, въ третій одинъ томъ словаря Рейфа, и т. д.

Но самую печальную сторону управленія В. С-ча составляла его склонность примѣшивать къ педагогическому дѣлу политическій элементъ. Эта была, впрочемъ, общая черта времени. Воспитательныя заведенія чрезвычайно узко понимали задачу искорененія въ молодыхъ умахъ зловредныхъ идей. Могу удостовѣрить, что ни у кого изъ моихъ товарищей никакихъ зловредныхъ идей не было; напротивъ, въ эпоху крымской войны, патріотическое воодушевленіе обнаружилось весьма сильно, и многіе изъ воспитанниковъ нашей гимназіи прямо со школьной скамьи отправились умирать на дымящихся бастіонахъ Севастополя. Тѣмъ не менѣе, мы всѣ постоянно чувствовали себя подъ какимъ то тягостнымъ давленіемъ политической подозрительности. Обыкновенныя дѣтскія шалости, можетъ быть и предосудительныя, но объясняемыя условіями закрытаго воспитанія, духомъ товарищества, нерѣдко разсматривались именно съ этой подозрительной quasi-политической стороны. Припоминаю случай лично со мной. Подружившись съ однимъ изъ товарищей, я въ рекреаціонные часы часто ходилъ съ нимъ по корридору, и наши разговоры казались намъ занимательнѣе обычныхъ игръ въ общей залѣ. Но гувернеръ Б-ни, усвоившій себѣ инквизиторскія воззрѣнія на самыя обыкновенныя вещи, запретилъ намъ оставаться вдвоемъ, объяснивъ откровенно, что подозрѣваетъ нашу политическую благонадежность, и что наше отдаленіе отъ товарищей вызываетъ въ его воображеніи классическія фигуры Брута и Кассія... Привожу этотъ неважный случай, чтобъ показать до какой степени односторонне и несвободно относились тогдашніе педагоги къ этой несомнѣнно важной задачѣ

общественнаго воспитанія. Надо прибавить, что исканіе политической подкладки въ незначительныхъ явленіяхъ, вытекающихъ прямо изъ условій пансіонской жизни, приводило къ результатамъ почти противоположнымъ: мы чуть не съ десятилѣтняго возраста получали неестественный интересъ къ политическимъ вопросамъ, и конечно гораздо больше толковали о нихъ, чѣмъ нынѣшніе мальчики. Но, повторяю, относиться враждебно къ основамъ нашего государственнаго быта никому изъ насъ и въ голову не приходило. Такъ называемое свободомысліе скорѣе направлялось въ сферу религіозную—явленіе, какъ извѣстно, общее тогда всѣмъ закрытымъ учебнымъ заведеніямъ.

Я былъ бы очень радъ сказать что нибудь лучшее о покойномъ В. С-чѣ. Лично я находился съ нимъ въ самыхъ благополучныхъ отношеніяхъ, и кажется даже пользовался особымъ его расположеніемъ. Я думаю, что это былъ вовсе не злой и не дурной, а только очень обыкновенный человѣкъ, всегда подчинявшійся малѣйшему давленію сверху и не выработавшій въ свою долговременную практику никакого собственнаго взгляда. Въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, сверху требовали строгости, допускали и жестокость; В. С-чъ не только удовлетворялъ этому требованію, но и самъ несомнѣнно раздѣлялъ понятія и взгляды господствовавшаго въ то время обскурантизма. Для него, человѣка ординарнаго, это было тѣмъ извинительнѣе, что при пассивной роли директора, на немъ лежали весь трудъ и вся отвѣтственность. Къ чести его здѣсь необходимо прибавить, что при всей практиковавшейся въ гимназіи строгости, у насъ почти совсѣмъ не прибѣгали къ исключенію воспитанниковъ. Тогдашнія учебныя заведенія вообще держались правила, что дѣти даны имъ счетомъ, и счетомъ должны быть возвращены родителямъ и обществу. За всѣ четыре года моего нахожденія въ первой гимназіи, я знаю только одинъ случай изгнанія воспитанника изъ стѣнъ заведенія—именно нѣкоего Ч., пойманнаго en flagrant délit въ проступкѣ положительно безнравственномъ.

Директоромъ гимназіи при мнѣ былъ Викентій Васильевичъ Игнатовичъ. Кажется онъ былъ хорошо образованный человѣкъ, но мы видали его чрезвычайно рѣдко, и наврядъ ли онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ заведенія. Толстый, благодушный, съ очень благообразнымъ и умнымъ лицомъ, онъ производилъ впечатлѣніе пріятнаго барина, неохотника до черной работы. Онъ любилъ впрочемъ показать, что занимался спеціально исторіей, иногда заходилъ на уроки г. Лыткина и самъ спрашивалъ учениковъ, именно тѣхъ, которые желали поправить передъ субботой полученную на недѣлѣ единицу. Но всего превосходнѣе онъ былъ въ смыслѣ декоративномъ: такого директора можно было выставить куда угодно. Помню его какъ сейчасъ въ двухъ торжественныхъ случаяхъ. Въ мартѣ 1855 года гимназія праздновала свой 25-лѣтній юбилей. Были министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ и попечитель округа. Воспитанни-

камъ дали завтракъ, съ бокалами какого-то похожаго на шампанское напитка. В. В. Игнатовичъ, въ мундирѣ и во всѣхъ регаліяхъ, былъ представителенъ до помраченія; онъ рѣшительно затмѣвалъ весь сановный персоналъ, посѣтившій нашу столовую, и когда онъ, обратясь съ поднятымъ бокаломъ къ министру, произнесъ нѣсколько краткихъ словъ, упомянувъ въ нихъ и о какомъ-то орденѣ, „незадолго передъ симъ украсившемъ вашу достойную грудь“ — то всѣ, даже самые маленькіе между нами, почувствовали какъ это хорошо было сказано... Въ другой разъ припоминается мнѣ почтенный В. В. Игнатовичъ, какъ онъ, въ разгарѣ восточной войны, вошелъ разъ къ намъ въ репетиціонную залу, и поздоровавшись необычайно ласково съ учениками, провозгласилъ: „Дѣти, любите ли вы Россію?“ Мы отвѣчали что любимъ. Тогда директоръ, указавъ на производящійся повсемѣстно сборъ пожертвованій на военныя нужды, пригласилъ насъ открыть между собою подписку. Мы отозвались съ полною готовностью.

Я не могу судить, насколько вообще дѣятельность В. В. Игнатовича была плодотворна для гимназіи, но долженъ сказать, что это былъ несомнѣнно умный и добрый человѣкъ, и что навѣрное ни одинъ изъ его воспитанниковъ не имѣлъ съ нимъ непріятнаго столкновенія и не сохранилъ къ нему враждебнаго чувства. Если нельзя утверждать, чтобъ у насъ выразилась серьозная любовь къ нему, то только потому, что мы мало его видѣли.

Не знаю, насколько слѣдуетъ приписать винѣ директора неудачный выборъ своихъ помощниковъ по воспитательной части, но надо сознаться, что составъ гувернеровъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Все это были иностранцы—въ расчетѣ на практику въ новыхъ языкахъ—и почти поголовно люди безъ всякаго образованія. Крайнимъ невѣжествомъ поражали въ особенности французы. Одинъ изъ нихъ, бывшій барабанщикъ великой арміи, раненый казацкою пикой, преподавалъ въ первомъ классѣ французскій языкъ и не могъ поправлять ошибокъ въ диктовкѣ, не заглядывая въ книгу. Другой былъ до того старъ, что почти не стоялъ на ногахъ; третій, совсѣмъ глупый и безнравственный человѣкъ, рѣшительно не годился къ педагогическому дѣлу. Надо впрочемъ сказать, что французы были всѣ очень добрые люди и мы съ ними отлично уживались; за то удивительнымъ злопамятствомъ и тупымъ педантизмомъ отличались нѣмцы. Это были наши присные враги, съ которыми мы вели непрерывную войну... Не знаю, къ какой національности принадлежалъ упомянутый выше Б—ни; фамилія у него была итальянская, но онъ отлично говорилъ по-русски, а по характеру напоминалъ австрійскаго полиціанта меттерниховскихъ временъ. Надо было изумляться ловкости, съ какою онъ накрывалъ шалуновъ, и доходящей до благородства горячности, съ какою онъ умѣлъ самый пустой случай раздуть до степени чуть не политическаго дѣла. Австрійскій чиновникъ, обрусѣвшій въ тог-

дашнемъ Петербургѣ и совмѣстившій въ себѣ оба букета, бывалъ иногда истиннымъ виртуозомъ своего дѣла.

Время, въ которое я поступилъ въ гимназію—считается переходнымъ въ исторіи нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Классическая система, водворенная гр. Уваровымъ, въ концѣ 40-хъ годовъ была заподозрѣна и нарушена. Греческій языкъ сохранился только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, предназначенныхъ приготовлять учениковъ къ поступленію на историко-филологическіе факультеты, преподаваніе латинскаго рѣшено начинать только съ четвертаго класса; взамѣнъ того введено съ перваго класса преподаваніе естествознанія и увеличено число уроковъ по математикѣ. Приготовляющіе себя къ поступленію прямо изъ гимназіи на государственную службу обязывались слушать законовѣдѣніе. Этотъ новый учебный планъ вводился съ 1852 года, т. е. какъ разъ со времени моего поступленія. Со стороны теоретической, реформа очевидно не выдерживала ни малѣйшей критики и была ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ бюрократическаго невѣжества. Тѣмъ не менѣе, припоминая свои школьные годы, я не могу не сказать, что у насъ учились недурно, и что получаемое нами образованіе достигало важнѣйшей цѣли—давало ученикамъ и умственное развитіе, и охоту къ дальнѣйшему научному труду. Безъ сомнѣнія, этимъ благопріятнымъ результатомъ гимназія была обязана не программамъ, представлявшимъ нелѣпый винигретъ какихъ-то клочковъ и обрывковъ, а выдающемуся таланту нѣкоторыхъ преподавателей и хорошему составу учениковъ.

Преподаватели были разные, молодые и старые, годные и негодные; но всѣ они были гуманные, въ большинствѣ очень симпатичные люди, и я не сомнѣваюсь, что изъ моихъ товарищей никто не сохранилъ ни къ одному изъ нихъ никакого недобраго чувства. Они стояли рѣшительно внѣ общаго направленія и скорѣе сами подвергались его давленію, чѣмъ давили насъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Образованные люди тогда еще глядѣли на вещи одинаково, и не было той розни, которая въ настоящее время раздѣляетъ и разъѣдаетъ наши культурныя силы. Университетская наука заключала въ себѣ подразумѣваемый протестъ противъ духа реакціи, царившаго внѣ ея. Наши учителя были по большей части люди 40-хъ годовъ, вынесшіе изъ стѣнъ университетовъ тѣ гуманныя идеи, которыми впослѣдствіи характеризовали цѣлое поколѣніе. Я припоминаю, что мы еще въ низшихъ классахъ понимали этихъ людей, и что никогда въ нашихъ отношеніяхъ къ нимъ, въ нашихъ подчасъ очень глупыхъ шалостяхъ, не обнаруживалось ничего оскорбительнаго для нихъ. Устраивая разныя, иногда очень дерзкія непріятности гувернерамъ, эконому, учителямъ-иностранцамъ, мы всегда относились съ безусловнымъ и весьма замѣчательнымъ уваженіемъ къ русскимъ учителямъ, въ которыхъ чувствовали людей иного, лучшаго склада.

Въ почтенномъ персоналѣ нашихъ преподавателей первое мѣсто занималъ Василій Ивановичъ Водовозовъ. Я пользовался его уроками только одинъ годъ, но могъ вполнѣ оцѣнить и его дарованія, и его въ высшей степени достойную уваженія личность. Трудолюбивый, серьозный, искренно любящій свое дѣло, искренно убѣжденный, что на скромномъ постѣ учителя русской словесности ему возможно принести много несомнѣнной пользы, онъ отдавался своимъ обязанностямъ если не съ увлеченіемъ, то съ горячимъ личнымъ интересомъ, который передавался ученикамъ. Характеръ его преподаванія былъ чисто практическій: мы писали сочиненія на заданныя тэмы, потомъ эти сочиненія раздѣлялись между нами для грамматическаго и критическаго разбора, такъ что мы должны были находить другъ у друга ошибки, невѣрныя или неудачно выраженныя мысли и т. д. Потомъ и сочиненія, и замѣчанія на нихъ, читались въ классѣ въ присутствіи учителя, который и являлся судьею авторскихъ пререканій, судьею неизмѣнно дѣльнымъ, строгимъ и безпристрастнымъ. Въ другіе часы мы занимались церковно-славянской грамматикой, чтеніемъ классическихъ произведеній русской и иностранной (въ поэтическихъ переводахъ) лититературы, сопровождавшимся бесѣдами подъ руководствомъ Василія Ивановича и т. д. Въ трехъ старшихъ классахъ устраивались кромѣ того литературные вечера, на которыхъ лучшіе воспитанники прочитывали въ присутствіи педагогическаго совѣта сочиненія болѣе значительнаго объема и лучше обработанныя, чѣмъ классныя упражненія. Благодаря такому характеру преподаванія, русская словесность была для насъ всѣхъ самымъ любимымъ предметомъ, и мы ждали урока Василія Ивановича, какъ праздника. Почтенный преподаватель былъ безъ сомнѣнія душою всего учебнаго дѣла; онъ болѣе всѣхъ заставлялъ насъ понимать привлекательную сторону умственнаго труда, болѣе всѣхъ сдѣлалъ для нашего воспитанія. Правда, матеріалъ съ которымъ пришлось имѣть дѣло В. И. Водовозову, былъ очень благодарный. Отчасти вслѣдствіе нѣсколько исключительнаго положенія нашей гимназіи, въ которую принимались только дѣти изъ самаго образованнаго въ Россіи сословія, получавшія уже въ своихъ семействахъ болѣе или менѣе развитые культурные инстинкты, отчасти вслѣдствіе традицій заведенія, гдѣ русская словесность всегда составляла какъ бы центръ преподаванія, отчасти наконецъ благодаря общимъ условіямъ и общему направленію времени—между нами, начиная съ самыхъ младшихъ классовъ, всегда находилось не мало очень умныхъ и даровитыхъ мальчиковъ, съ раннимъ и опредѣленнымъ расположеніемъ къ литературному труду, а еще болѣе такихъ, которые, не обнаруживая выдающагося личнаго дарованія, тѣмъ не менѣе до крайности любили все относящееся до литературы, и своимъ сочувствіемъ поддерживали болѣе даровитыхъ товарищей. Большинство изъ насъ не только училось въ исполненіе долга, но испытывало потребность сдѣ-

лать нѣчто большее, заглянуть повыше казенной черты, войти въ живую связь съ тѣми, кто зналъ больше насъ, кто мыслилъ лучше насъ; существовало несомнѣнно какое-то особое вѣяніе, сообщавшее нашимъ школьнымъ годамъ трудно-опредѣляемую привлекательность. Многіе между моими товарищами очень рано обнаружили серьозное литературное дарованіе. Изъ воспитанниковъ, съ которыми мнѣ привелось особенно сблизиться, назову В. В. Крестовскаго, какъ пріобрѣвшаго впослѣдствіе наиболѣе громкое литературное имя. Онъ былъ на два класса старше меня, но одинаковые вкусы, одинаковая потребность искать чего-то за казенной чертой пансіоннаго воспитанія, а всего болѣе рѣдкія личныя свойства симпатичной натуры Крестовскаго, сблизили насъ такъ тѣсно, что завязавшаяся въ гимназическихъ стѣнахъ дружба осталась для насъ обоихъ одною изъ самыхъ серьозныхъ привязанностей. Романтикъ по природѣ, Крестовскій еще въ младшихъ классахъ отличался самыми рѣзкими антипатіями къ безобразіямъ нашего пансіонскаго быта и потребностью создать среди этого быта свою собственную жизнь; онъ еще мальчикомъ писалъ красивые, звучные стихи, и въ гимназической курткѣ волновался всѣми интересами, занимавшими тогдашнюю, еще очень тѣсную семью культурныхъ людей.

Несомнѣнное поэтическое дарованіе обнаруживалъ другой мой товарищъ, Аполлонъ Кусковъ, братъ извѣстнаго впослѣдствіи поэта, переводчика Шекспира. Самъ онъ, кажется, никогда ничего не печаталъ; я рано потерялъ его изъ виду, и незнаю какія причины помѣшали развиться его таланту, обѣщавшему очень много. Онъ прекрасно владѣлъ также карандашомъ и красками и несомнѣнно могъ сдѣлать замѣтную артистическую карьеру. Извѣстно, впрочемъ, что никто такъ часто не обманываетъ ожиданій, какъ много-обѣщающіе русскіе мальчики.

Я не могу не вспомнить здѣсь также одного изъ очень даровитыхъ моихъ товарищей, Куницкаго. Онъ умеръ кажется еще до окончанія курса гимназіи. Бойкій, дѣятельный, съ большимъ воображеніемъ и съ сатирическимъ, язвительнымъ складомъ ума, онъ весь былъ преданъ двумъ страстямъ—къ театру и ко всему французскому. Объ его способностяхъ можно судить по тому факту, что когда онъ былъ гимназистомъ третьяго и четвертаго класса, книгопродавецъ Вольфъ охотно покупалъ для изданія составляемыя имъ дѣтскія книги, преимущественно пьесы для дѣтскаго театра. Можетъ быть гимназистамъ и не слѣдуетъ сочинять книги, но во всякомъ случаѣ фактъ этотъ, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ не противъ заведенія, къ которому принадлежалъ Куницкій... Страсть его къ театру, и особенно къ французскому, не знала границъ. По средамъ или по четвергамъ— не помню какіе тогда были абонементные дни — онъ почти всегда ухитрялся непостижимыми путями отпроситься домой, и засѣдалъ въ Михайловскомъ театрѣ, несмотря на строгость полицейскаго и педа-

гогическаго надзора. Въ четвертомъ классѣ онъ былъ редакторомъ рукописнаго журнала, безконечно насъ интересовавшаго. Начальство знало о существованіи этого журнала, но находя его занимательнымъ даже для себя, смотрѣло сквозь пальцы...

При такомъ составѣ учениковъ, учителямъ, умѣвшимъ не вооружать насъ противъ себя, не трудно было вести свое дѣло. Не всѣ, конечно, обладали тѣми же способностями и такимъ же серьознымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, какъ В. И. Водовозовъ; но замѣчательно, что у насъ учились хорошо даже у преподавателей, такъ сказать, „невозможныхъ" съ нынѣшней точки зрѣнія. Такъ было, напримѣръ, съ латинскимъ языкомъ. Преподаватель этого предмета, З—овъ, былъ удивительнѣйшій чудакъ. Недурной знатокъ своего предмета и человѣкъ подчасъ очень взыскательный, онъ съ этою взыскательностью соединялъ что-то безконечно распущенное и шутовское. У него была страсть къ скабрезнымъ анекдотамъ, и онъ требовалъ, чтобъ къ каждому уроку одинъ изъ воспитанниковъ приготовилъ такой анекдотъ, но непремѣнно имъ самимъ сочиненный, и остроумный. Какъ только войдетъ З—овъ въ классъ, одинъ изъ насъ тотчасъ выходитъ къ доскѣ и начинаетъ разсказъ... Если анекдотъ недуренъ, З—овъ хохочетъ, мы тоже; если не понравится—скажетъ: „ну, это глупо"—и непремѣнно будетъ гораздо строже ставить балы. Казалось бы, такой учитель долженъ былъ имѣть самое разлагающее вліяніе на мальчиковъ, а на повѣрку выходило, что изъ латинскаго языка большинство училось очень недурно, и притомъ я никогда ни отъ кого изъ товарищей не слыхалъ, чтобъ этотъ предметъ считался труднымъ.

Другой учитель, Л—овъ, старикъ, преподававшій географію, любилъ самъ разсказывать анекдоты, и по большей части не совсѣмъ приличные. Въ такихъ разсказахъ сплошь и рядомъ проходилъ цѣлый урокъ.

Въ 1855 году, съ моимъ отцомъ приключился ударъ. Чрезвычайно крѣпкій отъ природы, регулярный во всѣхъ своихъ привычкахъ, онъ разстроилъ здоровье чрезмѣрнымъ трудомъ. Послѣ удара отъ него потребовали не только оставленія службы, но и переѣзда въ теплый климатъ. По этой причинѣ мы въ 1856 году переѣхали въ Кіевъ, и я перевелся въ кіевскую первую гимназію.

Три года, проведенные въ этомъ заведеніи, принадлежатъ къ самымъ скучнымъ годамъ моей жизни. Мнѣ было очень трудно привыкнуть къ совершенно иному тону, царившему въ провинціальной гимназіи. По составу преподавателей она считалась лучшею въ округѣ, и въ этомъ отношеніи перемѣна была не особенно чувствительна. Но совсѣмъ другимъ характеромъ отличался составъ воспитанниковъ. На нихъ на всѣхъ лежала тусклая печать провинціальности, тотъ сѣрый,

подавляющій колоритъ обывательской ординарности, съ которымъ мнѣ впервые приходилось знакомиться. Артистическая даровитость, отличавшая моихъ петербургскихъ товарищей, значительный уровень ихъ умственнаго развитія, ихъ раннее, можетъ быть даже слишкомъ преждевременное, знакомство съ интересами значительно высшаго порядка— ничего этого въ кіевской гимназіи я не встрѣтилъ.

Единственнымъ отраднымъ воспоминаніемъ за эти три года я обязанъ покойному учителю русской словесности, А. П. Иноземцеву. Это была очень даровитая личность, къ сожалѣнію рано унесенная смертью. Отличный знатокъ русскаго языка, человѣкъ съ правильнымъ и тонкимъ литературнымъ вкусомъ, А. П—чъ былъ совсѣмъ не на мѣстѣ въ гимназіи, гдѣ воспитанники состояли изъ поляковъ и малороссовъ, не только не умѣвшихъ правильно говорить по-русски, но даже неспособныхъ отдѣлаться отъ не русскаго акцента. Бывало онъ чуть не плакалъ съ досады, когда, напримѣръ, ученикъ скажетъ: „помочу перо", и въ цѣломъ классѣ не найдется ни одного, кто бы могъ его поправить. Мнѣ сдается, что самая смерть Иноземцева—отъ разлитія желчи—была подготовлена скукой провинціальнаго прозябанія и возни съ поголовною добропорядочною бездарностью. Ю. Э. Янсонъ, заступившій его мѣсто, человѣкъ очень образованный и талантливый, но еще очень молодой, не догадался принять въ разсчетъ умственный уровень учениковъ, но скоро убѣдился, что классъ только хлопаетъ на него глазами—и тоже огорчился. Впрочемъ, это случалось съ каждымъ учителемъ, который пытался хоть чуточку приподнять уровень преподаванія. Мнѣ было очень скучно, я учился гораздо хуже чѣмъ въ Петербургѣ, и хотя окончилъ курсъ хорошо, но безъ медали.

Въ университетъ я поступилъ въ сентябрѣ 1859 года. Въ то время историко-филологическій факультетъ въ Кіевѣ считался блистательнымъ. Его украшали В. Я. Шульгинъ, П. В. Павловъ, Н. Х. Бунге; число студентовъ на немъ было очень значительно, благодаря главнымъ образомъ тому, что въ кіевскомъ университетѣ вообще было много поляковъ, сыновей мѣстныхъ помѣщиковъ, а польское дворянство всегда отличалось склонностью къ словеснымъ наукамъ.

Я не намѣренъ останавливаться на своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, у всякаго очень свѣжихъ и памятныхъ за эту пору первой зрѣлости, первыхъ серьезныхъ думъ, первыхъ заботъ и наслажденій. Я хочу только набросать силуэты профессоровъ и отмѣтить особенныя черты, отличавшія университетскую жизнь въ знаменательное для края и для всего русскаго общества время 1859—1863 годовъ.

Начну съ печальнаго сознанія, что печать провинціальности лежала на университетѣ въ той же мѣрѣ какъ и на гимназіи. Она выражалась и въ отсутствіи людей съ широкими взглядами, и въ слабой связи большинства профессоровъ съ литературными и обществен-

ными интересами, занимавшими Петербургъ, и въ подавляющемъ преобладаніи „обывательскихъ ординарностей“, и во множествѣ мелочей—въ запоздаломъ появленіи какой нибудь книги, въ разнузданности сплетни, принимавшей тотчасъ самый уѣздный характеръ, въ старомодномъ слогѣ и въ невѣроятномъ акцентѣ большинства профессоровъ. Историко-филологическій факультетъ былъ значительно лучше юридическаго и математическаго, но я думаю что и на этомъ факультетѣ только двое могли назваться дѣйствительно талантливыми тружениками науки—В. Я. Шульгинъ и Н. Х. Бунге.

Виталій Яковлевичъ Шульгинъ считался свѣтиломъ университета. И въ самомъ дѣлѣ, такія даровитыя личности встрѣчаются не часто; по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ онъ былъ головою выше не только университетскаго, но и всего образованнаго городского общества, и едва ли не одинъ обладалъ широкими взглядами, стоявшими надъ чертой провинціальнаго міросозерцанія. Самая наружность его была очень оригинальная; съ горбами спереди и сзади, съ лицомъ столько же некрасивымъ по чертамъ, сколько привлекательнымъ по умному и язвительному выраженію, онъ производилъ сразу очень сильное впечатлѣніе. Я думаю, что физическая уродливость имѣла вліяніе на образованіе его ума и характера, рано обративъ его мысли въ серьезную сторону и сообщивъ его натурѣ чрезвычайную нервную и сердечную впечатлительность, а его уму—наклонность къ сарказму, къ желчи, подчасъ очень ядовитой и для него самого, и для тѣхъ на кого обращалось его раздраженіе. Послѣднее обстоятельство было причиной, что и въ университетскомъ муравейникѣ, и въ городскомъ обществѣ, у Шульгина было не мало враговъ; но можно сказать съ увѣренностью, что все болѣе порядочное, болѣе умное и честное, неизмѣнно стояло на его сторонѣ. Надо замѣтить притомъ, что при своей наклонности къ сарказму, при своемъ большею частью язвительномъ разговорѣ, Шульгинъ обладалъ очень горячимъ, любящимъ сердцемъ, способнымъ къ глубокой привязанности, и вообще былъ человѣкъ очень добрый, всегда готовый на помощь и услугу.

Какъ профессоръ, Шульгинъ обладалъ огромными дарованіями. Не рѣшаюсь сказать, чтобъ онъ былъ глубокій ученый въ тѣсномъ смыслѣ слова, но никто лучше его не могъ справиться съ громадною литературой предмета, никто лучше его не умѣлъ руководить молодыми людьми, приступающими къ спеціальнымъ занятіямъ по всеобщей исторіи. Критическія способности его изумляли меня. Въ мою бытность студентомъ, онъ читалъ, между прочимъ, библіографію древней исторіи. Эти лекціи могли назваться въ полномъ смыслѣ образцовыми. Съ необычайною краткостью и ясностью, съ удивительной, чисто-художественной силою опредѣленій и характеристикъ, онъ знакомилъ слушателей со всей литературой предмета, давая однимъ руководящую нить для ихъ занятій, другимъ восполняя недостатокъ ихъ собственной начитанности. Притомъ онъ въ замѣчательной мѣрѣ

обладалъ даромъ слова. Его рѣчь, серьозная, сильная, изящная, не лишенная художественныхъ оттѣнковъ, лилась съ замѣчательною легкостью, и ни въ одной аудиторіи я никогда не видѣлъ такого напряженнаго всеобщаго вниманія. Но въ особенности даръ слова Шульгина обнаружился на его публичныхъ чтеніяхъ по исторіи французской революціи. Возможность раздвинуть рамки предмета и высокій интересъ самаго предмета, при отсутствіи тѣхъ условій, которыя неизбѣжно вносятъ въ университетское преподаваніе нѣкоторую академическую сухость—все это позволило талантливому профессору довести свои чтенія, по содержанію и по формѣ, до такого блеска, что даже пестрая, на половину дамская, аудиторія не могла не испытывать артистическаго наслажденія.

Мои личныя отношенія къ покойному Виталію Яковлевичу были настолько близки и продолжительны, что я имѣлъ случай видѣть и оцѣнить его и какъ профессора, и какъ редактора „Кіевлянина", и какъ члена общества, и какъ человѣка въ его домашней обстановкѣ. Вездѣ онъ обнаруживалъ тотъ же серьозный и вмѣстѣ блестящій умъ, тотъ же живой интересъ ко всему честному, человѣчному, то же открытое, горячо-бьющееся сердце, ту же неутомляющуюся потребность дѣятельности. Роль его какъ публициста, создавшаго первый въ Россіи серьозный провинціальный органъ, сразу поставленный на высоту отвѣчающую затруднительнымъ политическимъ обстоятельствамъ края—достаточно извѣстна; но она уже выходитъ изъ предѣловъ моихъ „школьныхъ лѣтъ", и я можетъ быть коснусь ея въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ. Теперь, возвращаясь къ университетской дѣятельности Шульгина, я долженъ прибавить, что его преподаваніе отличалось одною весьма важною особенностью: онъ считалъ своею обязанностью помогать занятіямъ студентовъ не однимъ только чтеніемъ лекцій, но и непосредственнымъ руководствомъ тѣхъ изъ нихъ, которые избирали всеобщую исторію предметомъ своей спеціальности. У него у перваго явилась мысль устроить нѣчто въ родѣ семинарія, на подобіе существующихъ въ нѣмецкихъ университетахъ и въ парижской Ecole Normale; эту мысль раздѣлялъ также Н. Х. Бунге, которому и привелось осуществить ее на дѣлѣ; Шульгинъ же, къ величайшей потерѣ для университета, въ 1861 году вышелъ въ отставку. Тѣмъ не менѣе у себя дома, въ ограниченныхъ, конечно, размѣрахъ, онъ былъ настоящимъ руководителемъ историческаго семинарія, и его бесѣды, его совѣты, его всегдашняя готовность снабдить всякаго желающаго книгой изъ своей прекрасной библіотеки—безъ сомнѣнія памятны всѣмъ моимъ товарищамъ. Виталій Яковлевичъ считалъ какъ бы своимъ нравственнымъ и служебнымъ долгомъ создать себѣ преемника изъ среды собственныхъ слушателей, и, дѣйствительно, покидая университетъ, имѣлъ возможность представить совѣту двухъ студентовъ, посвятившихъ себя спеціальнымъ занятіямъ по всеобщей исторіи.

Причины, побудившія Виталія Яковлевича рано оставить университетъ, заключались отчасти въ тяжелыхъ семейныхъ утратахъ, разстроившихъ его до-нельзя впечатлительную и привязчивую натуру, отчасти въ непріятностяхъ, сопровождавшихъ его профессорскую дѣятельность. Привлекая къ себѣ всѣхъ болѣе даровитыхъ членовъ университетской корпораціи, Шульгинъ не пользовался расположеніемъ другихъ сотоварищей, и не умѣлъ относиться къ этому обстоятельству съ достаточнымъ равнодушіемъ. Ему хотѣлось отдохнуть.

Спустя два года, громадный успѣхъ предпринятыхъ имъ публичныхъ чтеній о французской революціи заставилъ членовъ университетскаго совѣта догадаться, что если причиною выхода Шульгина и было разстроенное состояніе здоровья, то причина эта во всякомъ случаѣ уже устранена. Потеря, понесенная университетомъ съ отставкою даровитѣйшаго изъ его профессоровъ, была такъ чувствительна, надежды на замѣну было такъ мало, что между бывшими сослуживцами Виталія Яковлевича началось движеніе, дѣлавшее имъ во всякомъ случаѣ большую честь. Стали думать, какимъ образомъ вернуть университету того, кто былъ душою и свѣтиломъ его. Затрудненій, разумѣется, встрѣтилось много. Тогда уже дѣйствовалъ новый уставъ, требовавшій отъ профессора степени доктора. Шульгинъ не имѣлъ этой степени, и слѣдовательно могъ быть опредѣленъ только доцентомъ, съ ничтожнымъ жалованьемъ. На такія условія онъ не соглашался. Тогда ухватились за параграфъ устава, которымъ университету предоставлялось право возводить въ степень доктора лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами. Вопросъ баллотировали, получилось большинство, представили министру народнаго просвѣщенія объ утвержденіи Шульгина въ докторскомъ званіи и о назначеніи его ординарнымъ профессоромъ. Министръ (г. Головинъ) прислалъ Виталію Яковлевичу докторскій дипломъ, при очень любезномъ письмѣ. Но къ сожалѣнію, во всю эту, надѣлавшую въ свое время много шуму, исторію, вошли обстоятельства, побудившія Шульгина отказаться и отъ диплома, и отъ назначенія.

Какъ разъ въ это время разыгралось польское возстаніе. Событія расшевелили мѣстную администрацію, отъ нея потребовали болѣе живой, осмысленной дѣятельности. Въ перспективѣ имѣлись организаторскія мѣры, долженствовавшія совершенно пересоздать мѣстную жизнь; почувствовалась вмѣстѣ съ тѣмъ потребность въ политическомъ органѣ, который служилъ бы дѣлу пересозданія, явился бы истолкователемъ новой правительственной программы, будилъ бы русскіе элементы въ краѣ. Такъ возникъ „Кіевлянинъ". Виталій Яковлевичъ первый откликнулся новому движенію, горячо принялъ программу обновленія мѣстной жизни, и распростившись окончательно съ идей вновь вступить въ университетъ, отдался всей душой, со всею свойственной ему неутомимостью, дѣятельности провинціальнаго публициста.

Каѳедру всеобщей исторіи раздѣлялъ съ Шульгинымъ профессоръ Алексѣй Ивановичъ Ставровскій. Это былъ совершенный антиподъ Виталія Яковлевича, и какъ слѣдуетъ антиподу, очень его недолюбливалъ. Семинаристъ и потомъ воспитанникъ бывшаго главнаго педагогическаго института, онъ получилъ степень магистра всеобщей исторіи за диссертацію подъ заглавіемъ: „О значеніи среднихъ вѣковъ въ разсужденіи къ новѣйшему времени". Говорятъ, покойный Грановскій, когда хотѣлъ потѣшить своихъ друзей, извлекалъ изъ особаго ящика эту удивительнѣйшую книжицу и прочитывалъ изъ нея избранныя мѣста. Въ университетской библіотекѣ мнѣ удалось видѣть экземпляръ этого творенія; помню, что въ немъ между прочимъ говорилось что-то такое о происхожденіи портупей и темляковъ... Во все мое студенчество я не болѣе трехъ разъ посѣтилъ лекціи Ставровскаго и очень затрудняюсьо предѣлить, какъ и что онъ читалъ; товарищи разсказывали о нихъ, какъ о винигретѣ какихъ-то выдохшихся анекдотовъ, собранныхъ въ книгахъ прошлаго столѣтія. Но я знаю, что недовольствуясь курсомъ всеобщей исторіи, Ставровскій читалъ намъ еще науку, по собственнымъ его словамъ имъ самимъ изобрѣтенную, именно „теорію исторіи". Подъ такимъ заглавіемъ она красовалась и въ печатномъ росписаніи факультетскихъ чтеній. Я былъ на первой лекціи этой scienza nuova; профессоръ совершенно ошеломилъ меня живописностью метафоръ—то онъ сравнивалъ исторію съ голой женщиной подъ прозрачною дымкой, сквозь которую, т. е. дымку, проникаетъ пытливый взоръ историка, то строилъ какую-то необычайно сложную машину, на подобіе шарманки, объясняя пораженнымъ слушателямъ, что валъ означаетъ человѣчество, зубцы, за которые онъ задѣваетъ—событія, а рукоятка, которая его вращаетъ — ужь не помню что, чуть ли не самого профессора. Отъ дальнѣйшаго слушанія „теоріи исторіи" я уклонился. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что слушателями Ставровскаго могли быть лишь люди не только не дорожащіе временемъ, но и обладающіе крѣпкими нервами. Послѣднее условіе требовалось въ виду того, что во всѣхъ иностранныхъ словахъ и именахъ профессоръ произносилъ *е* какъ русское *ѣ*, и выговаривалъ Мѣнтѣнонъ, рѣнѣсансъ, и пр. Въ большомъ количествѣ это выходило нестерпимо, и студенты увѣряли меня, что однажды генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ, присутствуя на университетскомъ актѣ и слушая, какъ Ставровскій перечислялъ въ своей рѣчи заглавія французскихъ книгъ, почувствовалъ себя настолько дурно, что въ слѣдующіе годы, получая приглашеніе на актъ, всегда спрашивалъ ректора: „а не будетъ ли профессоръ Ставровскій произносить французскія слова?"

Рѣшительно не могу припомнить, какъ мы держали экзаменъ изъ „теоріи исторіи". Сдается мнѣ, что факультетъ вовсе уволилъ насъ отъ этой непосильной задачи. Зато очень хорошо помню, что оставшись по выходѣ Шульгина единственнымъ представителемъ всеобщей,

а по выходѣ П. В. Павлова, также и русской исторіи въ университетѣ, Ставровскій задавалъ для семестральныхъ сочиненій очень удивительныя тэмы. Къ сожалѣнію, не могу привести ихъ здѣсь въ точности, но знаю, что когда я разъ въ шутку сказалъ товарищамъ, будто Ставровскій задалъ сочиненіе: „о пользѣ Европы" — никто не подумалъ, что я говорю въ шутку.

Такъ какъ я былъ рекомендованъ совѣту Шульгинымъ, то нерасположеніе Ставровскаго къ послѣднему перенеслось и на меня, и я очень хорошо понималъ, что на окончательныхъ экзаменахъ онъ не будетъ ко мнѣ снисходителенъ. Можетъ быть имъ руководило и другое соображеніе, чисто практическаго свойства: онъ дослуживалъ срокъ и долженъ былъ баллотироваться на добавочное пятилѣтіе. Если бы къ тому времени явился кандидатъ на каѳедру всеобщей исторіи, шансы быть избраннымъ для него очень сократились бы; и напротивъ, при торжественномъ провалѣ рекомендованнаго кандидата, факультетъ принужденъ былъ бы хлопотать объ оставленіи Ставровскаго на каѳедрѣ. По этимъ причинамъ я не сомнѣвался, что мои экзамены по всеобщей и русской исторіи превратятся въ нѣкое состязаніе. Къ счастью, противникъ мой оказался изъ не очень сильныхъ. Древнюю исторію я сдалъ еще при Шульгинѣ; изъ новой мнѣ попался билетъ о Людовикѣ святомъ. Разсказываю я чуть не съ полчаса—Ставровскій, не глядя на меня, только потираетъ переносицу. „Ну, а чтожъ вы самаго главнаго не разсказали до сихъ поръ?" вдругъ перебиваетъ онъ меня. Признаюсь, я сталъ втупикъ: кажется все ужъ сдалъ по порядку, и вдругъ отъ меня требуютъ самаго главнаго!—„А исторію Тристана забыли?" съ торжествующимъ видомъ разрѣшилъ мое недоумѣніе Ставровскій. Я только переглянулся съ Н. Х. Бунге, находившимся ассистентомъ на экзаменѣ, и по язвительной улыбкѣ на его лицѣ понялъ, что мнѣ поставятъ кандидатскій балъ. Очевидно Тристанъ далъ холостой выстрѣлъ.

Съ русской исторіей дѣло вышло круче. Я не былъ ни на одной лекціи по этому предмету и рѣшительно не зналъ, что изъ него дѣлалъ Ставровскій. Товарищи говорили, что онъ сильно напираетъ на археологію, что онъ самъ производилъ какія то раскопки подъ Кіевомъ и даже поднесъ однажды бывшему генералъ-губернатору Бибикову какой-то котелокъ съ древностями, сохранявшійся съ тѣхъ поръ въ университетскомъ музеѣ и называемый студентами „Бибиковскимъ горшкомъ." Все это мало меня успокоивало, тѣмъ болѣе что русской исторіей я занимался гораздо меньше чѣмъ всеобщей, и ужъ въ археологіи вовсе не былъ силенъ. А на экзаменѣ, точно на смѣхъ, попадается мнѣ билетъ: „культурное состояніе Руси въ удѣльномъ періодѣ". Ставровскій какъ увидалъ, такъ и повеселѣлъ... Ну, пришлось и о Бибиковскомъ горшкѣ поговорить... Ассистентомъ, на бѣду, былъ профессоръ русской словесности Селинъ, на благоволеніе котораго я никакъ не могъ разсчитывать. Поставили

они мнѣ вдвоемъ 3 (высшій, кандидатскій балъ былъ 4). Помощью такой отмѣтки изъ главнаго предмета со мной было бы совсѣмъ покончено, потому что не получившій кандидатской степени разумѣется не могъ бы выступить претендентомъ на каѳедру—но факультетъ взглянулъ на дѣло иначе, и пригласилъ Ставровскаго переправить отмѣтку.

Тѣмъ, однако, еще не кончились мои состязанія съ Ставровскимъ. Въ виду только что утвержденнаго новаго устава, я предположилъ тотчасъ по окончаніи курса искать приватъ-доцентуры. Надо было подать pro venia legendi. Шульгинъ, продолжавшій изъ своего уединенія интересоваться университетскими дѣлами, посовѣтовалъ мнѣ, не затѣвая ничего новаго, представить просто кандидатское сочиненіе, благо оно было напечатано. Я послушался, хоть работа эта казалась мнѣ мало достойною. Она представляла, во всякомъ случаѣ, двоякую выгоду—была готова, и притомъ относилась къ эпохѣ, которою я наиболѣе занимался, слѣдовательно защита на диспутѣ представлялась мнѣ дѣломъ обезпеченнымъ. Ставровскій, назначенный въ числѣ оппонентовъ, тѣмъ не менѣе заранѣе торжествовалъ, разсказывалъ что у него приготовлено болѣе ста возраженій, что онъ истребитъ меня съ корнемъ. Въ результатѣ вышелъ такой скандалъ, какого вѣроятно еще никогда не было ни на одномъ диспутѣ. Чуть не весь городъ собрался въ университетскую залу. Ставровскій началъ напоминаніемъ, что университетъ носитъ имя „императорскаго", и что поэтому защищаемыя въ немъ диссертаціи обязаны быть безукоризнены. Неожиданное предисловіе это сразу озадачило публику... Затѣмъ почтенный оппонентъ мой развернулъ тетрадь съ обѣщанными въ числѣ болѣе 100 возраженіями. Но, Боже мой, что это были за возраженія! Напримѣръ, прочитываетъ онъ изъ цитируемой мною книги нѣмецкую фразу и доказываетъ что я ее совсѣмъ не такъ перевелъ. Дѣйствительно, между нѣмецкой фразой и моей нѣтъ ничего общаго. Всѣ недоумѣваютъ, я самъ ничего не понимаю... Попечитель, покойный сенаторъ Витте, предполагаетъ что у насъ были разныя изданія нѣмецкой книги; беретъ ее у Ставровскаго, беретъ у меня—оказывается совершенно одно и то же. Тогда я прочитываю по-нѣмецки ту фразу на которую ссылаюсь—переводъ выходитъ совершенно вѣренъ. Вся штука въ томъ, что Ставровскій взялъ на указанной мною страницѣ нѣмецкаго автора первую попавшуюся ему фразу, и вообразилъ, что это именно та фраза, которую я цитирую въ русскомъ переводѣ. По залѣ пробѣгаетъ сдержанный хохотъ, Ставровскій быстро переворачиваетъ листокъ и читаетъ дальше. Праздничное настроеніе публики все ростетъ, диспутъ принимаетъ характеръ совершенно несвойственный академическому торжеству. Наконецъ Ставровскій догадывается, что надо бросить свою тетрадку, и уступаетъ очередь второму оппоненту.

А въ концѣ концовъ, болѣе чѣмъ благополучный исходъ диспута

ни къ чему не привелъ. Я читалъ лекціи всего одинъ семестръ. По новому уставу, политическая экономія отнесена была къ курсу юридическихъ наукъ, и такимъ образомъ Н. Х. Бунге выбылъ изъ нашего факультета. Съ этой перемѣной факультетъ можно сказать разсыпался, поступивъ въ полную власть Селина и Ставровскаго. Мнѣ за мои лекціи не назначили никакого вознагражденія, не признали ихъ обязательными для студентовъ и отвели для нихъ такой часъ, когда всѣ стремятся обѣдать. Со всѣми этими условіями я помирился бы, потому что аудиторія моя все-таки была полна, но вопросъ для меня заключался въ томъ—какимъ же образомъ я буду держать магистерскій экзаменъ при такомъ составѣ факультета? Очевидно судьба моя совершенно была въ рукахъ Ставровскаго. Ѣхать въ другой университетскій городъ мнѣ не хотѣлось, да и ученая служба, при ближайшемъ знакомствѣ съ мѣстнымъ профессорскимъ персоналомъ, перестала мнѣ нравиться—и я принялъ приглашеніе генералъ-губернатора Анненкова раздѣлить съ Шульгинымъ труды по редакціи „Кіевлянина“.

Съ этими воспоминаніями я однако зашелъ слишкомъ впередъ. Мнѣ надо снова возвратиться къ первымъ годамъ моего студенчества, чтобъ сказать о третьемъ профессорѣ-историкѣ, П. В. Павловѣ.

Имя Платона Васильевича въ началѣ 60-хъ годовъ, т. е. съ переѣздомъ его въ Петербургъ, сдѣлалось очень извѣстно. Но въ Кіевѣ, и въ особенности между студентами, онъ еще раньше пользовался громадною популярностью. Его любили, ему поклонялись, его именемъ клялись. Онъ соединялъ въ себѣ репутацію основательнаго ученаго съ ореоломъ носителя такъ называемыхъ „лучшихъ идей“, призваннаго руководить молодымъ поколѣніемъ въ его стремленіи къ общественному и нравственному идеалу. Въ то время, т. е. въ 1859 году, когда я поступилъ въ университетъ, роль эта была довольно новая. Мои товарищи были, такъ сказать, полны Павловымъ. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я увидѣть и услышать его. Громадная, едва ли не самая большая во всемъ университетѣ, аудиторія была биткомъ набита. Сошлись разумѣется не одни только филологи и юристы, для которыхъ читалась русская исторія—сошлись студенты всѣхъ факультетовъ и всѣхъ курсовъ, поляки, хохлы, жиды—въ особенности жиды. Позади каѳедры, у стѣны, въ проходѣ, густо тѣснились студенты и постороннія лица, устроившіяся кое-какъ на натасканныхъ отовсюду скамейкахъ. Сторожъ Данилка, маленькій, плутоватенькій солдатенокъ, весь сіялъ, точно это былъ его собственный праздникъ. Наконецъ профессоръ появился. Это былъ средняго роста человѣкъ, очень симпатичной, даже красивой наружности, съ застѣнчивымъ румянцемъ на лицѣ и прекрасными блистающими глазами. Робко пробираясь въ толпѣ, взошелъ онъ на каѳедру, и лекція началась. Съ этой самой минуты возбужденное состояніе, въ которомъ я находился, сразу упало. Я былъ непріятно разочарованъ.

Профессоръ, во-первыхъ, былъ совершенно лишенъ дара слова. Рѣчь его туго тянулась, останавливаясь по-долгу послѣ каждаго знака препинанія, точно онъ диктовалъ плохо пишущему классу. Очевидно, содержаніе лекціи было усвоено профессоромъ лишь въ главныхъ чертахъ, и онъ уже на каѳедрѣ, съ большимъ трудомъ, искалъ выраженія своей мысли. Во-вторыхъ, самая мысль профессора производила очень смутное впечатлѣніе. Передъ нами происходили какія то потуги, исканіе чего то еще не уяснившагося самому профессору, блужданіе въ какой то новой мѣстности, съ отступленіями, съ возвращеніями назадъ. Никакого отношенія къ русской исторіи лекція не имѣла. Она составляла введеніе къ такъ-называемой „физіологіи общества". Это была попытка систематизировать въ научномъ духѣ разрозненныя положенія позитивизма, клочки изъ антропологіи, отголоски еще не опредѣлившагося ученія о связи исторіи съ естествознаніемъ. Мнѣ показалось, что профессоръ куда то сбился, гдѣ то завязъ... Тѣмъ не менѣе я аккуратно посѣщалъ его лекціи въ теченіи всего семестра—и съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что первоначальное впечатлѣніе мое не измѣнилось. Я ни разу не услышалъ ни одного слова, относящагося къ предмету курса. Продолжалась все та же „физіологія общества" въ перемежку съ антропологіей и археологіей, все то же тягучее вымучиваніе недающихся фразъ. Притомъ профессоръ ужасно конфузился, или волновался, въ глазахъ его часто стояли слезы.

Существенная разница между впечатлѣніемъ, производимымъ Платономъ Васильевичемъ, и его установившейся гораздо раньше репутаціей, долго приводила меня въ недоумѣніе. Впослѣдствіи, она для меня объяснилась. Почтенный профессоръ принадлежалъ къ категоріи крайне и мучительно увлекающихся людей. Онъ передъ тѣмъ только что совершилъ продолжительную поѣздку за-границу, и эта поѣздка отчасти сбила его съ толку. Онъ пристрастился къ археологіи и исторіи искусства, волновался итальянскими и готическими памятниками, всѣмъ тѣмъ, что ему открыли европейскіе музеи. Вкусъ къ этой новой области настолько овладѣлъ имъ, что совершенно оттѣснилъ прежніе интересы. Притомъ, умъ П. В. Павлова былъ изъ тѣхъ, которые не удовлетворяются спеціальнымъ знаніемъ, которые вѣчно тревожатся потребностью вмѣстить въ себѣ „все человѣческое". Отсюда постоянное блужданіе въ общемъ и безграничномъ, чрезмѣрная отзывчивость на вопросы жизни, безпокойная жажда большой и еще не опредѣлившейся роли. Натура высоко-симпатичная и глубоко несчастная, какъ мнѣ казалось...

Я однако остался при томъ убѣжденіи, что несмотря на свои обширныя познанія и несомнѣнную даровитость, Платонъ Васильевичъ былъ обязанъ своей громадной популярностью въ университетѣ не своимъ заслугамъ, какъ ученаго и профессора, а своей роли носителя „лучшихъ идей" и руководителя молодежи. Къ сожалѣнію, лично я

не наблюдалъ его въ этой роли—онъ при мнѣ оставался въ университетѣ лишь три-четыре мѣсяца—но я видѣлъ на своихъ старшихъ товарищахъ, что вліяніе его на нихъ было громадное. Въ этомъ смыслѣ онъ имѣлъ то же значеніе, какъ Грановскій въ Москвѣ, какъ Бѣлинскій въ литературныхъ кружкахъ. Онъ былъ носителемъ общихъ гуманныхъ и прогресивныхъ идей, наслѣдованныхъ отъ нихъ обоихъ. Къ сожалѣнію, время и условія, среди которыхъ пришлось дѣйствовать Платону Васильевичу, были совсѣмъ иныя. На кіевской почвѣ эти общія идеи сталкивались съ частными вопросами—польскимъ, украйнофильскимъ и крестьянскимъ. Въ 1859 году еще не видно было, въ какой формѣ произойдетъ столкновеніе, но уже чувствовалась трудность пребыванія въ сферѣ общихъ идей. Мнѣ, какъ человѣку пришлому въ краѣ, это было довольно замѣтно, и можетъ быть именно по этой-то причинѣ мнѣ постоянно казалось, что Платонъ Васильевичъ не имѣетъ подъ ногами почвы.

Въ началѣ 1860 года уважаемый профессоръ покинулъ университетъ и переѣхалъ въ Петербургъ, куда давно уже стремился. Студенты точно осиротѣли... Рѣдкія письма, получавшіяся отъ Платона Васильевича, прочитывались кажется каждымъ образованнымъ человѣкомъ въ городѣ... Потомъ дошли слухи, что онъ принужденъ покинуть Петербургъ, что въ его судьбѣ произошла печальная перемѣна. Горе знавшихъ его было неподдѣльное, искреннее... Въ настоящее время П. В. Павловъ снова возвращенъ кіевскому университету, гдѣ занимаетъ кафедру исторіи искусства. Я не сомнѣваюсь, что новое поколѣніе студентовъ относится къ нему съ тѣмъ же уваженіемъ, съ тѣми же горячими симпатіями, съ какими относились мы.

Рядомъ съ почтенными именами Шульгина и П. В. Павлова должно занять свое законное мѣсто не менѣе почтенное имя Н. Х. Бунге. Дѣятельный, серьозный, нѣсколько сухой по натурѣ, нѣсколько отзывавшійся нѣмцемъ, онъ никогда не пользовался слишкомъ горячими симпатіями студентовъ, но конечно между нами не было ни одного, который отказалъ бы ему въ безусловномъ уваженіи. И какъ профессоръ, и какъ ректоръ, Николай Христіановичъ былъ неизмѣннымъ представителемъ законности, справедливости, долга, серьознаго отношенія ко всякому серьозному дѣлу. При всемъ томъ, онъ былъ очень живой человѣкъ, безъ всякой примѣси педантизма и нѣмецкой ограниченности, отзывчивый на всѣ общественные и культурные интересы. Но главное—это былъ очень надежный человѣкъ, и знающіе его были увѣрены, что всякое дѣло, зачинающееся при его участіи, непремѣнно будетъ поставлено и сдѣлано хорошо, т. е. умно, дѣльно, справедливо и гуманно, съ нѣмецкою серьозностью и безъ русской страстности и распущенности. На экзаменѣ, гдѣ онъ былъ

ассистентомъ, достойный студентъ никогда не могъ срѣзаться; въ коммиссіи, гдѣ онъ былъ членомъ, необдуманное или пристрастное мнѣніе никогда не могло восторжествовать. Однимъ словомъ, натура Николая Христіановича стояла какъ бы посрединѣ между русскою и нѣмецкою, заимствуя лучшее у той и другой. Такіе люди рѣдки и — необыкновенно полезны.

Какъ профессоръ, Николай Христіановичъ очень заботился о томъ, чтобъ заставить студентовъ заниматься какъ слѣдуетъ. Его считали требовательнымъ, его экзаменъ на многихъ наводилъ страхъ. Дѣйствительно, плохой студентъ не могъ разсчитывать получить у него кандидатскій баллъ. Но за то, если студентъ занимался серьозно какимъ нибудь другимъ предметомъ, то могъ быть увѣренъ, что Николай Христіановичъ не только не срѣжетъ его самъ, но еще поддержитъ его передъ факультетомъ. Не довольствуясь чтеніемъ лекцій, отличавшихся всегда содержательностью и мастерскимъ изложеніемъ, Н. Х. Бунге заставлялъ студентовъ дѣлать извлеченія изъ рекомендованныхъ имъ авторовъ, и самый экзаменъ его заключался не столько въ отвѣтѣ на вопросъ по программѣ, сколько въ отчетѣ о собственной работѣ экзаменующагося надъ литературою предмета.

Не безъ сожалѣнія я долженъ сказать, что этимъ исчерпываются мои воспоминанія о профессорахъ, составлявшихъ дѣйствительное украшеніе историко-филологическаго факультета. Провинціальное положеніе университета было причиною, что пополненіе убыли въ наличномъ составѣ преподавателей совершалось весьма туго. П. В. Павловъ выбылъ когда я былъ еще на первомъ семестрѣ, и затѣмъ до самаго окончанія курса и еще нѣсколько лѣтъ послѣ, каѳедра русской исторіи оставалась вакантною, не смотря на то, что именно въ Кіевѣ, въ виду исключительныхъ условій края и политическихъ событій 1861—63 годовъ, каѳедра эта имѣла большее значеніе, чѣмъ гдѣ либо. Шульгинъ тоже лѣтъ пять оставался незамѣщеннымъ, такъ что Ставровскій пребывалъ единственнымъ представителемъ исторической науки на факультетѣ, имѣющемъ спеціальное историческое отдѣленіе. Университетъ, т. е. совѣтъ, вступалъ, сколько мнѣ извѣстно, въ переговоры и съ Н. И. Костомаровымъ, и съ г. Иловайскимъ, и съ тѣмъ же Шульгинымъ, и еще съ кѣмъ-то, искалъ профессоровъ даже въ нѣдрахъ семинарій и духовныхъ академій, но все это ни къ чему не приводило. Разумѣется, кромѣ провинціальнаго положенія университета и незавиднаго состава факультета, дѣйствовали тутъ еще и другія причины, и главнымъ образомъ интриги въ самомъ совѣтѣ, гдѣ представителями факультетскихъ интересовъ являлись такіе „дѣятели науки“, какъ Ставровскій и А. И. Селинъ.

Послѣдній, съ переходомъ Н. Х. Бунге на юридическій факультетъ, вошелъ въ большую роль, былъ избранъ деканомъ. Дѣйствительно, никто лучше его не могъ представлять своей особой историко-филологическій факультетъ въ томъ жалкомъ состояніи, въ какомъ онъ

очутился съ 1863 года. Александръ Ивановичъ Селинъ преподавалъ исторію русской словесности. Онъ вышелъ изъ московскаго университета, откуда вмѣстѣ съ сомнительнымъ запасомъ учености вынесъ только благоговѣйное поклоненіе Шевыреву и нѣкоторые смутные отголоски славянофильства. Личность совершенно бездарная, онъ хотѣлъ блистать краснорѣчіемъ и стяжать популярность среди студентовъ. Краснобайство его дѣйствительно не знало мѣры. Онъ сидѣлъ совершеннымъ шутомъ на каѳедрѣ, кривлялся, скалилъ зубы, кидалъ нецензурные намеки псевдо-либеральнаго свойства, закатывалъ глаза—однимъ словомъ изображалъ актера, срывающаго рукоплесканія съ александринскихъ верховъ. По содержанію, лекціи его были до невѣроятности скудны и жалки. Въ древнемъ періодѣ онъ придерживался буквально Шевырева, и это еще было сносно — по крайней мѣрѣ студенты знали какъ готовиться къ экзамену. Но съ новой русской литературой онъ творилъ нѣчто невѣроятное. Вся фактическая часть отбрасывалась всторону, съ каѳедры лилась разнузданная болтовня о Малороссіи, о Польшѣ, о Мицкевичѣ, о Погодинѣ, декламировались стихи Хомякова, прочитывалась зачѣмъ-то „Небожественная комедія“ Красинскаго, переведенная бѣлыми стихами самимъ профессоромъ. Огромное значеніе, придаваемое Селинымъ этому мистическому созданію польскаго поэта, объяснялось впрочемъ желаніемъ привлечь въ свою аудиторію поляковъ, составлявшихъ большинство въ университетѣ. И дѣйствительно, студенты ломились въ огромную аудиторію Александра Ивановича, воображавшаго, что онъ устроиваетъ примиреніе съ поляками. Въ то время, т. е. передъ 1863 годомъ, поляки въ югозападномъ краѣ дѣйствительно много говорили о примиреніи, о союзѣ польской и русской (т. е. украйнофильской) молодежи. При общемъ настроеніи тогдашняго студенчества, при замѣтномъ развитіи украйнофильскихъ тенденцій, такой союзъ, хотя бы и временный, могъ бы повлечь для университета важныя и прискорбныя послѣдствія. Но предшествовавшая дѣятельность попечителя округа, Н. И. Пирогова, имѣла между прочимъ то значеніе, что студенты-малороссы поняли глубокое различіе между видами польской и украйнофильской партій, и держались чрезвычайно недовѣрчиво.

При всемъ своемъ шутовствѣ и бездарности, Селинъ все таки производилъ впечатлѣніе, какъ будто живого человѣка, искавшаго связи съ молодежью, жившаго въ сферѣ политическихъ и литературныхъ интересовъ. Въ устахъ его эти интересы скорѣе профанировались, чѣмъ освящались, но все таки студенты чувствовали, что этотъ человѣкъ чего то ищетъ, чѣмъ то хочетъ жить. О прочихъ профессорахъ и этого нельзя было сказать. Печать провинціальности, старомоднаго и тупаго гелертерства, а подчасъ и просто невѣжества, лежала на нихъ такимъ толстымъ слоемъ, что изъ подъ него невозможно было что нибудь выкопать. Адъюнктъ Селина, почтенный

Андрей Ивановичъ Линниченко, читавшій теорію поэзіи, былъ человѣкъ безконечно добрый и честный, съ хорошо направленными симпатіями, но кажется не особенно любившій свою спеціальность—по крайней мѣрѣ, мало старавшійся побороть равнодушіе, обнаруживаемое студентами къ его лекціямъ; его, если можно такъ выразиться, заѣдала собственная скромность. Философія въ мое время не читалась вовсе, психологію и логику мы слушали у профессора богословія; но существовалъ спеціалистъ по философіи, Сильвестръ Сильвестровичъ Гогоцкій, авторъ неоконченнаго и очень плохого „Философскаго лексикона", читавшій педагогику (послѣ, съ 1863 года, онъ читалъ исторію философіи, и не думаю чтобъ съ успѣхомъ). Я вспоминаю объ этомъ почтенномъ профессорѣ съ нѣкоторымъ даже чувствомъ умиленія, какъ о чемъ то забавно-слабомъ, добродѣтельномъ и невмѣняемомъ. Точно сейчасъ вижу высокую, худощавую фигуру, во фракѣ съ необычайно узкими рукавами и въ сѣренькомъ жилетѣ, съ выраженіемъ какой то благодушной ироніи на старческомъ лицѣ. Для меня не было никакого сомнѣнія, что дома Сильвестръ Сильвестровичъ носитъ колпакъ. Лекцій его я совсѣмъ не помню, вѣрнѣе сказать изъ всего курса помню только одну фразу: говоря о томъ, что личность самого воспитателя имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ воспитанія, почтенный профессоръ выразился между прочимъ такимъ образомъ: „педагогъ долженъ быть одѣтъ не съ роскошествомъ, но съ изяществомъ"—и при этомъ привсталъ на каѳедрѣ и съ благодушной улыбкой оглянулъ свой собственный узенькій фракъ (мнѣ почему то казалось, что въ такихъ фракахъ расчетливые наслѣдники должны класть въ гробъ опочившихъ родственниковъ), свой сѣренькій съ мелкимъ узорчикомъ жилетъ, и свой бисерный шнурокъ къ часамъ... Помню еще, что передъ экзаменомъ Сильвестра Сильвестровича я никакъ не могъ достать его записокъ, и пошелъ совсѣмъ безъ приготовленія. Мнѣ попался первый вопросъ: понятіе о педагогикѣ, какъ наукѣ, и раздѣленіе ея на части. Пришлось излагать свое собственное понятіе... Осиливъ кое-какъ этотъ пунктъ, я началъ импровизировать въ родѣ того, что такъ-какъ воспитаніе обнимаетъ стороны физическую, умственную и нравственную, то сообразно тому и педагогика дѣлится на три части... Тутъ почтеннѣйшій Сильвестръ Сильвестровичъ, слушавшій меня съ обычною благодушно-ироническою улыбкою, прервалъ замѣчаніемъ: „это вы все разсказываете по здравому смыслу, а вы бы разсказали по моимъ запискамъ". Я выразилъ сомнѣніе, можетъ ли существовать разногласіе между здравымъ смысломъ и записками ученаго профессора — и экзаменъ благополучно закончился.

Очень ученые люди были также профессора класической словесности, гг. Дёлленъ и Нейкирхъ. Обоихъ произвела дерптская почва. Дёллена я зналъ раньше, онъ былъ назначенъ Пироговымъ директоромъ первой гимназіи, и этотъ выборъ, какъ всѣ выборы Пирогова,

былъ вполнѣ удаченъ. Трудно представить себѣ болѣе добросовѣстнаго, гуманнаго, симпатичнаго педагога. Къ сожалѣнію, онъ оставался нѣмцемъ, и я это испытывалъ не только въ гимназіи, но и въ университетѣ. Оба дерптскіе питомца были отличные филологи, но въ такомъ узкомъ смыслѣ, до такой степени внѣ связи съ русскимъ образованіемъ, съ русской литературой, съ русской молодежью, что произошло очень странное явленіе: въ гимназіи, гдѣ учителя латинскаго языка конечно гораздо меньше знали, гдѣ мы сами конечно меньше сознавали научное значеніе древнихъ языковъ—мы присутствовали на урокахъ латинскаго учителя съ гораздо большимъ интересомъ, чѣмъ на лекціяхъ нѣмецкихъ филологовъ. Помню, что когда уважаемый И. Я. Ростовцевъ (учитель кіевской первой гимназіи) разсказывалъ намъ о жизни Саллюстія, или Ливія, объяснялъ историческое и литературное значеніе „Катилинской войны“ или комментаріевъ Цезаря, мы слушали его положительно съ наслажденіемъ, въ насъ загоралось желаніе ближе войти въ этотъ любопытный міръ, полный такихъ яркихъ красокъ; а когда Дёлленъ или Нейкирхъ излагали курсъ литературы, или древностей, стараясь говорить настолько медленно, чтобъ мы могли записать лекцію—весь интересъ къ предмету пропадалъ. И это происходило не потому, чтобъ насъ затрудняла латинская рѣчь профессоровъ—они умѣли говорить очень понятно,—а потому что въ ихъ устахъ древность явилась можетъ быть весьма близкою къ ихъ нѣмецкому фатерланду, но весьма далекою отъ какой бы то ни было, хотя бы лишь литературной, связи съ русской мыслью и жизнью.

Въ эпоху предшествовавшую возстанію, кіевскій университетъ былъ изъ самыхъ многолюдныхъ. Число студентовъ значительно переходило за тысячу, тогда какъ послѣ возстанія сразу сократилось до 400 съ чѣмъ то. Это даетъ понятіе, какъ велико было число поляковъ. Польскій языкъ преобладалъ. Не смотря на русское преподаванiе и русское управленіе, поляки держали себя въ положеніи господствующей національности и, надо прибавить, что такое положеніе опиралось не на одномъ только численномъ преобладаніи. Югозападный край въ то время былъ чисто польскій край. Польское дворянство, богатое, образованное, сплоченное въ солидарную массу, владѣло двумя третями поземельной собственности, дававшей отличный доходъ, и съ помощью крѣпостного права держало въ безусловной зависимости коренное русское населеніе. Здѣсь, на благодатной почвѣ Украйны, отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ издавна приняли чисто феодальный характеръ. Поляки были завоеватели, утвердившіе свое господство послѣ продолжительной кровавой борьбы. Отъ Хмельницкаго до гайдамачины, край былъ постоянно заливаемъ кровью, и

когда наконецъ русская національность, истощенная, истерзанная, извѣрившаяся, отказалась отъ дальнѣйшихъ безплодныхъ попытокъ освобожденія—польское шлехетство налегло на нее съ надругательствомъ, съ мстительнымъ чувствомъ врага, у котораго еще болятъ раны, нанесенныя поверженнымъ нынѣ во прахъ противникомъ. Разность не только племенная и сословная, но и вѣроисповѣдная, кровавые призраки крестьянскихъ и казацкихъ возстаній, необходимость пользоваться евреями, какъ посредствующей связью между шляхтой и народомъ—все это до такой степени обостряло отношенія между помѣщиками и крестьянами, что здѣсь крѣпостное право получило характеръ, какого оно не имѣло нигдѣ болѣе, не только на Руси, но и въ Западной Европѣ. Помѣщики были не только собственниками земли и хлоповъ, они были политической силой, стоявшей военнымъ лагеремъ въ завоеванной странѣ, дѣйствовавшей не только во имя своихъ частныхъ, экономическихъ интересовъ, но и во имя идеи польскаго господства. Понятно, что изъ сферы крѣпостного права эти воззрѣнія и отношенія переносились вообще на все русское населеніе края. На чиновниковъ, изъ которыхъ только и состоялъ русскій городской элементъ, поляки смотрѣли презрительно. Льстя мѣстнымъ административнымъ іерархамъ, они въ то же время считали себя людьми лучшаго общества, представителями аристократическаго начала, европеизма, культуры. Хуже всего при этомъ было то, что многія лица высшей мѣстной администраціи раздѣляли тотъ же взглядъ, и по аристократической тенденціи считали себя ближе къ польскому магнату, чѣмъ къ русскому офицеру, или чиновнику. Эти администраторы, хотя бы ихъ гербы не восходили далѣе минувшаго царствованія, старались всячески показать, что только обязанности службы заставляютъ ихъ дѣйствовать въ такъ называемыхъ „русскихъ видахъ“, но что ихъ личныя сочувствія, какъ людей „хорошаго общества“, принадлежатъ польской аристократіи. Съ особенною рѣшительностью высказывались въ этомъ смыслѣ административныя дамы, перенесшія съ собою на политическую почву югозападнаго края кисейныя идеи петербургскаго или московскаго бо-монда. Не трудно понять, какъ эти русскіе люди „хорошаго общества“ питали польскую заносчивость и брезгливое отношеніе поляковъ ко всему русскому.

Въ сороковыхъ годахъ, Кіевъ сдѣлался главнымъ центромъ украйнофильства. Это была еще очень молодая, неорганизованная сила, выступившая не столько въ отпоръ польской идеѣ, сколько во имя общихъ освободительныхъ началъ, общаго протеста противъ государственной централизаціи. Послѣднее значеніе опредѣлялось тѣмъ яснѣе, что русская власть относилась къ украйнофиламъ очень подозрительно и строго. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, обѣ идеи, польская и украйнофильская, стояли лицомъ другъ противъ друга, подъ общей опалой власти; послѣдняя считалась даже опальнѣе, потому

что была вполнѣ демократическая, и не имѣла за собою сочувствія дамъ хорошаго общества. Въ виду уже сильно обнаруживавшагося политическаго броженія, взаимное отношеніе обѣихъ партій получало существенную важность. Еслибъ украйнофилы дали увлечь себя полякамъ, возстаніе разыгралось бы въ несравненно большихъ размѣрахъ, могло бы имѣть болѣе серьозный, во всякомъ случаѣ болѣе кровавый исходъ. Первый, кто вполнѣ понялъ истинное положеніе дѣлъ въ краѣ, былъ человѣкъ посторонній, пріѣзжій, одинаково мало знавшій какъ поляковъ, такъ и хохломановъ — Николай Ивановичъ Пироговъ.

Я былъ еще въ гимназіи, когда его перевели изъ Одессы въ Кіевъ, попечителемъ учебнаго округа. Дать ходъ человѣку такой глубокой образованности, такихъ свѣжихъ и гуманныхъ взглядовъ, казалось очень серьозной мѣрой. Я думаю, что это была лишь полумѣра. Пироговъ до такой степени не походилъ ни на оффиціальныхъ педагоговъ, ни на іерарховъ учебной и иной администраціи, съ которыхъ крымская война сорвала маски, что его надо было или вовсе не трогать, или дать ему назначеніе въ Петербургѣ, гдѣ его дѣятельностью обозначился бы полный переломъ во взглядахъ на учебное дѣло, гдѣ онъ служилъ бы точкою исхода новаго движенія. Въ провинціи дѣятельность его получила очень ограниченное значеніе. Онъ отличался отъ другихъ попечителей, но именно потому что онъ дѣйствовалъ въ Одессѣ, или въ Кіевѣ, никто изъ этихъ другихъ попечителей не считалъ возможнымъ подражать ему. На него такъ и взглянули—какъ на нѣчто исключительное, и развѣ что любопытное, но не болѣе.

Появленіе Николая Ивановича въ Кіевѣ было сигналомъ борьбы новыхъ идей со старымъ режимомъ, поколебленнымъ, но еще не снесеннымъ крымскою войною. Съ дымящихся развалинъ Севастополя онъ несъ съ собою тотъ новый духъ, который такъ оживилъ русское общество въ концѣ 50-хъ годовъ—духъ реформы, гуманности, культурности. Мы въ немъ встрѣчали „новаго человѣка", глубоко-образованнаго, ненавидящаго рутину, преданнаго смыслу, а не формѣ, человѣка, который на своемъ важномъ постѣ не хотѣлъ быть сановникомъ, не хотѣлъ обращать вниманія на обязательный ритуалъ, хотѣлъ дѣлать только одно настоящее дѣло, дѣлать его по убѣжденію, отъ сердца, какъ у насъ дѣлаютъ только одни личныя дѣла. Помню, какъ всѣхъ поражала его простота обращенія, его неограниченная доступность, его совсѣмъ не оффиціальная манера держать себя съ генералъ-губернаторомъ, его привычка являться въ университетъ въ пальто съ заложенными въ рукава руками... Мы тотчасъ поняли, что въ Николаѣ Ивановичѣ надо искать человѣка, а не сановника, и какъ горячо полюбили его всѣ у кого въ мысли и въ сердцѣ жило нѣчто порядочное—это высказалось на его проводахъ, обратившихся въ высоко-знаменательное событіе для цѣлаго края...

Въ университетѣ время управленія Пирогова совпало съ началомъ студентскихъ волненій. Я считаю это большимъ благополучіемъ для университетской молодежи, т. е. русской молодежи, потому что Пироговъ, какъ уже упомянуто выше, сразу разгадалъ настоящую подкладку этихъ волненій и разъяснилъ мѣстному обществу политическое положеніе дѣла. Онъ, и притомъ только онъ одинъ, сразу понялъ, что русское государство имѣетъ врага лишь въ польской партіи, что украйнофильство не только не опасно ему, но при исключительныхъ условіяхъ мѣста и времени даже можетъ сослужить ему службу. И вотъ для всѣхъ способныхъ ясно понимать вещи, тотчасъ опредѣлилась система Пирогова: не давить украйнофильскую тенденцію, а взять ее въ руки, сдѣлать изъ нея опору русской идеи въ борьбѣ съ польскою, предупредить возможность союза обѣихъ партій, указать украйнофиламъ общую опасность. Въ этихъ видахъ Пироговъ не только допускалъ студентскія сходки, депутаціи, адресы и т. д., но онъ такъ сказать самъ вошелъ въ движеніе, чтобъ овладѣть имъ и направить въ противоположную отъ польской пропаганды сторону. Высшая мѣстная администрація не понимала плановъ Пирогова, какъ не понимала его манеры держать себя, его сознанія человѣка подъ мундиромъ четвертаго класса; начались неудовольствія, интриги, и величайшій изъ русскихъ педагоговъ былъ отозванъ отъ своей высокой миссіи, въ с[illegible]е трудное для края время. Но то, что уже было имъ сдѣлано, принесло плоды: союзъ украйнофиловъ съ поляками былъ предупрежденъ, и ни одинъ изъ русскихъ студентовъ кіевскаго университета не ушелъ въ возстаніе. Этимъ результатомъ край былъ обязанъ исключительно Пирогову.

Я былъ очевидцемъ, какъ съ отъѣздомъ Пирогова изъ Кіева оживилась польская пропаганда, и преобладаніе польскаго элемента въ университетѣ сдѣлалось замѣтнѣе чѣмъ прежде. Поляки, вообще очень проницательные въ политикѣ, давно разгадали въ Николаѣ Ивановичѣ самаго опаснаго своего противника; да и кромѣ того, присутствіе въ краѣ такого крупнаго русскаго человѣка, такого блестящаго представителя русской національности, было для нихъ очень стѣснительно. Я увѣренъ, что со временемъ обнаружится очень значительная роль польскаго вліянія въ обширной интригѣ, свергнувшей Пирогова.

Подъемъ польскаго элемента въ университетѣ съ 1861 года сталъ особенно замѣтенъ благодаря тому, что какъ разъ въ это время была отмѣнена студентская форма. Явились тотчасъ національные костюмы, подъ которыми отличать поляка отъ малоросса было гораздо легче, чѣмъ подъ форменными сюртуками. Видъ аудиторій и корридоровъ совершенно измѣнился. Прежде, между студентами, бросались въ глаза молодые люди достаточныхъ семействъ, одѣвавшіеся у лучшаго городского портного, умѣвшіе въ своей форменной одеждѣ обнаружить щегольство и претензіи на свѣтскость. Поляки, сыновья бога-

тыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, особенно старались отличаться аристократической внѣшностью и манерами. Съ отмѣною формы всѣ эти господа куда-то исчезли. Отчасти ихъ унесли быстро назрѣвавшія въ Варшавѣ событія, такъ какъ большинству изъ нихъ предстояло играть видную роль въ предстоявшей, по существу своему чисто аристократической революціи; отчасти, можетъ быть, они были запуганы преобладающей массой сѣрыхъ и рыжихъ свитокъ, чамарокъ, смазныхъ сапоговъ и лохматыхъ головъ, наполнившихъ аудиторіи вслѣдъ за отмѣной формы. Университетъ демократизировался какъ бы по мановенію волшебнаго жезла—и не по одному только внѣшнему виду. Въ польской партіи, державшейся до сихъ поръ неизмѣнно самыхъ непримиримыхъ шляхетскихъ тенденцій, обнаружилось замѣчательное явленіе: горсть молодежи, сблизившись съ украйнофилами, съумѣла отрѣшиться отъ этихъ тенденцій и выступила съ радикально-демократической программой, оскорбившей самымъ чувствительнымъ образомъ старую польскую партію. Во главѣ отщепенцевъ стоялъ студентъ Рыльскій, очень энергическая и интересная личность, одна изъ тѣхъ личностей, которыя какъ будто нарочно созданы для того, чтобъ вобрать въ себя что-то новое, еще незамѣтное для другихъ, и дать ему форму. Не знаю, какая судьба постигла впослѣдствіи этого замѣчательнаго человѣка—говорили, что онъ принялъ православіе и женился на простой казачкѣ,—но роль его въ кіевскомъ университетѣ въ 1861—63 гг. была очень вліятельная: онъ какъ бы продолжалъ дѣло, похищенное изъ рукъ Пирогова. Ненависть къ нему поляковъ была безпредѣльная; разсказывали, что его хотѣли убить. Энергія, съ какой онъ изобличалъ шляхетскую подкладку зачинавшагося движенія, безъ сомнѣнія не мало содѣйствовала тому, что съ 1861 года взаимныя отношенія поляковъ и русскихъ въ стѣнахъ университета приняли чрезвычайно острый характеръ. Дѣло доходило до угрозъ варѳоломеевской ночью, и я помню, что мы одно время принимали серьозныя мѣры предосторожности, собирались на ночь большими группами, и баррикадировали двери и окна... Въ аудиторіяхъ, въ сборной и читальной залахъ, поляки и русскіе держались, какъ два враждующіе лагеря; готовилась борьба за обладаніе университетомъ, противники косились другъ на друга, выжидая событій...

Съ конца 1862 года университетъ сталъ быстро пустѣть. Еще раньше, по-одиночкѣ, поляки начали куда-то исчезать; передъ зимними каникулами дезертирство усилилось, а послѣ новаго года большинство поляковъ не возвратилось. Рыльскій и украйнофилы, оставшись на покинутыхъ позиціяхъ, торжествовали.

Близь зданія университета находился большой, извѣстный всему городу манежъ ветерана старыхъ польскихъ войскъ, Ольшанскаго. Если не ошибаюсь, онъ преподавалъ верховую ѣзду казеннокоштнымъ студентамъ-медикамъ, готовившимся на должности военныхъ врачей.

Онъ былъ любимцемъ польской аристократической молодежи, сходившей съ ума отъ его старо-уланскихъ, длинныхъ бѣлыхъ усовъ и восторженныхъ разсказовъ о возстаніи 1830 года. Въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая, въ чудную весеннюю ночь, небольшія группы всадниковъ выѣхали однѣ за другими изъ воротъ манежа и направились мимо университета на житомирское шоссе. За Тріумфальными воротами всадники остановились, поджидая товарищей и строясь въ походную конную колонну. Это были запоздалыя жертвы польской идеи, юноши и мальчики, студенты и гимназисты, сформировавшіе единственную, цѣликомъ выступившую изъ Кіева конную банду.

Въ домѣ моего отца стояли на постоѣ драгуны. На разсвѣтѣ я услышалъ, что они сѣдлаютъ коней. Затѣмъ ихъ сѣрые силуэты, въ походной формѣ, тихо промелькнули мимо моихъ оконъ. Я одѣлся, вышелъ на улицу и узналъ, что ночью выступила изъ города банда, и что эскадронъ драгунъ и казачья сотня пущены вслѣдъ за ней. Я бѣгомъ вернулся домой, велѣлъ закладывать лошадей, и полчаса спустя догналъ нашъ отрядъ.

Въ 14 верстахъ отъ города, у д. Борщаговки, банда была настигнута. Казаки обскакали ее съ двухъ сторонъ, драгуны завязали перестрѣлку. Минутъ двадцать пули свистали, ломая пушистыя вѣтки ивъ; затѣмъ импровизированные польскіе кавалеристы стали поодиночкѣ прорываться сквозь казачью цѣпь. Крестьяне собрались со всѣхъ сторонъ ловить ихъ. Одинъ драгунъ и двое казаковъ были убиты; ихъ потомъ съ печальною торжественностью похоронили въ Кіевѣ.

Я въ эти дни сдавалъ свои послѣдніе университетскіе экзамены. Школьные года кончились...

В. Авсѣенко.

ВЗГЛЯДЪ НА РАЗВИТІЕ МОСКОВСКАГО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ [1].

ПО СМЕРТИ Симеона, умершаго прежде времени отъ моровой язвы, Москва опять встрѣтила соперничество, опять сперлись о великомъ княженіи наслѣдникъ Симеона, его братъ Иванъ Ивановичъ, и прежній искатель, суздальскій князь Константинъ Васильевичъ, за котораго теперь очень хлопотали новгородцы. Для этого они посылали въ Орду особаго посла, конечно съ добрымъ мѣшкомъ новгородскихъ рублей. Но царь ихъ не послушалъ и отдалъ великое княженіе московскому Ивану Ивановичу, кроткому, тихому, милостивому, какъ говорятъ о немъ лѣтописцы, слѣдовательно достаточно слабому, еслибъ случилась политическая борьба съ какимъ либо задорнымъ сопротивникомъ. Но борьбы не предвидѣлось, потому что и давній соперникъ Москвы, князь суздальскій, Константинъ Васильевичъ, на другой же годъ примирился съ княземъ Иваномъ, а затѣмъ вскорѣ скончался. Лѣтописецъ замѣчаетъ о немъ, что княживъ 15 лѣтъ онъ честно и грозно боронилъ свою отчину отъ сильныхъ князей (отъ Москвы) и отъ татаръ. Это вообще показываетъ, въ какихъ отношеніяхъ къ Москвѣ находились всѣ самостоятельные князья, и что означало ихъ подручничество великому князю Симеону.

Въ Твери уже нѣсколько лѣтъ горѣла сильная вражда и ненависть между дѣтьми Александра и его брата Константина. Никакъ не могли они подѣлить свои волости, нарушали договоры, и старались отнять другъ у друга старшій столъ княженія, городъ Тверь. Дѣло доходило до простыхъ грабежей, не говоря о насиліяхъ и притѣсненіяхъ другъ друга по случаю сбора даней. Тверскіе люди, испытывая на своихъ плечахъ всю тяжесть княжеской ссоры, то разбѣгались по сторонамъ въ другіе города, то снова собирались, когда наставалъ миръ и любовь между князьями. Тверской владыка Ѳедоръ употреблялъ всѣ

---

[1]) Окончаніе. См. стр. 233—269 и 489—523.

усилія помирить враждующихъ, но подъ конецъ отказался было и отъ владычества въ Твери и остановленъ былъ только митрополитомъ, который просилъ его терпѣть и ожидать лучшаго времени. Москва склонялась то на ту, то на другую сторону, но по родственнымъ связямъ съ колѣномъ князя Константина, конечно, держалась больше его стороны. Семейныя и родовыя распри тѣмъ особенно и отличались отъ обыкновенныхъ, что въ нихъ невозможно было найти прямого виноватаго: всѣ бывали правы, и всѣ бывали виноваты.

Само собою разумѣется, что ничто не помѣшаетъ подозрѣвать Москву въ возбужденіи тверскихъ смутъ, ибо они были ей на руку, и при томъ дѣти Александра и съ его княгиней едва ли могли забыть свое трагическое прошлое и несомнѣнно сохранили большую непріязнь противъ Москвы, тогда какъ дѣти Константина напротивъ должны были относиться къ ней дружелюбно. Но не доказаннымъ подозрѣніямъ не будетъ конца и при помощи ихъ Москва можетъ вырости такимъ всемогущимъ тонкимъ и хитрымъ злодѣемъ, какого никогда не создавала никакая исторія. Вѣдь можно подозрѣвать Москву и въ произведеніи великихъ смутъ, наставшихъ съ этого времени и въ самой Ордѣ. Какъ извѣстно, Ивана Даниловича Калиту утвердилъ на великомъ княженіи царь Узбекъ, который потомъ безъ разговора утвердилъ и его сына Симеона, но вскорѣ умеръ и царство послѣ злодѣйскаго избіенія братьевъ досталось его второму сыну, Джанибеку. При новомъ царѣ, Москва еще сильнѣе утвердилась въ своемъ могуществѣ, что испыталъ новый ея непріятель—литовскій Ольгердъ. Джанибекъ процарствовалъ 15 лѣтъ, утвердилъ въ Москвѣ на великое княженіе Ивана Ивановича, и въ наставшую смуту былъ убитъ своимъ сыномъ, заслуживъ у нашихъ лѣтописцевъ не только осужденіе за свое злодѣйство, но и добрую память. Они говорятъ, что онъ „зело былъ добръ къ христіанству и многую льготу сотворилъ русской землѣ“. Неизвѣстно, въ чемъ заключались его русскія льготы; но подозрѣвая Москву во всякомъ злѣ, можемъ подозрѣвать ее и въ добрѣ: эти льготы конечно не придуманы самимъ царемъ, а выпрошены непремѣнно Москвою, ибо она была начальною властью и безъ ея содѣйствія и помѣстные князья едва ли что могли себѣ выхлопотать. Видимо, что она пользовалась и обстоятельствами, и наклонностями новаго царя, и честно работала для выгодъ Русской Земли.

По смерти Джанибека, въ Ордѣ распространились такія усобицы, что и русскіе князья едва спасались отъ смерти, ходя туда къ новымъ царямъ и за новыми ярлыками на свои отчины. Цари смѣнялись чуть не каждые полгода, побивая другъ друга. Наконецъ выдвинулся впередъ темникъ Мамай, замутилъ всѣмъ царствомъ и Орда раздѣлилась на двое. Возлѣ Старой явилась Новая Орда по сю сторону Волги. Затѣмъ многіе изъ ординскихъ князей то же отдѣлились особыми независимыми улусами; кто засѣлъ у болгаръ на Волгѣ, кто въ Наручадѣ (Наровчатъ въ теперешнихъ пензенскихъ мѣстахъ); каж-

дый освоивался, захватывая себѣ свою особую область. „И былъ у нихъ голодъ великій, замятня многая, нестроеніе всегдашнее; не переставая между собою воевали и бились и кровь проливали! Такъ Богъ попустилъ на нихъ гнѣвъ свой, милуя рабовъ своихъ, смиренныхъ православныхъ христіанъ", говоритъ русскій лѣтописецъ.

Еще въ самомъ началѣ ординскихъ смутъ, померъ въ Москвѣ великій князь Иванъ Ивановичъ, оставивъ наслѣдниками двухъ малолѣтнихъ сыновей и малолѣтняго же племянника. Старшему изъ нихъ, наслѣднику великокняжескаго стола, Дмитрію, всего было 8 лѣтъ. Казалось, дѣло Москвы будетъ проиграно. Всѣ князья поспѣшили въ Орду къ новому царю Наурусу бить челомъ о раздѣлѣ или передѣлѣ ихъ княженій. Царь ихъ смирилъ, говоритъ лѣтописецъ, положилъ раздѣлъ и велѣлъ всякому знать свое и въ чужое не переступать. Великое княженіе теперь онъ отдавалъ, какъ старѣйшему, суздальскому князю Андрею Константиновичу, но тотъ отказался въ пользу своего младшаго брата, Дмитрія, который и занялъ Владимірскій столъ, „не по отчинѣ, и не по дѣдинѣ", замѣчаетъ лѣтопись. Новгородцы много, хотя и неудачно, хлопотали за его отца; теперь, употребивъ несомнѣнно новыя старанія въ Ордѣ, были очень рады, посадивъ у себя на княженье его сына. Видимо, что въ этомъ случаѣ у нихъ были свои экономическіе расчеты относительно большей свободы или своей воли въ торгахъ и промыслахъ на нижней суздальской и нижегородской Волгѣ. Въ тотъ же годъ, новгородцы, а по другимъ лѣтописямъ, ихъ разбойники, пограбили болгарскій городъ Жукотинъ, вѣроятно мстя за какую либо обиду, но за ихъ грабежъ пострадали всѣ христіане, жившіе у болгаръ — всѣ были пограблены. И кромѣ того жукотинскіе князья пошли въ Орду съ жалобою на русскихъ разбойниковъ, что нѣтъ отъ нихъ житья. Царь выслалъ грозныхъ пословъ, потребовалъ у русскихъ князей выдачи разбойниковъ, что̀ при съѣздѣ суздальскихъ, нижегородскихъ и ростовскихъ князей на Костромѣ и было исполнено въ точности. Останавливаемся на этомъ случаѣ, дабы указать, къ чему приводило новгородское и вообще земское своеволіе. Несомнѣнно, такіе случаи вызывались торговыми и промысловыми обидами, но по ихъ слѣдамъ обида и месть распространялась на людей совсѣмъ неповинныхъ. Рабочее земство, которое въ этихъ обстоятельствахъ больше всего и терпѣло, не могло, конечно, радоваться такимъ событіямъ и необходимо помышляло о крѣпкой защитѣ и оборонѣ отъ земской власти, отъ великаго князя, и естественно должно было потянуть къ тому князю и къ тому городу, который принималъ эту оборону на свои плечи. Мы скоро увидимъ, что Москва же по завѣту своихъ отцовъ крѣпко держала въ своихъ рукахъ и это общеземское дѣло и никогда не отдавала его на судъ татарамъ, умѣя наказывать виновныхъ въ разбояхъ и собственными средствами.

Однако теперь о Москвѣ не было слышно, она изчезла, скрылась, ее не было замѣтно. Пріободрились и помѣстные князья. Окупной отъ

Москвы, князь галицкій выхлопоталъ въ Ордѣ ярлыкъ на галицкое княженіе. Тоже исполнилъ и князь ростовскій, присвоивъ себѣ московскую половину Ростова.

Въ Москвѣ теперь не было князя, онъ былъ ребенокъ. Но сила Москвы заключалась не въ одномъ князѣ. Ея главною и можно сказать основною силою было боярство, и затѣмъ купечество, которое съ этого времени становится извѣстнымъ подъ именемъ сурожанъ и суконниковъ. Гости-сурожане были купцы, торговавшіе итальянскими (шелковыми) товарами и назывались такъ отъ города Сурожа (нынѣ Судакъ), гдѣ сосредоточивался тогдашній итальянскій торгъ. Въ первый разъ объ нихъ упоминается, что они пришли въ Москву изъ Орды вмѣстѣ съ посломъ въ 1356 г. Были ли это москвичи, возвратившіеся домой, или самые итальянцы, пришедшіе съ своимъ торгомъ въ Москву, подъ охраною ординскаго посла — неизвѣстно. Но съ того времени въ Москвѣ гости-сурожане живутъ уже особымъ гнѣздомъ. Причины, почему сурожане избрали Москву, а не другой городъ, для средоточія своего торга, скрываются въ тѣхъ же обстоятельствахъ, почему въ Москвѣ же нашла себѣ постоянное убѣжище и верховная церковная власть. Мѣсто было тихое и покойное и къ тому же лежавшее на перекресткѣ всѣхъ тогдашнихъ большихъ торговыхъ дорогъ. Торговое богатство естественно завязывало изъ Москвы множество связей не только въ другихъ русскихъ городахъ, но и въ самой Ордѣ, между тамошними торговцами и промышленниками. Объ этихъ связяхъ лѣтописи ничего не говорятъ, но они чувствуются во многихъ обстоятельствахъ и событіяхъ, которыя сами собою выдвигали Москву впередъ и во главу передъ всѣми другими городами. Боярство составляло боевую и политическую московскую силу, купечество — промышленную. Но Москва, какъ мы говорили, обладала еще болѣе важною силою — присутствіемъ въ ея стѣнахъ церковной митрополичьей власти. Московская заповѣдь крѣпкаго единства всѣхъ общественныхъ силъ города, конечно, ставила выше всего благословеніе митрополита-владыки. Московское единеніе и возможно было только при непосредственномъ участіи въ немъ самого митрополита. Естественно, что въ Москвѣ много думали о томъ, чтобы митрополичій столъ былъ занятъ достойнымъ избранникомъ, способнымъ не только сохранить, но и лучше устроить собранныя московскія силы земскаго единства. Къ счастью для Москвы, въ это время, послѣ грека Өеогноста, на митрополичій престолъ былъ возведенъ москвичъ же по рожденію, изъ боярскаго черниговскаго рода, митрополитъ Алексій. Онъ былъ крестникъ Ивана Даниловича Калиты, съ молодыхъ лѣтъ возлюбилъ иноческую жизнь и проходя ея степени сдѣлался намѣстникомъ у митрополита Өеогноста, возлагавшаго на него обязанности церковнаго суда. Двѣнадцать лѣтъ онъ исполнялъ эти важнѣйшія и вліятельнѣйшія обязанности и заслужилъ имя добраго и честнаго старца, разумнаго и премудраго въ

словѣ и со всѣми „благопривѣтливаго". Естественно, что на этомъ именно поприщѣ раскрылись въ немъ тѣ таланты мудраго правителя, которые привлекли къ нему общее вниманіе, такъ что митрополитъ Ѳеогностъ еще при жизни назначилъ его себѣ преемникомъ.

Это былъ рѣдкій въ нашей исторіи случай возведенія въ санъ митрополита инока изъ боярскаго рода и конечно московское боярство приложило все свое стараніе и вліяніе, дабы его избранникъ былъ утвержденъ въ этомъ санѣ патріархомъ цареградскимъ. Но въ это время западная Русь уже отваливалась отъ восточной и потому въ Царьградѣ было поставлено на Русскую Землю два митрополита: московскій избранникъ Алексѣй, и избранникъ югозападной Руси— Романъ. Отъ того произошла церковная смута, впрочемъ, не имѣвшая большого вліянія на дѣла восточной Руси. По смерти великаго князя Ивана Ивановича, когда Москва осталась съ малолѣтнимъ княземъ и ея дѣла приняли неблагопріятный оборотъ, митрополитъ Романъ внезапно явился было въ Твери, но не былъ принятъ тамошнимъ епископомъ и только съ радостью былъ принятъ тамошними князьями и боярами. Этотъ случай показывалъ, какъ еще сильно было въ Твери гнѣздо вражды и ненависти къ ея соперницѣ Москвѣ.

Ослабѣвшая въ княжескомъ малолѣтствѣ, Москва, открывала въ это время широкое поле для пробужденія противъ нея всяческихъ крамолъ и всякой вражды со стороны всѣхъ ея соперниковъ, или всѣхъ ею обиженныхъ. Теперь и можно было въ полной мѣрѣ видѣть гдѣ, въ какихъ углахъ и въ какой средѣ скрывалась обида отъ Москвы и вражда къ ней. Земство, черные люди, конечно, молчали, но во всѣхъ обстоятельствахъ, когда начиналась борьба между князьями, они всегда давали перевѣсъ тому князю или тому городу, отъ котораго видѣли больше добра себѣ. Вотъ почему и временнее ослабленіе московской силы не произвело никакой особой перестановки въ земскихъ отношеніяхъ. Слишкомъ 30 лѣтъ тишины, утвержденной никѣмъ другимъ, а только Москвою, соединяли на ея сторонѣ всѣхъ благомыслящихъ людей во всѣхъ углахъ земли. Это лучше всего подтверждается исторіею захвата великаго княженія не безъ содѣйствія новгородцевъ, суздальскимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ. Какъ было сказано, старшій братъ его, кроткій, тихій, смиренный и многодобродѣтельный, прямо отказался отъ этой чести, вѣроятно, хорошо разумѣя, что земскія его силы слишкомъ слабы для борьбы съ Москвою.

Два года спокойно княжилъ суздальскій князь, но не по праву, какъ говорило общее мнѣніе. Въ Ордѣ въ это время происходили такія замѣшательства, что нельзя было добиться тамъ никакого толку. Малютка московскій князь на другой же годъ пошелъ было въ Орду искать великое княженіе, но едва успѣлъ выбраться оттуда до на-

ставшей рѣзни, во время которой другіе князья разбѣжались кто куда, а ростовскіе были ограблены до-нага. Орда, какъ мы сказали, раздѣлилась. Спустя годъ, москвичи успѣли выхлопотать великокняжескій ярлыкъ для своего малютки въ старой Ордѣ Сарайской, у царя Амурата. Одного ярлыка было достаточно, чтобы суздальскій князь уступилъ. Онъ перебрался было въ Переяславль, но тогда на него пошло войско и онъ убѣжалъ въ свой Суздаль. Московскому князю теперь всего было 11 лѣтъ. Вскорѣ явились къ нему послы и изъ другой, изъ Мамаевой Орды, и принесли тоже ярлыкъ на великое княженіе. Москва взяла ярлыкъ и у Мамая. Амуратъ, конечно, вознегодовалъ на Москву—а что же было дѣлать Москвѣ и какъ поступить въ этомъ случаѣ, когда совсѣмъ не было извѣстно, что можетъ случиться въ Ордѣ на завтра. Амуратъ тотчасъ прислалъ ярлыкъ суздальскому князю, который поспѣшилъ во Владиміръ и сѣлъ на великое княженіе, но сидѣлъ только 12 дней. Москва поднялась съ своими князьями, молодыми дѣтьми, Дмитріемъ, Иваномъ и Владиміромъ,—пошла ратью на самый Суздаль, и стоя около города, все пусто сотворила. Лѣтописецъ говоритъ, что двѣнадцатилѣтній молодой князь взялъ свою волю надъ суздальскимъ Дмитріемъ и по пути взялъ свою волю и надъ ростовскимъ княземъ, согналъ съ Галича галицкаго князя, выгналъ изъ Стародуба и стародубскаго князя.

На какую же силу опирались москвичи, дѣйствуя съ малолѣтнымъ княземъ такъ рѣшительно? Конечно, на земскую силу, которая вся была за московскихъ дѣтей, вся собралась съ Москвою установлять прежній порядокъ. И самый Дмитрій Константиновичъ Суздальскій, когда ему вновь опять были принесены его сыномъ ярлыки на великое княженіе, теперь не захотѣлъ этой чести и отступился, прося у Москвы же помощи себѣ противъ своего меньшаго брата, отнявшаго у него Нижній-Новгородъ.

Москва, слѣдуя земскому мнѣнію, заступилась за старшаго, за своего соперника, и прежде всего старалась окончить ссору миромъ, безъ кровопролитія. Митрополитъ Алексѣй отнялъ епископство у тамошняго владыки, вѣроятно очень замѣшаннаго въ этой ссорѣ; затѣмъ онъ послалъ въ Нижній преподобнаго Сергія звать князя Бориса въ Москву и когда князь не послушалъ, то преподобный Сергій, по слову митрополита, затворилъ всѣ церкви въ городѣ. Но все-таки дѣло не обошлось безъ ратнаго похода, заводя который непокорный князь струсилъ и покорился. Ему отданъ былъ въ княженіе Городецъ. Годъ спустя, московскій великій князь Дмитрій, 17 лѣтъ, даже женился на дочери суздальскаго Дмитрія, Евдокіи. Такимъ образомъ соперничество Москвы съ суздальскимъ княземъ возникло и проводилось не столько изъ вражды, сколько изъ честолюбивыхъ стремленій, по случаю временной слабости Москвы и несомнѣнно по совѣту и при помощи новгородцевъ. А новгородцы и въ это время являлись на суздальской Волгѣ попрежнему съ разбоями. Въ 1366 году

„младые дворянчики“ изъ Великаго Новгорода въ 200 ушкуяхъ (особыхъ лодкахъ) спустились по Волгѣ и напали на Нижній-Новгородъ, избили тамъ татарскихъ гостей, и армянъ, и нижегородскихъ гостей, множество, съ женами и дѣтьми; безчисленный товаръ пограбили, всѣ рѣчныя суда сожгли и затѣмъ ушли въ Каму воевать болгаръ. Разгнѣвался за это на Новгородъ великій князь московскій и развергъ съ нимъ миръ, хотя о войнѣ и не думалъ. Дѣла такъ перемѣнились, что теперь и этого было достаточно для наказанія вольныхъ людей, которые на слѣдующій же годъ прислали пословъ просить мира. Стало быть ссора съ Москвою была имъ очень невыгодна. А народъ Низовской области слышалъ и зналъ, что никто другой, а также Москва и на нижегородской Волгѣ его защищаетъ и обороняетъ отъ людского своеволія.

Въ Твери все продолжались родовыя смуты изъ-за раздѣла волостей и за тверской столъ между племянниками и дядею, между Тверью и Кашинымъ. Теперь для борьбы съ дядею выдвинулся впередъ второй сынъ Александра, Михаилъ, по характеру полный наслѣдникъ своего отца. Родичи судились у своего владыки, но судъ для одной стороны оказался неправеднымъ, потому что владыка оправдалъ Михаила. Москва помогала дядѣ и вообще кашинскимъ князьямъ, такъ какъ она была въ родствѣ съ ними. Александровичамъ, конечно, она не могла доброжелательствовать. Но очень вѣроятно, что ей были извѣстны и другіе замыслы Михаила, какъ они обнаружились впослѣдствіи. Судя по сказанію о немъ тверской лѣтописи, вражда съ дядею началась именно по поводу того, что, приходя въ возрастъ, Михаилъ, дотолѣ удѣльный князь микулинскій, сталъ помышлять о княженіи въ старшемъ городѣ Твери, что тверичи рады были доблестному князю, и Михаилъ занялъ Тверь. Дядя попросилъ помощи у Москвы и погналъ племянника въ Литву, откуда тотъ воротился тоже съ помощью, въ виду которой дядя уступилъ и они помирились, но не надолго. Вскорѣ обиженный двоюродный братъ Михаила, князь Еремей, перенесъ эту ссору въ Москву. Въ 1368 г. московскій великій князь Дмитрій и митрополитъ Алексѣй зазвали любовью къ себѣ въ Москву князя Михаила, потомъ составили съ нимъ рѣчи, а потомъ и третейскій судъ, послѣ котораго, на миру и въ правдѣ, схватили его и всѣхъ его бояръ и посадили по тюрьмамъ. Но въ то время неожиданно явились изъ Орды какіе-то татарскіе князья. Услышавъ объ этомъ, Москва усумнилась. Она поспѣшила укрѣпить тверского князя крестнымъ цѣлованьемъ и выпустила заключенныхъ, но настояла на своемъ, посадивъ князя Еремея въ его удѣлѣ, т. е. отнявъ этотъ спорный удѣлъ у Михаила по третейскому суду.

Все это разсказываютъ только тверскія извѣстія, очень расположенныя къ князю Михаилу, и потому, не зная московскихъ замѣтокъ объ этомъ событіи, мы не можемъ вполнѣ довѣрять, что таковъ былъ

смыслъ всѣхъ обстоятельствъ. Ясно одно, что Михаилъ былъ позванъ въ Москву на третейскій судъ, по которому осужденъ, и какъ осужденный, но неубѣжденный въ правдѣ суда, потерпѣлъ безчестное насиліе, хотя по правамъ третейскаго суда оно было законно, ибо кто не соглашался съ рѣшеніемъ суда добровольно, того принуждали исполнить это рѣшеніе силою.

Михаилъ возвратился въ Тверь съ страшною злобою и ненавистью къ московскому князю и особенно роптал̂ъ на митрополита, который и былъ третейскій судья. По ходу обстоятельствъ, обоюдная вражда Москвы и Твери скрывалась не въ обидахъ какого-либо князя Еремея, — она несомнѣнно таилась въ честолюбивыхъ замыслахъ тверского князя, о чемъ и были съ нимъ рѣчи въ Москвѣ. За годъ передъ этимъ временемъ (1367 г.) тверской князь поставилъ новый городокъ на Волгѣ, а москвичи вмѣсто дубоваго погорѣвшаго заложили себѣ каменный городъ Москву и сооружали его непрестанно, по какому случаю лѣтописецъ кстати замѣчаетъ, что тогда московскій князь (18 лѣтній) сталъ всѣхъ князей приводить подъ свою волю, а которые не повиновались его волѣ, на тѣхъ сталъ посягать; такъ онъ посягнулъ и на князя тверского. Въ чемъ заключалось это посяганіе лѣтописецъ не говоритъ, но воля московскаго князя едвали могла распространяться дальше принужденій къ точному договору и требованій общей службы противъ общихъ враговъ, требованій жить въ единствѣ и въ тишинѣ, примиряя вражды третейскимъ судомъ, послѣднее слово котораго было закономъ для подсудимаго.

Что таковъ былъ смыслъ московскаго посягательства на другихъ князей, объ этомъ могутъ отчасти свидѣтельствовать граматы цареградскаго патріарха отъ 1370 года, изъ которыхъ узнаемъ, что передъ тѣмъ временемъ князья всѣ согласились и заключили договоръ съ московскимъ княземъ, обязавшись клятвою стать всѣмъ заодно противъ литовскаго Ольгерда; что московскій князь, надѣясь на эту клятву, изготовился противъ врага, но князья не только не исполнили клятвы, но перешли на сторону Ольгерда. За это отступничество патріархъ прислалъ имъ отлученіе отъ церкви, которое могло быть упразднено только ходатайствомъ митрополита и точнымъ исполненіемъ договора. Все это относилось къ событіямъ, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить. Само собою разумѣется, что отлученіе было испрошено по жалобѣ митрополита Алексія.

Несомнѣнно, что Москва требовала отъ князей только покорности младшихъ братьевъ. Ни о захватахъ чужихъ земель и княженій, ни о правахъ полнаго господарства надъ землею, она еще не могла и помышлять; ибо и самый вопросъ о томъ, кто будетъ старѣйшимъ братомъ всѣхъ князей и господиномъ земли, еще далеко не былъ рѣшенъ. По крайней мѣрѣ, въ Твери надѣялись поспорить объ этомъ до послѣднихъ силъ. Къ сожалѣнію, точка опоры у тверского князя находилась не въ русскомъ земствѣ его княжества, а тѣмъ меньше

въ земствѣ остальныхъ русскихъ княжествъ, — онъ главнымъ образомъ надѣялся на помощь Литвы, т. е. уповалъ на чужую силу, съ которою если и можно было побѣждать своихъ враговъ и раззорять Русскую Землю, зато ни въ какомъ случаѣ нельзя было утвердиться прочно даже и въ своей волости. Тверь съ первыхъ временъ своего существованія тянула къ Литвѣ и подпала подъ ея вліяніе; съ первыхъ временъ она больше всего и надѣялась на Литву. Во все время она глядѣла въ чужую сторону, и забывала, что самостоятельность и самобытность въ своей землѣ пріобрѣтается службою общимъ интересамъ этой земли. Въ этомъ и заключалось глубокое различіе тверской политики отъ московской, которая, наоборотъ, искала своей силы въ русскомъ же земствѣ и потому надѣялась только на самое себя, т. е. на русскую силу, для чего употребляла всякія старанія собрать эту силу въ то единство, какое было необходимо для борьбы съ врагами. Отсюда, конечно, вытекали и всѣ московскія стремленія установить въ Землѣ тишину, всѣ стремленія оберегать и охранять общеземскія выгоды. Москва своею земскою службою успѣла крѣпко связать свои личные выгоды съ выгодами всей Земли. А первая служба Москвы на пользу всего земства заключалась въ очевидной для всѣхъ 40-лѣтней тишинѣ. Теперь эту тишину снова нарушаетъ Тверь. Установившійся порядокъ отношеній изламывается, вся работа погибаетъ и снова начинаются кровавыя усобицы въ то самое время, когда при разстройствѣ самой Орды являлась возможность совсѣмъ избавиться отъ татарской неволи.

Заставляя исполнить рѣшеніе третейскаго суда, Москва выслала было рать на тверского князя. Тогда въ своей горькой обидѣ Михаилъ побѣжалъ къ литовскому Ольгерду, за которымъ замужемъ была его сестра. Онъ просилъ обороны, молилъ, билъ челомъ со слезами, научалъ сестру просить о томъ же. А Ольгердъ того только и желалъ, въ сласть принималъ жалобы тверского князя. Здѣсь и находилась настоящая причина ссоры и ненависти къ московскому князю. Быть можетъ тверской князь, самъ того не зная, былъ только простымъ орудіемъ для литовскихъ замысловъ.

Въ отвѣтъ на походъ московской рати подъ Тверь, Ольгердъ, по своему обычаю, нежданно явился подъ самою Москвою, побивъ сначала всѣ сторожевые и передовые московскіе полки. Города онъ взять не могъ, потому что теперь его стѣны были уже каменныя. Смотрѣлъ онъ на него три дня, опустошилъ всю окрестность, поплѣнилъ безчисленно людей, и скотину всю съ собою отогналъ, и удалился восвояси. Это было первое зло Москвѣ отъ Литвы и новое начало новой борьбы съ Тверью. Москва отступилась отъ князя Еремея и отъ его удѣла. Тверской князь укрѣпилъ Тверь новыми деревянными стѣнами, намазавши ихъ глиною, а московскій князь срубилъ новыя деревянныя стѣны въ Переяславлѣ, ибо отъ Твери дорога къ Владиміру на великокняжескій столъ лежала черезъ Переяславль. Потомъ,

оправившись отъ удара, московскій князь напалъ на Тверь, и точно также все опустошилъ, поплѣнилъ и также погналъ всю тверскую скотину къ Москвѣ; смирилъ тверичей, говоритъ лѣтописецъ, до зела. Михаилъ, еще не дождавшись московскаго похода, опять убѣжалъ въ Литву, а оттуда въ Орду, гдѣ успѣлъ выпросить ярлыкъ на великое княженіе, но пройдти съ нимъ и съ татарскимъ посломъ домой въ Тверь не могъ, потому что на всѣхъ путяхъ встрѣтилъ московскіе заставы и, не желая попасть въ руки враговъ, опять поворотилъ въ Литву, опять умоляя Ольгерда идти на Москву.

Въ другой разъ Ольгердъ явился подъ Москвою, съ тверскимъ княземъ, со многими литовскими князьями и съ княземъ смоленскимъ. Стоялъ 8 дней, но города не взялъ и услышавъ, что на помощь Москвѣ идетъ сѣверская и рязанская рать, запросилъ мира, даже вѣчнаго. Москва согласилась помириться только на полгода. Ольгердъ помышлялъ больше о себѣ, чѣмъ о тверскомъ князѣ и соображая дальновидно сталъ теперь сватать свою дочь за московскаго князя Владиміра Андреевича. Тверской князь тоже утвердился съ Москвою миромъ и удалился въ Тверь. Казалось бы тѣмъ дѣло и должно было окончиться, ибо литовская помощь была уже ненадежна. Но тверской князь не искалъ мира, онъ искалъ великаго княженія, и потому весною же отправился снова въ Орду, снова выпросилъ ярлыкъ у Мамая, и по обычаю возвратился въ сопровожденіи татарскаго посла, прямо въ Тверь. Московскій Димитрій между тѣмъ привелъ всю землю, по всѣмъ городамъ бояръ и черныхъ людей къ присягѣ, не даваться тверскому князю и на великое княженіе его не пускать. Когда Михаилъ пришелъ было во Владиміръ, то Владимірцы такъ и поступили, не позволили ему сѣсть на великокняжескій столъ. Не помогъ въ этомъ случаѣ и татарскій посолъ, который все таки послалъ въ Москву звать князя во Владиміръ къ царскому ярлыку, выслушивать царево повелѣніе. Изъ Москвы отвѣчали: „Къ ярлыку не ѣду, и въ землю на великое княженіе не пущу, а тебѣ, честному послу, путь чистъ, пріѣзжай на почесть сюда въ Москву“. Посолъ соблазнился честью и дарами и отъѣхалъ отъ тверского князя въ Москву. И какъ былъ доволенъ посолъ московскимъ гостепріимствомъ! На возвратномъ пути въ Орду, во всю дорогу, онъ восхвалялъ московскаго князя за почести, за добрый его нравъ и смиреніе. Слѣдомъ за посломъ направился въ Орду и самъ московскій князь. Въ Ордѣ онъ побѣдилъ противника своимъ богатствомъ, которымъ окупилъ Мамая, и царя, и царицъ, и князей, и при этомъ выкупилъ даже и сидѣвшаго тамъ за долги Михаилова сына Ивана, отдавши за него громадную сумму, 10 тысячь рублей. Такимъ образомъ Москва окупила и свой ярлыкъ и ярлыкъ тверского князя, который, какъ оказалось, былъ выпрошенъ въ счетъ будущихъ благъ, какія несомнѣнно были бы награблены и отъ Москвы и отъ всей земли. Орда приказала сказать тверскому князю такую рѣчь: „Великое княженіе мы отдали тебѣ; давали тебѣ

рать и силу, чтобы посадить тебя на великое княженіе; и ты нашей рати и силы не взялъ, а сказалъ, что сядешь своею силою. И ты теперь сиди съ кѣмъ тебѣ любо, а отъ насъ помощи не ищи!" Тверской князь стало быть побоялся привести съ собою татарскую рать, и побоялся конечно не Москвы, а общаго мнѣнія всей Земли, которое однако было создано и воспитано все тою же Москвою.

Тверской князь, какъ мы говорили, надѣялся больше всего на Литву и по всему вѣроятію изъ Литвы же собиралъ себѣ и дружину. Пока Дмитрій московскій былъ въ Ордѣ, онъ дѣлалъ свое дѣло, захватилъ Кострому, Мологу, Угличь, Бѣжецкій Верхъ, и посажалъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Потомъ съ литовскою ратью онъ ходилъ на Дмитровъ и Переяславль, опустошивъ окрестности и взявъ окупъ съ городовъ, захватилъ Торжекъ, а потомъ, когда поднялись за свой городъ и новгородцы, онъ совсѣмъ его разгромилъ и ограбилъ такъ, что и отъ поганыхъ такого зла никогда не бывало. Опять пришелъ къ нему на помощь и Ольгердъ, чтобы вмѣстѣ напасть на Москву. Московскій князь однако предупредилъ опасность и вышелъ въ поле. У городка Любутска войска сошлись надъ какимъ то непроходимымъ оврагомъ, долго стояли и потомъ заключили перемирье на 3 мѣсяца. По договору, здѣсь заключенному, оказалось. что тверской князь у Ольгерда занимаетъ мѣсто князя подручнаго, на ряду съ княземъ брянскимъ. Ясно, что, не желая служить Москвѣ, онъ долженъ былъ служить Литвѣ, т. е. чужимъ людямъ, а потому не онъ, а его владыка Ольгердъ заключалъ съ Москвою и перемиріе. Вообще по смыслу этого перемирія, тверской князь является передъ Москвою какъ бы простымъ мятежникомъ. Въ перемирной грамотѣ московскій князь объясняетъ Ольгеру, что онъ послалъ въ Орду жаловаться на Михаила и что ихъ дѣло „въ Божьей волѣ и въ царевой, какъ повелитъ царь такъ и будетъ..."

Москва слѣдовательно отдѣляла въ особую статью свои отношенія къ тверскому князю и не дозволяла путать ихъ за одно съ отношеніями въ Литвѣ. Не тверской князь самъ за себя, а Ольгердъ обязывался за тверского князя, что этотъ послѣдній возвратитъ все, что награбилъ, во время теперешнихъ военныхъ походовъ. Очень важно было условіе, что Тверь на время перемирія оставалась совсѣмъ запертою отъ великокняжескихъ областей. Кромѣ пословъ, ни тверичи не могли появляться въ этихъ областяхъ и никто изъ великаго княженія не долженъ былъ ходить въ Тверь. Однако вскорѣ произошло полное примиреніе и ординскій заложникъ, сынъ тверского князя, былъ съ любовью отпущенъ къ отцу. Настала тишина и люди возрадовались, но не на долго.

Спустя годъ, изъ Москвы отбѣжали въ Тверь сынъ тысяцкаго Василья Вельяминова, Иванъ, и сурожанинъ Некоматъ; первый вѣроятно потому, что не получилъ тысяцкаго отцовскаго мѣста. Эти крамольники снова подняли тверского князя противъ Москвы. Онъ

тотчасъ же послалъ ихъ за ярлыкомъ въ Орду, а самъ ушелъ въ Литву звать и собирать дружину.

Ярлыкъ былъ добытъ безъ особаго труда: охотнику вѣдь стоило только принести побольше денегъ. Возвратился изъ Литвы и Михаилъ, и не медля, сложивъ съ себя договорную присягу къ Москвѣ, послалъ на Торжекъ своихъ намѣстниковъ, а рать на Угличь. Онъ очень надѣялся, и на Литву, и на Орду.

Тогда на тверского князя возстала вся Русская Земля. Всѣ князья собрались въ Москву, подручные и не подручные, „служачи московскому князю“, всѣ вознегодовали на Михаила за то, что сколько разъ приводилъ онъ Литву раззорять Русскую Землю, а теперь сложился и съ Мамаемъ. Многочисленное войско двинулось на Тверь и начало обычную войну, опустошая, пожигая и уводя въ плѣнъ волостныхъ людей. Не одни ратные, но и со всѣхъ пограничныхъ сторонъ, каждый самъ собою, люди ополчались на разграбленіе тверской волости.

Михаилъ затворился въ Твери. Его крѣпко осадили, но онъ ждалъ къ себѣ Литву и татаръ и не сдавался. Пришла было и Литва, но увидавши безчисленную рать, поспѣшила домой. Долго ожидалъ князь помощи, говоритъ лѣтописецъ, а она не пришла и отъ того только больше зла случилось. „Добро бы намъ надѣяться на Бога, чѣмъ на человѣка!“ Услышавши, что нѣтъ ему ни откуда помощи и что возстала на него вся Русская Земля, онъ покорился и отдался во всю волю московскому князю.

Былъ заключенъ договоръ на всей московской волѣ, который сохранился. Въ чемъ же заключалась эта „вся воля“, о которой такъ часто говорятъ лѣтописи, описывая чье либо покореніе, и которую надъ Тверью взяла наконецъ Москва? Московскій князь ставитъ тверского себѣ братомъ младшимъ, говоритъ, что всѣ остальные князья съ нимъ, московскимъ, „одинъ человѣкъ“, а потому за обиду кому либо изъ князей, разобравши правду, московскій князь возстанетъ на обидчика за одно со всѣми князьями, какъ и за обиду тверского князя московскій пойдетъ съ нимъ на обидчика за одно. Въ ратное время—сядетъ самъ на коня московскій князь и тверской долженъ самъ пойти на конѣ; пошлетъ воеводъ московскій князь, тогда и тверской пошлетъ воеводъ же. Но тверской князь не долженъ искать великаго княженья, а также Москвы и Новгорода. А будутъ ссорить обоихъ князей татары и будутъ отдавать великое княженіе тверскому князю—то ему въ то не вступаться и великаго княженія не брать; равно если и Тверь татары будутъ отдавать московскому князю и ему Твери не брать. Въ Кашинъ тверскому князю не вступаться ни въ чемъ, и выходомъ татарскимъ къ Твери не тянуть. Миръ съ татарами, говоритъ московскій князь, будемъ держать по общей думѣ, надо будетъ дать выходъ, дадимъ по общей думѣ; не захотимъ дать выхода, рѣшимъ по общей думѣ. А пойдутъ на Москву татары, тверскому князю биться противъ нихъ за одно съ Москвою. А пой-

детъ Москва на татаръ, тверскому князю пойдти на нихъ съ Москвою за одно". Какъ любопытны эти основныя мысли Твери и Москвы. Тверской князь посредствомъ татаръ хочетъ побороть московскаго, а московскій навязываетъ ему условіе бороться съ татарами. Такой же союзъ былъ установленъ и противъ Литвы.

Вотъ какія были условія могущественнаго побѣдителя, взявшаго надъ Тверью полную свою волю. Они заставляютъ насъ нѣсколько иначе понимать утвердившіяся заключенія изслѣдователей о какомъ то будто бы алчномъ и не разборчивомъ усиленіи Москвы на счетъ другихъ. Оказывается, что въ самую выгодную для себя минуту Москва меньше всего думаетъ собственно о себѣ и больше всего хлопочетъ о единствѣ всѣхъ князей противъ общерусскихъ враговъ. Она и не думаетъ посягать на тверскую собственность и старается все установить и устроить лишь такъ, какъ идетъ изстари, не вводя никакой новизны въ отношенія союзныхъ князей, требуя лишь того, чего требовали и всѣ князья, не только суздальской, но и древней кіевской Руси; требуетъ себѣ родового старшинства между князьями со всѣми его старобытными порядками подчиненія младшихъ старшему, никакого господарства еще не слыхать въ ея рѣчахъ. Она еще и не помышляетъ объ этомъ. Существомъ ея политики, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и вездѣ, является русская идея—общее дѣло и общій союзъ на общихъ враговъ Руси.

Однако, не смотря на заключенный миръ, тверской князь не покидалъ мысли о великомъ княженіи и, конечно, еслибъ Москва поступила съ нимъ прямо по господарски, отнявши у него самую Тверь, то быть можетъ не случилось бы и дальнѣйшихъ бѣдствій въ конецъ истощившихъ всю землю. Его помощники, Ольгердъ и Мамай, все-таки помогли ему вскорѣ по заключенію міра. Одинъ съ своей стороны разбойнымъ набѣгомъ опустошилъ Смоленское княжество, другой съ своей стороны тоже сдѣлалъ въ княжествахъ Нижегородскомъ и Новосильскимъ. И тотъ и другой при этомъ приговаривали: „Зачѣмъ ходили воевать противъ тверского Михаила".

Въ Ордѣ все еще жилъ московскій бѣглецъ Иванъ Вельяминовъ, стало быть тамъ еще неугасала крамола противъ Москвы. Спустя три года послѣ разгрома Твери, Мамай выслалъ на московскаго князя особую рать. Въ Москвѣ узнали объ этомъ заблаговременно и поспѣшили встрѣтить враговъ заграницею своей земли въ рязанскихъ предѣлахъ, на рѣкѣ Вожѣ, (между Зарайскомъ и Рязанью), гдѣ произошло славное побоище, на которомъ татары впервые были разбиты, какъ никогда не случалось. Тутъ же схваченъ былъ духовникъ Вельяминова, нѣкій попъ съ мѣшкомъ какихъ-то лютыхъ зелій. Явный знакъ, что татары были подняты русскою же крамолою.

Мамай озлобился еще больше и задумалъ наказать Москву нашествіемъ въ родѣ Батыева. Два года собиралъ онъ полки по всѣмъ своимъ землямъ, наконецъ, придвинулъ свое кочевье на устье Воро-

нежа, откуда въ давнія времена началъ свой набѣгъ и Батый. Рязанскому князю Олегу приходилось погибать первому. Конечно, онъ могъ присоединиться къ Москвѣ и встрѣтить татаръ съ нею же заграницами своихъ земель. Но не надѣясь на храбрость московскаго князя, напротивъ, думая, что онъ и не посмѣетъ двинуться противъ татаръ, Олегъ присоединился къ Мамаю и свелъ съ Мамаемъ даже и литовскаго князя Ягайла. Они вмѣстѣ хотѣли подѣлить Московскую Землю на двое, что къ Вильнѣ, а что къ Рязани. Для Москвы дѣло было въ высшей степени опасное и трудное, но она не терялась и готовилась къ отпору. Мамай прислалъ пословъ и грозно требовалъ уплатить выходъ, какой платили при царяхъ Узбекѣ и Джанибекѣ. Стало быть, выходъ значительно былъ уменьшенъ, конечно, стараніями той же Москвы. Теперь она съ готовностію соглашалась уплатить выходъ установленный по уговору съ нею самимъ же Мамаемъ, слѣдовательно только тотъ выходъ, какой, пользуясь смутами въ Ордѣ, она сократила до возможности. Но чтобы лучше провѣдать положеніе вражьихъ дѣлъ, Москва послала къ Мамаю своихъ пословъ съ богатыми дарами. А между тѣмъ, по всей Землѣ собиралось ополченіе. Великій князь „съ великою любовью и со многимъ смиреніемъ" просилъ союза и помощи у князей владѣтельныхъ; со смиреніемъ и умиленіемъ посылалъ и къ мѣстнымъ, къ своимъ служебнымъ и подручнымъ князьямъ, и по всѣмъ землямъ посылалъ, смиренно зовя на общее дѣло и собирая всякія человѣки въ воинство. Очевидно, что не на всѣхъ князей онъ могъ надѣяться и потому обращался къ Землѣ, ко всякимъ человѣкамъ, къ людямъ охочимъ. Вотъ по какой причинѣ на Куликово поле пришло много пѣшаго войска, много „житейскихъ" людей, и купцы со всѣхъ земель и городовъ. Страшно было видѣть это многое множество идущихъ людей, замѣчаетъ лѣтописецъ. Пришли всѣ мелкіе служебные князья, особенно съ сѣвера, князья бѣлозерскіе; пришелъ даже полоцкій князь съ псковичами. Но не слышно въ сказаніяхъ лѣтописей, чтобы тронулись съ своихъ мѣстъ князья крупные, независимые. Смоленскій, еслибъ и хотѣлъ, не могъ придти, потому что въ тылу у него сидѣлъ литовскій Ягайло, союзникъ татаръ. Тверской князь могъ отказаться, что былъ раззоренъ тою же Москвою, хотя есть извѣстіе, что онъ послалъ полкъ съ племянникомъ, между тѣмъ какъ по договору долженъ былъ явиться самъ. Не поминаются и нижегородскіе князья. Послѣ, когда Москва побѣдила, иные и въ лѣтописи записывали, что и они пахали, какъ это сдѣлали верхніе новгородцы, и какъ вѣроятно явилась запись и о тверской помощи. Старый лѣтописецъ новгородскій ни слова не говоритъ о томъ, чтобы Новгородъ помогъ Москвѣ. Онъ замѣтилъ только, что многіе москвичи, т. е. собравшаяся рать, небывальцы, очень устрашились, увидя татарскіе полки, и иные побѣжали. Сильные князья и области, если и допустимъ, что они по договорамъ посылали нѣкоторую помогу, все-таки умывали руки въ этомъ

дѣлѣ, ибо почитали это дѣло не общерусскимъ, а исключительно московскимъ, мѣстнымъ, хотя бы и великокняжескимъ, вѣдь на то и существовала тогдашняя пресловутая федерація.

И въ дѣйствительности, это дѣло было въ собственномъ смыслѣ московское, поднятое съ самаго начала русскою же крамолою, изъ зависти, ненависти и озлобленія къ Москвѣ.

Москва надѣялась только на самое себя и только на земскихъ людей, такъ что однимъ изъ сильныхъ ея союзниковъ былъ собственно посадъ—житейскіе люди и купцы, какъ упомянуто выше. Когда Дмитрій выступилъ изъ Москвы, то взялъ съ собою и выборныхъ изъ московскаго посада—10 мужей сурожанъ-гостей для того, чтобы они могли видѣть все своими глазами и могли бы разсказать о случившемся въ дальныхъ земляхъ, ибо ходятъ съ земли на землю, и знаемы всѣми, и въ Ордахъ на востокѣ, и во Фрязяхъ на западѣ. Имена этихъ людей записаны лѣтописцемъ наравнѣ съ именами болѣе видныхъ передовыхъ князей и бояръ. Стало быть своею помощью общему дѣлу они заслуживали народной памяти. Собралось такимъ образомъ въ истинномъ смыслѣ всенародное ополченіе и вотъ почему всѣ лѣтописи единогласно говорятъ, что небывалые въ битвахъ, всѣ ратники шли на побоище съ великимъ трусомъ и ужасомъ. Но за два дни до битвы подоспѣла въ полки грамотка Сергія Радонежскаго, въ которой преподобный старецъ приказывалъ великому князю, чтобы „господинъ шелъ-таки непремѣнно: поможетъ Богъ и св. Богородица!“ Прибыло мужества и силы у ратныхъ, и Мамай былъ разбитъ на рѣкѣ Непрядвѣ точно также, какъ за два года передъ тѣмъ была разбита высланная имъ рать на рѣкѣ Вожѣ. На побоищѣ явились героями не сильные высокомѣрные и честолюбивые князья, такъ много спорившіе о великомъ княженіи, а слабые владѣтели мелкихъ отчинъ, князья бѣлозерскіе, торусскіе, брянскіе и т. д,; явились героями вообще земцы, не помышлявшіе о владычествѣ надъ Землею, но помышлявшіе только о службѣ родной землѣ. И вотъ почему послѣ этой достославной битвы московское личное дѣло борьбы съ Мамаемъ явилось дѣломъ общерусскимъ. Всѣ завистники и враги Москвы были посрамлены, какъ враги всея Руси, и народъ еще разъ почувствовалъ великую заслугу Москвы передъ Землею и естественно потянулъ къ ней со всѣхъ сторонъ, какъ къ истинному своему средоточію, державшему крѣпко общія цѣли и общее благо всей Земли. Житіе Дмитрія прямо говоритъ, что, послѣ побѣды, „раскольники и мятежники его княженія всѣ погибли и иные страны подклонились подъ его руки“.

Побѣда Москвы надъ Мамаемъ очень помогла новому искателю ординскаго царства Тахтамышу, который разгромилъ совсѣмъ Мамаеву Орду, завладѣлъ царствомъ и тотчасъ послалъ увѣдомить объ этомъ московскаго и всѣхъ другихъ русскихъ князей. Его посла приняли съ честью и всѣ князья отправили къ царю своихъ пословъ

съ обычными дарами. Всѣ князья въ то же время, переговорившись посольствами, уставили между собою велію любовь, говоритъ лѣтописецъ, т. е. какой-то крѣпкій союзъ несомнѣнно противъ татаръ и несомнѣнно по вызову Москвы, быть можетъ, относительно уплаты выходовъ и стойкой борьбы въ случаѣ новаго нападенія. Къ чему привела эта велія любовь—сейчасъ увидимъ. Прошло года два. По какому-то случаю, Тахтамышъ посылаетъ особаго посла къ московскому и ко всѣмъ русскимъ князьямъ звать ихъ всѣхъ въ Орду. Посолъ съ отрядомъ татаръ доходитъ до Нижняго Новгорода, слышитъ какія-то вѣсти и не дерзаетъ идти въ Москву. Поворотивъ домой въ Орду, онъ однако отправилъ въ Москву нѣсколькихъ татаръ въ малой дружинѣ; но и тѣ не посмѣли идти въ Москву. Больше ничего не разсказываетъ лѣтописецъ; но ясно, что въ Нижнемъ татары узнали что-то неладное. Прошло еще нѣсколько времени и по слову Тахтамыша на Волгѣ, въ Казани, и въ другихъ мѣстахъ всѣ русскіе гости-купцы были похватаны, ограблены и заключены въ неволю. Царь собрался наказать Москву внезапнымъ разбойничьимъ набѣгомъ и похваталъ гостей и съ ихъ кораблями, чтобы никто не далъ знать о его замыслѣ. Нижегородскій-суздальскій князь поспѣшилъ выслать къ царю двухъ своихъ сыновей, которые едва его догнали уже близь Рязанской земли. Рязанскій Олегъ встрѣтилъ царя не только съ покорностію, но, спасая себя и ненавидя Москву, пособилъ ему пройти туда окольными путями, разсказалъ даже, какъ легче взять городъ и добыть самого князя.

Въ Москвѣ все-таки узнали объ опасности отъ своихъ доброхотовъ изъ ординскихъ же мѣстъ. Великій князь сталъ было собирать войско, но тутъ обнаружилась въ князьяхъ и боярахъ великая рознь. Никто не хотѣлъ пособлять другъ другу, помогать братъ брату. Какъ будто всѣ сговорились предать Москву татарамъ. Дмитрій струсилъ и ушелъ въ Кострому. Въ Москву пришелъ было митрополитъ Кипріанъ, но, увидѣвъ въ городѣ распрю и мятежъ, скоро ушелъ въ Тверь. Москвичи остались безъ головы и безъ руководителя и страшно волновались. Одни хотѣли бѣжать изъ города, другіе, по преимуществу чернь, хотѣли сѣсть въ осаду. Насталъ великій мятежъ, созвонили во всѣ колокола вѣче и заперли ворота. Кто хотѣлъ уйдти, тѣхъ побивали и грабили; едва выпустили митрополита и великую княгиню. Тѣмъ временемъ прибылъ въ городъ литовскій князь Остей, внукъ Ольгердовъ. Онъ успѣлъ укротить мятежъ и возстановить порядокъ. Вслѣдъ затѣмъ пришелъ и Тахтамышъ (1382 г.). Три дня стоялъ онъ около города, но взять его не могъ и взялъ только обманомъ, при помощи двухъ сыновей нижегородскаго князя. Москва была сожжена и разграблена дочиста. Все накопленное богатство было разнесено въ одинъ часъ. Однихъ книгъ, снесенныхъ для сохранности въ осаду погибло многое множество. Соборные храмы были наполнены ими до сводовъ. Затѣмъ были пограблены и пож-

жены всѣ города великаго княженія, т. е. только Московской области, Владиміръ, Юрьевъ, Переяславль, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ, Коломна. Новгородскій лѣтописецъ замѣчаетъ по поводу этого нашествія, что нельзя было и счесть всѣхъ убытковъ и потерь, какія упали на область великаго княженія, что мало сказать и тысячу тысячъ!

Тверской князь выслалъ къ Тахтамышу своего посла со многими дарами. Царь взамѣнъ того отправилъ ему ярлыкъ съ пожалованіемъ. Онъ приходилъ наказывать только московскаго князя. Окончивъ дѣло, Тахтамышъ послалъ къ нижегородскому князю посольство, своего шурина, отпустивъ къ нему и одного сына, а другого повелъ съ собою въ Орду. На пути Тахтамышъ все-таки опустошилъ и Рязанскую землю, какъ бы въ наученіе князю Олегу, что надѣяться на татарина опасно, и что слѣдовало бы ему не выдавать, а защищать Русскую Землю сообща съ московскимъ княземъ. И Москва не забыла рязанской услуги и въ ту же осень такъ опустошила рязанскія мѣста, что пуще имъ было и татарской рати.

Вскорѣ Тахтамышъ прислалъ и въ Москву посла съ миромъ. Но въ ту же осень въ Орду вдругъ отправился искать великаго княженія тверской князь и съ сыномъ, и пошелъ „не прямицею, но околицами и не путями, таясь и опасаясь“, хитря и коварствуя передъ Москвою, которая была теперь такъ опустошена и раззорена, какъ никогда не бывало и съ Тверью. Онъ крѣпко надѣялся, что Москва теперь погибла и что время благопріятно для нападенія на обезсилѣвшаго врага. Митрополитъ Кипріанъ то же не двигался изъ Твери въ Москву, такъ что пришлось его вызвать оттуда особымъ посольствомъ, по какому случаю Москва отказала ему и въ митрополіи и онъ вскорѣ удалился въ Кіевъ. Видимо, что онъ не былъ еще хорошо знакомъ съ отношеніями князей Суздальской Руси.

Тягаться о великомъ княженіи московскій князь выслалъ своего одинадцатилѣтняго сына, Василья, отдавъ его на руки старѣйшимъ и вѣрнымъ своимъ боярамъ. Произошелъ вѣроятно новый аукціонъ, столько выгодный для татаръ. Однако, Москва выиграла. Тверской князь возвратился безъ великаго княженія, оставивъ все-таки заложникомъ въ Ордѣ своего сына, вѣроятно за долги, какія сдѣлалъ, покупая великокняжескій столъ. Въ заложникахъ остался и московскій княжичь Василій, именно въ 8,000 руб., которыми Москва откупалась отъ притязаній тверского князя. Татаринъ торжествовалъ, а русскій крестьянинъ долженъ былъ своимъ потомъ и кровью выкупать княжескія смуты и крамолы и борьбу ихъ честолюбія и властолюбія.

Примѣчателенъ отвѣтъ Тахтамыша тверскому князю: „Я улусы свои самъ знаю, говорилъ царь, и каждый князь русскій на моемъ улусѣ, а на своемъ отечествѣ живетъ по старинѣ, а мнѣ служитъ правдою, и я его за то жалую. А что была неправда передо мною моего улусника князя московскаго, то я его поустрашилъ и онъ мнѣ

служитъ правдою, и я его жалую по старинѣ въ его отчинѣ; а ты поди въ свою отчину въ Тверь и служи мнѣ правдою, и я тебя жалую". Такія рѣчи князья слышали въ Ордѣ не одинъ разъ, потому что Орда вообще руководилась политикою, чтобы каждый изъ ея улусниковъ сидѣлъ смирно на своемъ мѣстѣ, смирно платилъ бы дань, не захватывая чужаго.

Нашествіе Тахтамыша только на московскую великокняжескую область явно показываетъ, что его походъ былъ устроенъ крамолою русскихъ же князей; что въ этомъ случаѣ Москва обманулась въ ихъ союзѣ, который было устроила послѣ побѣды надъ Мамаемъ; что именно этотъ союзъ и былъ подходящимъ поводомъ для обвиненія Москвы передъ ординскомъ царемъ. Лѣтописцы не разсказываютъ всѣхъ обстоятельствъ, но дѣйствія князей противъ Москвы очевидны изъ разсказанныхъ ими же событій.

Когда Москва по прежнему получила ярлыкъ на великое княженіе, то за сборомъ выкупа явился „лютый" посолъ и была дань великая по всему княженію московскому, собирали съ деревни (съ двухъ трехъ дворовъ) по полтинѣ, и золотомъ, т. е. вещами давали въ Орду, безъ отдатка, безъ возврата, замѣчаетъ лѣтописецъ, показывая тѣмъ, что подобные сборы бывали и съ возвратомъ собраннаго. Народъ, деревня и посадъ, очень хорошо понимали отъ какихъ причинъ постигали их такія невзгоды и напасти. Сколько бѣдствій они испытали только потому, что тверской князь спорилъ съ московскимъ о правѣ владычествовать надъ всею Русью. Если прежде это право въ дѣйствительности было спорное, то теперь, послѣ очевидныхъ заслугъ Москвы предъ всею Землею, оно явилось уже безспорнымъ на сторонѣ Москвы, и Тверь, наполнившая свою исторію только одними побужденіями и дѣйствіями владычества, неоставившая въ народной памяти ни одной заслуги, направленной къ общимъ цѣлямъ и выгодамъ народа, конечно въ глазахъ этого народа являлась только крамольникомъ, безпокойнымъ человѣкомъ, отъ котораго никому нѣтъ житья. Такъ покрайней мѣрѣ долженъ былъ разсуждать народъ московской великокняжеской области, наиболѣе посадской и промышленной, населенной потомками древнихъ володимірцевъ каменьщиковъ. Москва, какъ мы не одинъ разъ видѣли, крѣпко держалась за посадъ, потому что и на самомъ дѣлѣ въ низовской сторонѣ посадъ былъ первою силою, основою и корнемъ въ развитіи всей страны. Само собою разумѣется, что и посадъ глядѣлъ на Москву, какъ на свою крѣпость, какъ на свою оборону и защиту во всѣхъ смутныхъ случаяхъ. Никто изъ другихъ князей не умѣлъ такъ стоять за своихъ друзей или подданныхъ, и за общеземское дѣло, какъ московскій князь, и никто не охранялъ столько времени земскую тишину, какъ таже Москва.

Еще во время московскаго похода на Тверь въ 1375 г. новгородскіе ушкуйники (70 ушкуевъ съ 2000 человѣкъ) пограбили и раззорили Кострому и Нижній Новгородъ; особенно досталось Костромѣ, гдѣ воевода Плещеевъ, по ироническому выраженію лѣтописи, „подавъ плещи", первый же побѣжалъ отъ разбойничей рати и отдалъ городъ на полное разграбленіе. Дерзкая ватага отъ Костромы спустилась въ Нижній, который тоже былъ взятъ, разграбленъ и сожженъ. Забравъ въ обоихъ городахъ множество плѣнныхъ и пограбивъ еще и Каму, ватага весь этотъ полонъ распродала въ Болгарахъ, въ казанскихъ мѣстахъ, и отплыла внизъ по Волгѣ къ Сараю, грабя и разбивая и бесерменскихъ и своихъ же русскихъ гостей. Наконецъ, съ новымъ полономъ разбойники достигли Астрахани. Тамъ точно также съ успѣхомъ распродали всѣхъ плѣнныхъ и завели дружбу съ астраханскимъ княземъ, который однако обольстилъ ихъ, напоилъ пьяными, и всѣхъ истребилъ до единаго. Изъ ихъ череповъ потомъ сооружена была небольшая мечеть, нѣчто въ родѣ памятника. Лѣтописцы записали этотъ случай, какъ явное свидѣтельство Божескаго возмездія за совершенное земское зло. Люди всѣ погибли, но было всѣмъ извѣстно, откуда они собрались и откуда вышли на разбой. Въ свое время Москва не могла обратить на это должнаго вниманія. Усобица съ Тверью, и ея продолженіе въ нашествіяхъ Мамая и Тахтамыша, совсѣмъ отняли у ней силы. Она сама чуть не погибла. Но, отправившись послѣ Тахтамышева погрома, московскій князь поднялъ счетъ и о волжанахъ, какъ тогда прозывались новгородскіе ушкуйники. Онъ разгнѣвался на Новгородъ и про волжанъ и про княжчины, т. е. за княжескіе доходы, которые тоже не выплачивались исправно. Онъ собралъ войско отъ всѣхъ низовскихъ городовъ, за исключеніемъ тверскихъ, вообще рѣдко принимавшихъ участіе въ московскихъ походахъ. Двадцать девять городовъ выслали свои рати. Эти города отъ Бѣлоозера и Устюга до Нижняго и Можайска и Коломны и составляли ту промышленную и торговую связь, надъ которою Москва господствовала не самовластіемъ своихъ князей, а самовластіемъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ, ибо она была крѣпкимъ узломъ всей этой связи.

Вся эта рать направилась къ Новгороду и, не дойдя 30 верстъ, остановилась, ибо на большое кровопролитіе Москва выходила въ рѣдкихъ случаяхъ. Новгородъ струсилъ, начались переговоры и дѣло покончилось тѣмъ, что вольные люди должны были за виновныхъ волжанъ заплатить 8000 р. Они эту сумму распредѣлили такъ: Новгородъ отдалъ 3000, а 5000 онъ наложилъ на Заволочье (Двинская область), потому что и заволочане были на Волгѣ. Раздѣлъ едва ли былъ справедливъ, а потому онъ необходимо дѣйствовалъ въ пользу Москвы, ибо поплатившись дороже, чѣмъ слѣдовало, Заволоцкая Земля оставалась недовольною и самимъ Новгородомъ.

Такъ Москва обуздывала земское своеволіе. Извѣстна политиче-

ская истина, что главная цѣль всякаго правительства есть безопасность жизни и имущества. Москва, руководимая промышленнымъ земствомъ своей области, преслѣдовала эту цѣль впереди всѣхъ другихъ и повсюду во всѣхъ случаяхъ, и за то конечно много выигрывала въ общемъ мнѣніи народа. Поэтому именемъ Москвы мы не можемъ обозначить только одно будто хитрое, алчное, коварное, самовластное насиліе московскихъ князей, какъ это утверждено Карамзинымъ и развито дальнѣйшими изслѣдованіями.

Москва является совокупностью многихъ историческихъ и народныхъ силъ, въ числѣ которыхъ личная воля ея князей занимаетъ самое послѣднее мѣсто. Къ тому же ея князья по большей части не отличаются никакими особыми личными талантами; всѣ они люди рядовые, а половина изъ нихъ въ политическомъ смыслѣ положительно люди слабые; именно Иванъ Ивановичъ, его сынъ Дмитрій Донской, и внукъ Донского, Василій Темный.

Герой Донской битвы съ Мамаемъ на смертномъ одрѣ самъ сознается, что онъ, какъ родился, такъ и жилъ до смерти, на рукахъ своихъ бояръ, въ ихъ волѣ и въ зависимости отъ нихъ; что бояре были у него не боярами, а князьями въ его Землѣ. И дѣйствительно, при Донскомъ бояре, можно сказать, на своихъ плечахъ вынесли Москву изъ всѣхъ опасностей, какія скопились надъ нею и по случаю малолѣтства князя и по случаю вновь поднявшейся борьбы съ Тверью, Литвою и съ татарами. Вмѣсто погибели, Москва восторжествовала надъ своими врагами и даже при слабомъ князѣ сдѣлалась еще властительнѣе, конечно, по той причинѣ, что смуты и безпорядки всегда еще больше развиваютъ и укрѣпляютъ власть и именно такую власть, на которую народу можно надѣяться как на каменную стѣну Но все таки властительство Москвы никогда не выступало изъ стараго великокняжескаго обычая и притомъ всегда было ограничено договорными записями не только съ независимыми, но и съ служебными князьями. Договоръ, уставъ, составлялъ тогда живую основу княжескихъ политическихъ отношеній. Договоръ съ Тверью послѣ полной надъ нею побѣды лучше всего опредѣляетъ характеръ и объемъ того самовластія, за которое такъ преслѣдуютъ Москву историки. Москва не предъявляетъ Тверскому князю никакихъ господарскихъ самовластительныхъ требованій и возстановляетъ миръ только на правахъ старшаго брата, то есть ставитъ въ основу своихъ отношеній къ Твери не господарство, а братство. Точно также она старается умирить и суровѣйшаго, по выраженію лѣтописи, рязанскаго князя Олега, который въ 1386 г. внезапно захватилъ и пограбилъ Коломну, какъ при его малолѣтствѣ, въ 1353 г., была захвачена отъ Москвы и Лопостня. За эти земли былъ давній споръ между Рязанью и Москвою. Рязань захватила ихъ отъ древнихъ черниговскихъ земель. Москвѣ они достались, вѣроятно, какъ наслѣдство владимірскаго княженія еще отъ Всеволода III. Послѣ военнаго похода, не желая распростра-

нять дальнѣйшее кровопролитіе, Москва теперь послала къ Олегу просить вѣчнаго мира и любви особаго посла, преп. Сергія Радонежскаго со старѣйшими своими боярами. Преподобный старецъ кроткими рѣчами достигъ своей цѣли. Князь Олегъ отложилъ свое свирѣпство и заключилъ съ московскимъ княземъ вѣчный миръ. Коломна осталась за Москвою. Были слѣдовательно разумныя и правдивыя основанія для такого мира. Въ противномъ случаѣ преподобный старецъ, уже тогда всѣмъ извѣстный святостію своей жизни, не взялъ бы на себя посольство, направленное только въ защиту московскаго хищничества.

По смерти Донского, садится на княженіе его сынъ Василій, опять очень молодой человѣкъ, 18 лѣтній юноша. Но онъ садится уже безъ спора. По какому то случаю, только нижегородскій князь Борисъ Константиновичъ отправился въ Орду и жилъ тамъ два года. Быть можетъ онъ искалъ чего либо изъ великаго княженія. Само собою разумѣется, что Москва не могла забыть нижегородской услуги во время Тахтамышева нашествія, когда при пособіи нижегородскихъ князей и самый городъ былъ взятъ и опустошенъ какъ прежде никогда не бывало.

Трудно было и забыть такую обиду, особенно въ отношеніи нижегородскихъ князей, которымъ Москва постоянно помогала въ ихъ постоянной же борьбѣ съ болгарскими татарами. Москва помнила также, что первый ея великій князь, Иванъ Даниловичь, раздѣливъ великое княженіе съ предкомъ нижегородскихъ князей, Александромъ Суздальскимъ, тѣмъ самымъ возвысилъ ихъ родъ и ихъ княженіе, далъ имъ основу даже спорить о великомъ княженіи съ тою же Москвою. Всѣмъ также было очевидно, что Нижегородское Суздальское княжество, находясь на границахъ болгарскихъ, мордовскихъ, татарскихъ, само по себѣ не можетъ обороняться отъ этихъ сосѣдей, не можетъ существовать безъ помощи и обороны именно со стороны Москвы, такъ какъ и нижегородско-болгарскій торгъ вполнѣ зависѣлъ тоже отъ Москвы. Вотъ почему и отъ волжанъ разбойниковъ Нижній защищаетъ тоже Москва. Очевидно, что нижегородскіе князья, еслибъ были хорошіе политики, должны были крѣпко держаться за Москву, но они думали ее же побороть, соединясь съ татарами.

Василій Дмитріевичь, какъ только наступило ему 20 лѣтъ, отправился въ Орду и былъ принятъ тамъ съ необычайною честью; ни одинъ изъ прежнихъ великихъ князей, ни отъ одного царя не получалъ такого почета. Надо сказать, что онъ былъ старый знакомый въ Ордѣ. Онъ отрокомъ жилъ тамъ три года въ заложникахъ, по случаю спора о великомъ княженіи съ Тверью, и потомъ тайно ушелъ оттуда сначала на Донъ, затѣмъ въ Валахію, оттуда въ Литву и наконецъ добрался до Москвы, благодаря тому, что далъ слово ли-

товскому Витовту жениться на его дочери Софьѣ. Такой проворный князь былъ на радость татарамъ уже потому, что опять пришелъ къ нимъ. Дары и деньги, безъ которыхъ невозможно было являться въ Орду, какъ видно, въ этомъ случаѣ превышали ожиданія самихъ татаръ. Но Москва раздобрилась съ особою цѣлью. Она выпросила у того же Тахтамыша, за которымъ бѣгали нижегородскіе князья, въ полное себѣ владѣніе Нижній и Городецъ, а къ тому еще Муромъ, Мещеру и Тарусу. Послѣднія двѣ земли уже давно тянули къ Москвѣ, и тарускій князь, служа Москвѣ, погибъ на Куликовомъ полѣ. Несомнѣнно, что давно тянули въ Москвѣ и нижегородцы съ городчанами. Когда Василій, возвратившись изъ Орды, послалъ въ Нижній татарскаго посла и своихъ бояръ объявить волю хана, то нижегородскіе бояре и народъ, собранный по звону колоколовъ, обѣими руками выдали Москвѣ своего князя. Говорятъ, что князь Борисъ, его княгиня, и всѣ оставшіеся съ нимъ его доброхоты, были окованы и посажены по темницамъ. Впрочемъ, есть извѣстіе, что спустя нѣсколько времени Нижній попалъ въ руки Борисову сыну Данилу, который, однажды, пользуясь случаемъ и пригласивъ татаръ, внезапно по разбойнически напалъ на беззащитный городъ Владиміръ и ограбилъ его. Быть можетъ, это обстоятельство дало великому князю уже полное право совсѣмъ изгнать изъ Нижняго его новаго князя, который, послѣ того, то приходилъ на службу въ Москву, то снова уходилъ, вѣроятно, изыскивая способы опять сѣсть на княженіе въ Нижнемъ.

Москва требовала службы, а владѣтельные князья требовали родственныхъ отношеній и не хотѣли служить, зная что они родились повелѣвать. Отсюда происходила безконечная борьба московскихъ стремленій съ стремленіями мѣстныхъ князей. Но службы требовало уже само время. Кто не хотѣлъ служить Москвѣ, тому приходилось служить и все-таки служить, или Литвѣ, или татарамъ: другого выхода уже не было, т. е. требовалось примкнуть къ какому либо единству, потому что теперь только въ единствѣ и обрѣталась политическая сила. Племянники нижегородскаго Бориса, Василій Кирдяка, отъ котораго пошелъ знаменитый родъ князей Шуйскихъ, и Семенъ, тѣ самые которые приходили съ Тахтамышемъ къ Москвѣ, оставлены были на княженіи въ Суздалѣ, гдѣ вѣроятно даны были нѣкоторыя волости и дѣтямъ Бориса. Суздаль не поступилъ во владѣнье Москвы вмѣстѣ съ Нижнимъ, а остался какъ бы независимымъ, но все-таки подъ рукою Москвы, чего не вынесли его князья, Василій и Семенъ, и недовольные вскорѣ побѣжали въ Орду, съ мыслью отыскать тамъ свое потерянное нижегородское княженіе. О Васильѣ Кирдякѣ неизвѣстно, чѣмъ онъ кончилъ, но Семенъ 8 лѣтъ сряду служилъ въ Ордѣ 4-мъ царямъ, приводилъ рать на Нижній и однажды въ расплохъ захватилъ и пограбилъ городъ. „Многія напасти и многія истомы претерпѣлъ, недавая покоя своимъ ногамъ,

все поднимая рать на великаго князя московскаго, все добиваясь какъ бы найдти свою отчину, нижегородское княженіе". Но все было напрасно. Наконецъ, Москвѣ удалось захватить его княгиню, гдѣ-то въ Мордовской Землѣ; затѣмъ скоро покорился и пришелъ въ Москву и неутомимый труженикъ. Великій князь далъ ему на кормленіе Вятку, куда онъ отправился уже больной и вскорѣ тамъ скончался.

Потомки этихъ трехъ князей, Бориса, Василья и Семена, вошли потомъ въ составъ князей служебныхъ. Внукъ Бориса и внукъ Семена, одинъ по смерти другого, были женаты на дочери Василья Дмитріевича, Василисѣ.

И князь Борисъ, и князь Семенъ, служатъ примѣромъ того, какъ помѣстные князья, хотя и много о себѣ думавшіе, но ничего недѣлавшіе для общенародныхъ цѣлей, теряли подъ собою почву и оставались одинокими въ своихъ стремленіяхъ занять властное положеніе даже въ своемъ помѣстномъ княженіи. Конечно, въ этомъ была виновата политика Москвы, очень привлекавшая народное множество на свою сторону, и ничѣмъ инымъ, какъ постоянными заботами о крестьянскомъ добрѣ и благѣ, а слово крестьянскій, или христіанскій, въ то время въ точномъ смыслѣ значило тоже, что общенародный, общеземскій.

Общія цѣли и интересы, о которыхъ столько хлопотала Москва, привлекли къ ней доброхотовъ по всѣмъ мѣстамъ, а въ самой ея области создали особую народную твердь одномыслія и готовности жертвовать на общее дѣло послѣднія средства и послѣднія силы, платить въ случаѣ нужды по полтинѣ съ деревни и отдавать всѣ золотыя вещи, или идти всею громадою на Куликово поле. Въ этой народной тверди и сохранялась неизмѣнная сила Москвы, дававшая ей возможность стоять на своемъ и небояться не только русскихъ князей, но и самыхъ татаръ. Не прошло и 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ руки Москвы досталось великое княженье, или старѣйшая власть между князьями, и московскій князь, самъ еще юноша 24 лѣтъ, требуетъ у своего соперника тверского князя, надѣявшагося только на Литву да на татаръ, чтобы онъ вмѣстѣ съ нимъ, когда понадобится, шелъ именно на этихъ самыхъ татаръ, чтобы онъ съ нимъ былъ въ одной думѣ именно противъ татаръ. Это было еще за пять лѣтъ до Куликовской побѣды, надъ Мамаемъ. Размышляя и поступая такъ, на что же надѣялась Москва? Она твердо стояла на своей русской земской почвѣ и крѣпко на нее надѣялась. Только созданная ею же народная твердь давала ей независимую опору поставить во главу угла своей политики и всенародную идею объ освобожденіи отъ татарскаго ига. Съ тѣхъ поръ и въ договорныхъ и въ духовныхъ московскихъ грамотахъ уже постоянно встрѣчаются условія: „А если насъ Богъ избавитъ, освободитъ отъ Орды... А если отдалится отъ насъ Орда... А если перемѣнитъ Богъ Орду..." Это писалось въ то самое время, когда собранная Москвою народная твердь под-

вергалась грозному и трудному испытанію отъ татарскаго нашествія. Но она со славою выдержала это испытаніе и не смотря на всяческія бѣдствія, какими оно сопровождалось, вышла изъ борьбы съ новыми силами и съ новымъ могуществомъ. Мамаево побоище людей и истребленіе въ прахъ и пепелъ самой Москвы Тахтамышемъ, не произвели ни малѣйшей перемѣны въ устойчивости упомянутой народной тверди. Напротивъ, къ ней теперь еще сильнѣе потянули всѣ народныя украйны, раздѣленныя на части только по случаю разновластнаго княжескаго кормленья. Прежде всѣхъ другихъ, конечно, долженъ былъ примкнуть къ этой тверди Нижній-Новгородъ, служившій вообще передовымъ выселкомъ отъ Суздаля, т. е. отъ самой середины великокняжеской или собственной древней промышленной области. Но къ Москвѣ вскорѣ потянула и свободная, хотя и далекая, Новгородская Двинская область. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что дѣло началъ самъ великій князь Василій Дмитріевичъ, приславши къ двинянамъ приглашеніе отдѣлиться отъ Новгорода и отдаться ему. Такъ несомнѣнно и говорили двиняне своему господину Новгороду Великому. Но приглашеніе великаго князя не могло родиться только изъ алчности къ захватамъ. Мало ли куда можно было посылать такія приглашенія, но ихъ выслушивали съ охотою лишь тамъ, гдѣ уже ходила мысль о соединеніи съ Москвою. Такъ и въ этомъ случаѣ, свободная Земля по первому слову отдалась Москвѣ, потому что это слово выражало только тайную мысль двинскаго народа. Какъ же за это и наказанъ былъ двинскій народъ отъ Новгорода! За преступленіе и за вину двинянъ новгородцы взяли на нихъ 2000 р. и 3000 коней и при этомъ опустошили бѣлозерскія и устюжскія великокняжескія волости, да и съ низовыхъ гостей взяли окупу 300 р. Москва уступила тѣмъ легче, что сами же новгородцы запросили мира. Меньше всего Москва поднималась на завоеванія и не любила кровопролитія между своими братьями христіанами, особенно въ такихъ обстоятельствахъ, какъ присоединеніе области, гдѣ все должно было устроиться миролюбиво и добровольно, иначе не была бы крѣпка связь съ новоприсоединенными людьми. Всегда ожидая въ такихъ случаяхъ доброй воли, Москва обыкновенно оставляла такое дѣло выработать самому времени. Относительно Двинской земли, должно замѣтить, что она стала тянуть къ суздальской сторонѣ еще со времени Андрея Боголюбскаго, несомнѣнно вслѣдствіе экономическихъ промышленныхъ связей, которыя съ того же времени въ суздальской или низовой Руси стали развиваться съ особою силою. Знаменитый походъ Андрея на Новгородъ въ 1170 г. былъ предпринятъ именно по тому случаю, что двиняне не хотѣли дани давать Новгороду, а отдали суздальскому князю.

Такъ укрѣплялась народная или собственно національная твердь около Москвы. Выдержавъ со славою испытаніе своей крѣпости въ усобицахъ съ Тверью, Литвою и въ борьбѣ съ Мамаемъ, эта твердь

должна была подвергнуться новому испытанію, болѣе опасному, чѣмъ татарскія нашествія и борьба съ сосѣдними князьями. Она должна была перенести, какъ опасную болѣзнь, усобицу домашнюю, усобицу въ собственной семьѣ московскихъ князей. Отъ такихъ усобицъ всегда погибали всѣ русскія независимыя и зависимыя княжества, отъ нихъ погибъ и самъ Великій Новгородъ. Но Москва спаслась и отъ этого бѣдствія, благодаря именно народной тверди, которая вскорѣ перемолола княжескія отношенія въ такую муку, какая была потребна не для того или другого князя, а для всей Земли.

Добрый завѣтъ Ивана Даниловича Калиты жить за едино, слушать старыхъ бояръ и отца владыку митрополита, строго выполнялся Москвою почти цѣлое столѣтіе. Правда, случались ссоры и крамолы, но они такъ были незначительны и такъ скоро прекращались, что единство и крѣпкая связь московской жизни нисколько ими не колебалась. Но старые бояре помирали, добрыя преданія по немногу забывались, и при Васильѣ Дмитріевичѣ выдвинулись впередъ молодые бояре, и при томъ любимцы, которыхъ онъ сталъ слушать больше чѣмъ старыхъ, то есть въ сущности выдвинулась впередъ личная воля великаго князя, что нарушало старые московскіе завѣты и вносило въ боярское единство колебанія и смуту. Кромѣ того, и само боярство должно было раздѣлиться на нѣсколько партій по числу лицъ княжескаго дома, такъ какъ у великаго князя Василья было въ живыхъ четыре брата. Начались крамолы, неудовольствія, обиды, особенно для старыхъ бояръ.

Этотъ боярскій расколъ, впервые пробудившійся въ Москвѣ при Васильѣ Дмитріевичѣ, довольно ясно обозначается и въ лѣтописныхъ замѣткахъ, и особенно въ извѣстномъ письмѣ татарскаго вождя Едигея къ великому князю, написанномъ послѣ его нашествія на Москву въ 1408 г.

Татаринъ, какъ будто вставшій изъ гроба самъ Иванъ Даниловичъ Калита, поучаетъ его молодого правнука старому московскому уму разуму. Онъ пишетъ, что приходилъ на Москву и раззорилъ великокняжескую область за то, что неисправно живетъ великій князь, неисправно держитъ свой улусъ. „Пріѣзжаютъ къ вамъ ординскіе послы и торговцы и вы ихъ на смѣхъ поднимаете, а торговцевъ притѣсняете и обижаете; и того прежде не бывало. И ты бы спросилъ старыхъ, какъ дѣлалось прежде, говоритъ онъ великому князю. Теперь ты старыхъ не спрашиваешь и какое добро прежде было, того теперь не дѣлаешь. Добрые нравы и добрые дѣла и добрая дума къ Ордѣ была отъ Ѳедора отъ Кошки (боярина). Добрый былъ человѣкъ: которыя добрыя дѣла ординскія, то онъ тебѣ поминалъ, а теперь все то миновало. Нынче у тебя его сынъ, Иванъ, казначей и любимецъ и старѣйшина, и ты нынче изъ его слова и думы не выступаешь и старцевъ земскихъ не слушаешь, которые знаютъ, какъ быть добру. И вотъ за то раззоренъ твой улусъ... Отнынѣ такъ бы ты

не дѣлалъ. Собралъ бы ты своихъ бояръ старѣйшихъ и многихъ старцевъ земскихъ да и думалъ бы съ ними добрую думу, не на погибель твоимъ крестьянамъ".

Татаринъ при этомъ наименовалъ даже нѣкоторыхъ старыхъ бояръ, которыхъ слѣдовало слушаться. Иные изъ нихъ и оказались вскорѣ большими крамольниками, каковъ былъ напр. Петръ Константиновичъ. Можно даже полагать, что Едигеево посланіе сочинялось въ самой Москвѣ, да и разбойничій набѣгъ его, подобно набѣгу Тахтамыша, былъ сочиненъ тоже при помощи русскихъ же враговъ великаго князя.

Вообще, Едигеевы совѣты, которые во всякомъ случаѣ онъ писалъ съ русскихъ же словъ, обнаруживаютъ, что во внутреннихъ дѣлахъ Москвы произошли значительныя перемѣны не къ лучшему, что поколеблена была не только боярская дума, но и обычай думать заодно съ земскими старцами, то-есть призывать на совѣтъ и соборъ старѣйшихъ людей земства. Повидимому, этотъ обычай, какъ старый уставъ, исполнялся во всей низовской или московской странѣ со временъ Всеволода III.

Нѣтъ на него прямыхъ непосредственныхъ указаній, но есть много обстоятельствъ, заставляющихъ предполагать живую силу его дѣйствій.

Василій Дмитріевичъ княжилъ 36 лѣтъ и послѣ себя оставилъ одного сына Василья и къ тому же малолѣтнаго, которому всего было 10 лѣтъ. И дѣдъ этого малютки, Дмитрій Донской, вступилъ на княженіе въ тѣхъ же лѣтахъ, но тогда вокругъ него существовалъ крѣпкій союзъ боярства, еще горѣла свѣча общаго единства. Теперь, какъ мы говорили, въ боярствѣ произошелъ расколъ. Старые отдѣлились въ своихъ интересахъ отъ молодыхъ и кромѣ того иные перешли на сторону Васильева дяди, Юрья галицкаго. Самые права Василья Васильевича на великое княженіе оказывались сомнительными, потому что въ завѣщаніи Донского не совсѣмъ ясно отдѣлено наслѣдованіе великимъ княженіемъ отъ наслѣдства старшимъ удѣломъ собственно московской отчины. Его отецъ еще при своей жизни хотѣлъ было подписать подъ своимъ маленькимъ сыномъ своего брата изъ старшихъ, Константина, то-есть привесть его къ присягѣ на покорность малолѣтному. Но тотъ возсталъ противъ такого самоволія сказавши великому князю, что „такого дѣла изъ начала не бывало; зачѣмъ же онъ хочетъ на немъ первомъ поставить такую новину?" Очевидно, что болѣе несговорчивый дядя, Юрій, ни въ какомъ случаѣ не могъ согласиться быть младшимъ братомъ своего малолѣтнаго племянника. Тотчасъ по смерти великаго князя Василья, онъ удалился въ свой Галичь. Начались было ратные походы, но дядя, не

находя силъ въ земствѣ, запросилъ перемирія на годъ, а въ Москвѣ, между тѣмъ, по общему совѣту рѣшили послать къ дядѣ посольствомъ самого митрополита Ѳотія, дабы установился миръ. Митрополитъ съ радостію принялъ на себя это посольство и съ большою поспѣшностью прибылъ въ Галичь, гдѣ дядя Юрій собралъ уже изъ всѣхъ своихъ волостей черныхъ людей, многое множество, и разставилъ ихъ толпами на виду съ той стороны, откуда долженъ былъ придти митрополитъ. Онъ хотѣлъ показать святителю, что и за него стоитъ „многій народъ". Всѣ люди по времени года одѣты были въ серьмягахъ. „Никогда не видывалъ я столько народа въ овечьихъ шерстяхъ!" воскликнулъ митрополитъ, обратившись къ князю и давая ему тонкій намекъ, что вѣдь въ сущности это все овцы.

Переговоры окончились только тѣмъ, что Юрій, отказавшись искать великаго княженія ратными походами, согласился перенесть дѣло въ Орду на судъ и рѣшеніе хана. Однако, въ теченіи пяти лѣтъ, т. е. до случая смерти митрополита, онъ не поднималъ этого дѣла. Смерть святителя развязала руки всѣмъ враждамъ и крамоламъ, скопившимся въ то время въ московской княжеской семьѣ. Дядя и племянникъ поспѣшили въ Орду тягаться о великомъ княженіи. Тамъ краснорѣчивымъ и ловкимъ защитникомъ своихъ интересовъ явился московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ. Онъ убѣдилъ хана, что правда на сторонѣ племянника, которому и отданъ былъ ярлыкъ на великое княженіе; а молодого племянника, своего великаго князя, онъ убѣдилъ жениться на своей дочери. Тѣмъ бы дѣло и кончилось къ общему благополучію, ибо воевать съ Москвою вообще было трудно и особенно, когда ея боярство жило въ крѣпкомъ союзѣ. Но по возвращеніи въ Москву, великій князь, по настоянію своей матери литовки Софьи Витовтовны, измѣнилъ своему слову и женился на другой. Тогда старый бояринъ отъѣхалъ въ Галичь къ князю Юрью. Вслѣдъ затѣмъ, великая княгиня Софья публично, на свадебномъ пиру, опозорила дѣтей галицкаго князя, снявши съ одного изъ нихъ, Василья Косого, золотой поясъ, о которомъ старый же бояринъ Петръ Константиновичъ разсказалъ ей, что онъ былъ ворованый еще у дѣдушки великаго князя Дмитрія Донского. Вѣроятно это была боярская сплетня, но она возбудила такое озлобленіе галицкихъ князей противъ Софьи и ея сына, что отсюда и начались самыя свирѣпыя усобицы, какихъ Москва никогда не видывала, да рѣдко видѣли и другія княжества. Какъ будто передъ концомъ жизни мятежный духъ древне-русскихъ усобицъ возбудился въ полной силѣ, чтобы сказать свою послѣднюю предсмертную рѣчь о полной несостоятельности старо-завѣтныхъ началъ жизни.

Боярская твердыня разрушалась подъ великимъ княземъ Васильемъ и онъ остался почти одинокимъ. Дядя Юрій легко занялъ Москву, но не надолго, потому что, какъ только онъ сѣлъ въ Москвѣ, то москвичи всѣ перешли къ племяннику въ Коломну, которая отдана

была ему въ удѣлъ. Затѣмъ отступили отъ дяди и его собственные сыновья, Василій Косой и Дмитрій Шемяка, именно за то, что выпустилъ великаго князя Василья на удѣлъ въ Коломну. Великій князь пришелъ въ Москву, но опять былъ изгнанъ дядею, который вскорѣ въ Москвѣ же и померъ. Тогда на великое княженіе безъ всякихъ правъ сѣлъ его старшій сынъ Василій Косой, чего не захотѣли его братья и призвали въ Москву опять бѣглеца Василья. Теперь началась жестокая усобица съ двоюродными братьями. Василій Косой скоро нашелъ себѣ достаточную точку опоры въ сѣверныхъ краяхъ, на Двинѣ, въ Вяткѣ и на Костромѣ. Двиняне отдались ему и отложились отъ Новгорода, что вообще обнаруживало слабую ихъ связь съ Новгородомъ. Собравши войско, Косой однажды подкрался было къ самой Москвѣ и хотѣлъ обманомъ и въ расплохъ схватить князя, но былъ схваченъ самъ и ослѣпленъ. Это былъ древній политическій способъ унимать неугомонныхъ властолюбцевъ. Усобица и крамола перешла въ руки къ его брату Дмитрію Шемякѣ и на нѣсколько лѣтъ было утихла, но скоро выдвинула на сцену странствующаго ординскаго царя Улу-Махмета. Несомнѣнно, по уговору съ Шемякою, этотъ царь напалъ внезапно на Суздальскую волость. Великій князь Василій вышелъ на защиту, но съ небольшою ратью и въ битвѣ съ татарами израненный попался въ плѣнъ. Крамольники и съ Шемякою во главѣ тайно уже торжествовали. Но скоро татары взяли окупъ на великомъ князѣ 25 тысячъ и выпустили его. Въ Москвѣ встрѣтили плѣнника съ необычайною радостью. Но Шемяка не унывалъ. Онъ распустилъ слухъ, что московскій князь выпущенъ только на условіи, чтобы царю сѣсть на царство въ Москвѣ и на всѣхъ городахъ, а Василью будетъ отдана Тверь. Смыслъ этой выдумки былъ ясенъ. Шемяка увѣрялъ ею всѣхъ самостоятельныхъ князей, что они лишатся своихъ отчинъ и потому всѣ должны подняться на общаго злодѣя. Выдумка достигла цѣли особенно по той причинѣ, что въ самой Москвѣ кипѣла великая крамола противъ несчастнаго Василья. Къ Шемякиной думѣ присоединились и многіе отъ москвичь, бояре и гости, и даже чернецы Троицкаго Сергіева монастыря, отставные бояре же, разсказывавшіе преданія о московскихъ насиліяхъ тогдашнему списателю Сергіева житія, иноку Евфимію. У всѣхъ крамольниковъ была одна цѣль изгнать великаго князя.

Ничего не вѣдая, Василій Васильевичъ отправился однажды на богомолье въ Сергіевъ монастырь. Въ ту же ночь Шемяка захватилъ Москву. Все дѣлалось измѣною бояръ. Самъ Василій также безъ всякихъ затрудненій былъ схваченъ у Троицы, привезенъ въ Москву и ослѣпленъ. Малыя его дѣти, именно шестилѣтній, знаменитый впослѣдствіи, Иванъ Васильевичъ, съ братомъ, какъ то спаслись и были увезены доброхотами въ Муромъ. Шемяка побоялся посылать за ними рать, потому что всѣ люди негодовали на его княженіе и мыслили даже его убить. Оставленный старымъ боярствомъ, Василій, самъ

того не зная, нашелъ многочисленныхъ друзей въ молодыхъ дѣтяхъ боярскихъ, которые хотя и разбѣжались отъ Шемяки кто куда, а больше всего въ Литовскую сторону, но только затѣмъ, чтобы соединиться въ тѣсный союзъ и выручить изъ бѣды своего князя. Вся народная твердь, какъ упомянуто, было на ихъ сторонѣ и всячески имъ помогала. Шемяка, въ виду народнаго движенія, ничего не могъ сдѣлать лучше, какъ послать великаго князя и съ семьею на удѣлъ въ Вологду, разумѣется какъ бы въ заточеніе, взявши съ него присягу не искать великаго княженія. Но тамъ то на сѣверѣ великій князь и нашелъ себѣ еще большую поддержку. Игуменъ Кирилова Бѣлозерскаго монастыря со всѣми старцами прямо благословилъ его идти на Москву на великое княженіе, сказавши, что грѣхъ нарушенной присяги беретъ и со старцами на свои головы и будетъ за то Бога молить.

По мѣрѣ того, какъ великій князь подвигался къ Москвѣ, Шемяка все больше терялъ своихъ доброхотовъ—всѣ потянули къ великому князю. Одинъ случай вполнѣ характеризуетъ тогдашнее народное движеніе. Шли боярскіе дѣти съ поляками изъ Литовской стороны и въ смоленскихъ мѣстахъ у города Ельни встрѣтили татаръ съ двумя царевичами; началась перестрѣлка. Но татары кликнули: „Что вы за люди, куда идете?"—„Мы москвичи, отвѣчали русскіе, идемъ искать своего государя великаго князя Василья. А вы что за народъ?"—„А мы пришли изъ Черкасъ, отвѣтили татары,—слышали, что великій князь Василій обиженъ братьями, идемъ его искать за давнее его добро и за его хлѣбъ, что много добра намъ дѣлалъ". Такъ собирались полки помогать Москвѣ за старое ея добро. Шемякина крамола теряла почву и вскорѣ совсѣмъ была разрушена общенароднымъ движеніемъ на сторону Василья Темнаго, т. е. на сторону законнаго порядка. „Отъ сего времени, говоритъ одинъ хронографъ, въ Великой Руси про всякаго судью-грабителя и насильника говорили въ укоризнахъ, что это судья—Шемяка, что его судъ—Шемякинъ судъ". Такую память оставилъ по себѣ неугомонный искатель великокняжеской власти.

Московская Шемякина смута, какъ можно обозначить всю эту усобицу и боярскую крамолу, во многихъ обстоятельствахъ очень сходствуетъ съ великою смутою междоцарствія. Она возникла и поднялась изъ тѣхъ же источниковъ и точно также послужила только къ большему развитію народной тверди и къ большему развитію не только единодержавія, но и самодержавія. Необузданное самоуправство властолюбцевъ и корыстолюбцевъ, которое съ особою силою всегда поднималось во время княжескихъ усобицъ и крамолъ, лучше другихъ способовъ научало народъ дорожить единствомъ власти, уже много разъ испытаннымъ въ своихъ качествахъ на пользу земской тишины и порядка.

Господствующею силою древнерусской и собственно южнорусской

политической жизни, было боярство, называемое въ то время дружиною. Для его цѣлей единовластіе, единодержавіе, было противно, ибо цѣли дружины и ея вождей, разновластныхъ князей, заключались въ добываніи княжескихъ столовъ и боярскихъ волостей. Это былъ своего рода промыслъ, о которомъ беззастѣнчиво выражаются и тогдашнія писанія, какъ о самомъ обычномъ дѣлѣ. „Съ мудрымъ думцемъ, говорятъ тѣ писанія, князь добраго стола додумается, а съ плохимъ и свой столъ потеряетъ". Значитъ, на этой основѣ утверждалась вся постановка тогдашней княжеской и боярской жизни. Но эта жизнь должна была истратиться, какъ и всякая жизнь, тѣмъ болѣе, что она не заключала въ себѣ никакого сѣмени для болѣе высшаго органическаго развитія. Она непрестанно повторяла однѣ и тѣ же формы существованія, воспитывала одни и тѣ же характеры, возсоздавала одни и тѣ же событія. Въ сущности, это была политическая организація первичной породы, способная только безъ конца повторять одно и то же. Своею силою она заглушала и успѣла совсѣмъ заглушить поросли собственно земскаго, или посадскаго, крестьянскаго развитія, не давая ему покоя и тѣмъ преграждая ему всѣ пути къ промыслу и торгу. Въ послѣдствіи, когда ходъ исторіи потребовалъ такъ или иначе создать государство, въ южной Руси не нашлось основанія, въ ней не оказалось народа, т. е. той промышленной по преимуществу городской простонародной среды, безъ которой, какъ домъ безъ четырехъ угловъ, государство не ставится. Тамъ это городское сословіе образовалось изъ жидовъ и всякихъ чужеземцевъ. Когда дружинное начало жизни, распространяясь, такъ сказать, нарожденіемъ, перенеслось и на суздальскій сѣверъ, оно въ самомъ началѣ встрѣтило здѣсь иную силу, съ которою должно было на каждомъ шагу и много считаться. Этою силою былъ посадъ, именно промышленная среда простонародья. Вотъ почему князья дружинники, какъ и самая дружина, получаютъ здѣсь иной характеръ, иначе ведутъ себя, иначе размышляютъ. Исторія принимаетъ иной путь и единство власти утверждается даже земскимъ соборомъ еще въ 1211 году. Нашествіе татаръ разрушаетъ сложившійся было порядокъ, вноситъ смуту и насиліе въ народную жизнь и оттого въ ней пробуждаются и дѣйствуютъ старозавѣтныя стихіи княжескихъ усобицъ и борьбы за волости. Но эти усобицы не остаются въ рукахъ однихъ князей и дружины. Въ нихъ принимаетъ не видное, но сильное участіе именно посадъ. Онъ всѣми городами избиваетъ ненавистныхъ татаръ-откупщиковъ; мѣстами избиваетъ бояръ крамольниковъ; самъ собою, оставленный властями на произволъ судьбы, защищается отъ татаръ, особенно въ Москвѣ. Онъ дѣйствуетъ съ одною цѣлью, онъ хочетъ установить тишину и порядокъ, и потому прямо отдается лишь тому изъ князей, кто первый установляетъ земскую тишину. Для промысла и торга, для ремесла и работы, которыми только и существуетъ этотъ народъ, земская тишина и безопасность пер-

вое благо, важнѣйшее изъ всѣхъ житейскихъ дѣлъ. И вотъ почему не хлѣбопашецъ, а посадскій, всегда очень чутко слѣдилъ за всѣми княжескими дѣлами и работалъ за одно только съ тѣми изъ князей, у которыхъ находилъ сильную оборону своимъ интересамъ. Хлѣбопашцу, разселенному по землѣ особыми селами и деревнями, и невозможно было сосредоточиться въ такую общественную силу, какую способенъ былъ выставить городъ, къ тому же всегда связанный своими интересами и выгодами со многими другими, даже очень далекими городами. Дѣла и вліянія посада, какъ дѣла гражданскія, а не военныя, совсѣмъ почти не видны; лѣтописцы ими не занимаются, но за то они сохраняютъ иногда посадскія мысли, вставляя ихъ при случаѣ въ описаніе событій, какъ выраженіе общаго приговора и общаго мнѣнія объ этихъ событіяхъ со стороны народа. Чаще всего это мнѣніе обращалось именно къ княжескимъ смутамъ. При самомъ началѣ борьбы Твери съ Москвою, оно выразилось старыми словесами Игорева пѣвца, что отъ этой усобицы и княжеской крамолы сократился человѣческій вѣкъ. „Сѣялись и росли усобицы, отъ князей погибала жизнь народа (1307 г.)“. Затѣмъ, спустя 60 лѣтъ, по случаю тверскихъ же домашнихъ междоусобій, лѣтописецъ такъ разсуждаетъ: „Всѣ мы одинъ родъ и племя Адамово. И цари и князи и бояре и вельможи и гости и купцы и ремесленники и работные люди, одинъ родъ и племя Адамово, и забывшись, другъ на друга враждуютъ и ненавидятъ и грызутъ и кусаютъ, отходя отъ заповѣдей Божьихъ, что должно любить ближняго какъ самого себя“.

Въ 1402 г. по случаю явившейся кометы, лѣтописецъ высказываетъ краснорѣчивое обличеніе именно княжескимъ смутамъ и усобицамъ, отъ которыхъ видимо такъ наболѣло земское сердце, что оставалось только усердно молиться, чтобы Господь избавлялъ отъ такихъ бѣдствій и напастей... „Приходятъ послѣднія времена, размышляетъ лѣтописецъ, являются небесныя знаменія... Надо намъ покаяться, ибо они прообразуютъ то, о чемъ, говоритъ писаніе. Сказано: встанетъ языкъ на языкъ и царство на царство—и вотъ воюются народы: здѣсь татары, здѣсь турки, въ иномъ мѣстѣ фрязы, а здѣсь ляхи, тамъ нѣмцы, а тамъ Литва. Но зачѣмъ поминаю татаръ и турокъ и другихъ невѣрныхъ. Сами-то мы какъ живемъ, рекомые христіане, правовѣрные и православные! Мы сами промежду себя сотворяемъ брани, рати, кровопролитія. Встаетъ правовѣрный князь на правовѣрнаго князя, или на своего брата, или на дядю, и бываетъ промежду ними вражда и непокореніе, гнѣвъ и ярость. Потомъ рать, брань, сѣча, кровопролитіе, междоусобица. Ратные съ обѣихъ сторонъ, правовѣрные христіане, одни за своего князя ратуютъ, хотятъ за него умереть; другіе защищаютъ своего князя волею и неволею за него стоятъ, хотятъ головы свои за него положить. Сойдутся и бьются нещадно, сѣкутся безъ милости, жалостно видѣть! Зрѣлище достойное плача! Гдѣ же у насъ любовь совершенная, которую за-

повѣдалъ намъ Христосъ въ Евангеліи, сказавши: любите другъ друга, и еще сказавши: больше нѣтъ и любви, если кто положитъ душу свою за ближняго. Мы же не токмо не полагаетъ своей души заближняго, но изъ ближняго оружіемъ изнимаемъ ее. Такова-то междоусобная рать. Отъ нея да избавитъ насъ Господь Богъ. Помолимся всѣ вкупѣ. Господи молитвами всѣхъ святыхъ твоихъ и ради молитвъ Святыя Богородицы, подаждь Господи правовѣрнымъ князьямъ нашимъ мирное княженіе, и тихо и кротко и не мятежно и независтно и незарочно, не раздорно, не раскольно и не развратно и безкрамольно, да и мы въ ихъ тишинѣ тихо и безмолвно житіе поживемъ"... Вотъ о чемъ такъ горячо молился земскій и особенно посадскій человѣкъ, находившій уже въ томъ отраду, что могъ свои желанья и упованья записать хотя въ лѣтопись. Вотъ по какимъ размышленіямъ онъ въ лѣтописяхъ же прославлялъ вступленіе Ивана Даниловича Калиты на великое княженіе, что съ того времени была тишина великая по всей землѣ на многія лѣта.

Московская Шемякина смута послужила не только испытаніемъ для сложившейся уже крѣпко вокругъ Москвы народной тверди, но была главною причиною, почему народное сознаніе вдругъ быстро потянуло къ созданію московскаго единодержавія и самодержавія.

Василій Темный, человѣкъ смирный и добрый, который всѣ случавшіяся бѣдствія больше всего приписывалъ своимъ грѣхамъ, всегда уступчивый и вообще слабохарактерный, вовсе не способный устраивать свое княженіе по самовластному и самодержавному образцу,— по окончаніи смуты, когда все пришло въ порядокъ и успокоилось, становится по прежнему не только великимъ княземъ или старѣйшиною въ князьяхъ, но помимо своей воли получаетъ значеніе государя, т. е. властелина земли, земледержца, какъ тогда выражались. Шемякина смута, упавшая на землю великими крамолами, раззореніями и убійствами, какъ причина великаго земскаго безпорядка, перенесла народные умы къ другой крайности, къ желанію установить порядокъ строгою и грозною властью, въ слѣдствіе чего личность великаго князя, униженная, оскорбленная и даже ослѣпленная во время смуты, тотчасъ послѣ того возстановляетъ свой государственный обликъ, но еще въ большей силѣ и величіи.

Ослабѣвшая и униженная земская власть, снова укрѣпляется и возвышается еще больше, еще величавѣе, прямыми потребностями и желаніями самого же земства. Мятежъ и непокорство смѣняются покорностью и послушаніемъ въ такой степени, о какой прежде и не помышляли. Жестокія событія и звѣрское поведеніе сторонниковъ Шемякиной смуты научаютъ народъ еще болѣе дорожить властью сильною и грозною для мятежниковъ. Вотъ гдѣ скрывалось могущество слѣпого и слабохарактернаго великаго князя, который въ боярскихъ рукахъ былъ настоящею игрушкою, а потомъ, самъ того не замѣчая, сталъ властелиномъ земли.

Любопытно также, что во время самой смуты на далекомъ русскомъ западѣ, гдѣ собирался тогда извѣстный суемысленный соборъ въ Феррарѣ, о московскомъ великомъ князѣ уже разсуждали какъ о великомъ государѣ, при чемъ самъ византійскій императоръ объяснялъ папѣ Евгенію, что московскій великій государь Василій Васильевичъ только ради смиренія и благочестія и возвышенности своего разума не называетъ себя царемъ, но великимъ княземъ русскимъ. Такъ политическія обстоятельства и отношенія въ далекихъ земляхъ и народныя политическія потребности у себя дома, упреждали самыя помышленія московскихъ князей о развитіи изъ разрозненныхъ княжествъ единаго сильнаго государства.

И на далекомъ западѣ понимали, и у себя дома люди сознавали, что въ Русской Землѣ, въ самомъ ея народѣ, существуетъ уже государственная сила, ожидающая только достойной личности, которая была бы способна взять въ свои руки исполненіе политическихъ желаній и помысловъ о единой государевой власти, давно уже назрѣвшихъ по всѣмъ угламъ Русской Земли.

Такою желанною личностью выступилъ старшій сынъ Василья Темнаго, Иванъ. Онъ родился въ то время, когда (1440 г.) Шемякина смута немного утихла, какъ бы для того, чтобы собраться съ новыми силами и снова разгорѣться всеобщимъ пожаромъ. Поэтому маленькій Иванъ Васильевичъ долженъ былъ испытать много бѣдствій и насилій, много страха и ужаса, хотя всегда находился въ большомъ береженьи у преданныхъ его отцу боярскихъ дѣтей. Онъ воспитался въ политическихъ превратностяхъ, въ земскомъ безпорядкѣ и, конечно, вынесъ не доброе чувство противъ всѣхъ тогдашнихъ тревогъ и крамолѣ. Лѣтъ десяти, вѣроятно по случаю слѣпоты своего отца, онъ уже раздѣляетъ съ отцомъ власть великаго княженія и пишется „великимъ княземъ".

Съ этого времени, какъ мы говорили, въ народныхъ умахъ настаетъ реакція, или стремленіе истребить насиліе, мятежъ, смуту и крамолу въ самыхъ корняхъ. Власть великаго князя получаетъ новыя силы и ея самодержавіе повсюду оправдывается, какъ единое спасенье отъ земскихъ неурядицъ. Послушаніе и повиновеніе со стороны земства сознаются какъ неизбѣжныя требованія возстановляемаго порядка. Молодой Иванъ Васильевичъ продолжаетъ свое воспитаніе именно въ развитіи этихъ новыхъ отношеній земства.

Очень понятно, что если насиліе и вообще разгулъ сильнаго человѣка составляли въ древней Руси какъ бы основное начало общественныхъ отношеній, то изъ этого же самаго начала должно было все больше и больше развиваться и московское самодержавіе и самовластіе, которое въ глазахъ народа являлось къ тому же насиліемъ законнымъ, призваннымъ отъ Бога защищать добрыхъ и казнить злыхъ. Изъ неправды и злобы людской выростала не только сильная непомѣрная власть, но въ иныхъ случаяхъ являлась неправда и

злоба государева, потому что каждый человѣкъ необходимо бываетъ воспитанникомъ и выразителемъ своей семьи или своей среды. Броженіе и борьба своевольныхъ и самовластныхъ силъ ничего другого не могли произвести, какъ самовластнаго царя.

Самый непослушный сынъ великокняжеской власти былъ, конечно, Новгородъ Великій, въ это время давшій у себя убѣжище неугомонному московскому злодѣю Дмитрію Шемякѣ.

Москва не забыла этого обстоятельства и хотя бѣглецъ вскорѣ померъ, говорятъ отъ отравы, но слѣпой великій князь Василій Васильевичъ, быть можетъ и по другимъ многимъ причинамъ, поднялся на ослушниковъ ратнымъ походомъ и заставилъ ихъ уплатить за вину 10 тысячъ, и присягнуть, что будутъ у него въ послушаніи, а лиходѣевъ измѣнниковъ держать у себя не будутъ. Тѣмъ же порядкомъ была приведена въ послушаніе и Вятка, такъ какъ она постоянно стояла на сторонѣ московскихъ враговъ, всегда воюя съ великокняжескимъ городомъ Устюгомъ.

Послѣ этихъ двухъ походовъ, Василій Темный съ двумя младшими сыновьями пріѣхалъ въ Новгородъ миромъ, но за своею управою. Вольные люди позвонили вѣче, собрались у св. Софіи, и задумали было за свои обиды убить великаго князя и съ дѣтьми. Едва образумилъ ихъ владыка Іона. Тогда же хотѣли убить и Ѳедора Басенка, главнаго дѣятеля и руководителя въ установленіи новыхъ отношеній въ княжеской власти. Отчаянная мысль новгородцевъ обнаруживала, что и у вольныхъ людей уже не находилось здоровыхъ силъ для борьбы съ Москвою; что существенная въ этомъ случаѣ ихъ сила, всенародное земство, была уже не надежна. Лѣтъ за 15 назадъ эта земская сила записала въ лѣтопись свой плачь о полномъ разстройствѣ новгородскаго общественнаго здоровья. „А въ то время, говоритъ лѣтописецъ, описывая голодъ 1446 г., не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, возстали ябедники и начали сутяжничать и грабить по селамъ, и по волостямъ, и по городу, и были мы въ поруганіе нашимъ сосѣдямъ, окрестъ насъ живущимъ; и были по волости изъѣжа великая и поборы частые, кричь и рыданіе, и вопль и клятва, всѣми людьми, на старѣйшинъ нашихъ, и на городъ нашъ, потому что не было среди насъ милости и праваго суда“. Здѣсь-то и готовилась благопріятная почва для усиленія Москвы и на счетъ вольныхъ людей.

Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи вещей и въ самой Москвѣ новое возбужденіе домашней смуты и домашняго непослушанія наказывалось еще строже, какъ и случилось съ удѣльнымъ московскимъ княземъ Васильемъ Ярославичемъ, который по поводу какой-то крамолы, вѣроятно не маловажной, былъ схваченъ и заточенъ въ Угличь, не смотря на то, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей противъ Шемякиной смуты. Когда его

двора боярскіе дѣти сговорились было освободить его изъ Углича, то были также всѣ пойманы и страшно казнены.

Таковы были событія послѣднихъ лѣтъ княженія Василья Темнаго. Онъ скончался въ 1462 г. Ивану Васильевичу въ это время было всего 22 года. Можно полагать, что и слѣпой отецъ, и молодой сынъ, могли такъ дѣйствовать только при помощи уже крѣпко сложившейся боярской думы, которая теперь очистилась отъ измѣнниковъ и крамольниковъ, и возстановила прежнее московское единеніе. Но повидимому теперь старыхъ бояръ уже не было. Дума составилась изъ молодыхъ, но все-таки родовитыхъ боярскихъ дѣтей, доброхотовъ и друзей во время несчастія великаго князя, между которыми видное мѣсто заняли князья Ряполовскіе (Стародубскіе) и Оболенскіе, Морозовы и др. При этомъ новому единенію московскаго боярскаго общества въ особенности много способствовалъ митрополитъ Іона.

Замѣтимъ, что Шемякина смута, начатая его отцомъ тотчасъ по смерти митрополита Фотія, продолжалось цѣлыхъ 20 лѣтъ, то утихая, то снова разгораясь, главнымъ образомъ едва ли не за отсутствіемъ митрополичьей власти, такъ какъ въ это время митрополичій престолъ оставался празднымъ до избранія святителя Іоны. Слово митрополита, его стояніе за святую правду, всегда въ смутныхъ случаяхъ пріобрѣтало рѣшающее значеніе и потому слово святителя Іоны, его заботы о земскомъ „благоустроеніи“ и тишинѣ, быстро успокоили вражду и необходимо возвысили и власть московскаго великаго князя до степени великаго государя и самодержца, какъ митрополитъ сталъ его именовать съ своихъ посланіяхъ и грамотахъ. Въ этомъ онъ слѣдовалъ уже народному прозванію московскаго великаго княженія „великимъ господарствомъ,. великимъ государствомъ“, какъ это видно изъ обличительнаго посланія епископовъ къ Дмитрію Шемякѣ.

Именно въ княженіе Василья Темнаго, то есть при такомъ князѣ, который меньше всего былъ способенъ къ самовластію и самодержавію, посреди смутъ, вопреки намѣреніямъ самого князя, въ народныхъ умахъ самъ собою сложился идеалъ великаго государства, а стало быть и идеалъ великаго государя. Народъ въ этомъ случаѣ ничего новаго не выдумывалъ. Онъ распространилъ только понятія о государѣ въ частномъ, владѣльческомъ быту, на отношенія общеземскія или политическія, почему и великаго князя сталъ называть „великимъ государемъ земскимъ“, такъ какъ и самый Новгородъ, вольная община, съ этого времени тоже именуетъ себя государемъ. Съ древнихъ временъ слово господарь и государь обозначало частнаго владѣльца-собственника, домодержца, вольнаго хозяина своей собственности. Теперь это значеніе распространилось на хозяина земли, на земледержца, по той причинѣ, что не иной кто, а только московскій князь въ теченіи цѣлаго столѣтія выдерживалъ, такъ сказать, характеръ земскаго хозяина, явно принимая на себя всѣ заботы о земской тишинѣ, о земскомъ благоустроеніи, твердо и крѣпко

обороняя землю отъ татаръ и другихъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, подвергая себя по этому поводу всякимъ опасностямъ; вообще во всѣхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ выставляя впередъ цѣли общеземскія, всенародныя, какъ подобало хозяину земли. Эта хозяйская работа въ народномъ мнѣніи пошла въ счетъ какъ общее добро, и необходимо утвердила за московскимъ княземъ значеніе земскаго хозяина, т. е. „земскаго великаго государя“, наконецъ „русскаго великаго государя“.

Народъ хорошо понималъ, что хозяинъ есть владыка и владычество ему свойственно, но онъ еще лучше понималъ, что одно владычество не составляетъ хозяйства, что сильнымъ и жестокимъ владыкою можетъ быть и безпутный хозяинъ.

Народъ потянулъ къ Москвѣ и къ московскому князю именно за великое умѣнье хозяйничать, которое было показано еще первоначальными дѣяніями Москвы. Этимъ умѣньемъ вести земское хозяйство, Москва привлекла къ себѣ на поселеніе митрополита и гостей сурожанъ и суконниковъ, поселеніе которыхъ въ Москвѣ по своему земскому вліянію было несравненно важнѣе, чѣмъ даже переселеніе къ ней многихъ бояръ-дружинниковъ. Всѣ завоеванія Москвы и все ея усиленіе насчетъ другихъ совершилось въ теченіи первыхъ 40 лѣтъ прославленной лѣтописцами земской тишины. Въ эти 40 лѣтъ такъ называемое московское государство уже вполнѣ сложилось. Послѣдующая исторія была только дальнѣйшимъ развитіемъ окрѣпшихъ основныхъ силъ, которыя даже и въ Шемякиной смутѣ получили новый ростъ и доброе здоровье. Справедливо говорятъ, что сыну Василья Темнаго, знаменитому Ивану Васильевичу, осталось отъ отцовъ такое богатое наслѣдство, которое вполнѣ обезпечивало ему дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи. При этомъ говорятъ также, что „дѣло собиранія сѣверо-восточной Руси около Москвы въ это время могло почитаться уже оконченнымъ“. Это выраженіе собираніе, которое такъ часто употребляется для характеристики московской исторіи, не совсѣмъ точно обозначаетъ существо дѣла и приводитъ къ недоразумѣніямъ. Мы уже говорили, что слово „собиратель“ имѣло совсѣмъ другой смыслъ; но обыкновенно думаютъ, что собиратели — московскіе князья все хлопотали о томъ, какъ бы гдѣ завоевать, купить или отнять коварствомъ чужія земли, поэтому въ имени собирателя разумѣютъ пріобрѣтателя во что-бы ни стало чужихъ земель и собираніе неиначе понимается, какъ только соединеніе (механическое) разрозненныхъ княжествъ и земель въ одно московское цѣлое. Припомнимъ, что собираніе значило также установленіе разрушеннаго порядка, собираніе людей въ свои домы, умиротвореніе людей, потерпѣвшихъ разстройство, и вообще земское хозяйское устроительство. Въ народномъ понятіи собирателемъ назывался не тотъ, кто овладѣвалъ многою землею, но тотъ, кто заводилъ на ней пашню и созывалъ, собиралъ рабочихъ людей для

устройства новаго хозяйства. Въ отношеніи многаго владѣнія, что же на самомъ дѣлѣ было собрано къ Москвѣ всѣми работами ея князей-собирателей ко времени Ивана Васильевича, то-есть въ теченіи полутораста лѣтъ? Отъ Твери, Рязани и Новгорода, отъ главныхъ и сильнѣйшихъ сопротивниковъ, надъ которыми Москва осталась все-таки побѣдительницею, не пріобрѣтено ни одной пяди земли. Съ западной, смоленской или литовской стороны, были напротивъ потеряны нѣкоторыя волости. Пріобрѣтенія сдѣланы, и то къ концу этого времени, только по теченію Оки; вверху—Торуса, въ срединѣ—Мещера и внизу—Муромъ, Нижній-Новгородъ и Горедецъ на Волгѣ, т. е. присвоена, или лучше сказать прочищена, промышленная дорога по Окѣ къ Волгѣ. Затѣмъ остаются первичныя Калитины пріобрѣтенія—купли Галича, Бѣлоозера, Углича и половины Ростова. Множество купленныхъ или отнятыхъ за крамолу у своихъ же бояръ селъ и деревень, не суть пріобрѣтенія собирательства, такъ какъ наибольшая ихъ часть пріобрѣтена только въ великокняжеской области. Владѣніе этою областью и составляло все то, что обыкновенно именуютъ московскимъ собираніемъ. А это владѣніе было родовое, т. е. общее для всѣхъ князей, и за Москвою оно оставалось по той причинѣ, что она постоянно держала въ своихъ рукахъ державу великаго княженія. За это общее владѣнье, за Владимірскій столъ, и въ Суздальской Руси шла точно такая же борьба, какъ за кіевскій столъ въ южной Руси. Побѣдилъ не московскій князь, а самъ народъ, собравшійся въ плотную силу вокругъ Москвы. Василій Темный вовсе не былъ способенъ для такой побѣды, а онъ то именно, относительно землевладѣнія, смѣшалъ всѣ шашки, т. е. впервые перемѣшалъ земли великаго княженія съ московскими, и распредѣлилъ ихъ, какъ собственникъ, между дѣтьми и своею княгинею. Этому конечно очень помогла Шемякина смута, совсѣмъ поколебавшая владѣльческую собственность самовольными захватами. Такимъ образомъ, все собирательство московскихъ князей до Ивана Васильевича выразилось тѣмъ, что великокняжеская область поступила какъ бы въ личную собственность Москвы, а съ нею поступили и всѣ остальные примыслы, сами собою приroставшіе не прямо къ Москвѣ, а собственно къ великому княженію. Мы не ставимъ въ счетъ собирательства нѣкоторыхъ московскихъ же удѣловъ, ибо это были раздѣлы московскіе, домашніе. Нельзя же ставить въ этотъ счетъ примыслы и пріобрѣтенія дворовъ и садовъ въ самомъ городѣ Москвѣ, или селъ въ ея ближайшихъ окрестностяхъ. Всѣ купли, промѣны и т. п. примыслы земель въ личное владѣніе московскихъ князей обнаруживаютъ, что они никогда не были полными собственниками не только великокняжеской области, но и самой Москвы, которая была раздѣлена по владѣнію на три доли и находилась тоже въ общемъ родовомъ владѣніи, какъ общій удѣлъ московскаго колѣна князей. Понятія о государственномъ правѣ на землю и у московскихъ собирателей развиваются съ растительною постепен-

ностью и служатъ вѣрнѣйшимъ изображеніемъ того, въ какомъ смыслѣ должно понимать извѣстныя привычныя выраженія объ усиленіи московскихъ князей на счетъ другихъ, не разбирая средствъ. Напротивъ, эти средства очень разбирались и усиленіе всегда имѣло твердые поводы и причины, которые оправдывались связью тогдашнихъ княжескихъ отношеній и общеземскими цѣлями. Собрать земли было очень легко только послѣ того, какъ были собраны умы народа въ одно полное убѣжденіе, что въ землѣ, какъ и въ каждомъ дворѣ, должно быть одно единое хозяйство и одинъ хозяинъ-господарь. Какъ только развилась и окрѣпла идея Земскаго государя, такъ началось и прямое собираніе земель и потому настоящимъ собирателемъ Русской Земли, въ смыслѣ земельнаго соединенія, и настоящимъ государемъ всея Руси, былъ все-таки Иванъ III Васильевичъ. Правда, что онъ съ большимъ умѣньемъ воспользовался силою, накопленною его предшественниками. Но эта сила заключалась не въ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ и недостойныхъ примыслахъ. Она таилась въ древне-суздальскомъ общенародномъ убѣжденіи, что для спокойствія Земли необходима единая крѣпкая власть, точно такая же, какою обладалъ напр. древній суздальскій князь Всеволодъ III. Вотъ почему и Иванъ III Васильевичъ, спустя 300 лѣтъ послѣ Всеволода, во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, во всемъ своемъ поведеніи возстановляетъ этотъ излюбленный Землею древній типъ великокняжеской суздальской власти и соотвѣтственно требованіямъ времени, соотвѣтственно бѣдственнымъ опытамъ разновластія, возвышаетъ этотъ типъ на степень государя—самодержца всея Руси.

Исполненный старозавѣтныхъ преданій, этотъ самодержецъ, называемый уже не Гордымъ, а Грознымъ, ведетъ себя все еще великимъ княземъ. По прежнему онъ наказываетъ Новгородъ за намѣреніе измѣнить русскому православному отечеству и отдаться латинству въ руки польскаго короля, и по прежнему заключаетъ договоръ, хотя и стѣснительный для вольныхъ людей, но на равныхъ правахъ. Въ своихъ идеяхъ о полномъ настоящемъ государствѣ онъ все-таки укрѣпляется спустя нѣкоторое время, и укрѣпляется не отъ татаръ, какъ поверхностно думаютъ иные, а отъ западной Европы, полагая въ этомъ отношеніи первый камень на устройство постоянныхъ европейскихъ связей и постоянныхъ культурныхъ вліяній на государеву Москву просвѣщеннаго европейскаго запада. Его женитьба на греческой царевнѣ изъ Италіи, Софьѣ, въ этомъ случаѣ имѣетъ такое же значеніе, какое имѣло знакомство маленькаго Петра съ нѣмецкою слободою.

Съ царевною Софьею пріѣхали въ Москву многіе римляне (итальянцы) и многіе греки. Многіе изъ нихъ остались совсѣмъ въ Москвѣ, затѣмъ многіе итальянскіе художники постоянно жили въ Москвѣ. Этотъ наплывъ итальянцевъ и грековъ изъ Италіи, необходимо долженъ былъ произвести свое вліяніе на московскіе умы, искавшіе въ

это время средствъ и способовъ, какъ лучше устроиться въ новосозданномъ государствѣ. Прямыя свидѣтельства объ этомъ вліяніи мы слышимъ отъ русскихъ же недовольныхъ людей, въ извѣстномъ смыслѣ отъ старовѣровъ, которые очень осуждали Софью за принесенныя ею нововведенія. Они складывали всю вину на одну личность, потому что это былъ живой символъ вторгнувшагося въ Москву иного порядка мыслей и дѣлъ, но который несомнѣнно возникъ изъ обмѣна мыслей, сужденій, совѣтовъ, отъ цѣлаго общества образованныхъ иноземцевъ изъ Италіи. Русскій народъ издревле смотрѣлъ на каждаго опытнаго и знающаго иноземца, какъ на полезный кладъ, которымъ необходимо воспользоваться. Такъ именно смотрѣли на иноземцевъ современники Софьи. Извѣстный Берсень, критикуя новые порядки, говорилъ ученому святогорцу Максиму Греку: „Вотъ взяли тебя съ святой горы, а какую пользу отъ тебя взяли?.. ты человѣкъ разумный и можешь насъ пользовать. И пригоже было намъ тебя выспрашивать, **какъ устроить государю землю свою и какъ людей жаловать**“. Эта великая мысль, **какъ устроить землю**, была въ то время общею задачею всѣхъ передовыхъ людей Москвы, поэтому мудрые совѣтники въ политикѣ также цѣнились дорого, какъ искусные художники въ постройкѣ храмовъ и крѣпостныхъ стѣнъ, въ литьѣ пушекъ и колоколовъ и т. д. Для Москвы въ это время европейская образованность и культура являлись только въ видѣ итальянца-фряза, съ которымъ она хорошо была знакома уже въ давнихъ лѣтъ при посредствѣ суражскихъ или киѳинскихъ торговъ на Черномъ и Азовскомъ морѣ, откуда итальянцы сурожане приходили и въ Москву. Первымъ колокольнымъ мастеромъ въ Москвѣ былъ уже итальянецъ Борисъ еще въ 1342 году. Фрязинъ Иванъ, денежный мастеръ, велъ сватовство великаго князя и съ царевною Софьею. Итальянцы такимъ образомъ въ древней Москвѣ составляли ея первое европейское общество, какъ въ Петровской Москвѣ голландцы и нѣмцы. Самая женитьба Ивана Васильевича на Софьѣ была устроена ими же и съ согласія папы, конечно, не безъ цѣли водворить католическое вліяніе и въ Восточной Руси.

Несомнѣнно, что съ Софьею прибыли въ Москву люди избранные и несомнѣнно, что они то и принесли совсѣмъ иныя, европейскія и притомъ итальянскія идеи объ обязанностяхъ и правахъ государя-владыки земли. Въ это самое время, просвѣщеннѣйшая страна Европы, Италія сама истощаемая безпутствомъ политическихъ властей, усердно и настойчиво мыслила о разумныхъ способахъ и средствахъ для созданія прочнаго государства. Ей, по собственнымъ опытамъ, хорошо были знакомы весьма разнородныя формы государственнаго порядка, отъ городской республики и до тираніи свирѣпаго самовластца; поэтому нигдѣ въ Европѣ теорія государственной мудрости не была столько распространена, какъ въ тогдашней Италіи и конечно нигдѣ не было столько знатоковъ и учителей хитростямъ политики, какъ

между итальянцами. Объ этомъ можно судить по извѣстнымъ сочиненiямъ Маккiавели (1469—1527), которыя несомнѣнно возсоздавали между прочимъ и полный сводъ тогдашнихъ политическихъ идей и ученiй, ходившихъ между образованными итальянцами съ давняго времени. Маккiавели ихъ собралъ, привелъ въ порядокъ, и изобразилъ сильнѣе, послѣдовательнѣе, логичнѣе, чѣмъ говорили до него. Маккiавели родился въ тотъ самый годъ, когда началось сватовство московскаго государя на царевнѣ Софьѣ, слѣдовательно онъ былъ сынъ того поколѣнiя, которое являлось съ своими политическими идеями и въ варварской Москвѣ. Его знаменитое сочиненiе „Государь" (искусство царствовать) показываетъ, что политическая практика того времени была очень наклонна къ созданiю неограниченнаго единовластiя, а прибывшiе съ царевною Софiею византiйскiе греки, по своимъ преданiямъ, не могли иначе и разсуждать, какъ о томъ же идеалѣ единовластнаго и самовластнаго царя самодержца.

Многое могъ услышать московскiй государь отъ прибывшихъ съ царевною итальянцевъ и грековъ на пользу наибольшаго развитiя своей государевой власти, своихъ правъ надъ Землею и обязанностей предъ Землею: многое могъ услышать и прямо изъ устъ этихъ людей, напримѣръ отъ бояръ Софьи, грековъ Дмитрiя и Юрiя Траханiотовъ, а еще болѣе отъ ихъ посредника, отъ своей супруги, которая и сама не была особою рядовою. О водворенiи новыхъ государственныхъ идей въ Москвѣ не говорятъ современныя свидѣтельства, конечно, потому, что ихъ влiянiе тогда еще не было замѣтно. Новыя идеи приносятъ плодъ только въ новомъ поколѣнiи людей. И вотъ когда выросло это поколѣнiе тотчасъ и обнаружились плоды новыхъ идей. Сынъ Ивана Васильевича, Василiй, былъ уже иной человѣкъ. Старые люди его уже не понимали и объясняли перемѣну съ великокняжескомъ характерѣ и поведенiи именно влiянiемъ его матери Софьи. „Какъ пришли сюда греки, говорилъ тотъ же Берсень тому же Максиму Греку, такъ и земля наша замѣшалась; а дотолѣ земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру... Какъ пришла сюда великая княгиня Софья съ вашими греками, такъ наша земля и замѣшалась и пришли нестроенiя великiя, какъ и у васъ въ Цареградѣ при вашихъ царяхъ... Вѣдаешь ты и самъ, господинъ Максимъ, а и мы слыхали у разумныхъ людей,—которая земля переставливаетъ свои обычаи, и та земля не долго стоитъ. А здѣсь у насъ старые обычаи великiй князь перемѣнилъ, такъ теперь какого намъ добра ожидать!"

Въ чемъ же были перемѣнены старые обычаи и что означало пришедшее нестроенiе земли? Это нестроенiе, или не устройство, заключалось въ „несовѣтiи и высокоумiи" самого великаго князя. Держаться старыхъ обычаевъ значило людей жаловать, жить съ людьми одной мыслью и старыхъ почитать, то есть совѣтываться съ старыми боярами и изъ ихъ думы и приговора не выходить. „А нынѣ государь нашъ какъ дѣлаетъ? Запершись самъ-третей у постели всякiя

дѣла дѣлаетъ! Нынѣшній государь нашъ упрямъ, жестокъ и немилостивъ, и людей мало жалуетъ и встрѣчныхъ словъ противъ себя не любитъ: кто ему встрѣчно говоритъ и онъ на того опаляется. Не такъ жилъ отецъ его, великій князь Иванъ Васильевичь. Онъ былъ добръ и до людей ласковъ; противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ него говаривали". Теперь Берсень не узнавалъ и митрополита. Когда Максимъ Грекъ спросилъ его однажды, былъ ли онъ у митрополита, онъ отвѣчалъ: „Не знаю, есть ли у насъ митрополитъ!" „Какъ нѣтъ митрополита? Митрополитъ у насъ Даніилъ"—отвѣтилъ Максимъ. „Не знаю, митрополитъ это или простой чернецъ! Учительнаго слова отъ него нѣтъ никакого", замѣтилъ Берсень. А митрополичье учительное слово, по его мнѣнію, заключалось въ томъ, чтобы имѣть голосъ въ государевой думѣ и печаловаться, заступаться за людей, руководить государя совѣтами правды и милости. Повидимому митрополитъ Даніилъ этого не исполнялъ и ни о комъ не печаловался. „Прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ (въ думѣ) въ панатьяхъ и печаловались государю о всѣхъ людяхъ", окончилъ Берсень. Стало быть и еще былъ разрушенъ старый московскій завѣтъ—слушаться владыки-митрополита.

Вотъ какія перемѣны произошли отъ прихода въ Москву Софьиныхъ грековъ и итальянцевъ. Они московскому государю, воспитанному еще на великокняжескихъ отношеніяхъ, принесли идеалъ царя, принесли ученіе о томъ, какъ слѣдуетъ царствовать, какъ относиться къ подданымъ; они принесли ученіе о развитіи личнаго деспотизма, абсолютизма, до толѣ незнаемаго и невѣдомаго въ поведеніи русскихъ великихъ князей и русскихъ земскихъ государей. До толѣ въ политикѣ на Руси существовалъ деспотизмъ великаго князя, какъ отца или старшаго брата, деспотизмъ отеческой или старшей власти, всегда на Руси ограниченной совѣтомъ и приговоромъ родичей, какъ равно совѣтомъ и приговоромъ духовенства и боярства и даже общественнымъ мнѣніемъ. Мы знаемъ, что московское развитіе политическихъ отношеній ко времени Ивана Васильевича изъ великаго князя создало государя, великокняжеская власть пріобрѣла деспотизмъ хозяина собственника, но и этотъ русскій деспотизмъ государевой власти все таки находился еще въ зависимости отъ старобытныхъ началъ общеземской или политической жизни. Поступки этого деспотизма вызывались и установлялись, такъ сказать, потребностями и приговоромъ самаго общества. Государь являлся только исполнителемъ общей думы, изъ порядковъ которой онъ еще не могъ выступать. Теперь деспотизмъ освобождается отъ стараго обычая и становится только личнымъ, самопроизвольнымъ и своевольнымъ. Слово царь переноситъ государеву мысль на новую почву и возстановляетъ передъ нею идеалъ римскихъ и греческихъ (византійскихъ) царей, очень извѣстныхъ всей тогдашней церковной книжности. Возстановляется не-

извѣстная дотолѣ на Руси тираннія по идеалу тиранній, существовавшихъ въ той же Италіи и особенно въ Византіи.

Мы уже замѣтили, что самъ великій князь Иванъ Васильевичъ, выслушивая отъ грековъ и итальянцевъ, и больше всего отъ своей супруги, теорію царской власти, конечно, не могъ совсѣмъ передѣлать свой нравъ по этой теоріи. Онъ, сознавая себя государемъ, все таки оставался еще великимъ княземъ, т. е. властитителемъ, связаннымъ еще договорными клятвами и потому очень внимательнымъ къ старому обычаю. Правда, что съ пріѣзда Софьи онъ скоро выразумѣлъ, какъ должно поступать государю и что собственно значитъ этотъ титулъ въ политическихъ отношеніяхъ. Изъ за этого титула онъ поднялъ споръ и съ Новгородомъ и на самомъ дѣлѣ показалъ, каково должно быть государево государство. Съ пріѣзда Софьи онъ повелъ себя смѣлѣе относительно независимыхъ областей и княжествъ, и послѣ покоренія Новгорода безъ особаго труда сдѣлался государемъ Твери. При этомъ теперь обнаружились и самые пріемы, посредствомъ которыхъ происходило иногда присоединеніе къ Москвѣ уже слабыхъ земель. Въ 1485 г. всѣ тверскіе бояре оставили своего князя и пріѣхали служить въ Москву, не стерпя обидъ отъ великаго князя, потому что было много обидъ и отъ него самого, и отъ его бояръ, и отъ его боярскихъ дѣтей о земляхъ. Гдѣ межи сошлись съ межами, гдѣ изобидятъ московскіе дѣти боярскіе, тамъ пропало; а гдѣ тверичи изобидятъ, то князь великій московскій съ поношеніемъ и съ грозами посылаетъ къ тверскому, а тверскимъ отвѣтамъ не вѣритъ и суда не даетъ. Несомнѣнно, что такіе обычные помѣщичьи пріемы практиковались у сильныхъ князей съ слабыми съ древнѣйшаго времени и они то и разводили по русской землѣ усобицы. Теперь сила сосредоточилась въ Москвѣ и подъ вліяніемъ новыхъ единодержавныхъ идей естественно уже переходила въ насиліе. Однако насильникъ еще не осмѣливался поступать совсѣмъ по царски и все еще разумѣлъ себя только княземъ-вотчинникомъ. По старому завѣту, опираясь во всѣхъ своихъ дѣлахъ на думу бояръ и на мнѣніе всей Земли, онъ еще не могъ предаваться царскому высокоумію, т. е. полному самовластному и свирѣпому деспотизму. По старому завѣту онъ очень дорожилъ напр. и встрѣчнымъ словомъ, конечно разумнымъ и правдивымъ. Сойдется такое слово съ дѣломъ, онъ ставилъ его въ дѣло, принималъ совѣтъ; не сойдется слово къ дѣлу, онъ пускалъ его мимо ушей, но за смѣлую рѣчь не преслѣдовалъ. Таковъ по характеру былъ Иванъ III. Но не таковъ уже былъ его сынъ Василій.

Воспитанникъ грекини Софьи уже совсѣмъ не зналъ, должны ли существовать старозавѣтныя формы великокняжескаго поведенія. „Поди прочь, смердъ, ты мнѣ не надобенъ!“ вотъ какъ отвѣчалъ Василій Ивановичъ старозавѣтнымъ совѣтникамъ, когда они намѣревались входить въ его замыслы и подсказывали, какъ и что слѣдовало дѣ-

лать по ихъ разумѣнію. Припомнимъ, что ближайшимъ человѣкомъ у Василья Ивановича, его всегдашнимъ дѣльцомъ и попечителемъ, былъ грекъ Юрій-Малый Траханіотъ, занимавшій важную и очень приближенную должность печатника. Можно полагать, что этотъ печатникъ былъ однимъ изъ тѣхъ двухъ лицъ съ которыми теперь рѣшались всѣ дѣла только по государевой мысли, безъ участія бояръ, думающихъ и совѣтующихъ. Василій, уже умирающій, въ предсмертномъ забытьи произнесъ невнятныя, но очень примѣчательныя слова. Какъ бы видя какое-то видѣнье, онъ воскликнулъ: „Великая христова мученица Екатерина! (Если) пора царствовать, такъ (надо) царствовать, Госпожа!“ Не высказывалось ли здѣсь, въ дверяхъ смерти, задушевная руководящая мысль всей жизни перваго царя всея Руси. Явно, что въ эту минуту онъ мыслилъ только о смерти, но выразилъ свою мысль словами живого дѣла всей своей жизни. Пора царствовать тепéрь, значило пора помирать, исполнять такое же великое душевное дѣло, какимъ для него было и дѣло самовластнаго царствованія.

Первый царь, Василій Ивановичъ, окончилъ начатое дѣло своего отца, т. е. окончилъ соединеніе въ одно государство русскихъ разновластныхъ земель. Онъ упразднилъ псковскую свободу, взялъ Смоленскъ, упразднилъ самобытность Рязани. Идеалъ царя выросталъ самъ собою, потому что къ нему со всѣхъ сторонъ шло на помощь само общество, само всенародное множество, оставляя позади себя всѣхъ отсталыхъ приверженцевъ стараго политическаго обычая, или по неволѣ покоряясь московской силѣ, разроставшейся отъ народнаго же единомыслія. Черезъ одно поколѣніе, царскій идеалъ, воспитанный Софьею съ ея греками и итальянцами, сталъ уже, такъ сказать, веществомъ самого государства. И сынъ Василья, Иванъ Грозный, какъ сынъ новаго поколѣнія, уже торжественно провозглашалъ, что онъ и „родился на царствѣ“. Завоеваніе имъ татарскихъ царствъ въ убѣжденіи народа уже вполнѣ и самымъ дѣломъ увѣнчивало новое политическое зданіе царскимъ вѣнцомъ. Были побѣждены русскіе князья, русскіе вольные города, и наконецъ татарскія нѣкогда страшныя царства; было истреблено родовое право князей, вѣчевое право народа, и даже самовластное право татарской Орды; теперь оставалось истребить дружинное право бояръ, именно право боярскаго отъѣзда, которое Иванъ Грозный, глубоко сознавая государственное единство Земли, прямо наименовалъ измѣною, то есть отрицаніемъ этого единства, и сталъ выводить эту измѣну съ такимъ безумнымъ ожесточеніемъ, которое со всѣмъ истомило даже его собственныя силы и упразднило самую династію Рюриковичей. Можно сказать, что династія легла костями за созданный ею же новый политическій идеалъ. Но при этомъ надо вспомнить, что Грозный боролся не съ однимъ дружиннымъ правомъ вольнаго боярскаго отъѣзда. Въ лицѣ большинства бояръ онъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ одного изъ

заклятыхъ враговъ Русской Земли, именно **сильныхъ людей**, мѣстныхъ самовластцевъ и олигарховъ, отъ угнетенія которыхъ крѣпко защищалъ Землю еще великій князь Всеволодъ III, и которые, по своимъ преданіямъ, конечно, еще жили понятіями ветхозавѣтной дружины и потому не хотѣли уступать, а тѣмъ болѣе подчиняться произволу новосозданнаго государя. Возбудилась ожесточенная, отчаянная битва государственнаго самовластія съ самовластіемъ олигарховъ, и династія погибла. Но побѣда все таки осталась на ея сторонѣ. Идеалъ царя сдѣлался народнымъ идеаломъ. Само боярство въ своихъ стремленіяхъ завладѣть царствомъ не помышляетъ о другомъ идеалѣ, а потому и новые люди, оставшіеся въ смутѣ по случаю погибели передовыхъ бойцовъ, старательно его ищутъ, собираются подъ знамена того же идеала, который потомъ всенародно и утверждаютъ избраніемъ излюбленнаго царя.

Развитіе московскаго единодержавія въ сущности есть развитіе народнаго единства. Зерно или растительная клѣточка этого единства, съ давнихъ временъ хранилась уже въ особенностяхъ народнаго быта Суздальской земли, именно въ посадскихъ промышленныхъ началахъ народной жизни, постоянно требовавшихъ мира и тишины для всей Суздальской области, что очень явно обнаруживается съ перваго же времени, какъ только эта область стала жить самобытно. Татарская неволя разрушила правильный ходъ суздальской исторіи, въ которой не послѣднее мѣсто занялъ было и земскій соборъ. Знамя народнаго единства было выбито изъ народныхъ рукъ; князья думали больше всего о личныхъ цѣляхъ и въ ожесточенной борьбѣ отнимали другъ у друга право властвовать надъ Землею, очень мало помышляя объ обязанностяхъ устроивать Землю. Наконецъ, ходомъ обстоятельствъ, право великокняжеской власти досталось московскому князю Ивану Даниловичу Калитѣ. Онъ первый высоко поднялъ знамя народнаго устройства, провозгласивши завѣтное слово, чтобы жить всѣмъ какъ одинъ человѣкъ. Наставшій затѣмъ долголѣтній земскій миръ и тишина, какъ явный плодъ княжескихъ заботъ о всенародномъ добрѣ и благѣ, незамѣтно мало по малу собралъ около Москвы ту народную **твердь**, которая съ той поры стала рости не по днямъ, а по часамъ, и не болѣе какъ черезъ 50 лѣтъ была уже способна одержать достославную побѣду надъ самими татарами. Съ той поры насталъ прогрессивный ходъ самой русской исторіи, триста лѣтъ вращавшейся, какъ бѣлка въ колесѣ, въ неисходномъ кругѣ княжескихъ усобицъ. Сколько употреблено Москвою хищничества, хитрости, коварства, обмана и т. д., для утвержденія въ странѣ этой прогрессивной силы народнаго единенія, о томъ свидѣтельствуетъ изложенная выше исторія московскихъ дѣлъ и событій. Съ той поры московская неугасимая свѣча—**жить за одинъ**, не смотря на преврат-

ности исторіи и на безпрестанныя бѣдствія, оставалась неугасимою не столько въ князьяхъ и боярахъ, сколько въ самомъ всенародномъ множествѣ, которое все тѣснѣе и плотнѣе сосредоточивалось около Москвы, по той именно причинѣ, что только здѣсь въ Москвѣ, высилось знамя его всенародныхъ цѣлей.

Народное единство въ его московскомъ развитіи выработало уже не вѣчевую общину въ родѣ новгородской, а выработало самовластительнаго государя, для чего существовало множество причинъ, и случайныхъ, и коренныхъ. Между прочимъ, коренною, основною почвою для возсозданія такого политическаго типа послужило именно черное или сѣрое всенародное множество, которому вообще никогда не приходится думать о какихъ либо правахъ и вольностяхъ, а только о насущномъ хлѣбѣ, да о безопасности отъ сильныхъ людей. Чѣмъ больше было насилій и внутреннихъ раздоровъ въ независимыхъ княжествахъ, и областяхъ, тѣмъ сильнѣе черный народъ тянулъ къ Москвѣ, подъ защиту власти, не оставлявшей безъ должнаго возмездія въ особенности земскихъ обидъ. Мы видѣли съ какою постепенностію развивалось государево самовластіе, и оно на русской почвѣ, сильно ограниченное старозавѣтными обычаями, быть можетъ еще не такъ бы скоро получило окончательную отдѣлку, окончательную, уже царскую форму, еслибъ не пришли ему на помощь для надлежащаго его воспитанія и образованія Софьины греки и многіе итальянцы. Эти люди одинъ за другимъ приносили новыя понятія и новыя идеи для созданія прочнаго государства, не изъ Золотой Орды, которая въ то время была уже негодною гнилью, а изъ самой просвѣщенной европейской страны, изъ Италіи, гдѣ въ то время политическія ученія и теоріи о созданіи прочнаго государства для всѣхъ были первою заботою дня.

Московская завѣтная мысль и всенародная заповѣдь жить за одинъ, не очень замѣтная на первое время, какъ всякій зародышъ, хранила въ себѣ весь составъ будущаго жизненнаго устройства Русской Земли. Изъ нея послѣдовательно и органически развивались всѣ новыя потребности и новыя задачи народной жизни.

Жить за одинъ, значило служить одной цѣли для достиженія общаго добра и блага, а видимою цѣлью для всѣхъ была именно Русская Земля. Она искони сама собою представлялась единою и не раздѣльною, общимъ владѣньемъ не для однихъ князей, но и для всѣхъ русскихъ людей. Изъ этой мысли возникала другая. Самая земля, какъ мѣсто, какъ средство кормленья должна была служить своему же единству, почему при сознаніи этого единства владѣть землею возможно было только на правахъ службы этому же единству. Сознаніе политическаго единства необходимо влекло за собою убѣжденіе, что и всякая владѣльческая земля, частная поземельная собственность, въ сущности есть только временное пользованіе для достиженія общихъ цѣлей. Здѣсь понятія о родовомъ общемъ владѣ-

нія незамѣтно сливались съ государственною идеею, что земля, какъ владѣнье и собственность, принадлежитъ землѣ-народу, государству и стало быть лично государю, какъ личному выразителю государственнаго единства. Такія понятія о правахъ на владѣніе землею нарождались и воспитывались въ теченіи вѣковъ по преимуществу въ средѣ крестьянской, никогда не помышлявшей о личной собственности и переходившей съ мѣста на мѣсто, отъ одного владѣльца къ другому, смотря по условіямъ рабочей выгоды. Платя исправно всякія дани и подати съ своей десятины, крестьянинъ мыслилъ, что и каждый князь съ своего княженья долженъ нести свою повинность, т. е. идти на защиту родной земли, а не помогать противъ своихъ же христіанъ Литвѣ или татарамъ.

Москва, поставивши себѣ заповѣдь жить съ землею за одинъ и служить землѣ, тѣмъ самымъ необходимо усвоивала себѣ эту земскую точку зрѣнія на обязанности владѣльцевъ земли, и слѣдовательно принуждая ихъ въ земской службѣ исполняла только велѣнія общенародной мысли. Кто сопротивлялся, не хотѣлъ служить общимъ цѣлямъ, тотъ по земскому же уставу терялъ права на владѣнье землею.

Здѣсь на самой практикѣ еще яснѣе обозначалась идея народнаго единства. Вотъ почему крушеніе особныхъ независимыхъ владѣльцевъ и владѣній очень рѣдко встрѣчало въ народѣ какую либо помогу и защиту. Стоило только раскрыть передъ всенародными глазами вину измѣны русскому единству, то поднявшееся мѣстное сопротивленіе тотчасъ теряло нравственныя силы, разстраивалась, разслабѣвало и отдавалось въ руки побѣдителя.

Московское правило „жить за одинъ“ значило въ сущности жить за одно съ землею, съ интересами всего земства, почему, во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ, всегда Москва обращалась къ сужденію и разсужденію земства, хотѣла жить съ земствомъ однимъ умомъ и въ этомъ всегда находила не только твердую опору, но и оправданіе своимъ дѣйствіямъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ общеземскихъ дѣлахъ. И до послѣдняго времени, никакого дѣла она не рѣшала безъ совѣта съ людьми, до которыхъ прямо касалось это дѣло. Она очень дорожила земскимъ мнѣніемъ, потому что вся ея исторія съ перваго времени постоянно опиралась на земство и выростала изъ земства же. Отсюда произошелъ московскій, уже царскій, обычай созывать земскіе соборы, который въ сущности былъ старый обычай суздальскихъ князей и старый порядокъ суздальской земской жизни. Въ царское время, Москва возстановляла лишь то, что было случайно разрушено татарскою неволею. Первый царь Василій Ивановичъ, воспитанный своею матерью совсѣмъ уже по иноземному, по-гречески, по-византійски, отринулъ было этотъ собственно русскій обычный порядокъ отношеній; но сынъ его, въ борьбѣ съ боярскою и собственно удѣльною стихіею, совсѣмъ потерявши точку опоры, принужденъ былъ возстановить завѣтную и добрую старину земскаго

совѣта. Нисколько не довѣряя боярству и вполнѣ вѣруя только въ земскій народъ, онъ, подобно Всеволоду, снова собираетъ земскій соборъ и снова общимъ совѣтомъ, какъ и при Всеволодѣ, изыскиваетъ мѣры, какъ побороть сильныхъ самовольныхъ людей, неизмѣнныхъ злодѣевъ земства. А изъ этого, теперь возстановленнаго, старозавѣтнаго обычая совѣтоваться съ землею, сами собою являлись и земскія права подавать царю свой голосъ всѣмъ міромъ посредствомъ мірской челобитной, т. е. совѣтомъ и голосомъ всего города, всего сословія, всей волости или всего села. Такимъ образомъ, характеръ царскаго самовластія и самоволія по крайней мѣрѣ съ этой стороны пріобрѣталъ старинный обликъ древне-русской власти великаго князя, воспитанной на рукахъ дружины и народа, и потому всегда совмѣстной съ народною властью. Народъ очень помнилъ стихійную грозу царя Ивана Васильевича, но онъ хорошо помнилъ и его стремленія жить съ земствомъ единою душою, а потому и въ пѣсняхъ про Грознаго и свирѣпаго царя высказывалъ не малое ему сочувствіе.

Развитіе сильной и даже тираннической царской власти, какою она явилась у насъ съ первой половины XVI в., сопровождалось своего рода бѣдствіями, какихъ не знала древняя Русь. Необузданное самовластіе, какъ прежде необузданная усобица князей, положило свои краски на народный характеръ, печальныя краски угнетенія и раболѣпства. Но это была одна сторона совершоннаго дѣла, темная, безотрадная, которая однако не должна скрывать отъ насъ другую сторону, наиболѣе существенную, гдѣ собственно и хранилось зерно дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія народной исторіи. Въ политическомъ и общественномъ отношеніи царскій идеалъ и царская власть выразили небывалое дотолѣ могущество русской народной самостоятельности и самобытности. Они подняли политическій и общественный духъ Руси; и это необходимо отразилось въ сознаніи всего народа, какъ и отдѣльнаго лица. Въ лицѣ царя русская народная самобытность и политическая независимость пріобрѣли, можно сказать, осязаемый образъ, живую форму; въ лицѣ царя русскій человѣкъ освободился отъ политическаго угнетенія, не только отъ татарскаго угнетенія, что было особенно славно, но и отъ угнетенія домашняго со стороны независимыхъ другъ отъ друга и раздѣльныхъ княжествъ и областей, которыя никогда не составляли да и не могли составить крѣпкаго и правильнаго федеративнаго союза, а напротивъ всячески старались обездолить другъ друга, непрестанно крамолили, непрестанно заводили усобицы и тѣмъ угнетали развитіе народной жизни. Теперь все это исчезло. Личность единаго государя-царя сильно и самостоятельно выдвинулась впередъ, а за нею и въ обществѣ личность почувствовала эту силу политическаго могущества и не замедлила выразить пріобрѣтенную самостоятельность и самобытность народнаго сознанія во всемъ, въ чемъ обыкновенно выражается политическій подъемъ народнаго духа. Приведемъ на память немногое.

Въ первой половинѣ XVI ст. хотя и при помощи итальянцевъ, но не раболѣпно, а очень самобытно, поднялось русское искусство, напримѣръ зодчество. Тогда же впервые пробудилось одно изъ самыхъ доброплодныхъ стремленій — это общественная критика, переоцѣнка жизни, какъ она есть и какъ можно устроить ее въ лучшемъ видѣ. Такъ-называемый Стоглавъ Ивана Грознаго въ извѣстномъ смыслѣ есть первый шагъ къ Петровской реформѣ. Такія движенія въ народномъ развитіи могли возродиться только изъ созданнаго Москвою государственнаго и общественнаго единенія, небывалаго въ древней разновластной Руси. На высотѣ сознанія коренныхъ цѣлей народной самобытности, независимости и общаго земскаго добра, уже первый московскій царь, Василій Ивановичъ, ясно и опредѣленно понялъ и выразумѣлъ и коренныхъ неизмѣнныхъ враговъ русской земли, съ которыми борьба не угасала въ теченіи столѣтій да не окончилась и до сего дня. На смертномъ одрѣ, отдавая свою семью и своего маленькаго сына (будущаго грознаго царя) на попеченіе приближенныхъ бояръ, онъ проситъ ихъ исполнить боярскую обязанность, всѣмъ заодно укрѣпиться истиною и всѣми мѣрами поберечь государство Русской Земли и всего христіанства (всего русскаго народа) отъ всѣхъ его недруговъ, отъ бесерментства (мусульманскій и кочевой востокъ) и отъ латинства (завидущій западъ), и отъ своихъ сильныхъ людей, отъ ихъ обидъ и продажъ, наносимыхъ христіанскому (крестьянскому) народу. Послѣдующая исторія только о томъ и разсказываетъ, какъ Москва отбивалась отъ этихъ трехъ коренныхъ и неизмѣнныхъ ея враговъ.

Ив. Забѣлинъ.

ПОВСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ СИГИЗМУНДА МИЛКОВСКАГО ВЪ 1863 Г.

ВЪ то самое время, когда Hôtel Lambert (т. е. князь Владиславъ Чарторыскій и его довольно большая партія въ эмиграціи и въ Польшѣ всѣхъ захватовъ), затѣвалъ Кавказскую экспедицію, подъ покровительствомъ Англіи и Турціи (что̀ дѣлалось, можетъ быть, для отвлеченія въ другую сторону нашихъ и всякихъ другихъ польскихъ повстанцевъ отъ ихъ вредныхъ и опасныхъ работъ въ краѣ), и были посланы изъ Парижа съ этими цѣлями особые агенты въ Лондонъ, Константинополь и иные города, пріобрѣтать людей, сочувствующихъ этому предпріятію въ разныхъ сферахъ, между прочимъ въ правительственныхъ,—въ то же самое время, несравненно болѣе кипучія силы работали въ Парижѣ, въ нѣсколькихъ городахъ Италіи, на томъ же Востокѣ и на огромномъ пространствѣ всѣхъ прежнихъ владѣній Польши, работали съ неутомимою, можно сказать, не-человѣческою энергіею, съ горячешнымъ жаромъ безумцевъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Всюду шмыгали, еще съ 1859 года, юркія повстанскія нщейки красныхъ кружковъ Варшавы, Кракова, Львова, Познани и мало ли какихъ городовъ и земель, нюхая воздухъ и подбивая гдѣ только можно своихъ соотечественниковъ и кого случится къ спѣшнымъ революціоннымъ приготовленіямъ, къ собиранію денегъ, оружія, пороха и завязывая въ обществѣ тѣ узлы, которые необходимы для начала повстанской организаціи. Конечно, дѣло это сначала шло туго. Розсказни юркихъ странниковъ, что гдѣ то тамъ что-то творится, что-то затѣвается, съ цѣлями патріотическими, высокими, слушались вездѣ не безъ любопытства, но соединяться съ движеніемъ слушающіе остерегались; никому не было извѣстно опредѣленно, что̀ это такое и куда въ самомъ дѣлѣ идетъ, и какія имѣетъ опоры въ Европѣ. Еще менѣе было охотниковъ давать чьимъ-то

агентамъ, людямъ большею частію молодымъ, смотрѣвшимъ вертопрахами, деньги — яко бы „на дѣло отчизны, на заготовленіе оружія" и т. п.

Къ числу такихъ странствующихъ рыцарей возстанія принадлежалъ въ то время членъ парижскаго революціоннаго комитета польской эмиграціи [1]) Сигизмундъ Милковскій, красный, бойкій, энергическій полякъ среднихъ лѣтъ, немного писатель, нюхнувшій пороху въ венгерскую кампанію 1848—1849, въ какомъ-то небольшомъ чинѣ (по свѣдѣніямъ отеля Ламбертъ: унтеръ-офицерскомъ), подъ начальствомъ полковника, потомъ генерала Высоцкаго [2]). Этотъ Высоцкій былъ тоже членомъ сказаннаго краснаго комитета. Кромѣ того тамъ были членами довольно-солидные красные поляки: Северинъ Эльжановскій, Іосифъ Орденга и Викентій Мазуркевичъ. Комитетъ издавалъ журналъ, подъ названіемъ: Обзоръ Польскихъ Дѣлъ (Przegląd Rzeczy Polskich), редактируемый Эльжановскимъ и читавшійся вездѣ, гдѣ живутъ поляки, съ интересомъ, даже можно сказать, имѣвшій тогда значительное вліяніе на умы всего молодого и живого въ Польшѣ трехъ захватовъ. Милковскій писывалъ временами въ этотъ журналъ. Наиболѣе выдающимися статьями его были: „О необходимости и возможности польскаго возстанія" (o potrzebie i możliwości polskiego powstania)—нѣсколько серій, гдѣ онъ высказывалъ, между прочимъ, мысль, что „эмиграція должна играть въ такія минуты роль энергическаго помощника края, что край безъ эмиграціи обойтиться не можетъ".

Когда ему показалось (въ сентябрѣ 1859), что работы красныхъ въ Варшавѣ и другихъ главныхъ пунктахъ Польши 1772 г. дошли до такого состоянія, что уже требуютъ дѣятельной поддержки польскихъ массъ вездѣ, требуютъ организаціи, революціонныхъ приготовленій, денежныхъ и другихъ запасовъ,—онъ оставилъ Парижъ и перенесся въ сѣверную Молдавію, съ тѣмъ чтобы войти въ сношенія съ Русью (т. е. съ Волынью, Украйной и Подоломъ) [3]), гдѣ кое-что уже было— развивать это „кое-что" въ повстанскомъ духѣ, готовить что можно, собирать деньги. Но какъ и всѣ прочіе того времени странники изъ разныхъ кружковъ, сновавшіе въ тѣхъ-же мѣстахъ и южнѣе, Милковскій отыскалъ только уши, готовыя слушать безъ скуки его повстанскую болтовню, переходившую иногда въ совершенно-несбыточныя

[1]) Такихъ комитетовъ было въ Парижѣ нѣсколько: одни пропадали, другіе возникали на ихъ развалинахъ... едва ли они всѣ гдѣ нибудь исчислены. Впрочемъ Гиллеръ въ сочиненіи своемъ: Historja Powstania Narodu Polskiego w 1861—1864, Paryż, 1867—1871, приводитъ ихъ довольно.

[2]) Чуть ли прежде того онъ не служилъ въ русскихъ войскахъ. По крайней мѣрѣ такъ значится въ книгѣ Кнорра: Die polnischen Aufstände seit 1830 Berlin, 1880. Стр. 94.

[3]) Всегда, когда мы будемъ говорить, для краткости, Русь, просимъ читателя разумѣть подъ этимъ три сказанныя области, или губерніи.

бредни, но болѣе — ничего ровно. Его бѣсило, что организація, какъ ей надо быть, чтобы ея существованіе получило нѣкоторый смыслъ, не завязывается и не завязывается на Руси; денегъ никто не даетъ; даже иные поляки, слушая его, относятся къ нему какъ то недовѣрчиво, подозрительно... Дѣлать нечего! Онъ скитался по сѣверу Молдавіи, живя то въ Фолтычанахъ, то въ Ботушанахъ, то въ Михаленахъ. Румынское правительство хотя и знало, что это за господинъ и ради чего онъ пріѣхалъ изъ Парижа, однако его на первыхъ порахъ не трогало.

Такъ подошелъ 1861 годъ. Дѣло красныхъ поляковъ, иначе сказать, дѣло возстанія Царства Польскаго, значительно подвинулось впередъ. Уже многіе изъ бѣлыхъ изъявили готовность дѣлать тоже самое, что дѣлали красные. На ихъ деньги и при ихъ помощи основана была въ Генуѣ польская военная школа (въ мартѣ 1861, вскорѣ послѣ того, какъ прогремѣли роковые выстрѣлы Заболоцкаго на Краковскомъ предмѣстьѣ [1]) и старый вождь всего краснаго 1846—1860, въ Познани, въ Бельгіи, въ Сициліи и частію у насъ, въ Царствѣ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, Мирославскій, сдѣланъ тамъ директоромъ. Его сильно подмывало разыграть въ предвидѣвшемся возстаніи главную ролю, ролю диктатора и предводителя польскихъ инсургентовъ—и онъ повелъ горячую интригу, „навязался странѣ" по выраженію Гуттри [2]) и нѣкоторыхъ другихъ, опираясь во Франціи на принца Наполеона и его сторонниковъ, въ Италіи—на Гарибальди, вездѣ—на свое нахальство. Въ томъ-же самомъ мѣсяцѣ мартѣ 1861, по всѣмъ польскимъ захватамъ стала гулять его „Временная программа возстанія" [3]). Его агенты (наиболѣе всего неизмѣнное его копье, отчаянный, дерзкій, красный изъ красныхъ, Куржина, обыкновенно называвшійся его секретаремъ) [4]), вербовали ему всюду ратниковъ, устраивали комитеты и съѣзды. Если не самъ Мирославскій, то его подвижной и кипучій секретарь, умѣлъ заглядывать во всѣ углы, чтобы видѣть, гдѣ что дѣлается; не ускользнули отъ ихъ вниманія также и работы Милковскаго, тѣмъ болѣе, что Милковскій, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, заговаривалъ съ Мирославскимъ не разъ о своихъ планахъ. Съ тѣхъ поръ будущій диктаторъ Польши сталъ слѣдить за нимъ неотступно и какъ человѣкъ крайне-подозрительный, честолюбивый и властолюбивый, которому хотѣлось забрать поскорѣе въ свои руки все и всѣхъ, вездѣ вліять и командовать,—былъ недоволенъ, что Милковскій дѣйствуетъ какъ-бы отдѣльно, самостоятельно, не подчиняясь никому, не сно-

---

1) Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ послѣ 1831 года, стр. 198.

2) Pan Ludwik Mierosławski, jego dzieła i działania. Drezno, 1870.

3) Русская Старина 1879, Польское возстаніе, продолженіе IX главы, стр. 498.

4) См. объ его пребываніи въ Варшавѣ мои Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 158.

сясь съ нимъ, съ Мирославскимъ, такъ сказать съ центромъ революціоннаго движенія Польши, кто, въ концѣ концовъ, долженъ быть неизбѣжнымъ вождемъ всѣхъ силъ, потому что... другого не было! Мирославскій, переговоривъ о такой профанаціи своей власти и значенія съ Куржиной, послалъ агентовъ слѣдить за каждымъ шагомъ Милковскаго, какъ-бы онъ не сдѣлалъ чего неловкаго вообще, и невыгоднаго для репутаціи и плановъ будущаго диктатора Польши въ особенности. Эти агенты повредили много агитаціи Милковскаго и возстановили противъ него, мѣстами, не только своихъ, но и чужихъ: румынская полиція стала наблюдать за нимъ строже. А когда Мирославскій, съ цѣлями, какъ видно, вовсе устранить Милковскаго изъ Румыніи, отправилъ къ нему 25 человѣкъ изъ числа самыхъ заядлыхъ и нетерпѣливыхъ воспитанниковъ Генуезской школы и они прямо стали просить у него оружія и указанія мѣста, гдѣ имъ дѣйствовать,—румынская полиція начала дѣлать ему такія стѣсненія и придирки, что онъ переѣзжалъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню и съ трудомъ угомонилъ эти преслѣдованія тамошнихъ властей.

Въ генварѣ 1862 года, Стефанъ Бобровскій (недавній студентъ кіевскаго университета, позже, въ возстаніе — членъ Жонда Народоваго) [1]), сносившійся со всѣми красными Варшавы, но преимущественно тяготѣвшій къ Академическому кружку, получилъ отъ послѣдняго приглашеніе объѣхать, за предѣлами царства Польскаго, всѣ главные пункты, гдѣ только можно было предполагать хотя какую-либо завязь организаціи. Онъ заглянулъ и къ Милковскому, который находился тогда въ Михаленахъ, и одобрилъ его дѣйствія, какъ-бы лицо уполномоченное какою-то высшею властію, прося продолжать работы въ томъ-же духѣ, какъ онѣ начаты. Затѣмъ поѣхалъ въ Константинополь, Парижъ... вездѣ посѣщая людей, готовыхъ идти тою-же дорогой, по какой шла уже вся польская масса, за самыми малыми исключеніями; кое-кого посвящалъ во всѣ извѣстныя ему тайны заговора, устраивалъ съ ними связь и единомысліе... Подробности тогдашнихъ странствій этого лица неизвѣстны...

По образованіи центральнаго комитета, посѣтилъ Милковскаго, въ тѣхъ же Михаленахъ, другой такой-же объѣздчикъ важнѣйшихъ пунктовъ заговора за предѣлами царства Польскаго, Леонъ Франковскій, и ввелъ его въ непосредственныя сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ, который, въ августѣ того-же года, оффиціально предложилъ Милковскому „завѣдываніе всѣми повстанскими приготовленіями на Востокѣ и на Руси". Милковскій согласился, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему предоставленъ былъ выборъ средствъ. Это было принято и въ ноябрѣ мѣсяцѣ (когда комиссары и нѣкото-

---

[1]) См. о немъ: „Русская Старина" 1879, Польское возстаніе, глава II, стр. 417; приложенія къ главѣ III, стр. 615—620 и глава IV, стр. 57.

рые члены комитета требовали открытія военныхъ дѣйствій зимою, въ декабрѣ, или генварѣ, дабы воспользоваться замѣшательствами при наборѣ) — Центральный Комитетъ пригласилъ Милковскаго прибыть въ Варшаву и тутъ назначилъ его начальникомъ военныхъ польскихъ силъ на Руси и на Востокѣ, такъ-какъ всѣ чувствовали, что взрывъ уже очень недалекъ. Чувствовалъ это и Милковскій, но умолялъ членовъ Комитета, если только есть хотя малая возможность, отложить вооруженное возстаніе до весны, ибо во многихъ пунктахъ, которые должны принять единовременное участіе въ томъ, чтò совершится въ царствѣ, еще ровно ничего не сдѣлано, какъ напр. и у него. Главное: нѣтъ нигдѣ настоящей революціонной организаціи, а безъ этого ничто надлежащимъ путемъ не пойдетъ; никакое движеніе отрядовъ, снабженіе ихъ провіантомъ, телегами, лошадьми, чѣмъ-бы то ни было, а также и облегченіе коммуникаціи — немыслимы.

Комитетъ просилъ Милковскаго, какъ человѣка бывшаго на войнѣ, составить планъ, для какого случится возстанія: для зимняго, такъ для зимняго, для лѣтняго, такъ для лѣтняго. Милковскій отказался, говоря, что никакой военный геній не составитъ плана для возстанія, у котораго ничего нѣтъ. „Дѣло придется имѣть сразу съ большими массами войскъ и въ разныхъ пунктахъ. Противъ нихъ нужно строить и мысленно двигать тоже массы, а заговоръ располагаетъ пока всего навсе восемнадцатью тысячами присягнувшихъ, изъ которыхъ бòльшей половины въ данную минуту не досчитаешься! Что-жъ тутъ чертить и писать? А потомъ: гдѣ точныя свѣдѣнія о расположеніи русскихъ войскъ въ царствѣ? И этого нѣтъ! Составляйте ужъ вы эти планы, какъ хотите сами, а проектъ пожалуй я вамъ набросаю!“

И этотъ, повидимому, разсудительный и опытный повстанецъ, такъ здраво разсуждавшій о планѣ, набросалъ своимъ новымъ пріятелямъ и вмѣстѣ „начальству“ проектъ очень страннаго свойства, основанный тоже на фантазіяхъ, да еще на какихъ! Онъ совѣтовалъ: „избрать три-четыре сборныхъ пункта, на которые свезти сколь возможно болѣе оружія и аммуниціи. Между этими пунктами можетъ быть и Варшава, гдѣ, въ минуту взрыва, должна произойти съ войсками, занимающими городъ и окрестности (т. е. съ самой главной массой войскъ въ царствѣ) жестокая уличная свалка изъ-за барикадъ. Тѣмъ временемъ повстанцы внутри края сойдутся на сборные пункты, дабы вооружиться и образовать отряды, которые немедля ударятъ на русскіе гарнизоны, стоящіе по городамъ и мѣстечкамъ. А потомъ и тѣ, кто будетъ биться въ Варшавѣ, сдѣлавъ свое дѣло отвлеченія центральной русской арміи отъ всякаго участія въ дѣйствіяхъ войскъ внутри края, присоединяются тоже къ братьямъ — къ первому ближайшему отряду. Число солдатъ въ каждомъ изъ сборныхъ пунктовъ можно предполагать тысячъ въ десять человѣкъ (!) Итого, въ четырехъ пунктахъ—40,000. Съ такими силами (предполагается, всѣмъ

необходимымъ для военныхъ дѣйствій снабженными) можно попробовать очистить какую-либо часть царства отъ русскихъ гарнизоновъ, и тамъ уже формировать серьезную народную армію. Болѣе всего пригодна для этого полоса земли подлѣ австрійской и прусской границы, такъ-какъ оттуда могутъ быть доставлены всякіе военные припасы и оружіе, и подана помощь готовыми къ бою, хорошо одѣтыми и вооруженными повстанскими отрядами".

Центральный Комитетъ присоединилъ этотъ проектъ къ разнымъ бумагамъ, неособенно ему нужнымъ, какъ говорится: ad acta, и послалъ Милковскаго, въ декабрѣ 1862, готовить возстаніе на Руси къ веснѣ будущаго 1863 года, собирая для этого силы, гдѣ хочетъ: въ восточной Галиціи, Румыніи, Турціи, и снабжая ихъ оружіемъ, откуда лучше знаетъ. Для сношеній съ румынскимъ и турецкимъ правительствами даны ему были особыя вѣрительныя граматы. Денегъ обѣщали прислать, и въ самомъ дѣлѣ, въ скоромъ времени, когда Милковскій находился уже въ Галиціи, какой-то русскій гусаръ вручилъ ему 5,000 рублей въ кредитныхъ билетахъ, пожертвованные однимъ богатымъ подольскимъ помѣщикомъ, Александромъ Собанскимъ.

Въ Галицію Милковскій заѣхалъ затѣмъ, чтобы войти своими дѣйствіями въ связь съ галиційской организаціей, которая уже проявляла значительные признаки жизни. Львовская Лава [1]) уже функціонировала, признавая себя солидарною съ варшавскимъ Центральнымъ Комитетомъ, и не отказывалась помогать начальнику еще не существующихъ пока силъ на Руси и на Востокѣ, чѣмъ только случится. Милковскій условился съ нею насчетъ ключа при перепискѣ и перебрался на Русь посмотрѣть, что̀ дѣлается тамъ. Тамъ, можно сказать, ничего не дѣлалось: кіевская молодежь и житомірскій комитетъ хлопотали изо всѣхъ силъ о развитіи организаціи, но необходимыхъ для этого элементовъ (польскаго городского и ремесленнаго сословія) въ народной малоросійской массѣ не было—и потому всякія хлопоты и старанія заговорщиковъ по этой части разлетались прахомъ. Изъ нѣсколькихъ польскихъ помѣщиковъ сочинить организаціи было невозможно. А хлопы всѣ до одного держали сторону правительства. Ихъ нельзя было и трогать. Попытки были, но вездѣ кончались для господъ экспериментаторовъ очень печально [2]).

Милковскій переѣхалъ въ Молдавію, но тамъ произошли такія перемѣны въ его отсутствіе, что онъ никого и ничего не узнавалъ: всѣ отвертывались отъ него, прятались. Полиція просто-за-просто гнала поляковъ вонъ изъ всякаго болѣе или менѣе виднаго города

---

[1]) Члены ея неизвѣстны. Милковскій въ своемъ сочиненіи: W Galicji i na Wschodsie, Poznań 1880, называетъ только одного Мечислава Романовскаго. По Гиллеру, лавъ было въ Галиціи о ту пору нѣсколько.

[2]) „Русская Старина" 1879, Польское возстаніе, глава VI, стр. 555.

или мѣстечка, ссылаясь на строгія предписанія высшихъ властей, основанныя на какихъ-то заявленіяхъ русскаго правительства. Милковскій, пошатавшись по разнымъ городамъ сѣверной Молдавіи и вездѣ имѣя непріятныя объясненія съ полицейскими комиссарами и префектами (иные изъ нихъ прямо говорили ему, чтобы „убирался поскорѣе, а то выдадутъ его Россіи“)—рѣшился отправиться на Востокъ, попытать насчетъ формированія отрядовъ счастья тамъ, и по дорогѣ, въ Ботушанахъ, въ самомъ концѣ января 1863 года по н. ст., узналъ о послѣдовавшемъ въ царствѣ Польскомъ взрывѣ. Это заставило его измѣнить маршрутъ и перестроить планы. Онъ перебрался съ большими трудностями черезъ буковинскую границу въ Галицію и нашелъ тамъ неслыханный энтузіазмъ. Все настроилось воинственно. Львовская Лава цѣликомъ ушла въ ряды повстанцевъ царства Польскаго. Во Львовѣ возникло нѣсколько новыхъ революціонныхъ кружковъ или комитетовъ, изъ которыхъ наиболѣе видные и вліятельные были: Бѣлый, Братской помощи, Городской, Польской молодежи и Мирославскаго. Только второй изъ нихъ (Братской помощи), наслѣдникъ Львовской Лавы, относился къ возстанію довольно пріязненно и вошелъ въ сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ. Остальные никакого Центральнаго Комитета не признавали. Каждый думалъ построить что-то свое, чрезвычайное, и играть первую роль. Болѣе всѣхъ лѣзъ въ общіе отцы и командиры Барскій Комитетъ Бѣлыхъ, гдѣ членами были галиційскіе тузы: Флоріанъ Землковскій [1]), Александръ Дзѣдушицкій, князь Адамъ Сапѣга и Францискъ Смолка [2]). Они не признавали въ ту пору не только Центральнаго Комитета,но и самаго возстанія. Однако, вскорѣ, совершенно перестроившись, этотъ комитетъ протянулъ руку возстанію и дѣйствовалъ (благодаря главнѣйшимъ образомъ Сапѣгѣ) весьма энергически [3]).

---

[1]) Повстанецъ 1848, осужденный первоначально на смерть, а потомъ приговоренный къ трехлѣтнему тюремному заключенію. Нынѣ Высочайшимъ рескриптомъ, отъ 4 декабря 1880, возведенъ въ баронское Австрійской имперіи достоинство.

[2]) Нынѣ играетъ очень видную роль въ своемъ отечествѣ. Недавно, $^2/_{14}$ марта 1881 года, выбранъ предсѣдателемъ австрійской палаты депутатовъ.

[3]) Сапѣга вооружилъ и отправилъ въ царство нѣсколько бандъ. Наиболѣе всего онъ покровительствовалъ Езёранскому. См. дѣйствія послѣдняго въ „Русск. Старинѣ 1879, Польское востаніе, гл. IV, стр. 73—75. Взглядъ на Сапѣгу Гиллера, гл. II, стр. 401. Милковскій рисуетъ его такъ: „Князь едва-едва вышелъ изъ юношескихъ лѣтъ (1863). Природа надѣлила его большими способностями и темпераментомъ нѣсколько странноватымъ и загадочнымъ. Иныя слова его и дѣйствія приводили въ недоумѣніе сельскихъ домосѣдовъ прежней закваски. Это былъ молодой, эксцентрическій аристократъ, не шедшій путемъ, проторенньмъ большими панами обыкновенныхъ свойствъ, для которыхъ очень много значитъ камергерскій ключъ и улыбка Вѣнскаго двора. Онъ туда вовсе не заглядывалъ, а какъ дикій чистокровный арабскій аргамакъ, грызъ наложенныя на него непривычныя удила, такъ-что пѣна бѣжала по губамъ. Этими удилами было для него чуждое господство и хозяйничанье въ Польшѣ. Пропекало оно его и мучило. Объ этомъ знали въ обществѣ и эта особенность, несвойственная большимъ панамъ, поднимала его кредитъ въ Галиціи“. „Galicja i Wschod“, стр. 25.

Милковскій, толкаясь между этими комитетами, долго не могъ оріентироваться и не зналъ, что̀ ему начать. Наконецъ, встрѣча съ генераломъ Высоцкимъ, который прибылъ изъ Кракова, рѣшила его участь: онъ упросилъ стараго вояку, прославившагося своимъ крутымъ и настойчивымъ характеромъ въ Венгерскую кампанію 1849 года (гдѣ онъ не разъ стрѣлялъ по своимъ картечью за нарушеніе его приказаній и отступленіе отъ диспозиціи), принять на себя командованіе военными силами на Руси. Написали Жонду Народовому: тотъ согласился измѣнить свое первое постановленіе и предписалъ Милковскому передать свою власть Высоцкому. Это совершилось во Львовѣ, 3 апрѣля н. ст. 1863 г. Высоцкій сталъ начальникомъ военныхъ силъ на Руси и въ Люблинской губерніи. Милковскій сжегъ при немъ свою номинацію, но черезъ недѣлю назначенъ уже Высоцкимъ, отъ имени Жонда Народового, начальникомъ военныхъ силъ въ восьми уѣздахъ Подольской губерніи: Каменецкомъ, Ушицкомъ, Могилевскомъ, Брацлавскомъ, Гайсинскомъ, Ольгопольскомъ, Балтскомъ, Ямпольскомъ и входящихъ отрядовъ.

Планъ дѣйствій обоихъ этихъ лицъ, Высоцкаго и Милковскаго, заключался въ томъ, чтобы Галиція дала съ обвода (которыхъ тамъ 12) по 300 человѣкъ хорошо вооруженныхъ и одѣтыхъ солдатъ, что̀ составитъ со всѣхъ обводовъ 3,600 человѣкъ, и этимъ воинствомъ подняла-бы и одушевила спящую Русь и выиграла у русскихъ, которыхъ силы (тысячъ 30) были разбросаны въ ту минуту на огромномъ пространствѣ, такъ-что на каждый стратегическій пунктъ приходилось самое ничтожное число—двѣ-три побѣды. Такой фактъ: двѣ-три побѣды въ Малороссіи (отъ которой ничего не ждали) произвели-бы значительный эффектъ и одушевили царство и Литву, показавъ ясно, что старыя традиціи Польши еще живы, что Русь составляетъ съ Короной [1]) нѣчто общее, откликается ей, помогаетъ! Такой фактъ записался-бы въ исторію яркими буквами!

Но какъ многія тогдашнія фантазіи поляковъ, строившіяся на зыбкомъ фундаментѣ, подъ вліяніемъ какого-то особаго дурмана, разсыпалась прахомъ и эта. Прибывъ въ Подольскую губернію, и осмотрѣвшись, Милковскій увидѣлъ очень скоро, что эффекта никакого тамъ не устроишь: русскія войска поминутно прибывали и прибывали—и вскорѣ залили Малороссію, такъ что биться съ ними да еще побѣждать какимъ нибудь тремъ тысячамъ галиціанъ было очень трудно. А тутъ еще мѣшали дѣлу и свои: тотъ самый Сапѣга, которому Милковскій воспѣлъ впослѣдствіи такой дифирамбъ, выдвигалъ всячески Езёранскаго и осаживалъ Высоцкаго, котораго почему-то не терпѣлъ.

Милковскій рѣшился перенести свою дѣятельность въ Турцію и

---

[1]) Старое, народное названіе Коренной Польши, гдѣ Варшава, Краковъ и Львовъ.

Румынію, отправя туда агентовъ, а самъ оставаясь все-таки въ Малороссіи, дабы (какъ онъ говорилъ и думалъ) поддерживать жизнь тамошнихъ блѣдныхъ комитетовъ, чтобы не погасли въ нихъ послѣднія искры. А въ сущности держала его тамъ привязанность къ родинѣ, къ насиженному гнѣзду: онъ самъ былъ подолянинъ, зналъ тамъ всѣхъ и все, а въ Турціи никого или очень мало. Къ тому-же агенты утѣшали его надеждами, что соберутъ безъ особеннаго труда отрядъ тысячи въ двѣ слишкомъ, изъ поляковъ, далматовъ, босняковъ, черногорцевъ, арнаутовъ, грековъ, лишь-бы только были деньги; но этого-то важнаго подспорья всякихъ военныхъ и гражданскихъ предпріятій, этого масла, смазывающаго всѣ пружины міра, и не хватало у повстанцевъ Руси и Востока! Нужно было на созданіе отряда въ двѣ тысячи человѣкъ, вооруженіе его, обмундировку и доставленіе на мѣсто военныхъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, два милліона франковъ, а у Милковскаго было только 5,000 рублей въ русскихъ кредитныхъ билетахъ, что составляло въ то время 18,627 франковъ 60 сантимовъ, да и тѣ лежали у комиссара Жонда Народового, Сокульскаго, въ Константинополѣ. Милковскій обратился къ Высоцкому, что ему дѣлать въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ — и тутъ-же начертилъ живую картину, какъ бы все это пошло, еслибъ деньги, еслибъ у разныхъ богатыхъ эгоистовъ было побольше патріотизма!.. Высоцкій, до нѣкоторой степени одушевленный пламеннымъ его разсказомъ, открылся ему, что у него есть талисманъ, могущій достать во всякую минуту весьма серьезную сумму: „видишь этотъ зеленый перстень: мнѣ далъ его графъ Ксаверій Браницкій, располагающій, какъ тебѣ, конечно, извѣстно, громадными средствами, и сказалъ: если тебѣ нужны будутъ деньги, пошли ко мнѣ этотъ перстень — дамъ хоть полцарствія моего! Возьми и пошли, не то поѣзжай къ Браницкому самъ!"

Милковскій послалъ къ Браницкому съ перстнемъ какого-то шляхтича изъ Волынской губерніи, Пашкевича; тотъ пропалъ безъ вѣсти и осталось неизвѣстнымъ, далъ-ли Браницкій два милліона франковъ и Пашкевичъ скрылся съ ними, можетъ быть, на другое полушаріе;— или Браницкій, осажденный въ то время со всѣхъ сторонъ тысячами подобныхъ требованій, не далъ ничего...

Время между тѣмъ летѣло. Ждать безконечно явленія не очень вѣрныхъ милліоновъ отъ Браницкаго было невозможно. Милковскій снова сталъ налегать на Высоцкаго, прося его достать хотя что нибудь. „Если нельзя вооружить въ Турціи 2,000 повстанцевъ (говорилъ онъ), то слѣдуетъ попробовать собрать хотя четвертую часть этого: человѣкъ 500—600 — и съ ними пробиться черезъ Молдавію на Русь, ибо отрядъ менѣе этого едва ли пробьется".

Высоцкій отвѣчалъ: „погоди немного, дамъ тебѣ изъ собранныхъ на Руси денегъ 100,000 франковъ, а пока возьми вотъ эти 3,000 рублей!" Милковскій взялъ и рѣшился дѣйствовать хотя съ такою

малою суммой, какая была у него и у Сокульскаго на рукахъ, т. е. съ 8,000 рублей въ русскихъ кредитныхъ билетахъ, что на франки составляло тогда 29,857 фр. 60 сант. Милковскій былъ одинъ изъ тѣхъ безумцевъ польской націи, къ разряду которыхъ принадлежали: Заливскій, Лапинскій, Мирославскій, Куржина... и мало ли ихъ на свѣтѣ! Задавшись какою нибудь задачей, онъ уже не могъ остановиться, а шелъ и шелъ до конца, какой-бы конецъ этотъ ни былъ...

Мы разсказали читателямъ „Историческаго Вѣстника“ трагическое, невѣроятное плаваніе Лапинскаго по Балтійскому морю, съ сотней такихъ-же какъ онъ угорѣлыхъ повстанцевъ, искавшихъ Богъ знаетъ чего: смерти въ волнахъ, или — на русскомъ штыкѣ. Теперь разскажемъ точно такое-же странствіе Милковскаго по сушѣ и по водамъ, съ такою-же сотней или немного болѣе ратниковъ, тоже незнавшихъ опредѣленно, куда они идутъ, что они дѣлаютъ, и какія препятствія встрѣтятъ на дорогѣ.

Между тѣмъ Жондъ Народовый, не видя ровно никакихъ дѣйствій Милковскаго ни на Руси, ни на Востокѣ, и полагая, что все это происходило отъ неловкости разосланныхъ имъ туда и сюда агентовъ, предписалъ ему черезъ Высоцкаго, въ самомъ концѣ апрѣля по н. ст. 1863 г., отправиться, немедля ни минуты, въ Турцію и лично формировать тамъ отряды, при содѣйствіи Гарибальди, который обѣщалъ помощь людьми и оружіемъ [1]). (Будто-бы было приготовлено уже 600 человѣкъ и 800 штуцеровъ). Въ видѣ позолоченія пилюли, Жондъ Народовый возводилъ военнаго начальника 8-ми уѣздовъ Подольской губерніи изъ унтеръ-офицеровъ въ полковники! Лапинскій отъ „генерала“ (какъ видѣли наши читатели) отказался (можетъ быть потому, что былъ и безъ того полковникъ русской службы), но унтеръ-офицеръ Милковскій принялъ чинъ полковника отъ Жонда съ удовольствіемъ и сталъ немедля подписываться имъ подъ всѣми бумагами.

Итакъ, дѣлать нечего, пришлось повиноваться! Милковскій взялъ у военнаго комиссара Жонда, Пршевлоцкаго, его французскій паспортъ и 3 мая н. ст. переѣхалъ съ нимъ молдаванскую границу въ Фолтычанахъ, поручивъ передъ тѣмъ своимъ румынскимъ агентамъ заготовлять для отряда, имѣющаго придти съ Востока, амуницію, оружіе, провіантъ, въ различныхъ пунктахъ соединенныхъ княжествъ, а также подговаривать кого случится изъ тамошнихъ поляковъ служить возстанію [2]).

---

[1]) Милковскій подозрѣвалъ здѣсь интриги князя Адама Сапѣги, который хотѣлъ распоряжаться на Руси какъ дома, направлять туда .отряды, оружіе, агентовъ, по своему собственному усмотрѣнію. Милковскій этому мѣшалъ. Кромѣ того, Сапѣга считалъ его тайнымъ сторонникомъ Мирославскаго (Mierosławczykiem zakapturzonym), съ которымъ бѣлые всѣхъ захватовъ не хотѣли имѣть никакого дѣла.

[2]) Въ Молдавіи довольно поляковъ-ремесленниковъ. Милковскій полагалъ, что около 300 изъ нихъ можно будетъ завербовать: на дѣлѣ не пошелъ ни одинъ!

Прибывъ въ Константинополь, Милковскій счелъ за нужное повидаться прежде всего съ агентомъ князя Владислава Чарторыскаго, Владиславомъ Іорданомъ, старымъ воякой, который позже командовалъ довольно большою бандою въ царствѣ, но увидѣлъ тотчасъ, что тутъ поживиться нечѣмъ: Іорданъ работалъ секретно для кавказской экспедиціи отеля „Lambert", вмѣстѣ съ какимъ-то Ленковскимъ, агентомъ Урквартa [1]). Въ ихъ распоряженіи находилось нѣсколько сотъ хорошихъ англійскихъ штуцеровъ и двѣ пушки, которыя хранились въ турецкихъ военныхъ цейхгаузахъ [2]). Кромѣ того, Іорданъ имѣлъ еще противъ Милковскаго и свой собственный зубъ, вслѣдствіе какой-то статьи, гдѣ онъ былъ изображенъ не очень красиво...

Толкнулся Милковскій и къ Садыкъ-пашѣ-Чайковскому, котораго тоже описалъ гдѣ-то въ невыгодномъ для него свѣтѣ, но Чайковскій, какъ добрый и незлопамятный хохолъ, забылъ эту обиду и очень дружески принялъ уполномоченнаго Жондомъ собирателя отрядовъ на Востокѣ и всячески обѣщалъ ему помогать. Изъ его казаковъ и драгуновъ дѣйствительно оказалось нѣсколько готовыхъ вступить въ ряды повстанскихъ дружинъ, которыя должны были отправиться изъ Турціи въ Польшу. Было-бы и больше, еслибъ кавказскіе агенты отеля „Lambert" не подбивали ихъ идти въ другую сторону, обѣщая имъ при этомъ золотыя горы, а тутъ-молъ что вамъ дадутъ, какой нибудь прощалыга Милковскій!..

Изъ представлявшихся воображенію Жонда и Высоцкаго какихъ-то, неизвѣстно кѣмъ и когда завербованныхъ 600 ратниковъ, Милковскій нашелъ въ Константинополѣ только 120. Что касается 800 штуцеровъ, имѣвшихъ прибыть отъ Гарибальди, — они хоть и прибыли въ константинопольскій портъ, но были такъ небрежно уложены, что агенты нашего посольства, безпрестанно вертѣвшіеся у пристани, сейчасъ-же узнали, что это за кладь (кое-гдѣ изъ-подъ рогожъ просто-за-просто торчали стволы и штыки). Объ этомъ сообщено сейчасъ-же туркамъ—и они, волей-не-волей (хоть и мирволили полякамъ и смотрѣли на многія ихъ дѣйствія сквозь пальцы), должны были конфисковать таинственную посылку, и что потомъ ни дѣлалъ Милковскій, но выручить этихъ штуцеровъ уже не могъ. Онъ видѣлся даже по этому поводу и съ великимъ визиремъ, Фуадъ-пашею; тотъ обѣщалъ „похлопотать" (когда это отъ него вполнѣ зависѣло), но ничего не сдѣлалъ. Вѣроятно, штуцерà понравились туркамъ и они сочли за лучшее взять ихъ себѣ, чѣмъ давать... неизвѣстно кому и на что. Когда Милковскій откланивался великому визирю, послѣдній сказалъ ему, улыбаясь: „je vous croyais plus habiles!"

---

[1]) Этотъ-же самый Урквартъ сносился и съ Лапинскимъ, что видно изъ записокъ послѣдняго. „Gazeta Narodowa" 1878.

[2]) Той-же самой фирмы, которая доставила ружья и пушки Лапинскому: Витвортъ и сынъ (Withwort and Sons).

Предвидя въ Константинополѣ большія затрудненія при выводѣ отряда, когда онъ будетъ совсѣмъ готовъ, за городскую черту и маршированіи съ нимъ по люднымъ предмѣстьямъ турецкой столицы, Милковскій рѣшился перенесть свое повстанское бюро въ Тульчу, небольшой, тихой городокъ въ устьяхъ Дуная, впрочемъ, съ пашею и значительнымъ гарнизономъ; но съ турецкими пашами и ихъ войсками Милковскій зналъ какъ ладить. Ему нужно было бѣжать и отъ „Чарторысцевъ", которые всячески сбивали его съ настоящей дороги, какая казалась ему прямѣе и соотвѣтственнѣе видамъ красной партіи захватовъ. Былъ, напримѣръ, такой случай: пріѣхалъ въ Константинополь новороссійскій агентъ Заремба и наткнувшись на Милковскаго и узнавъ, чѣмъ онъ занимается, предложилъ ему 10,000 франковъ, но черезъ нѣсколько дней, попавъ подъ перекрестный огонь кавказской экспедиціи, былъ уже совсѣмъ не тотъ: онъ усматривалъ болѣе выгодъ отъ этого предпріятія, чѣмъ отъ возни Милковскаго съ какими-то отрядами и сталъ просить выданныя ему деньги назадъ. „Высадимъ отрядъ въ Одессѣ, куда прибудетъ единовременно Менотти Гарибальди съ итальянцами и съ 6,000 черкесскихъ головорѣзовъ, которыхъ вербуютъ на Кавказѣ особые люди, имѣющіе на то весьма достаточныя средства. Вся эта масса отчаянныхъ, на все готовыхъ людей, легко возьметъ Одессу! А вѣдь это эффектъ не малый: взять у москалей Одессу! А!.. вѣдь старикъ Гарибальди взялъ-же съ марсальской тысячью Неаполь! Отчего-же сынъ его не можетъ взять Одессы, съ десятью тысячами такихъ-же кавказскихъ, итальянскихъ и польскихъ марсальцевъ?!.."

Милковскій плохо понималъ только свою собственную чепуху, когда приходилось нести ее передъ кѣмъ-нибудь, или писать на бумагѣ, но хорошо понималъ чепуху чужую: онъ отвѣчалъ Зарембѣ чтобы какъ нибудь отъ него отдѣлаться), что „переговоритъ обо всемъ этомъ обстоятельно съ агентомъ старика Гарибальди, полковникомъ Биксіо, жившимъ тогда въ Константинополѣ и можетъ быть согласится на высадку вербуемаго имъ отряда въ Одессѣ"... а самъ сталъ поспѣшно сбираться въ дорогу. Ему какъ-то не вѣрилось въ прибытіе черкесовъ съ Кавказа и Менотти Гарибальди изъ Италіи съ большимъ отрядомъ, которому нужно было пройти значительную часть Средиземнаго моря, потомъ—Дарданельскій проливъ, Босфоръ, Черное море и гирла Дуная такъ, чтобъ нигдѣ не возбуждать подозрѣній. А еслибъ наконецъ они и преодолѣли всѣ эти неимовѣрныя трудности и добрались до Одессы, то почему Одесса могла быть для этихъ „марсальцевъ" другимъ Неаполемъ? [1])...

---

[1]) Эти планы повстанцевъ дѣйствительно не осуществились. Сообразивъ всю нелѣпость подобнаго предпріятія, Менотти Гарибальди возвратилъ Жонду Народовому всѣ деньги (130,000 фр.), отпущенныя на формированіе итальянскаго отряда. „Русская Старина" 1879, Польское возстаніе, глава VIII, стр. 77, примѣчаніе.

Составивъ съ разными военными поляками, находившимися тогда въ Константинополѣ, планъ своего похода черезъ Молдавію на Русь и поручивъ Сокульскому ходатайствовать у турокъ о выдачѣ конфискованнаго оружія или хоть выпросить „кавказскіе“ штуцера у Ленковскаго и, кромѣ того, условясь съ тѣмъ-же лицомъ о способѣ доставленія въ Тульчу навербованныхъ людей (небольшими партіями, на французскихъ, нѣмецкихъ и другихъ пароходахъ, въ видѣ рабочихъ, на уборку казацкихъ полей въ Добруджѣ), Милковскій выѣхалъ въ Тульчу между 20—23 мая н. ст. 1863. Разумѣется, прежде всего представился онъ Рашиду-пашѣ и другимъ высшимъ чиновникамъ города. Паша зналъ, кто такой Милковскій и что онъ намѣренъ дѣлать въ Тульчѣ, но рѣшился до поры до времени ни во что не мѣшаться.

Милковскій взялся за дѣло горячо. Ему сильно помогалъ во всемъ расторопный начальникъ его „штаба“, майоръ Зима, прибывшій изъ Англіи. Отрядъ формировался живо. Явилось, какъ-бы какимъ-то волшебствомъ, менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли, три роты (т. е. какъ и у Лапинскаго, въ сущности кадры будущихъ ротъ) и названы первымъ батальономъ. Каждый ратникъ (солдатъ и офицеръ) имѣлъ „казенную квартиру“ и получалъ въ день 3 піастра [1]). Мундиры этихъ ратниковъ (хранившіеся на какой-то нѣмецкой мызѣ, за городомъ), состояли изъ: кителя сѣраго полотна и такихъ-же штановъ, шапки-рогативки синяго цвѣта, съ красными кантами и козырькомъ. На ногахъ—то башмаки, то сапоги, смотря по мѣстности, гдѣ придется отряду идти. По кителю висѣла на черномъ ремнѣ сумка съ патронами, а съ другой стороны, черезъ плечо — бѣлое одѣяло, свернутое въ трубку; наконецъ — мѣшокъ вмѣсто ранца на спинѣ, съ бѣльемъ и всякими другими солдатскими пожитками. Время отъ времени войско это училось за городомъ маршировать и всему тому, чему можно было учиться безъ ружей, которыхъ съ часу на часъ поджидали изъ Константинополя. Гарибальдійскіе штуцера такъ и застряли гдѣ-то, а „кавказскіе“ числомъ 200, Ленковскій обѣщалъ взять у турокъ и передать въ распоряженіе Сокульскаго. Да было куплено еще 120 греческихъ штуцеровъ въ Аѳинахъ; наконецъ — собрано въ Молдавіи 56 карабиновъ и 39 охотничьихъ ружей. Милковскому сказали его друзья изъ мѣстныхъ жителей, что „оружіе черезъ портъ въ Тульчу не пройдетъ никоимъ образомъ; нужно придумать какой-нибудь другой способъ доставки, чтобы турки вовсе не знали, что оружіе проѣхало; а если потомъ и узнаютъ, то вѣроятно не возьмутъ“. Милковскій придумалъ слѣдующее: доставить оружіе изъ Константинополя на парусномъ купеческомъ суднѣ къ мысу Кара-Орманъ, не такъ далеко

---

[1]) Цѣна этой полумѣдной монеты подвижная, отъ 7—10 коп. на наши деньги. Піастръ заключаетъ въ себѣ 40 пара—монета несуществующая, но есть мѣдныя монеты въ 5 и въ 10 пара.

отъ Тульчи, а оттуда перевезть его, въ окрестности города, на возахъ, хозяевамъ которыхъ (бѣднымъ польскимъ ремесленникамъ) пригрозить, что если только кто изъ нихъ проболтается, что ѣздилъ въ Кара-Орманъ за штуцерами, то будетъ убитъ.

Когда была получена шифрованная телеграмма (въ концѣ іюня по н. ст.), что судно съ оружіемъ вышло изъ константинопольскаго порта, Милковскій отправилъ къ Кара-Орману расторопнаго офицера Холевинскаго, съ нѣсколькими подводами. Холевинскій простоялъ въ голой степи, подъ палящими лучами солнца, одиннадцать дней и проглядѣлъ, что называется, всѣ глаза. Наконецъ, утлая ладья причалила къ Кара-Орману: когда стали выгружать драгоцѣнную, такъ долго ожидаемую съ мучительнымъ нетерпѣніемъ кладь, оказались только одни греческіе карабины въ томъ видѣ, какъ они были пріобрѣтены въ Аѳинахъ: гладкіе стволы, со старыми, ослабшими замками, гдѣ курокъ не всегда разбивалъ пистонъ. Вмѣсто-же 200 англійскихъ штуцеровъ, присланныхъ изъ Англіи Ленковскому для кавказской экспедиціи, а имъ пожертвованныхъ на экспедицію Милковскаго, явилось 40 русскихъ кремневыхъ ружей, передѣланныхъ на пистонные! Самые пистоны были такого свойства, что не лѣзли на стержни! Пришлось опиливать послѣдніе, а замки передѣлывать. Это заняло довольно времени у нѣсколькихъ поляковъ-слесарей вдругъ, послѣ того, какъ оружіе переѣхало благополучно изъ Кара-Ормана въ Тульчу и было упрятано въ какіе-то загородные сараи.

Наконецъ все было готово, куплены вьючныя лошади, разные мелкіе предметы, необходимые отряду при движеніи, какъ напр. котелки, таганы, рожны и т. п.; осмотрѣны подробно дунайскіе берега между Тульчею и Исакчею. Оставалось только переправиться черезъ Дунай, т. е. сдѣлать самый важный шагъ!

Само собою разумѣется, что какъ за приготовленіями экспедиціи Лапинскаго въ Лондонѣ, такъ и за всею подобною возней Милковскаго въ Тульчѣ, слѣдила русская тайная полиція. Здѣсь тоже были свои Полесы-Тугендбольды и Туры. Они доносили обо всемъ, что только замѣчали, своему начальству въ Одессу, въ Каменецъ-Подольскъ, въ Галацъ и Сулинъ, гдѣ объ эту пору постоянно держались два русскія военныя судна, которымъ было предписано, какъ только поляки тронутся изъ Тульчи по Дунаю, сейчасъ-же сняться съ якоря, догнать Милковскаго и весь его отрядъ забрать или утопить. Кромѣ того, въ самомъ началѣ іюля по н. ст., прибылъ изъ Одессы какой-то грекъ [1]) и скоро по-

[1]) Изъ своихъ пріѣзжалъ къ Милковскому въ Тульчу Жвирждовскій, сейчасъ-же послѣ упадка могилевскаго возстанія. Онъ искалъ спасенія въ Турціи, но потолкавшись тамъ и скучая безъ дѣла, отправился въ Краковъ и вскорѣ затѣмъ появился начальникомъ банды въ Радомской губерніи, подъ именемъ Топора. Печальный конецъ его извѣстенъ. („Русская Старина“ 1879, Польское возстаніе, гл. X, стр. 667).

знакомился съ Милковскимъ, который еще до пріѣзда его зналъ, черезъ французскаго вице-консула Делювье (Deluvier), что онъ будетъ къ нимъ въ гости. Грекъ жаловался полковнику на Іордана, что тотъ не принялъ отъ него услугъ по части доставки оружія и другихъ предметовъ внутрь края, т. е. въ Малороссію или куда прикажутъ; говорилъ, что онъ имѣетъ торгово-контробандныя сношенія съ Одессой, съ Балтой, съ Аккерманомъ, Ямполемъ, Могилевомъ и Каменецъ-Подольскомъ; что конечно безвозмездно трудиться онъ не станетъ, но во всякомъ случаѣ возьметъ меньше, нежели всѣ другіе и доставитъ вѣрнѣе; что у него въ распоряженіи нѣсколько мелкихъ судовъ и лодокъ; люди, ими управляющіе, знаютъ въ Черномъ морѣ, въ Дунаѣ, въ озерѣ Ялпухѣ, Кагулѣ и другихъ всѣ ходы и выходы".

Милковскій сказалъ ему, что „подумаетъ и пришлетъ за нимъ, когда будетъ нужно".

Грекъ довольно часто встрѣчался потомъ съ полковникомъ въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ, главнѣйшимъ образомъ на базарѣ, гдѣ, въ восточныхъ городахъ, обыкновенно толчется цѣлый день все мужское населеніе. Они говорили между собою какъ знакомые люди. Грекъ высказывалъ свои мысли о настоящей свободѣ, объ отвращеніи, какое питаютъ къ русскимъ истинные греческіе патріоты; говорилъ даже о какихъ-то личныхъ непріятностяхъ и преслѣдованіяхъ, испытанныхъ имъ въ Россіи и требующихъ возмездія...

Однажды Милковскій, (когда все рѣшительно было приготовлено къ переправѣ черезъ Дунай) пригласилъ этого грека къ себѣ и сказалъ ему: „дайте мнѣ честное слово, что вы намъ не измѣните"—и тутъ взглянулъ ему прямо въ глаза. Грекъ выдержалъ этотъ взглядъ очень спокойно и отвѣчалъ такъ: „если вы мнѣ не довѣряете, полковникъ, то... лучше не будемъ ни объ чемъ говорить! Я уйду, горько сожалѣя, что вы лишили меня возможности служить вашему дѣлу, столь для меня великому и святому, какъ будто это дѣло было дѣломъ моей родины. Конечно, я не имѣю никакихъ особенныхъ правъ на ваше довѣріе; не будемъ лучше говорить вовсе!" „Можете-ли вы переправить черезъ Дунай нашъ отрядъ?" спросилъ послѣ этой тирады Милковскій. „Могу, гдѣ и когда прикажете!" былъ отвѣтъ. „Поклянитесь, что вы не измѣните нашей тайнѣ!" „Клянусь! Клянусь моей Греціей, моимъ отечествомъ, которое люблю, какъ вы Польшу! Клянусь священнымъ прахомъ моихъ отцовъ!" И приэтомъ поднялъ къ верху руку, сложивъ пальцы, какъ складываютъ ихъ православные для крестнаго знаменія.—„Довольно! сказалъ Милковскій:

Заглядывали еще въ Тульчу два французскіе офицера, пріятели Рошебрюна (послѣ его исторіи съ Высоцкимъ въ Краковѣ. „Русская Старина", Польское возстаніе, гл. II стр. 427) и предлагали Милковскому услуги „генерала" въ качествѣ начальника польскаго отряда, когда онъ сформируется. Милковскій отвѣчалъ имъ, что мѣсто въ отрядѣ для такого храбраго офицера всегда найдется, но только не въ видѣ главнаго начальника, такъ; какъ онъ не можетъ командовать по-польски.

объявляю вамъ, что я собралъ отрядъ и намѣренъ съ нимъ высадиться у Аккермана. Приготовьте мнѣ все нужное для этого. День, когда мы отсюда двинемся, будетъ вамъ скоро сообщенъ!" „А сколько людей и лошадей должны мы будемъ поднять?"—„Тысячу человѣкъ и сто лошадей!"

Грекъ обѣщалъ заняться приготовленіями ту-же минуту, откланялся Милковскому—и только его и видѣли. Сообщивъ, что считалъ нужнымъ, рускому консулу въ Измаилѣ, онъ въ ту-же ночь ускакалъ на перекладныхъ въ Одессу. Оттуда двинули большой отрядъ къ Аккерману на подводахъ...

Тѣмъ временемъ Милковскій отдавалъ послѣднія приказанія. За три дня до выхода отряда изъ города, майоръ Зима посланъ былъ въ Сулинъ, на отходившемъ туда французскомъ пароходѣ, какъ-бы простой вояжеръ, съ мѣшкомъ черезъ плечо, гдѣ заключалось десять штукъ револьверовъ. Онъ долженъ былъ розыскать тамъ нанятое итальянскимъ вицеконсуломъ въ Сулинѣ, г-мъ Джесси (Jessy) англійское паровое судно и съ нимъ прибыть, въ извѣстномъ часу, вечеромъ съ 11 на 12 іюля н. ст., къ заранѣе указанному пункту, между Тульчей и Исакчей, насупротивъ ветловыхъ кустовъ,—и тутъ отрядъ долженъ пересѣсть на палубу судна, со всѣми своими пожитками и лошадьми. Дальнѣйшее странствіе зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ...

Накануиѣ задуманнаго Милковскимъ выхода, 10 іюля н. ст., пришло отъ Зимы такое письмо:

„Покамѣстъ дѣла̀ идутъ кое-какъ, но трудно мнѣ возиться съ греками [1]): такъ трусятъ, такъ трусятъ! И золото не помогаетъ! Если случится что либо непредвидѣнное, что̀ потребуетъ измѣненія нашего плана, я телеграфирую: La marchandise est avariée, j'ai commandé d'autre. Это значитъ: „не трогайся съ мѣста:" Я былъ на англійскомъ военномъ пароходѣ: капитанъ уже далъ знать коменданту въ Галацъ, чтобы онъ не спускалъ глазъ съ русскаго парохода. Въ крайнемъ случаѣ совѣтуетъ овладѣть русскимъ судномъ, полагая, что оно не станетъ стрѣлять въ англійскій флагъ. Нашъ пароходикъ довольно силенъ, смотритъ, какъ стимеры Лойда. Не забудь соблюсти въ точности слѣдующее:

1. Чтобы сигнальщикъ былъ на своемъ мѣстѣ и чтобы могъ увидѣть нашъ сигналъ издалека. Я буду на кормѣ и спущу бѣлый платокъ.

2. Чтобъ берегъ былъ повыше: иначе съ лошадьми будетъ неимовѣрная возня. Нужно пріискать мѣсто, гдѣ-бы можно было причалить къ берегу вплоть.

3. Коммуникація съ Измаиломъ и Галацомъ должно-быть прервана—помни объ этомъ!

---

[1]) Поставлено вмѣсто „англичанами".

4. Берегитесь, чтобы австрійскій пароходъ, выходящій изъ Галаца по воскресеньямъ, не увидѣлъ васъ какъ-нибудь. Онъ пройдетъ мимо васъ въ 7 1|2 часовъ.

Употреблю всевозможныя старанія, чтобъ быть на мѣстѣ въ означенную пору. Говорятъ однако, будто-бы въ Ялгани, ниже Тульчи, пароходы, по закатѣ солнца, не пропускаются.

Ф. З."

11 числа іюля н. ст. начальникъ отряда сдѣлалъ перекличку всѣмъ людямъ, состоявшимъ подъ его командой:, было всего навсе 258 человѣкъ и 7 лошадей. 1-я и 3-я роты стояли въ Тульчѣ, 2-я около мили оттуда, въ нѣмецкой колоніи Франценсталь. Какъ только были розданы магазинеромъ, поручикомъ Кентршинскимъ, по ротамъ мундиры, шапки, патронташи и походная обувь—паша прислалъ за Милковскимъ.

— Собираешься, полковникъ? сказалъ онъ ему, когда тотъ вошелъ.

— Собираюсь, отвѣчалъ Милковскій: не хочу больше злоупотреблять добрымъ къ намъ расположеніемъ и гостепріимствомъ Высокой Порты!

— Не въ этомъ дѣло, возразилъ паша, а въ томъ, чтобы Турція не была изъ за васъ какъ нибудь скомпрометирована. Я не стану распространяться о томъ, что мы къ вамъ дѣйствительно расположены, но... политика часто заставляетъ обходиться съ самыми близкими друзьями, какъ съ врагами.

Милковскій молчалъ.

— Но я всетаки не желалъ-бы васъ третировать, какъ непріятелей (началъ снова паша); я бы желалъ устроить дѣло такъ, чтобы и вы ушли, и мы не были скомпрометированы. Какъ думаешь: есть на это средство?

— Есть, отвѣчалъ Милковскій: отворотитесь и не смотрите, когда мы соберемся и пойдемъ; а когда уйдемъ, подымите шумъ, пошлите насъ догонять... вѣдь бываютъ-же на свѣтѣ случаи, что одни другихъ проводятъ: вотъ и вы скажите, что мы васъ провели, поступили съ вами неблагородно. Словомъ, всю вину свалите на насъ!

— Нѣтъ, такъ не годится! Надо выдумать что-нибудь другое!.. приди-ка часика черезъ два опять, а тѣмъ временемъ подумай, и я подумаю, авось что-нибудь и выдумаемъ! Вѣрь только, что я дѣйствую, какъ человѣкъ, желающій вамъ всего лучшаго! Вѣришь?

— Вѣрю! И съ этимъ разстались.

Черезъ два часа Милковскій явился къ пашѣ опять.

— Вотъ что я придумалъ, сказалъ паша: необходимо тебѣ разстаться съ тридцатью молодцами! Какъ-только вы двинетесь, наши войска арестуютъ всѣхъ вашихъ солдатъ, не трогая офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и сержантовъ. Изъ арестованныхъ выбери то, что́ тебѣ не очень нужно; я отошлю этотъ народъ въ Константинополь,

при бумагѣ, въ которой распишу какъ слѣдуетъ все случившееся. Арестъ произойдетъ между 10 и 4 часами. При закатѣ солнца арестованыхъ выпустятъ и ты дѣлай съ нимъ что̀ хочешь!

Какъ ни было прискорбно Милковскому разставаться хотя бы и съ такимъ небольшимъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ (все это были ветераны 1831 года, попавшіе въ Турцію разными путями и хотѣвшіе не меньше молодыхъ увидѣть на старости лѣтъ родную землю), но дѣлать было нечего! Торговаться съ пашею было неловко и неприлично, да и ни къ чему-бы не привело. Какъ выражаются поляки въ подобныхъ случаяхъ: „Sprawa była z Sarmatą!“ [1])

Полковникъ велѣлъ отряду готовиться къ выступленію. Люди одѣлись, вооружились, пошли-было очень весело по дорогѣ, которая была указана начальствомъ (разумѣется, о переговорахъ Милковскаго съ пашею никто ничего не зналъ). Вдругъ, откуда ни возьмись, турки! Наскочили какъ звѣри! Аресты произошли по всѣмъ правиламъ, однакоже нѣсколько солдатъ успѣли бѣжать и попрятаться въ густомъ бурьянѣ, котораго за городомъ цѣлыя рощи. Изъ третьей роты турки арестовали только трехъ! По городу ходилъ приказъ паши, начинавшійся словами: „Будучи принужденъ принять суровыя мѣры противъ польскихъ бродягъ, замышлявшихъ что-то недоброе, я сдѣлалъ сегодня распоряженіе“... и т. д.

Милковскій собралъ не арестованныхъ на сборномъ пунктѣ, за нѣмецкимъ предмѣстьемъ, гдѣ былъ большой садъ и велѣлъ имъ стоять тамъ, не трогаясь съ мѣста, до девяти часовъ вечера, ожидая приказанія, какое не преминетъ послѣдовать. Кошки скребли у него на сердцѣ. Участь арестованныхъ представлялась ему до того невѣрной, какъ будто ихъ уже не стало на свѣтѣ. Турецкій арестъ и обѣщанія совсѣмъ не то, что̀ всякій другой арестъ и обѣщанія! Слишкомъ довѣрять имъ не возможно... въ оставшихся рядахъ раздавались жалобы и ропотъ. Спрашивали: „какъ-же мы пойдемъ и куда, въ такомъ маломъ числѣ?“—„Не малое число, проворчалъ Милковскій: у насъ еще не тронутая рота въ Франценсталѣ!.. Да хоть-бы 20, хоть бы только 10 человѣкъ осталось—все-таки надо идти!“

Въ 9 часовъ вечеромъ онъ явился, сильно разстроенный и смущенный къ пашѣ. Тотъ былъ также разстроенъ; лицо его было блѣдно.

— Что̀, развѣ ужъ пора? проговорилъ онъ, увидя вошедшаго къ нему полковника.

— Пора!

— Ну, такъ какъ-же?..

— Надѣлали вы намъ дѣлъ, нечего сказать!

---

[1]) Слово въ слово: „дѣло было съ Сарматой“. Въ переносномъ значеніи: „съ человѣкомъ рѣзкимъ, неуступчивымъ, который, что̀ ни говори, не подастся, настоитъ на своемъ“.

— А что?

— Разбили, разстроили отрядъ совсѣмъ! Кто его теперь соберетъ?

— Я приказывалъ не пугать, арестовать осторожно.

— А вотъ они напугали!

— Что дѣлать, сила вещей этого требовала!.. выходишь?

— Выхожу!

Паша ударилъ въ ладоши и велѣлъ позвать какого-то чиновника. Когда тотъ вошелъ, онъ ему шепнулъ что-то, потомъ, обращаясь къ Милковскому, сказалъ: „люди твои будутъ сейчасъ выпущены“!

Наступило прощаніе. Паша разчувствовался, желалъ полякамъ всякихъ успѣховъ на полѣ брани; совѣтовалъ Милковскому, выходя изъ города, держаться подальше отъ турецкихъ лагерей и объяснилъ даже, гдѣ именно они расположены. Милковскій благодарилъ за все это—и черезъ какихъ-нибудь полчаса очутился со своимъ отрядомъ. Арестованные подходили кучка за кучкой. Никто изъ нихъ не могъ понять, что такое дѣлается. Иные объясняли себѣ это арестованіе и потомъ выпусканіе условіемъ ихъ начальника съ пашею, чтобы они до вечера не подпили, а всѣ до одного были трезвы и крѣпко держались на ногахъ передъ походомъ.

Отрядъ собрался почти весь и почти всѣ были вооружены: къ привезеннымъ и имѣвшимся въ цейхаузѣ 160 ружьямъ Милковскій прикупилъ въ Тульчѣ и окрестностяхъ еще 20 охотничьихъ ружей, вышло всего 180, а людей осталось, за выбывшими, 213 человѣкъ. Стало, безъ ружей было только 33 человѣка. Имъ роздали пики, которыя хранились въ галацкомъ складѣ повстанскихъ вещей въ значительномъ количествѣ, т. е. наконечники, а подѣлать къ нимъ древки было уже не долго и не трудно.

Собравъ всѣхъ къ одному пункту, Милковскій подвязалъ себѣ палашъ и сдѣлалъ своему войску Наполеоновскій „ночной смотръ.“ Затѣмъ отдалъ приказъ снять съ ружей штыки, маршировать осторожно и тихо, трубокъ не курить, громко не разговаривать—и отрядъ тронулся проселочными дорогами и разными ущеліями, слѣдуя указаніямъ одного мѣстнаго поляка Вытвицкаго, который былъ охотникомъ и зналъ окрестности Тульчи во всѣхъ направленіяхъ превосходно. Онъ велъ соотчичей къ тому пункту, гдѣ нужно было ждать парохода. Когда спустились къ берегу Дуная, поросшему высокимъ камышомъ, стало свѣтать, но опасности уже не было: въ случаѣ надобности всѣ могли укрыться въ камышъ. Въ восьмомъ часу утра, уйдя отъ города мили три, отрядъ встрѣтилъ какого-то стараго турка, ѣхавшаго въ тележкѣ. Боясь, чтобы онъ не поднялъ въ Тульчѣ шуму, арестовали его и вошли затѣмъ въ камыши, чтобы не имѣть еще такихъ-же исторій съ прохожими и проѣзжими изъ Исакчи въ Тульчу и обратно, которыхъ число, часъ отъ часу, должно было увеличиваться. Тутъ и рѣшились дожидаться парохода, а не въ ветловыхъ кустахъ, до которыхъ было еще довольно далеко. Милковскій,

выбравъ берегъ повыше, сѣлъ на него, замѣняя сигнальщика и сталъ смотрѣть, съ замирающимъ сердцемъ, въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться пароходъ. Прошло часа два. Пароходъ не показывался. Ратники въ камышѣ поснули. Наконецъ, около 10 часовъ, мелькнулъ вдали пароходъ: Милковскій устремилъ на него глаза и убѣдясь, по разнымъ соображеніямъ, что это тотъ самый, который долженъ ихъ поднять, далъ знакъ—на пароходѣ сверкнулъ бѣлый платокъ. „Вставать!" крикнулъ полковникъ.

— Вставать, вставай! — загремѣли голоса по камышамъ. „Батальонъ" поднялся, построился, штыки заблестѣли на солнцѣ; польская команда маіора Ягмина громко пронеслась по рядамъ впервые. Всѣ лица засіяли. Мечты каждаго солдата и каждаго офицера полетѣли Богъ знаетъ куда... Одинъ лишь полковникъ задумчиво перекидывалъ свой взглядъ на ту сторону Дуная, за другіе камыши, за озеро Ялтухъ, синѣвшее вдалекѣ, за городъ Болградъ—столицу Болгарскихъ поселенцевъ Бессарабіи... тамъ, за этими камышами, трясинами, полями и городами представлялись предводителю безпардонной кучки его соотечественниковъ такія препятствія, которыя другимъ и не снились. Въ Измаилѣ стоялъ отрядъ румынъ, въ 900 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Калинеску; въ Галацѣ и Рени—1000 человѣкъ пѣхоты, подъ начальствомъ полковника Ману; въ Фокшанахъ—батальонъ стрѣлковъ; въ Яссахъ — пѣхотный полкъ, кавалерія и артиллерія; надъ Прутомъ, начиная отъ Скулянъ, внизъ по рѣкѣ, былъ растянутъ пѣхотный батальонъ; въ каждомъ обводовомъ городѣ, какими были: Измаилъ, Кагулъ, Галацъ, Текучъ, Фокшаны, Бырлатъ, Васлуя, Гучъ и Яссы, находилось непремѣнно по нѣскольку десятковъ жандармовъ, пѣшихъ и конныхъ, такъ-что всего на-все у румынскаго правительства было въ тѣхъ мѣстахъ около 5,300 человѣкъ. Дальше, въ Бендерахъ, стоялъ русскій Замосцьскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Леченко; въ Кишиневѣ—Люблинскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Челищева; въ Бѣльцахъ—Пражскій полкъ; въ Хотинѣ—Модлинскій. По границѣ Молдавіи растянуто было два казачьихъ полка. Все это состояло подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кишинскаго. Наконецъ, въ Новороссійскомъ краю, собраны были значительныя силы, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Коцебу, тысячъ по крайней мѣрѣ 16, съ кавалеріей и артиллеріей. И на всѣ эти массы штыковъ, сабель и пушекъ, лѣзло двѣ сотни взбалмошныхъ поляковъ, съ надеждой пробиться въ отчизну, или хоть въ Малороссію!

Разумѣется, прежде всего приходилось имъ вѣдаться съ румынами. Милковскій отправилъ къ нимъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, слѣдующую прокламацію, на французскомъ языкѣ, сочиненія французскаго вицеконсула въ Тульчѣ, Делювье, съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы ее читали румыны тогда, когда польскій отрядъ пойдетъ уже по ихъ землѣ:

„Румыны!

„Какъ поляки, мы не можемъ обращаться къ европейскимъ кабинетамъ, заключать съ ними трактаты и договоры. Намъ остается только въ отношеніи васъ, а равно и всего цивилизованнаго свѣта, предъявлять прямо наши намѣренія и цѣли. Вотъ они:

„Я веду черезъ соединенныя княжества вооруженный отрядъ и этимъ нарушаю нейтральность вашей земли.

„Но передъ лицомъ Господа Бога и передъ лицомъ Европы, отъ имени моихъ товарищей и моего собственнаго, свидѣтельствую, что мы дѣлаемъ это въ крайности.

„Для насъ не существуетъ другой альтернативы, кромѣ лишь той, что—либо вовсе не являться на призывъ отечества, либо—пройти черезъ вашу землю. Мы выбираемъ послѣднее—и пусть насъ судитъ свѣтъ!

„Знайте: мы приходимъ какъ друзья ваши. Мы будемъ свято хранить неприкосновенность вашихъ личныхъ правъ и имущества. Но если-бы ваше народное чувство было почему-либо возмущено тѣмъ, что вы увидите насъ вдругъ у вашихъ очаговъ, то подумайте, что вѣдь мы—сегодня солдаты, идущіе сражаться за независимость отечества, люди, лишенные всякихъ правъ, а завтра—можемъ быть мученики!

„А враги наши развѣ не нарушали неприкосновенности чужихъ земель? Развѣ не переходили неоднократно на Прусскую землю, чтобы маневрировать противъ поляковъ? Въ послѣднее время русскіе стрѣлки развѣ не стрѣляли въ польскіе отряды съ территоріи австрійской?

„Что дѣлаютъ они для нанесенія намъ вѣрнѣйшаго и жесточайшаго пораженія, почему это-же самое не можетъ быть дозволено намъ единственно ради нашего спасенія, намъ, не имѣющимъ никакого достоянія, кромѣ сѐрдца, да плечей; никакихъ правъ, кромѣ естественныхъ; никакихъ союзниковъ, кромѣ правосудія Всемогущаго да совѣсти честныхъ людей?..

„Пропустите-же насъ, ибо мы идемъ биться противъ враговъ цивилизаціи и свободы!

„Пропустите насъ, потому что... мы должны пройти во что бы то ни стало!

„Не забывайте, что народы наши связаны между собою братскими узами и что пролитая кровь ляжетъ на того изъ насъ, кто первый затронетъ.

„А когда неравно найдутся, кто обвинитъ насъ передъ вами, вооружитесь противъ насъ хотя хладнымъ правомъ закона, отвѣтьте и пусть каждый человѣкъ съ сердцемъ отвѣтитъ вмѣстѣ съ вами:

„Какой судъ обвинитъ сына за то, что онъ перешелъ черезъ поле сосѣда, спѣша на помощь матери, когда на нее занесъ руку убійца?

„12 іюля 1863.

Начальникъ отряда полковникъ Сигизмундъ Милковскій“.

Но не смотря на всѣ эти цвѣты краснорѣчія, на всѣ эти пышныя фразы, которыя устраивались въ Тульчѣ долго и старательно нѣсколькими лицами вдругъ, подъ главной редакціей французскаго вице-консула, румыны ничуть ими не тронулись; они даже сочли оскорбительнымъ и нахальнымъ выраженіе: „мы должны пройти во что бы то ни стало!“ [1]), выраженіе, сказанное громко кучкой вооруженныхъ кое-какъ бродягъ цѣлому народу, имѣющему значительную армію! Это было нѣчто въ родѣ брошенной въ лицо противнику перчатки. Съ этой фразой всѣ въ Румыніи не мало носились и не мало надъ нею смѣялись. „Только поляки могутъ написать и напечатать что-либо подобное!“ говорили иные. „Вотъ я имъ покажу quand même“—воскликнулъ князь Куца, прочитавъ прокламацію—и приказалъ тутъ-же ближайшимъ къ Тульчѣ отрядамъ, преимущественно Измаильскому, слѣдить сколь-возможно внимательнѣе за поляками, которые должны придти изъ Турціи, и лишь только они покажутся, окружить ихъ, обезоружить и арестовать всѣхъ до единаго. Никакой стычки съ ними онъ не допускалъ, зная очень хорошо, сколько ихъ именно, но не зная характера поляковъ, которые, при какихъ угодно условіяхъ, способны повторить безумную атаку Сомо-Серра.

Когда Милковскій, со своими безпардонными ухарями, проплывъ съ большими опасностями (такъ что маленькій пароходикъ едва-едва не затонулъ) высадился поневолѣ совсѣмъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалъ, и пошелъ куда глаза глядятъ, среди страшныхъ, можно сказать дремучихъ тростниковъ, нерѣдко самъ себѣ прокладывая дорогу, неслыханно измучился и измучилъ своихъ солдатъ (они ободрали и обтерли себѣ ноги, платье и обувь) и радъ былъ радостью, что его нанесло наконецъ на какой то монастырь [2]), гдѣ онъ могъ отдохнуть, поѣсть, напиться сноснаго вина и какъ слѣдуетъ выспаться: въ это самое время, два чернеца, подобравши свои длинныя полы, слетали какъ птицы въ Измаилъ и дали знать полковнику Калинеску, что „поляки у нихъ, подъ монастыремъ, можно всѣхъ ихъ накрыть безъ всякаго боя!“

Калинеску снялся со своимъ отрядомъ, какъ только могъ поспѣшно, на подводахъ, ночью съ 12 на 13 іюля н. ст. Но когда прибылъ къ монастырю, Милковскаго тамъ уже не было. Можетъ статься, чуя грозу, а можетъ и видѣвъ, просто-за-просто, какъ чернецы летали къ Измаилу, онъ разбудилъ отрядъ свой очень рано, 13 іюля, и пошелъ форсированнымъ маршемъ на деревню Этюликіой, лежащую въ верховьяхъ озера Кагулъ, гдѣ разсчитывалъ немного отдохнуть и

---

[1]) Въ подлинникѣ „quand même“.

[2]) Это былъ Ѳерапонтовъ монастырь, въ 28 верстахъ отъ Измаила, воздвигнутый по обѣту государя Николая Павловича, который съ этого пункта наблюдалъ за переправой нашихъ войскъ черезъ Дунай, въ 1828 году, и подлѣ него вдругъ упала бомба, не причинивъ ему никакого вреда.

снова идти къ одному пункту на берегу Прута, гдѣ ждали его лодки, а потомъ, на другомъ, правомъ берегу — подводы: по крайней мѣрѣ все это было обѣщано агентами, заправлявшими дѣлами возстанія въ Молдавіи. Такимъ образомъ, Милковскій думалъ уйдти отъ предслѣдованія Калинеску, (еслибъ тотъ шелъ, а не ѣхалъ). Другихъ румынскихъ отрядовъ поляки не очень боялись: всѣ они стояли довольно далеко; могъ развѣ придти еще отрядъ изъ Галаца. Вдругъ, на разсвѣтѣ 14 іюля н. ст., когда польскій отрядъ снова двинулся въ походъ, только самъ командующій оставался еще, съ нѣсколькими штабными, въ деревнѣ,—крестьяне послѣдней и жандармъ, захваченный на дорогѣ, дали знать, что Калинеску показался на высотахъ, по сю сторону рѣки! Потомъ онъ прошелъ, въ густыхъ колоннахъ, черезъ деревню и за нею, въ одной долинѣ, близь рѣки Кагула, развернулъ свои силы и построилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ, разсыпавъ впереди цѣпь стрѣлковъ, а къ полякамъ послалъ парламентеромъ маіора Скилетти, который потребовалъ отъ Милковскаго исполненія двухъ условій: 1) остановить отрядъ, находившійся въ походѣ; 2) переговорить лично съ полковникомъ Калинеской.

Въ первомъ Милковскій отказалъ наотрѣзъ, а второе согласился исполнить туже минуту, съ тѣмъ только, чтобы встрѣча произошла въ серединѣ, между авангардомъ румынъ и тыломъ уходившаго отряда поляковъ.

Калинеску выѣхалъ въ назначенный пунктъ верхомъ, одинъ безъ всякихъ провожатыхъ и потребовалъ отъ Милковскаго (бывшаго тоже верхомъ) немедленной сдачи оружія и удаленія всего отряда за Дунай. Милковскій отвѣчалъ, что сдѣлаетъ это развѣ только по принужденію.

— Я имѣю на это средства, сказалъ Калинеску, показавъ на свои войска.

— Попробуйте! проговорилъ Милковскій, но вмѣстѣ съ тѣмъ подумайте, что скажетъ Европа о пролитіи крови людей, идущихъ на спасеніе отчизны!

— Что мнѣ за дѣло до вашей отчизны; я имѣю предписаніе отъ своего правительства, которому долженъ повиноваться: я солдатъ!

— И я тоже солдатъ, и на мнѣ лежитъ обязанность отвести отрядъ въ Польшу! сказалъ Милковскій.

— Отчего-жъ вы не просили позволенія у моего правительства законнымъ путемъ, чтобы оно дозволило вамъ пройти черезъ нашу территорію?

— Я зналъ, что мнѣ откажутъ.

— Теперь мнѣ ничего другого не остается, какъ васъ атаковать, закончилъ Калинеску.

— Исполняйте свои обязанности! проговорилъ Милковскій—и они разстались.

Догнавъ отрядъ, Милковскій остановилъ его и сказалъ солдатамъ, что за ними стоитъ непріятель, который намѣренъ ихъ атаковать и

заявилъ, чтобы поляки сложили оружіе, а сами воротились за Дунай.

— Я отвѣчалъ, что мы оружія не сложимъ: пусть приходятъ и вырываютъ его у насъ изъ рукъ!

— Да здравствуетъ Польша! Да здравствуетъ полковникъ! рявкнули солдаты и потомъ запѣли: Jeszcze Polska nie zginęła!

Командиръ третьей роты, поручикъ Бржозовскій, пришелъ въ такой азартъ, что сказалъ полковнику: „мои люди пойдутъ прямо на штыки, не стрѣляя, какъ Чвартаки [1]) подъ Гроховымъ!“

Румыны шли за поляками въ боевомъ порядкѣ не долго, потомъ остановились и повернули въ сторону. Очевидно, биться имъ не хотѣлось. Они разсчитывали кончить дѣло какъ-нибудь такъ, принудить поляковъ положить оружіе безъ боя.

Отрядъ Милковскаго тѣмъ временемъ все двигался впередъ, по направленію къ деревнѣ Волканешты, до которой достигъ около полудня того-же 14 іюля. Солдаты были неслыханно утомлены, валились съ ногъ и тутъ-же засыпали. Отдохнувъ не много, отрядъ снова пошелъ тою-же дорогой и миновавши Гречены, свернулъ направо въ степь, между рѣками Кагуломъ и Сальчей—и такъ дошелъ до деревни Муссаиды, гдѣ переночевалъ. Достать провизіи было чрезвычайно трудно. Еще до Муссаиды жители деревень принимали поляковъ сносно. Можно было кое-что достать. Но съ Муссаиды все бѣжало передъ отрядомъ, напуганное извѣстіями, что „изъ Турціи вышли разбойники, рѣжутъ и грабятъ по дорогамъ“. Пршевлоцкій, Зима, и при нихъ фурьеръ безъ всякой пользы обшарили нѣсколько окрестныхъ деревень, въ теченіи вечера 14 и утромъ 15 іюля: нигдѣ ни хлѣба, ни мяса, ничего ровно! Немного позже кто-то изъ отряда розыскалъ мѣшка два-три кукурузы, но дѣлать изъ нея мамалыгу было уже некогда: польскій разъѣздъ встрѣтился съ румынскимъ. Это показало близкое присутствіе непріятеля. Милковскій снова поднялъ отрядъ и пошелъ дальше въ томъ-же направленіи, проселками, параллельно почтовой дорогѣ, отъ Кагула въ Готешты, рѣшившись въ случаѣ, если Калинеску будетъ ихъ преслѣдовать, начать бой, который, при покровительствѣ польскаго Бога, и при извѣстной всему свѣту неспособности румынъ къ военному дѣлу—могъ быть выигранъ. Далѣе—быстрое движеніе къ Пруту—лодки, подводы и переѣздъ на Русь! Такъ мечталось.

На пути попались двѣ-три харчевни, въ которыхъ куплено все, что можно было купить—и сейчасъ-же съѣдено. За деревнею Карпаулъ открылась довольно обширная равнина, въ виду фольварка

[1]) „Чвартаками“ назывался запросто 4-й пѣхотный полкъ польской арміи во время революціи 1830—31 г. Онъ долѣе другихъ оставался вѣренъ великому князю Константину Павловичу; потомъ, чтобы загладить эту вину передъ соотечественниками, онъ рѣшился, въ битвѣ подъ Гроховымъ, 25 февраля н. ст. 1831 г., вовсе не стрѣлять, а биться только штыками—и сдержалъ слово.

Костангалія-Боженари. Тутъ Милковскій велѣлъ отряду остановиться, повернувшись фронтомъ назадъ и поставить ружья въ козлы. Потомъ отдѣлилъ пекарей, съ приказаніемъ готовить, у ближайшей корчмы, солдатскій обѣдъ. Въ это самое время Калинеску тоже выстроилъ свой отрядъ, верстахъ въ двухъ-трехъ, упершись правымъ крыломъ въ долину Сальчи [1]). Прошло около часу. Солдаты Милковскаго, въ ожиданіи обѣда, а вмѣстѣ, можетъ быть и битвы, повалились въ кусты, за плетнемъ одного сада, и крѣпко заснули. Полковникъ не будилъ ихъ нарочно, чтобы они какъ можно болѣе воспользовались этими минутами для отдыха. Начинать битвы онъ отнюдь не хотѣлъ, напротивъ ему хотѣлось, чтобы румыны задрали первые. Вдругъ изъ ихъ рядовъ выѣхалъ всадникъ съ бѣлымъ платкомъ. Милковскій послалъ навстрѣчу ему Пршевлоцкаго и велѣлъ сказать румынскому парламентеру, что „поляки биться съ ними не хотятъ, а хотятъ отдохнуть и слѣдовать далѣе.“ Всадникъ, тотъ-же самый маіоръ Скилетти, который выѣзжалъ парламентеромъ и подъ Этюликіой, объявилъ Пршевлоцкому, что „полковникъ Калинеску желаетъ видѣться и переговорить съ полковникомъ Милковскимъ.“

Тутъ-же былъ выбранъ пунктъ, посерединѣ дороги. На этотъ разъ Калинеску выѣхалъ съ большой блестящей свитой. Милковскій, чтобъ не отстать отъ него съ этой стороны, взялъ съ собою всю свою „кавалерію.“

Переговоры начались съ того-же самаго, какъ и при первой встрѣчѣ вождей. Калинеску налегалъ на беззаконное нарушеніе поляками территоріальныхъ правъ румынскаго правительства, и говорилъ, что обязанности солдата принуждаютъ его, съ болью въ сердцѣ, пролить польскую кровь, если только онъ не получитъ желаннаго удовлетворенія. Милковскій отвѣчалъ, что совершенно такія-же обязанности заставляютъ его отказаться отъ исполненія румынскихъ требованій. Калинеску нарисовалъ затѣмъ картину рѣзни, въ которой погибнетъ нѣсколько лучшихъ людей Польши. „И къ чему намъ драться, скажите на милость, когда можно кончить дѣло безъ этого: сложите оружіе — мы васъ доставимъ до границы особо, и оружіе особо!“ заключилъ Калинеску.

— Хорошо, воскликнулъ быстро Милковскій: только подъ условіемъ, чтобы я самъ выбралъ границу. Рѣшимъ этотъ вопросъ на бумагѣ и закрѣпимъ его нашими печатями!

— Я разумѣю границу турецкую, сухо замѣтилъ Калинеску.

— А я объ этой границѣ вовсе и не думаю! сказалъ холодно Милковскій.

Калинеску взялъ его за руку, отъѣхалъ съ нимъ въ сторону и началъ заклинать всѣми святыми, чтобы онъ пожалѣлъ тѣхъ, кѣмъ командуетъ.

---

[1]) Подробности позиціи и затѣмъ самаго боя у Милковскаго—Galicja i wschod, стр. 143—151.

— Да что вы такъ на меня напираете? спросилъ Милковскій.

— Я имѣю предписанія, строгія предписанія!

— Ну, такъ и отвѣтятъ тѣ, кто даетъ такія предписанія!.. Что касается до меня, я оружія не сложу, не сложу, тысячу разъ не сложу!

— Подумайте, на что вы напрашиваетесь, началъ опять Калинеску.

— На бой, ни на что болѣе!

— Взгляните, продолжалъ Калинеску, показывая на колонны своихъ войскъ, стоявшія вдали: вѣдь я васъ ррразнесу [1])!

— Не спорю съ этимъ, отвѣчалъ Милковскій: и не удивлюсь, если буду разбитъ. Силы наши черезъ-чуръ неодинаковы; притомъ я нисколько не сомнѣваюсь въ храбрости румынъ.

— И такъ будемъ биться? сказалъ грустнымъ тономъ Калинеску.

Милковскій отвѣчалъ наклоненіемъ головы.

Всѣ офицеры пожали другъ другу руки и разъѣхались галопомъ въ двѣ противуположныя стороны.

Прибывъ къ отряду, полковникъ Милковскій поднялъ всѣхъ людей, построилъ за котлами, въ которыхъ готовилась пища, и сказалъ:

— Ребята, я буду кратокъ! Переговоры кончились тѣмъ, что мы— будемъ биться!

— Ура! Да здравствуетъ Польша!—было отвѣтомъ.

Въ описаніе подробностей битвы пускаться мы не станемъ. Къ удивленію и къ огорченію румынъ (которыхъ было чуть не въ пятеро больше, нежели поляковъ и которые не пришли пѣшкомъ, а пріѣхали на подводахъ, стало-быть нисколько не были утомлены) поляки остались побѣдителями! Послѣ одного удачнаго польскаго залпа и ура на штыки (гдѣ Бржозовскій со своею третьею ротой игралъ дѣйствительно главную роль) румыны бросились бѣжать въ-разсыпную, бросая ружья, кивера, лядунки... Говорили послѣ, что все это замѣшательство произошло отъ какого-то ошибочнаго движенія колонны, которою командовалъ майоръ Саегіу, но кажется, просто-за-просто, виновато все неособенно храброе румынское воинство и распоряженія Калинеску, а майоръ Саегіу выбранъ потомъ козломъ очищенія, какъ это бываетъ во многихъ арміяхъ. Его прогнали даже изъ службы и пропечатали въ газетахъ...

Поляки взяли много плѣнныхъ, собрали съ поля битвы массу расбросанныхъ румынами ружей, которыя оказались однако немудрыми и позариться отряду Милковскаго было не на что.

Потеря поляковъ простиралась до 6 убитыхъ и 25 раненыхъ; изъ нихъ 7 тяжело. У румынъ было убитыхъ около 40 (по показанію Милковскаго) и 18 — по показанію Калинеску. Раненыхъ до сотни.

---

[1]) „Je vous écrrraserai!"—Само собою разумѣется, переговоры, какъ въ тотъ, такъ и въ этотъ разъ происходили на французскомъ языкѣ.

Пропадавшихъ нѣкоторое время безъ вѣсти (по лѣсамъ, камышамъ, кукурузѣ и окрестнымъ деревнямъ, какъ замѣчаетъ Милковскій; Калинеску объ этомъ умалчиваетъ)—около 300 [1]).

Черезъ два часа послѣ битвы, Калинеску прискакалъ съ большою свитой въ польскій лагерь просить у Милковскаго позволенія убрать съ поля битвы, прилегающаго къ расположенію польскаго отряда, раненыхъ и убитыхъ румынъ. При этомъ естественио разговорились.

— Потрепали вы насъ, что дѣлать, сказалъ Калинеску, но... у васъ несравненно лучше оружіе!.. только никакъ не могу понять, изъ-за чего мы бились съ вами, господа!

— Это васъ надо спросить, изъ-за чего бились вы, сказалъ Милковскій, а мы не бились: вы помѣшали намъ варить мамалыгу — мы стали защищаться!

— Само собою разумѣется, этимъ дѣло не кончится, продолжалъ немного погодя Калинеску: я долженъ васъ снова атаковать, но ни сегодня, ни завтра этого не сдѣлаю. Я васъ не трону цѣлыхъ 56 часовъ сряду.

— Мнѣ довольно 36, быстро проговорилъ Милковскій, т. е. остатокъ этого дня, 15 іюля, да сутки потомъ—согласны?

— Согласенъ!

— Честное слово?

— Честное слово!

На этомъ разстались. Но немного спустя Калинеску пришелъ въ польскій лагерь пѣшкомъ, совершенно одинъ, и взявъ Милковскаго подъ руку, пошелъ бродить съ нимъ по полямъ и все время говорили о разныхъ мелочахъ касавшихся боя.

— Что вы намѣрены дѣлать съ нашимъ оружіемъ? спросилъ вдругъ Калинеску.

— Отдать вамъ его назадъ! отвѣчалъ Милковскій: дабы вы знали, что намъ вовсе не нужно румынскихъ трофеевъ [2]).

Подвечеръ прибыло въ польскій лагерь нѣсколько румынскихъ офицеровъ: они просили, отъ имени всѣхъ участвовавшихъ въ бою своихъ товарищей, ввѣрить тяжело раненыхъ поляковъ попеченію румынскаго народа: позволить ихъ перевезти въ Измаилъ и Галацъ, гдѣ они будутъ немедля окружены всѣми удобствами и найдутъ полное спокойствіе.

Разумѣется, отказа на это не послѣдовало. Раненые забраны сейчасъ-же на присланные изъ румынскаго штаба подводы и перевезены въ сказанные города, гдѣ за ними былъ, все время, до выздоровленія самый внимательный уходъ, какъ за родными братьями.

---

[1]) Рапорты Калинеску въ книгѣ „Galicja i wschód", на стр. 140—142.

[2]) Милковскій признается впрочемъ, что не отдалъ-бы этихъ трофеевъ ни за что, еслибъ имѣлъ надежду доставить ихъ въ Польшу на возу, а не на плечахъ солдатъ („Galicja i wschód", стр. 153).

Подъ этими взаимно-пріятными впечатлѣніями для обоихъ отрядовъ, польскаго и румынскаго, воцарилась въ лагеряхъ мертвая тишина. Она была-бы разумѣется и безъ того: оба войска были утомлены. Поляки спали цѣлый день послѣ битвы, потомъ всю ночь и весь день 16 іюля н. ст. Калинеску поглядывалъ однако со своей высокой позиціи, на-взгорьѣ: тутъ-ли поляки и былъ доволенъ, что находилъ ихъ постоянно тутъ. Съ 16 на 17 въ ночь они ушли. На разсвѣтѣ 17, румыны сильно встревожились отсутствіемъ противника, тѣмъ болѣе, что было неизвѣстно, куда именно онъ двинулся: къ русской-ли границѣ, долиною-ли рѣки Сальчи, или, наконецъ, берегомъ небольшой безъименной рѣчки, впадавшей въ Сальчу? По всѣмъ этимъ трактамъ были разосланы немедля конные жандармы—и одинъ изъ нихъ увидѣлъ поляковъ, въ 6 часовъ утра, 17 іюля н. ст., идущихъ форсированнымъ маршемъ въ направленіи къ дер. Готешты—и тотчасъ-же поскакалъ назадъ и увѣдомилъ Калинеску. Тотъ двинулся.

Тѣмъ временемъ Милковскій, пріостановясь въ дер. Константиновкѣ (которую держалъ въ арендѣ полякъ Швейковскій), отдохнулъ тамъ и перекусилъ; потомъ дошелъ до Готештъ (4 версты отъ Константиновки)—прямо на паромъ (обѣщанныхъ лодокъ не оказалось) и быстро переправился съ отрядомъ на правый берегъ Прута, гдѣ надѣялся найти подводы: но увы, и ихъ не было! Итти пѣшкомъ дальше не представлялось никакой возможности: солдаты, промаршировавшіе въ теченіи 14 часовъ, подъ іюльскимъ солнцемъ Румыніи, семь миль, т. е. безъ малаго 50 верстъ, двигали еще кое-какъ ноги, когда имъ постоянно твердили, что за рѣкою они сядутъ на подводы, но переправясь черезъ рѣку и не найдя подводъ — упали духомъ; а тутъ, на бѣду, и небо разверзло свои хляби: полилъ страшный дождь, промочилъ всѣхъ до костей, земля разгрязла; итти стало неслыханно трудно. Въ заключеніе и Калинеску показался, въ нѣкоторомъ разстояніи, на подводахъ! Кромѣ того получено извѣстіе, что на встрѣчу идетъ майоръ Раковица, съ 400 стами человѣкъ пѣхоты, а слѣва — капитанъ Сланичану, съ батальономъ саперъ! Мѣсить ногами грязь далѣе, безъ всякой надежды уйти, было совершенной безсмыслицей. Милковскій велѣлъ отряду остановиться подъ деревней Рынцештами; Калинеску, увидѣвъ это, также остановился и построилъ свой отрядъ въ боевой порядокъ. Было часовъ 5 пополудни; солдаты Милковскаго бросились сушить мокрую одежу, осматривали и обертывали свѣжими онучами свои сильно-потертыя и искалеченныя ноги; а иные, даже и не раздѣваясь, и не разуваясь, а такъ, какъ были, въ мокромъ платьѣ и въ мокрыхъ онучахъ, повалились въ изнеможеніи на землю—и заснули мертвымъ сномъ!

Каково-жъ было этому до невѣроятности-измученному и нравственно-убитому воинству, едва-едва вздремнувъ, вскакивать вновь, заслыша рѣзкій, проницающій звукъ военнаго рожка! Вождю ихъ захотѣлось

въ послѣдній разъ ими полюбоваться, въ послѣдній разъ взглянуть на ихъ мужественные ряды! И показать эти ряды непріятелю не иначе, какъ въ боевомъ порядкѣ!

Нечего дѣлать, поднялись они, всѣ до единаго, и выстроились, но по лицу каждаго было видно, что онъ никуда не годится, не только въ бой.

Между тѣмъ упорное повстанское воображеніе ихъ начальника, когда онъ окинулъ ихъ взглядомъ издали, нарисовало ему, Богъ вѣдаетъ по какимъ соображеніямъ, возможность побѣды [1])!!

Головы поляковъ, въ особенности польскихъ повстанцевъ, устроены совершенно иначе, нежели всякія другія, оттого останавливаться надъ этимъ фактомъ нечего и разсматривать его съ разныхъ сторонъ. Никакой Лафатеръ-бы ничего тутъ не объяснилъ... Представилась возможность побѣды съ сотней съ чѣмъ-то полусонныхъ, едва ноги двигающихъ солдатъ, когда сзади стояло 800 человѣкъ свѣжихъ, прибывшихъ на подводахъ румынъ, впереди—400, сбоку батальонъ!..

Уже не дожидаясь парламентера отъ Калинеску (который, по всѣмъ вѣроятностямъ, и не послалъ-бы его въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился Милковскій), послѣдній счелъ наиболѣе приличнымъ **первый** вступить теперь въ переговоры: онъ послалъ къ румынамъ Пршевлоцкаго, съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ. Калинеску отвѣчалъ, что сейчасъ-же пріѣдетъ. Какъ только онъ отдѣлился отъ своего фронта, Милковскій далъ шпоры своей лошади и, въ сопровожоеніи Зимы и Пршевлоцкаго, выѣхалъ къ нему на встрѣчу.

— Хотите, полковникъ, снова биться? сказалъ Милковскій, когда они сблизились.

— Имѣю предписанія... проговорилъ Калинеску.

— Объявляю вамъ, что я не хочу проливать вашей крови.

— И я не хочу проливать вашей. Но я не пущу васъ изъ Молдавіи никуда до тѣхъ поръ, пока вы не сложите оружія. Сложите оружіе!

— А подъ какимъ условіемъ?

— Пойдете тогда въ Польшу!

— Съ оружіемъ не пускаете, а безъ оружія можно: какой-же тутъ смыслъ? спросилъ Милковскій.

— Такъ приказываютъ, вотъ какой смыслъ. Можетъ быть потомъ наше правительство и отдастъ вамъ оружіе.

— Дайте честное слово, что отдадите!

— Не могу дать такого слова, но даю вамъ слово, что вы найдете въ насъ самыхъ искреннихъ друзей, больше чѣмъ друзей: братьевъ!

— Въ этомъ не сомнѣваюсь! заключилъ Милковскій.

---

[1]) „Przedstawiła się mi możliwość zwycięstwa".—„Galicja i wschód", стр. 164, 12-я строка снизу.

Калинеску сталъ убѣждать его, чтобъ онъ не упрямился, потому что... во всякомъ случаѣ, такъ должно быть.—Битва для васъ невозможна; я хорошо знаю положеніе вашихъ солдатъ и ихъ численность. Сложите оружіе—и будемте друзьями!

Милковскій поколебался. Сердце его сжалось болѣзненно. Онъ боялся, что изъ глазъ его хлынетъ неудержимый потокъ слезъ... нужно было перерѣзать нить, связующую его мечтанія съ Польшей; нужно было отцу занести мечъ на свое дѣтище, котораго рожденіе было такъ трудно, такъ трудно!.. онъ едва нашелъ въ себѣ силы сказать:

— Погодите немного, я поѣду и переговорю съ солдатами! Если они выразятъ желаніе биться, мы все-таки будемъ биться. Я не властенъ имъ въ этомъ отказать!

Калинеску только пожалъ плечами.—Поѣзжайте, спросите!

Зима дорóгой замѣтилъ вождю, что „солдатъ измученъ и для битвы не годится". Милковскій едва это слышалъ. Ему опять что-то представилось, когда онъ окинулъ взоромъ державшіеся кое-какъ на ногахъ ряды, опершись на блестѣвшій на солнцѣ частоколъ карабиновъ.

— Ребята! сказалъ онъ, подъѣхавъ: румыны хотятъ, чтобы мы сложили оружіе и за это обѣщаютъ пустить насъ въ Польшу и обходиться съ нами, какъ съ братьями: спрашиваю васъ; хотите вы положить оружіе, или хотите биться?

Солдаты глухо молчали. Полковникъ повторилъ вопросъ и снова услышалъ молчаніе. Ясно было, что битвы никто не хочетъ. Вдругъ кто-то крикнулъ:—москали!.. москалей бить, а не румыновъ! — Э, и румыны также галганы, раздался чей-то голосъ: и ихъ надо бить!—Ура!.. однако, никто этого не подхватилъ. Милковскій, видя, что нужно чѣмъ-нибудь это кончить, переговорилъ съ маіоромъ Ягминымъ насчетъ печальнаго обряда сдачи оружія и отправился опять въ лагерь Калинеску, которому объявилъ, что „польскій отрядъ сдается". Румыны были видимо этимъ очень довольны. Калинеску пожалъ крѣпко руку Милковскому и вмѣстѣ отправились къ пункту расположенія польскаго лагеря. Вслѣдъ за ними тронулся и цѣлый румынскій отрядъ. Когда вся масса офицеровъ, съ Калинеской и съ Милковскимъ во главѣ, стала приближаться къ польскому фронту—солдаты сдѣлали на-караулъ. Румынскія войска остановились на разстояніи пятидесяти шаговъ. Произошли обычные взаимные салюты между отрядами. Послѣ этого Милковскій первый снялъ съ себя палашъ и отдалъ его румынскому вождю. Маіоръ Ягминъ скомандовалъ: „ружья въ козлы!" И когда это было сдѣлано: „отступи!" Отрядъ подался назадъ на 15 шаговъ. Офицеры также отдали свои сабли—и поляки стали военноплѣнн.ми румынъ.

Разумѣется, Калинеску телеграфировалъ объ этомъ немедля въ Бухарестъ, черезъ Галацъ. Вечеромъ прибылъ галацкій префектъ,

Леонъ Гика, съ депешей отъ князя Куцы, который приказывалъ своему отряду обходиться съ плѣнными какъ можно лучше и, кромѣ того, просилъ къ себѣ въ Бухарестъ полковника Милковскаго [1]. Послѣдній отвѣчалъ Гикѣ, что ему желательно было-бы взять съ собою военнаго комиссара народнаго правительства при отрядѣ, Пршевлоцкаго, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ ихъ бесѣды съ княземъ, какъ человѣкъ, уполномоченный контролировать всѣ дѣйствія и слова начальника отряда.—„Необходимо испросить на это разрѣшеніе у князя", замѣтилъ Гика."—„Такъ испросите!" Послали депешу: вечеромъ того-же дня, 18 іюля н. ст., пришелъ благопріятный отвѣтъ. Милковскій собралъ отрядъ и велѣлъ прочитать передъ фронтомъ его слѣдующій приказъ:

„Военный начальникъ южной части Подола и входящихъ отрядовъ. Дневной приказъ. Воины! Удаляюсь отъ васъ на нѣкоторое время, оставляя вмѣсто себя правящимъ мои обязанности маіора Зиму. Правительство соединенныхъ княжествъ постановило интернировать насъ въ Кагулѣ. Постановленіе это временное. Дальнѣйшая судьба наша разрѣшится скоро. Не падайте духомъ, не оставляйте надежды, будьте спокойны и терпѣливы: мы дойдемъ съ вами до Польши! Въ Кагулѣ будетъ выдано вамъ пріостановленное жалованье за эти дни, которое, согласно волѣ Жонда Народового, таково: рядовому 15 польскихъ грошей, унтеръ-офицеру 20; сержанту и фурьеру злотъ; подпоручику, поручику и капитану 2 злотыхъ; маіору, подполковнику и полковнику 4 злотыхъ въ день. Жалованье это считается со дня перехода Дуная до минуты сложенія оружія. Организація наша остается ненарушимою. Ротные командиры, офицеры и унтеръ-офицеры должны сохранять при отрядѣ свои мѣста и удерживать людей въ порядкѣ, регулярно отбывая службу и дѣлая перекличку, а также всемѣрно стараясь о томъ, чтобы солдаты вели себя прилично и отнюдь не выходили изъ субординаціи. Рынцешты, 19 іюля 1863 года. (М. П.) Полковникъ Сигизмундъ Милковскій. Начальникъ штаба Францискъ Зима."

Послѣ этого Милковскій отправился съ Пршевлоцкимъ на почтовыхъ въ Бухарестъ. Калинеску далъ имъ въ провожатые сержанта, которому приказано всемѣрно заботиться о томъ, чтобы не было на станціяхъ задержекъ. Ѣхали скоро. Милковскій нигдѣ не называлъ себя. Говорили, что „ѣдетъ румынскій капитанъ Альгіу". 21 іюля н. ст. прибыли въ Бухарестъ и остановились въ гостинницѣ, не зная, что князь выслалъ имъ на встрѣчу экипажъ и велѣлъ приготовить для нихъ частную квартиру. Префектъ бухарестскаго обвода, съ помощникомъ своимъ и нѣсколькими чиновниками ждали на послѣдней станціи „полковника Милковскаго" не иначе, какъ въ каретѣ и когда

---

[1]) Такъ по сообщенію Милковскаго. По румынскимъ источникамъ, Милковскій самъ просилъ у князя позволенія съ нимъ видѣться.

подъѣхала какая-то колымага съ капитаномъ Альгіу, не обратили на нее вниманія. Сержантъ, вслѣдствіе требованій военной службы, не рѣшился вступать въ объясненія со старшими первый.

По прибытіи въ Бухарестъ, сейчасъ-же дали знать военному министру. Онъ прислалъ къ полковнику „фактотума“ князя, француза Додуна-Перье (Dodun de Perrier), чтобы служить ему въ столицѣ Румыніи чичерономъ. Додунъ съ первыхъ-же словъ завѣрилъ прибывшихъ въ самомъ лучшемъ настроеніи жителей къ полякамъ.

— Они того и гляди устроятъ вамъ демонстрацію, которая можетъ дойдти до значительныхъ размѣровъ (d'être bruyante et formidable)... не знаю только, понравится-ли это князю.

— Нельзя-ли ее какъ-нибудь устранить, сказалъ Милковскій: я бы желалъ сохранить до конца строжайшее инкогнито. Намъ, полякамъ, въ томъ положеніи, въ какомъ мы теперь находимся, не приличенъ шумъ овацій. Чѣмъ скромнѣе, тѣмъ лучше. Да и къ чему все это поведетъ? Русскій консулъ, пожалуй, надѣлаетъ вамъ непріятностей, уѣдетъ изъ Бухареста!..

Додунъ отвезъ поляковъ къ военному министру, а тотъ—къ князю. Куца принялъ ихъ ту-же минуту, посадилъ и предложилъ имъ сигаръ, подвинувъ своею рукою спички. Но разговоръ повелъ сначала довольно рѣзкимъ и оффиціальнымъ тономъ, напирая на „дерзкое нарушеніе международныхъ правъ, что должно было естественно вызвать столкновеніе съ войсками, имѣвшее для обѣихъ сторонъ прискорбныя послѣдствія: кто вознаградитъ теперь безсмысленныя потери семействъ, какъ польскихъ, такъ и румынскихъ?“

Когда онъ кончилъ, Милковскій замѣтилъ, что международныя права служатъ во всей силѣ только тѣмъ, кто имѣетъ и всякія другія права. А для поляковъ, лишенныхъ этого, едва-ли они обязательны.

— Мы шли въ Польшу, вовсе не думая о дорогѣ, какая передъ нами лежитъ. Если попалась намъ на этой дорогѣ Молдавія, такъ въ этомъ никто не виноватъ, кромѣ... географіи.

— Зачѣмъ-же вы стрѣляли по моимъ войскамъ? спросилъ Куца.

— Они загородили намъ дорогу!

— Ну, а еслибъ я самъ былъ въ челѣ этихъ войскъ, стрѣляли бы вы?

— Мы бы исполнили и тогда свою обязанность! отвѣчалъ, съ нѣкоторой сдержанностію голоса, Милковскій.

— А почему-же вы не бились подъ Рынцештами?

— Намъ показалось, что все уже сдѣлано и румыны не станутъ насъ болѣе останавливать на нашемъ походѣ...

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Потомъ Куца сказалъ:

— Вы нанесли Румыніи тяжкую обиду, полковникъ! Чтобы сказали въ Европѣ, во всемъ цивилизованномъ свѣтѣ о странѣ, черезъ которую можетъ пройдти безнаказанно всякій вооруженный отрядъ, когда ему вздумается? Вы, кажется, и не думали останавливаться надъ этимъ

вопросомъ, вы, кого Румынія пріютила, можно сказать, считала своимъ. Я васъ знаю давно, по русскимъ и австрійскимъ извѣщеніямъ, а также и по мѣстнымъ рапортамъ. Вы жили въ Михаленахъ подъ именемъ Мелько. Вы женаты и имѣете сына. Я всячески старался васъ не видѣть и не мѣшать тому, что вы дѣлали — и вдругъ вы меня такимъ образомъ отблагодарили за это! Напали на меня, стрѣляли по моимъ солдатамъ!.. Чѣмъ вы расплатитесь за это со мною?

— Судьба моя въ рукахъ вашей свѣтлости, отвѣчалъ Милковскій: дѣлайте со мною, что хотите!

— А, ба! Судить васъ и растрѣлять! Прибавить себѣ еще хлопотъ! перервалъ быстро Куца: и что отъ этого намъ прибудетъ, если вы оставите здѣсь свой трупъ, пробитый двѣнадцатью румынскими пулями?.. Можетъ быть придетъ пора, когда Румынія потребуетъ вашей крови; зарубите это себѣ на стѣнкѣ, полковникъ! На васъ тяготитъ румынская кровь—и расплатитесь съ нами за это кровью!

— Если только за этимъ дѣло стало, ваша свѣтлость: я готовъ хоть сейчасъ и буду считать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, когда-бы мнѣ пришлось такъ расплатиться...

Куца махнулъ нетерпѣливо рукой, понявъ, куда Милковскій воротитъ. Продолженія ему слушать не хотѣлось. Онъ повернулъ разговоръ въ другую сторону:

— Что мнѣ теперь дѣлать съ вашимъ отрядомъ?

— Это вполнѣ зависитъ отъ вашей свѣтлости!

— А чего-бы вы хотѣли сами?

— Получить назадъ оружіе и идти въ Польшу!

— Гм!—и приэтомъ улыбнулся: такъ нельзя, а вотъ какъ: оружіе возьмите, начто мнѣ оно? Но людей всѣхъ не пущу. Пущу только офицеровъ, вообще—интиллигенцію, человѣкъ 30—40—и пусть себѣ служатъ Польшѣ! Я знаю, что у васъ тамъ мало кому командовать... а васъ, полковникъ, и солдатъ отправлю въ Турцію!

Милковскій молчалъ. И князь нѣкоторое время не говорилъ ничего. Пршевлоцкій рѣшился первый нарушить молчаніе.

— Приговоръ вашей свѣтлости черезъ-чуръ тяжелъ для насъ! сказалъ онъ: офицеры не согласятся идти одни. Еслибъ они пошли, что-бы сказали объ нихъ солдаты, извольте только подумать объ этомъ, ваша свѣтлость!

— Да вѣдь я отпускаю не однихъ офицеровъ; я сказалъ: человѣкъ 30—40; это значитъ, что тутъ войдутъ и нѣкоторые нижніе чины. Выберите по собственному вашему усмотрѣнію, кто болѣе достоинъ такой участи: самыхъ выдающихся, самыхъ смышленыхъ, храбрѣйшихъ, словомъ: лучшихъ!

— Выборъ здѣсь очень затруднителенъ, ваша свѣтлость! продолжалъ Пршевлоцкій: у насъ все... лучшіе; всѣ одинаково храбры, всѣ достойны биться за Польшу—въ Польшѣ!

— Ну, позволяю вамъ отдѣлить больше, чѣмъ половину: 50... 60... согласны? Милковскій и Пршевлоцкій молчали.

— Впрочемъ, что тамъ долго толковать, заключалъ Куца: ваши сами меня просили, чтобы я отослалъ въ Турцію цѣлый отрядъ. Видя, что Милковскій и Пршевлоцкій выражаютъ на лицѣ своемъ чрезвычайное удивленіе, добавилъ: „да, ваши [1])—отъ имени народнаго правительства! Просили меня о цѣломъ отрядѣ, а я вамъ уступаю отъ 50 до 60 офицеровъ—чего же еще!

Потомъ князь спросилъ у своихъ гостей, знаютъ-ли они князя Чарторыскаго. Думая, что Куца разумѣетъ подъ этимъ князя Владислава, Милковскій отвѣчалъ, что „не знаетъ вовсе", а Пршевлоцкій сказалъ, что „весьма мало".

— Ваша главная ошибка въ томъ (продолжалъ князь, обратясь къ Милковскому), что вы пошли кривыми путями: вамъ слѣдовало, подъ конецъ вашего пребыванія въ Турціи, просто-за-просто снестись прямо со мной. Формировать и вооружать отряда здѣсь я бы вамъ не позволилъ, но когда-бы все это было устроено... гдѣ-то тамъ,—я бы пропустилъ людей отдѣльно отъ оружія, а оружіе отдѣльно отъ людей. Не было бы ни шуму, ни драки, ни газетныхъ статей! Вѣдь пропустилъ-же я русское оружіе въ Сербію! Вы думаете, я сдѣлалъ это для русскаго правительства? Ничуть не бывало! Я сдѣлалъ это для Сербіи, во имя тѣхъ принциповъ, которымъ я служу съ давнихъ поръ и которые были главною причиною, что я попалъ на тронъ соединенныхъ княжествъ. Мнѣ все равно, кто тутъ: русскіе, нѣмцы, французы... былъ-бы лишь свято сохраненъ принципъ!

Полякамъ хотѣлось возразить, и было что, но... они поудержались. Куца продолжалъ:

— И впередъ готовъ вамъ помогать, только мнѣ нужно заранѣе знать подробности, въ чемъ дѣло. Безъ этого въ помоганіи не будетъ толку. Необходимо, чтобы при мнѣ находился постоянно уполномоченный народнаго правительства, который сносился-бы со мною непосредственно.

— Это можно устроить, ваша свѣтлость, отвѣчалъ Милковскій: я войду въ переговоры съ Жондомъ, а покамѣстъ позвольте представить вамъ уполномоченнаго комиссара Молдавіи, Михаила Мрозовицкаго.

Куца не сказалъ на это ничего. Заговорили о разныхъ разностяхъ; между прочимъ о битвѣ подъ Костангаліей.

— Тутъ есть для насъ впрочемъ и хорошая сторона, замѣтилъ Куца: вы окрестили въ огнѣ битвъ мое молодое войско. Лучшихъ крестныхъ отцовъ трудно желать... но прокламація ваша передъ

[1]) Милковскій позже, въ Константинополѣ, добрался, что это были за люди, однако ихъ не называетъ. Скорѣе всего, это были агенты Чарторыскаго, хлопотавшіе о своей кавказской экспедиціи.

тѣмъ!!... можно-ли же писать такія вещи! „Мы должны пройти во что бы то ни стало!" Вѣдь это вызовъ! Я принужденъ былъ поневолѣ сказать: А я ихъ не пущу во что бы то ни стало! И вотъ, какъ видите, не пустилъ!.. Позвольте вамъ сказать прямо, полковникъ: вы дерзкій, дерзкій, очень дерзкій человѣкъ!

Затѣмъ не много помолчали. Князь продолжалъ такъ:

— Въ Молдавіи вы таки нашалили: раскинули цѣпь застрѣльщиковъ, которые служатъ вамъ лучше, нежели мнѣ мои чиновники. Вездѣ у васъ склады: тамъ порохъ, тамъ огнестрѣльные снаряды, тамъ сѣдла; въ Галацѣ наконечники отъ пикъ! Все это я велѣлъ конфисковать, агентовъ арестовать, напр. Швейковскаго...

— Да вѣдь это не агентъ, ваша свѣтлость, возразилъ живо Милковскій: онъ только насъ накормилъ [1]), вотъ въ чемъ вся его вина!

— Если-бъ только это! Я бы васъ самъ накормилъ, когда-бы вы проходили черезъ мою деревню... но онъ, кромѣ этого, былъ вашимъ агентомъ!

— Никогда, ваша свѣтлость! Даю вамъ честное слово!

— Въ такомъ случаѣ я велю его выпустить, сказалъ князь... Ну, а Плумъ? А докторъ Мадѣевскій?.. И эти арестованы, хоть я и знаю, что это весьма порядочные люди.

— Что же вы станете съ ними дѣлать? спросилъ Милковскій.

— Что? Выпровожу ихъ изъ Молдавіи, прогоню за Дунай, выброшу на турецкій берегъ! Вотъ что!

— Этихъ весьма порядочныхъ людей, какъ вы сами изволили выразиться?

— Ну, пожалуй, и ихъ велю освободить!.. Но болѣе ужъ ни о чемъ не просите! Ни йоты не уступлю!

Тутъ онъ привсталъ. Гости поняли, что аудіенціи конецъ (и то она продолжалась два часа), быстро встали и откланялись князю.

Вечеръ провели они у военнаго министра, гдѣ сошлись съ домашнимъ секретаремъ князя, Баллиго-де-Бень (Balligot de Beyne), котораго просили замолвить при случаѣ слово его свѣтлости насчетъ участи ихъ отряда: нельзя ли какъ измѣнить принятаго рѣшенія? На другой день пришелъ категорическій отвѣтъ, что „политика требуетъ по-настоящему отсылки всего отряда въ Турцію, а потому исключеніе, сдѣланное для офицеровъ, слѣдуетъ считать за особенную милость."

При этомъ отвѣтѣ приложенъ былъ ящикъ хорошихъ гаванскихъ сигаръ. Кромѣ того князь предлагалъ своимъ гостямъ присутствовать на смотру войскъ, который онъ назначилъ на завтра на одномъ плацу. Они, по какимъ-то соображеніямъ, отказались и просили позволенія уѣхать къ отряду. Куца далъ для этого свой экипажъ—и Милковскій съ Пршевлоцкимъ укатили въ Рынцешты.

---

[1]) Въ дер. Константиновкѣ, незадолго до перехода отряда черезъ Прутъ, см. выше.

Что касается исполненія приговора князя относительно отдѣленія офицеровъ для отсылки въ Польшу, это было возложено на галацкаго префекта, Леона Гику. Отрядъ долженъ былъ предварительно перейти въ Кагулъ. Гика прибылъ туда производить „отдѣленіе“, но только-что приступилъ къ этому, какъ всѣ офицеры въ одинъ голосъ объявили ему, что „разлучаться съ солдатами не думаютъ. Куда солдаты пойдутъ, туда и они!“ И сколько Гика ихъ не упрашивалъ, ни умолялъ,—они стояли на своемъ рѣшеніи твердо: „или всѣмъ до единаго въ Польшу, или всѣмъ до единаго въ Турцію!“ Дѣлать было нечего: отрядъ препроводили подъ эскортомъ въ Рени. Тутъ начались новыя просьбы и заклятія; офицеры отвѣчали: „или вмѣстѣ въ Польшу, или никакъ!“

Не зная однако, какъ примутъ поляковъ турки и примутъ-ли, румынское правительство не рѣшилось отправить своихъ гостей за Дунай, не снесясь прежде этого съ турецкими властями. Поляковъ-же тѣмъ временемъ перевели въ ближайшую отъ Рени деревню, Анадолкіой, и тамъ они прожили цѣлый мѣсяцъ, ожидая, чѣмъ кончится румынско-турецкая переписка насчетъ ихъ участи. Наконецъ изъ Тульчи увѣдомили Гику, что „Турція—не Сибирь. Ссылать туда поляковъ, если они передъ кѣмъ-либо провинились, нельзя. Когда-бы Румынія отважилась это сдѣлать, то пусть знаетъ, что присланный транспортъ турки встрѣтятъ картечью.“

Милковскій, пользуясь этимъ, снова сталъ налегать на румынъ касательно отправленія **цѣлаго отряда** поляковъ туда, куда они шли, т. е. въ Польшу, ибо это будетъ самое естественное и справедливое рѣшеніе вопроса.

— Нельзя, никакъ нельзя, сказалъ Гика—и признался, что главною причиной распоряженія, какое послѣдовало въ Бухарестѣ—есть ничто иное, какъ усиленное настаиваніе русскаго генеральнаго консульства. Къ тому-же надо знать, что въ настоящую минуту идутъ у насъ переговоры съ русскимъ правительствомъ насчетъ записей, сдѣланныхъ давнымъ-давно богатыми господарями Молдавіи и Валахіи въ пользу Аѳонскихъ монастырей. Намъ очень важно, чѣмъ это дѣло кончится и на чьей сторонѣ станутъ русскіе...

— Вотъ тебѣ и **народный принципъ**, которому служитъ Куца съ давнихъ поръ, и о которомъ онъ такъ важно разглагольствовалъ въ Бухарестѣ! подумалъ Милковскій...

Само собою разумѣется, румынамъ было ясно, что начальникъ польскаго отряда составляетъ значительное препятствіе въ рѣшеніи вопроса такъ, какъ имъ хотѣлось, какъ было нужно въ смыслѣ политическомъ. Онъ, такъ сказать, **цѣлый отрядъ**. Безъ него все можетъ скоро разшататься, измѣнить свои взгляды. А потому однажды Гика сказалъ полковнику: „вы бы сами съѣздили въ Константинополь и похлопотали тамъ, чтобы эти ослы не упрямились.“

Милковскій отвѣчалъ ни такъ, ни эдакъ; обѣщалъ переговорить

объ этомъ съ офицерами и въ самомъ дѣлѣ спросилъ у нихъ, ѣхать ему, или не ѣхать. Большинство находило, что „ѣхать выгоднѣе; что въ Константинополѣ онъ еще больше поддержитъ турецкое упрямство, не пускать поляковъ обратно въ Турцію. Румынамъ будетъ тогда нечего больше дѣлать, какъ отправить отрядъ въ Польшу.“ Вслѣдствіе этого Милковскій объявилъ Гикѣ, что онъ ѣдетъ—и сталъ сбираться. Оставалось только сообщить дѣлу польскую оффиціальную форму. Уполномоченный комиссаръ Жонда въ Молдавіи, Мрозовицкій, выпустилъ такой приказъ:

„Отъ имени Жонда Народоваго полковнику Сигизмунду Милковскому. Въ силу даннаго мнѣ уполномочія увольняю васъ, полковникъ, отъ дальнѣйшихъ обязанностей при обезоруженномъ отрядѣ и поручаю вамъ сдать командованіе онымъ маіору Іосифу Ягмину. Сами-же вы должны ѣхать въ Турцію, дабы тамъ всячески ходатайствовать о недопущеніи отряда воротиться опять на турецкую территорію. А если-бы это случилось, то облегчить ему пребываніе въ Турціи и отправить его какими удастся путями въ Польшу. Привѣтъ и братская любовь!—Анадолъ, 10 августа 1863 года. (Подписано). Уполномоченный комиссаръ Жонда Народоваго, Михаилъ Мрозовицкій.“

Передъ отъѣздомъ въ Константинополь, Милковскій вмѣстѣ съ Пршевлоцкимъ свели счеты по приходу и расходу денегъ. Оказалось, по документамъ комиссара Сокульскаго, прибывшихъ съ разныхъ сторонъ, по 1 іюля н. ст. 1863 г., денегъ 115.861 франкъ 10 сантимовъ. Израсходовано: 63.940 фр. 5 сант. Въ остаткѣ 51.921 фр. 5 сант.—11.000 фр. изъ этой суммы оставлено Сокульскимъ на дальнѣйшіе расходы въ Константинополѣ, а 40.921 фр. 5 сант. поступило въ кассу отряда.

По счетамъ плательщика Личбинскаго, присланныхъ въ Тульчу, съ 4 марта по 9 іюля н. ст. 1863 года, денегъ было: 309.747 піастровъ, 20 пара. Израсходовано съ 4 марта по 9 августа н. ст. 1863 года: 173.122 піастра 30 пара. Въ остаткѣ: 136.642 піастра 30 пара.

Считая франкъ=4 піастрамъ 16 пара, и сопоставляя оба счета, получимъ цифру, означающую, что пошло на экспедицію: 65.173 фр. 80 сантимовъ.

Затѣмъ, пославъ Жонду Народовому представленіе разныхъ чиновъ отряда къ наградамъ, Милковскій выѣхалъ на пароходѣ, который долженъ былъ проходить мимо Тульчи. Тутъ, когда бросили якорь, полковникъ пригласилъ къ себѣ въ каюту Холевинскаго (все время остававшагося въ Тульчѣ, для наблюденія за польскими интерсами) и отъ него узналъ, что Рашидъ-Паша и не думаетъ пускать на берегъ поляковъ, и безъ того надѣлавшихъ ему много хлопотъ.

Прибывъ въ Константинополь, Милковскій на другой-же день отправился къ великому визирю, который ту-же минуту его принялъ у себя въ кабинетѣ:

— Я не представляюсь вашему высокопревосходительству въ характерѣ лица, играющаго какую-либо дипломатическую роль, началъ Милковскій: я просто-за-просто солдатъ, перебирающійся съ одного театра войны на другой; ѣду теперь въ Польшу, гдѣ конечно увижусь съ Жондомъ Народовымъ и гдѣ, конечно, спросятъ меня, что слышно на Востокѣ: а потому я счелъ моимъ непремѣннымъ долгомъ явиться къ высшему правительственному лицу Турціи, дабы получить вѣрныя свѣдѣнія о взглядахъ Высокой Порты на дѣло моихъ соотечественниковъ.

Великій визарь отвѣчалъ, что Турція относится съ большимъ сочувствіемъ къ борьбѣ, которая происходитъ въ Польшѣ и просилъ выраженія этого сочувствія передать Жонду Народовому.

— Осмѣлюсь замѣтить, сказалъ Милковскій, что мы ожидаемъ отъ Турціи немного больше, чѣмъ сочувствія и думаемъ, что съ этимъ связаны ея собственные интересы. А сочувствіемъ насъ кормитъ весь цивилизоранный міръ уже цѣлые 8 мѣсяцевъ, но что пользы намъ отъ этого? Было-бы выгоднѣе для свѣта положить борьбѣ этой конецъ, нежели безконечно рукоплескать. А для Турціи выгоднѣе всего, чтобы этотъ конецъ былъ тріумфомъ Польши. Поэтому мы рѣшаемся питать кое-какія надежды, что Порта выступитъ впередъ съ иною, несравненно-болѣе знаменательною поддержкой, чѣмъ поддержка нравственная,—выступитъ съ оружіемъ въ рукахъ!

Фуадъ-паша, съ улыбкой, скорѣе похожей на гримасу, замѣтилъ Милковскому, что онъ, въ званіи солдата, перебирающагося съ одного театра войны на другой, уже черезъ-чуръ много себѣ позволяетъ и совсѣмъ не солдатскіе затрогиваетъ вопросы.

— Я ничего не могу сказать вамъ кромѣ того, что Турція идетъ въ польскомъ дѣлѣ рука объ руку съ западными державами и одна никогда не предприметъ рискованной войны. А я тутъ, de mon chef, ровно ничего не значу!

— И такъ я долженъ передать Жонду Народовому, что Турція нисколько не думаетъ объ интервенціи въ пользу Польши? спросилъ Милковскій.

— Турція думаетъ, но... не одна. Она ждетъ приглашенія Запада, отвѣчалъ Фуадъ: пусть намъ Франція пришлетъ хоть батальонъ!..

Милковскій молчалъ. Въ интервенцію Запада онъ не вѣрилъ, какъ и всѣ прочіе сколько-нибудь смышленые и практическіе поляки. Великій визирь какъ-будто угадалъ его мысли—и перешелъ къ другому предмету: „что-жъ вашъ отрядъ“?

— Румыны посылаютъ его сюда, но... онъ боится ступить опять на турецкую землю.

— Чего-же ему бояться?

— Того, что Турція его не приметъ!

— Разумѣется не приметъ!

Послѣ этого разговоръ зашелъ о битвѣ подъ Костангаліей. Фуадъ-

паша имѣлъ объ ней очень ясное понятіе. Дальше бесѣдовать было не о чемъ. Полковникъ, вставая, спросилъ только: „неугодно-ли турецкому правительству войти въ правильныя сношенія съ Жондомъ Народовымъ?

— Отчего-же нѣтъ? Пускай пришлютъ уполномоченнаго, отвѣтилъ паша.

— А могу-ли я сказать Жонду Народовому, что этотъ уполномоченный будетъ здѣсь принятъ и признанъ?

— Можете!

Полковникъ откланялся. Фуадъ-паша сказалъ ему на порогѣ: „желаю вашему дѣлу успѣха и всѣмъ вамъ всего лучшаго!“

Воротясь домой, Милковскій написалъ ту-же минуту Гикѣ длинное письмо, существенной частью котораго былъ совѣтъ: „отнюдь не отправлять поляковъ въ Турцію (потому-что ихъ тамъ ни зачто не примутъ), а содержать на своемъ иждивеніи до окончанія борьбы, предпринятой ими въ царствѣ и на Литвѣ; не то—отослать домой, въ Польшу. Тутъ-же прибавлено, что „вмѣшательство Россіи въ дѣла Румыніи и разныя обѣщанія, данныя русскимъ правительствомъ, есть дѣло невѣрное и только запутаютъ княжества въ такія сѣти, изъ которыхъ они выпутаются не скоро. А впрочемъ, какъ хотятъ!“

Этимъ кончилась служба Милковскаго въ отношеніи отряда, которымъ онъ когда-то командовалъ.

Неизвѣстно, что вскорѣ затѣмъ дало дѣлу другой оборотъ, только Куца приказалъ выдать Мрозовицкому сложенное поляками подъ Рынцештами оружіе, а самый отрядъ отпустить, чтобы онъ шелъ, куда ему угодно. Разумѣется, онъ пошелъ въ Польшу, партіями, которыя встрѣчали по румынскимъ городамъ сочувствіе и оваціи. Городъ Бакео, въ день прохода черезъ него одной партіи, украсился даже флагами. Въ Галиціи, куда отрядъ прибылъ прежде всего, конца не было распросамъ о житьѣ-бытьѣ въ Турціи, въ Румыніи, о битвѣ подъ Костангаліей. Всѣ галиційскіе отряды хотѣли имѣть у себя хоть немного „тюркосовъ Милковскаго“ какъ ихъ называли. Много-ли изъ нихъ теперь осталось?.. Извѣстно, что маіоръ Ягминъ (кажется уже въ званіи полковника) командовалъ, въ послѣднюю восточную войну, новымъ польскимъ легіономъ, которому биться ни съ кѣмъ не пришлось. Этотъ легіонъ не имѣлъ сочувствія серьезно-мыслящихъ поляковъ. Многіе изъ нихъ печатно возставали противъ нелѣпой мысли: „помогать славянскими силами туркамъ держать въ рабствѣ другихъ славянъ“. Что до Милковскаго, онъ живетъ теперь въ Женевѣ и пишетъ въ разныя польскія изданія статьи разнаго содержанія, подъ именемъ „Θед. Θом. Ежа“ (Teod. Tom. Ież.), между прочимъ и въ варшавскія.

Н. Бергъ.

СТАРИННЫЯ ДѢЛА ОБЪ ОСКОРБЛЕНІИ ВЕЛИЧЕСТВА.

(Очерки изъ нравовъ XVIII вѣка [1]).

1701—1797 гг.

VI.

Не розняли—кто виноватъ.

(1754 г.)

Въ ТЕМНОЕ время существованія „слова и дѣла", всѣмъ кляузникамъ былъ большой просторъ мстить свои обиды доносами и розысками въ тайной канцеляріи. Страшными кажутся намъ эти, уже отошедшія въ вѣчность, времена, когда ничья безопасность, ничья личная свобода и честь не были обезпечены отъ внезапнаго отнятія и поруганія.

Сегодня свободный и счастливый человѣкъ—завтра могъ очутиться на дыбѣ подъ ударами кнута по ложному доносу озлобленнаго врага и, при всей своей невинности, выдти изъ застѣнковъ осужденнымъ на ссылку съ рваными ноздрями, или урѣзаннымъ языкомъ.

Не смотря на непріятную перспективу получить „первый кнутъ", доносчиковъ находилось очень много, и по ихъ оговорамъ масса людей стонала въ застѣнкахъ и гнила въ тюрьмахъ, проклиная судьбу.

Правду сказать, и время то для всевозможныхъ доносовъ было удобное.

Внезапная перемѣна правителей, ночные coups d'état, быстрое возвышеніе и паденіе сановниковъ, интрига, разлитая всюду, общая тревога и неудовольствіе, необезпеченность завтрашняго дня, порождали во всей имперіи толки, разговоры и пересуды о политическихъ дѣлахъ и правительственныхъ лицахъ.

---

[1]) Окончаніе. См. стр. 578—601.

Словоохотливый русскій человѣкъ не стѣснялся въ сужденіяхъ не сглаживалъ выраженій, обиженныя и павшія партіи громко выражали свое неудовольствіе новымъ возвысившимся счастливцамъ— и вотъ тутъ то всякому кляузнику и доносчику открывалось обширное поприще путать и подводить людей подъ кнутъ, на огонь, въ ссылку и на смерть.

Темныя личности, пользуясь всеобщимъ хаосомъ и безпорядкомъ, подымали голову и обдѣлывали свои презрѣнныя дѣла.

Доносъ былъ повальный, Тайная канцелярія купалась въ крови при розыскахъ.

Слѣдующее дѣло весьма характерно иллюстрируетъ эту эпоху процвѣтанія доноса, когда и сама тайная канцелярія не могла разобраться и найти истины въ безднѣ доносовъ и, не долго думая, круто оканчивала ихъ.

Передъ нами доносчикъ, Алексѣй Алексѣевъ, бѣглый дворовый человѣкъ принадлежавшій нѣкоему ассесору Өедору Андрееву; безспорно это уже темная личность, прошедшая огонь и воду, и ловкая на всякое мошенничество.

Онъ доноситъ на нѣкоего Акинфія Надѣина, копіиста вотчинной коллегіи, что онъ, копіистъ Надѣинъ, подучалъ будто бы его, Алексѣева, сдѣлать доносъ „на одного копіиста, да намѣстника“ и показывать на нихъ ложно, обвиняя ихъ въ говореньи непристойныхъ словъ и вольнодумственномъ осужденіи настоящаго порядка и царствующей особы.

Копіистъ, вѣроятно выгнанный со службы намѣстникомъ, затѣваетъ своему начальнику месть и лучшимъ для этого средствомъ ему представляется доносъ; но самъ онъ, какъ ловкій человѣкъ, хочетъ избѣжать „перваго кнута“ и подыскиваетъ для этого подходящаго человѣка изъ бродягъ, готовыхъ на все.

Подвертывается „бѣглый дворовый“, Алексѣй Алексѣевъ; сдѣлка заключается въ какомъ нибудь притонѣ пьянства и разврата, и вотъ страшная гроза уже собирается надъ головами людей, совсѣмъ невинныхъ и, можетъ быть, честныхъ и уважаемыхъ.

Тему для доноса дало само время съ его политическими передрягами: уже тринадцать лѣтъ прошло со времени сверженія Іоанна Антоновича и заточенія его со всѣмъ семействомъ, но толки о немъ еще не улеглись въ народѣ. Многіе еще жалѣли юнаго императора, такъ безвременно потерявшаго свободу, и знали, что онъ еще живъ, томится гдѣ то въ казематѣ крѣпости, и можетъ придти время, что онъ снова займетъ отнятый у него престолъ.

Народное сознаніе чувствовало тутъ несправедливость, какой то упрекъ правительству, и всякій недовольный, боясь высказаться громко, все таки бросалъ этотъ упрекъ, хотя въ кругу знакомыхъ произносилъ, по тогдашнимъ понятіямъ, непристойныя, осуждающія слова.

Доносъ, записанный въ тайной канцеляріи по настоящему дѣлу, заключался въ слѣдующихъ простыхъ и короткихъ словахъ:

„Вотъ-де какъ нынѣ жестоко стало!.. А какъ-де была принцесса Анна на царствѣ, то-де порядки лучше были нынѣшнихъ. А нынѣ-де все не такъ стало, какъ при ней было; и слышно-де, что сынъ ея, принцессы Анны, бывшій принцъ Іоаннъ, въ россійскомъ государствѣ будетъ по прежнему государемъ“...

Вотъ и весь доносъ; этихъ немногихъ „непристойныхъ“ словъ было слишкомъ достаточно, чтобы погубить множество людей.

Но къ счастію этотъ гнусный заговоръ не состоялся: два негодяя въ чемъ нибудь не сошлись или поссорились, и Алексѣй Алексѣевъ, вмѣсто того, чтобы доносить на намѣстника — донесъ на самаго Акинфія Надѣина, обвиняя его въ наущеніи и подстрекательствѣ на ложный доносъ.

Акинфій Надѣинъ упалъ въ яму, вырытую для другого, и ему самому пришлось давать отвѣтъ подъ плетьми на вискѣ.

Бѣглому дворовому дали „первый кнутъ“, т. е. пытали для подтвержденія доноса; онъ „утвердился“; подвергли первой пыткѣ Надѣина—онъ во всемъ упорно заперся: „знать не знаю—по злобѣ обноситъ ложно!“

Оба ведутъ себя какъ истые пройдохи, и застигнутый врасплохъ Надѣинъ понимаетъ отлично, что все его спасеніе въ упорномъ отрицаніи доноса, которому, къ его счастію, нѣтъ свидѣтелей.

Вторая пытка доносчику и обвиняемому принесла тѣ же показанія, безъ малѣйшаго измѣненія: подтвержденіе доноса и твердое отрицаніе вины.

Предстояла, по обычаю, въ такихъ случаяхъ „неразнятія спора“ третья и послѣдняя пытка, за которою, такъ или иначе, но слѣдовало рѣшеніе дѣла.

На третьей пыткѣ—оба показывали точь-въ-точь тоже самое, что на первой и второй, и вопросъ объ истинной виновности кого-либо изъ нихъ такъ и остался нерѣшеннымъ.

Подобный случай затруднилъ бы современныхъ юристовъ, и они, пожалуй, пожалѣли бы о смерти Соломона, но тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія уже давно привыкла къ такимъ случаямъ—и твердо знала, какой произнести судъ; она нисколько не затруднялась въ приговорахъ.

Въ такихъ случаяхъ она рѣшала — оба виноваты! и дѣло заключалось сдѣдующей короткой стереотипной формулой:

„И за неразнятіемъ между ими того спору, посланы они въ ссылку оба—Алексѣевъ въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно, а Надѣинъ въ Оренбургъ къ отправленію тамъ въ нерегулярную службу“...

Рѣшеніе скорое, большихъ юридическихъ соображеній не требующее и, въ случаяхъ подобныхъ настоящему, справедливое.

Только случайность спасла невинныхъ людей отъ пытки и кнута, и двое кляузниковъ сами погибли жертвою своего грязнаго замысла.

VII.

Колодникъ, разсказывающій, что Петръ II живъ.

(1754 г.).

Настоящее дѣло, заключающее въ себѣ простую безискусственную легенду о Петрѣ II, сложенную народомъ и отличающуюся всѣми признаками живой народной фантазіи, тоже прекрасно характеризуетъ свою эпоху.

Въ верхнихъ слояхъ происходили перевороты, слухи о нихъ черезъ тысячеустую молву переходили въ темную народную массу.

Свѣдѣнія о происшествіяхъ, часто и на самомъ дѣлѣ чудесныхъ и невѣроятныхъ, принимали размѣры фантастическіе, окраску и обстановку еще болѣе замысловатую, и, вращаясь среди народа во всѣхъ слояхъ общества, окончательно утрачивали всякую историческую вѣрность.

А живое народное творчество избирало изъ массы слуховъ сюжеты и темы наиболѣе ему симпатичные и понятные, и облекало ихъ въ форму легендъ и сказаній, совершенно сходныхъ со сказаніями „Сборниковъ“ и „Пчелъ“ XVI и XVII столѣтій.

Обстановка дѣла проста и незамыслова. На долгомъ и скучномъ досугѣ острожнаго сидѣнья, ссыльный колодникъ Метелягинъ разсказываетъ другому колоднику, Ивану Бердову, слышанную имъ отъ такого же колодника, Василья Слямзина („который уже умре“, какъ записано въ дѣлѣ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи), любопытную исторію объ умершемъ императорѣ Петрѣ II.

Исторія эта, видимо, уже потерпѣла коренную переработку въ устахъ простонародныхъ ея разсказчиковъ и распространителей и, записанная въ дѣлѣ, сохранила свой народный колоритъ.

Здѣсь кстати сказать, что дѣла тайной канцеляріи содержатъ въ себѣ богатое и драгоцѣнное собраніе всевозможныхъ сказокъ, легендъ, пѣсень и документовъ, записанныхъ изъ устъ народа при допросахъ.

Въ дѣлахъ этихъ, рядомъ съ форменными отмѣтками о числѣ ударовъ плетью, стереотипными терминами и канцелярскими выраженіями, попадаются перлы народной поэзіи, фантазіи, бытовыхъ сценъ, которыя навѣки погибли-бы для насъ,—не запиши ихъ съ рабскою точностью рука писаря или секретаря.

Дѣла эти, извлеченные изъ вѣковой архивной пыли и спасенные отъ уничтоженія просвѣщенными и достойными всякой благодарности любителями русской исторіи, какъ Г. В. Есиповъ, К. А. Арсеньевъ и др., представляютъ драгоцѣнный и обширный бытовой матеріалъ для исторіи и беллетристики. Будущій историкъ и писатель еще болѣе оцѣнятъ ихъ труды.

Но возвратимся къ исторіи, разсказанной колодникомъ и приведшей его въ застѣнокъ.

„Ѣздилъ-де одинъ купецъ за море, торговать въ чужихъ земляхъ, разсказывалъ Метелягинъ Бердову, сидя на острожныхъ нарахъ и коротая скучное время,—и било его на морѣ погодою нѣсколько дней, и прибило-де его къ нѣкоторому иностранному и незнаемому городу съ кораблемъ.

„И тотъ-де купецъ, вышедъ изъ судна и благодаря Бога за спасеніе, раздавалъ въ томъ городѣ нищимъ милостыню, и, раздавъ оную, шелъ попрежнему на свой корабль.

„Стоящій у одной палатки часовой оному купцу говорилъ:

— Ты-де всѣмъ заморскимъ нищимъ милостыню подавалъ, а своему, россійскому, не подалъ.

„И оный купецъ, пришедъ въ ту палатку для подаянія милостыни,—и содержащійся въ той палаткѣ человѣкъ говорилъ тому купцу:

— Знаешь-ли ты меня?

„И оный купецъ, давъ тому человѣку милостыню, сказалъ:

— Я-де тебя не знаю вовсе.

„А оный человѣкъ тому купцу сказалъ:

— Знаешь-ли ты, что я вашъ монархъ, второй Петръ, и стражду здѣсь долговременно; и теперь-де мнѣ тебѣ, купцу, давать писемъ не можно, что-де увидятъ караульные. И приди ты ко мнѣ поутру для поданія милостыни, и я-де тебѣ приготовлю отъ себя видъ.

„И оный купецъ, не говоря тогда ничего, изъ той палатки вышелъ; и потомъ, на другой день, оный купецъ въ ту палатку ходилъ, и оный-де содержащійся въ той палаткѣ человѣкъ далъ ему сапоги и приказывалъ:

— Ты, купецъ, эти сапоги отдай сестрѣ моей, милостивой государынѣ, и она-де тѣ сапоги распоретъ и можетъ-де меня узнать.

„А потомъ-де, уповательно, что для свидѣтельства того человѣка давно полки посланы.

Этимъ предположеніемъ о посылкѣ полковъ Метелягинъ и закончилъ свой разсказъ, но Бердовъ выразилъ сомнѣніе въ правдѣ этой исторіи:

— Ты, Метелягинъ, говоришь о томъ напрасно — я самъ помню, какъ второму императору погребеніе было въ Москвѣ— и какъ этому можно сдѣлаться? [1])

Метелягинъ началъ отстаивать правду разсказа и въ подтвержденіе его пересказалъ другую выдумку современниковъ о подмѣнѣ тѣла:

---

[1]) Императоръ Петръ II умеръ за двадцать четыре года прежде времени этого разсказа: 17 января 1730 г.

— Это сдѣлали князья Долгорукіе и мертвое тѣло, вмѣсто государя, подложили другое (?), а его, государя, знатно, вынули и увезли, такъ же, какъ нынѣ всемилостивѣйшую государыню хотѣли-было увезти подъ карауломъ.

Неизвѣстно—удалось-ли Метелягину убѣдить Бердова этимъ аргументомъ, но извѣстно только, что и этотъ колодничій разговоръ дошелъ какимъ-то образомъ до свѣдѣнія тайной канцеляріи въ видѣ обвиненія колодниковъ въ непристойныхъ рѣчахъ.

Какое послѣдовало Метелягину наказаніе за разсказъ легенды о Петрѣ II,—изъ дѣла не видно, да намъ это и не важно, а гораздо важнѣе и имѣетъ цѣну то, что рука писца, нисколько не помышляя о сочинительствѣ, сохранила одинъ отрывокъ изъ той массы сказокъ и легендъ, какія ходили въ народѣ, въ то чреватое смутными событіями время.

VIII.

Бѣглый гусаръ Штырской—завоеватель Россійской имперіи.

(1754 г.)

Возникновеніе такихъ людей, какъ фигурирующій въ настоящемъ дѣлѣ бѣглый гусаръ Ѳедоръ Штырской, — есть тоже знаменіе того времени.

Въ исторіи переворотовъ описываемой эпохи, мы видимъ много именъ разныхъ искателей приключеній, авантюристовъ и parvenus; ничтожные сами по себѣ, они совершаютъ дѣла первой государственной важности; пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ и хаосомъ, они безумно бросаются на самыя опасныя предпріятія—и часто слѣпой случай помогаетъ имъ исполнить съ успѣхомъ свои фантастическіе планы. Ничтожество вчера, сегодня становится важнымъ государственнымъ человѣкомъ—и наоборотъ.

„Колесо счастія“ никогда не вертѣлось такъ быстро и никогда не совершало такихъ неожиданныхъ и крутыхъ оборотовъ, то въ одну, то въ другую сторону.

Смѣлый авантюристъ и интриганъ первенствовалъ надъ лучшими государственными умами.

Въ это время всякій отчаянный человѣкъ, неимѣющій ni foi ni loi, чувствовалъ себя способнымъ на великія дѣла, а примѣры дѣйствительности укрѣпляли его въ этомъ мнѣніи.

Но „отъ великаго до смѣшного—одинъ шагъ!“—рядомъ съ хвастунами и дѣятелями историческими выступаетъ цѣлая масса хвастуновъ смѣшныхъ, неудачниковъ и искателей приключеній, похожихъ скорѣе на бродягъ.

И эти неудачники по пословицѣ: „куда конь съ копытомъ—туда и ракъ съ клешней“ тоже подымаютъ головы, отуманенныя вѣчнымъ

пьянствомъ и наполненныя глупыми фантазіями — и кричатъ, грозя всему міру войною и разрушеніемъ. Сидя въ какой нибудь полицейской части, они мечтаютъ о государственныхъ переворотахъ, министерскихъ должностяхъ, грудахъ золота и орденовъ.

Бѣглый гусаръ Ѳедоръ Штырской представляетъ жалчайшій и комичнѣйшій типъ авантюриста XVIII столѣтія и его смѣшное хвастовство сохранилось въ дѣлахъ тайной канцеляріи гдѣ, на дыбѣ подъ кнутомъ, обыкновенно и потухали всѣ ихъ блестящіе планы о государственныхъ переворотахъ.

Бѣглый гусаръ, въ разговорахъ съ другимъ гусаромъ, расхвастался:

„Я-де и прежде сего изъ (новой) Сербіи (въ Польшу) утекалъ, да не ушелъ; а нынѣ-де, какъ весны дождусь, то учиню побѣгъ къ крымскому хану и подниму татаръ и поляковъ на Новую Сербію и на всю ея императорскаго величества державу, и приду на столицу, и возьму всемилостивѣйшую государыню!“...

Какъ ни жестока и ни подозрительна была тайная канцелярія въ отношеніи такихъ дѣлъ, но жалкій гусаръ Штырской не вызвалъ ея опасеній своими политическими планами.

Наказаніе ему, сравнительно, было назначено очень легкое: „вмѣненъ бывшій ему розыскъ (т. е. троекратная пытка съ плетями) въ наказаніе — и сосланъ въ Сибирь къ опредѣленію въ службу, въ какую онъ способенъ явится“.

IX.

Князь Потемкинъ—фальшивый монетчикъ.

(1778 г.).

Это и слѣдующія за этимъ дѣла принадлежатъ уже совершенно другой эпохѣ, когда въ міръ юридическій проникли нѣкоторыя гуманныя идеи, и въ строгость розыска перестали вѣрить и смотрѣть, какъ на лучшее и безошибочное средство добиться истины и сознанія.

Только двадцать четыре года отдѣляютъ настоящее дѣло отъ предыдущихъ,—но уже какая разница въ процедурѣ допроса, какое смягченіе наказаній! Отвратительнаго „слова и дѣла“ уже не существовало!

Постепенное проникавіе этого духа гуманизма въ законодательство подробнѣе показано нами во введеніи въ эти очерки, а теперь мы иллюстрируемъ наши слова бытовыми сценами, извлеченными изъ подлинныхъ дѣлъ тайной экспедиціи учрежденной при правительствующемъ сенатѣ послѣ уничтоженія тайной розыскныхъ дѣхъ канцеляріи.

Въ обширной людской застольной дома князя Степана Барятинскаго собралась его многочисленная дворня и, пользуясь отсутствіемъ хозяевъ, подняла пиръ горой.

Изъ княжескихъ погребовъ натащили пива и наливокъ, изъ кухни принесли жаренаго и вареного на закуску и, истребляя барское добро, загуторила дворня—душа на распашку!

Забренчала балалайка, которую принесъ дворникъ, ради потѣхи, и подвыпившій лакей въ княжеской ливреѣ пустился откалывать трепака со смазливенькой горничной, плававшей, подбоченясь и помахивая платочкомъ „во бѣлой рукѣ".

— Ай, лихо! вотъ одолжилъ! слышались восклицанія зрителей,— ну-ка, съ каблука пусти дробь, Ванюха!

— Нѣтъ, ты на Грушку-то погляди!.. Плечами-то какъ, шельма, поводитъ... ахъ, чтобъ-те наскрозь!.. Молодецъ дѣвка!

Не стерпѣлъ, глядя на Грушку, и престарѣлый буфетчикъ и, когда лакей умаялся и повалился на скамейку, — частенько засеменилъ ногами на встрѣчу Грушкѣ, сгорбившись и мотая сѣдой головой.

Всеобщій взрывъ хохота встрѣтилъ новаго танцора, а онъ молодцовато откинулъ голову назадъ, и пошелъ переплетать нога за ногу.

— Ай-да старикъ! гляди-ка Лаврентьичъ-то какимъ молодцомъ дѣйствуетъ, молодому не уступитъ!.. Ну ка, Груша, уважь старика!

Груша притопнула, взвизгнула, повела бровью и ринулась на встрѣчу Лаврентьичу, грудью впередъ, — а старикъ отъ восторга и утомленія закашлялся и тоже грохнулся на скамейку, тяжело дыша.

— Не выстоялъ старикъ! гдѣ ему! Грушку-то не скоро заѣздишь! говорили кругомъ подвыпившіе лакеи и горничныя.

По угламъ завелись разговоры; выѣздные лакеи князя, да и вообще вся дворня, знакомы были со многими придворными сплетнями и пересудами и скоро разговоръ сталъ общимъ, перейдя на излюбленную тему для прислуги—судаченье про господъ.

Любо было имъ всѣмъ перебирать весь высшій свѣтъ по косточкамъ, и не одному изъ вельможъ должно было икаться въ это время, когда чужая дворня сообщала всѣ его тайныя и щекотливыя похожденія.

Свѣдѣнія получались по тому неуловимому, но чрезвычайно простому телеграфу, который называется его собственной дворней, и отъ котораго какъ ни старайся, а не убережешься и не схоронишься.

Скоро изъ общей массы говорившихъ выдѣляется одинъ пьяный дворовый, сообщенія котораго отличались наибольшею новизною и интересомъ, и его стали слушать съ большимъ вниманіемъ. Увлеченный ролью оратора, дворовый началъ уже выкладывать самыя сокровенныя тайны, чтобы разодолжить внимательныхъ слушателей.

— Былъ я недавно на площади, разсказывалъ онъ, и разговорился съ какимъ-то незнаемымъ человѣкомъ, и онъ мнѣ подъ секре-

томъ разсказывалъ про императрицу, да свѣтлѣйшаго князя Потемкина.

— Что-же, что-же онъ тебѣ разсказывалъ? пристала дворня, сгарая отъ любопытства.

— Да такія вещи разсказывалъ, что и самому страшно!

— Да говори, что такое! чего ты за душу-то тянешь! пристали всѣ.

— Сказать-то не штука, ломался лакей,—а какъ потомъ самому въ затылокъ-то попадетъ, тогда что?.. Вамъ-то ничего — выслушалъ, да и прочь пошелъ!

— Ну полно! что тутъ! кто тебя выдастъ?—все свои люди—говори не бойся!

— Слышалъ я, началъ понизивъ голосъ, лакей, что свѣтлѣйшій-то князь Потемкинъ въ одномъ покоѣ съ императрицей живетъ!..

— Ну, это еще не ахти-какой секретъ! усумнились нѣкоторые,— всѣмъ вѣдомо, что свѣтлѣйшій находится при императрицѣ „въ случаѣ".

— То-то вотъ вамъ вѣдомо, да не все! увлекся лакей; говорилъ мнѣ еще этотъ человѣкъ и твердо завѣрялъ, что свѣтлѣйшій у себя въ домѣ фальшивыя бумажки дѣлаетъ и въ народъ пущаетъ!..

— Ну! можетъ-ли это статься?

— Для чего-жь онъ такъ богатъ, свѣтлѣйшій-то, коли не съ этаго самаго!

— Мало-ли отъ чего богатъ! богатъ милостями императрицы — знамо—случайный человѣкъ—ну, и богатъ!

— По мнѣ—хошь вѣрьте, хошь не вѣрьте, а я говорю, что слышалъ.

Разсказъ лакея вызвалъ разные толки въ дворнѣ, а на другой день сообщенная имъ новость и пошла путешествовать по Москвѣ, передаваясь изъ устъ въ уста. Скоро молва эта дошла и до того, до кого не слѣдуетъ; пошла переборка—кто пустилъ слухъ, и долго-ли, коротко-ли, а словоохотливый лакей таки попалъ въ бѣду, обвиненный въ непристойныхъ рѣчахъ.

Его отвезли въ Петербургъ, посадили въ крѣпость и допросили безъ пытокъ.

Откровенно сознавшись въ болтовнѣ, лакей утвердился и завѣрялъ, что слышалъ это отъ неизвѣстнаго ему человѣка, въ Москвѣ на площади.

Тайная экспедиція составила по этому дѣлу докладъ и представила императрицѣ Екатеринѣ II на высочайшее воззрѣніе, такъ какъ о всякомъ наказаніи по тайной экспедиціи докладывалось императрицѣ лично.

Въ рѣшеніяхъ своихъ на эти доклады императрица поступала съ удивительною добротою сердечною и духомъ прощенія, если дѣло только касалось сплетень и злословія лично о ней, а не затроги-

вало какихъ нибудь важныхъ и щекотливыхъ государственныхъ событій и предпріятій.

Рѣшеніе императрицы Екатерины II по этому дѣлу поражаетъ сильнымъ контрастомъ съ рѣшеніями всѣхъ предыдущихъ дѣлъ, возникшихъ въ печальное время существованія преображенскаго приказа и тайной разыскныхъ дѣлъ канцеляріи;—Екатерины II приказала двороваго человѣка изъ крѣпости освободить и возвратить его помѣщику, князю Степану Барятинскому, которому посовѣтовала не держать при себѣ въ Москвѣ этого болтуна.

Милость рѣшенія еше болѣе удивитъ насъ, если мы узнаемъ, что по слѣдствію тайной экспедиціи означенный дворовый былъ уже человѣкъ скомпрометтированный — лѣтъ десять назадъ его били кнутомъ за побѣгъ отъ своего помѣщика.

Другія времена—другіе нравы!

Въ pendant къ этому дѣлу, мы разскажемъ и другое, по времени относящееся тоже къ царствованію Екатерины II и рѣшенное съ тѣмъ же человѣколюбіемъ.

X.

Битый капралъ и бабье царство.

Жилъ-былъ старый отставной капралъ, и былъ онъ человѣкъ смирный и самый незначительный. Самъ-то по себѣ былъ онъ человѣкъ ничего — хорошій человѣкъ и въ строю былъ бравый солдатъ и храбрый вояка, за что и дослужился капральскаго чина, да характеръ имѣлъ слабый и мягкій; къ тому же и выпить сильно любилъ, почему и пришелъ онъ на старости лѣтъ въ упадокъ и неуваженіе.

А было время, о которомъ капралъ подъ веселую руку вспоминалъ съ гордостью, когда и онъ былъ не изъ послѣднихъ: молодецки крутился его насаленный усъ, статно сидѣлъ на немъ военный мундиръ и блестѣли кругомъ пуговицы, да шнурки, приводя въ восторгъ женскій полъ изъ простонародья. Похлопывали, бывало, окошечки въ деревняхъ, выглядывали изъ нихъ любопытно молодыя женскія лица, когда проходили по Руси походомъ куда нибудь на шведа, турка или нѣмца, подъ командою молодца „фонъ-Минихена“. А въ городахъ на постояхъ и купеческія дочки пріятно улыбались ему и заводили сладкіе разговоры съ бравымъ солдатомъ.

Была коту масляница! вспоминаетъ иногда съ улыбкою старый капралъ.

Но, какъ за каждой масляницей непремѣнно наступаетъ великій постъ, то кончилась и его, капралова, масляница. Полюбилась ему

покрѣпче одна изъ купеческихъ дочекъ и онъ женился на ней, зажилъ своимъ домкомъ и всѣ свои шашни бросилъ.

Жена его, купеческая дочка, оказалась женщиною характера твердаго и даже деспотическаго и воззрѣній самыхъ оригинальныхъ, а потому вскорѣ и забрала своего мужа въ ежевыя рукавицы. Не безъ борьбы, конечно, досталась ей эта власть, — капралъ, покуда былъ бравъ и молодцоватъ, хорохорился и не поддавался, но малу по малу смирился, ибо жена его оказала въ усмиреніи капрала энергію непреклонную.

У нихъ была дочь, которую воспитывала мать и передала ей и свой твердый характеръ, и свои оригинальныя воззрѣнія.

Здѣсь надо объяснить, въ чемъ заключалась оригинальность мнѣній купеческой дочки, капраловой жены, оригинальность, присущая чуть не половинѣ россійскихъ женщинъ въ послѣднія три четверти XVIII столѣтія.

Со смерти Петра Великаго, Россія на императорскомъ престолѣ видѣла пять женщинъ, болѣе или менѣе быстро смѣнившихъ другъ друга и самодержавно распоряжавшихся судьбами обширной имперіи. Женщина властвовала надъ мужчинами и имъ предписывала законы, предъ женщиной все преклонялось и все ей покорялось безпрекословно.

Такой, не совсѣмъ обычный для Россіи порядокъ дѣлъ, вызвалъ въ головахъ, склонныхъ къ обобщеніямъ, людей, какія-то темныя и странныя мысли и соображенія. Вдумался въ это и женскій полъ— и вдругъ открылъ въ такомъ порядкѣ вещей нѣчто, крайне для женскаго самолюбія пріятное и выгодное. Съ теченіемъ времени мысль выяснилась, и вотъ женскій полъ, съ присущею ему непосредственностью и азартомъ, проникся мыслью и сообщилъ во всеуслышаніе, что молъ коли на престолѣ царствуетъ баба и надъ мужчинами властвуетъ, то поэтому и всѣ бабы въ государствѣ должны стать выше мужчинъ и ими властвовать—„настало-де бабье царство"!

Вотъ такими-то мыслями преисполнился властолюбивый женскій полъ—и пошла въ семьяхъ перепалка. Разномысліе и смуты поселились между супругами; женщины съ азартомъ требовали власти, отнятой у нихъ несправедливо, и многіе, не обладавшіе энергіей супруги, не удержавъ въ рукахъ бразды правленія, почувствовали на себѣ всю тяжесть власти подъ нѣжной женской ручкой.

Совершилась безшумная бабья революція.

Таковъ былъ образъ мыслей и у энергичной капраловой жены и купеческой дочки, которая къ тому же и кичилась предъ мужемъ честностью, т. е. высотою своего купеческаго происхожденія, и было отъ этого старому капралу на свѣтѣ жить трудно, и чаще прежняго сталъ онъ заходить въ кабачки и вспоминать свою молодость.

Дочку выдали замужъ, жена переселилась къ зятю, а старому капралу и тамъ не нашлось не хаянаго угла, не оговореннаго попрекомъ куска.

И дочка пошла по маменькѣ — не уважала своего отца, и опустился и запилъ старый капралъ, ставши совсѣмъ послѣднимъ человѣкомъ въ глазахъ своего семейства.

Бѣжалъ онъ изъ дому отъ попрековъ и ходилъ цѣлые дни по старымъ сослуживцамъ, да благопріятелямъ, всюду испивая, да припоминая прежнюю службу.

Домой онъ ходилъ только ночевать, да иногда выклянчить у зятя, или у дочки, деньжонокъ на выпивку, и никогда это не обходилось ему безъ ругани.

Терпѣлъ свою судьбу капралъ и только выпивши изрядно, осмѣливался роптать и оспаривать жену, да и то въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она не могла его слышать.

Только всякому терпѣнью есть предѣлъ, и разъ въ праздникъ церковный сталъ капралъ просить у жены денегъ и получилъ въ отвѣтъ:

— Убирайся, пьяница старый! Нѣтъ тебѣ денегъ на пьянство, таскунъ!

Взорвало старика, и приступилъ онъ къ женѣ:

— Ахъ ты такая-сякая! да ты што важничаешь-то! Я Богу и государямъ и государынямъ служилъ вѣрно и капральскаго чина дослужился, а ты, баба дрянная, мной помыкаешь?.. Я покажу тебѣ мою власть...

Но тутъ расхорохорившійся старикъ получилъ отъ жены такое звонкое доказательство своего безвластія, что схватился за скулу и опѣшилъ.

— Вотъ тебѣ, старый таскунъ, пьяница, за твою власть!.. видѣлъ свою власть! накинулась на него жена съ кулаками и хотѣла уже снова заушить его.

— Нѣтъ, постой! ты што же это Бога-то забыла, для праздника по рожѣ бьешь? вдругъ сократился и залепеталъ капралъ, отступая назадъ.

— Великой ты чортъ! капралишка! я честнѣе тебя! — мой тятенька былъ второй гильдіи купецъ, а ты кто?—мужикъ!..

— Когда ты честнѣе, то пусть и будетъ твоя честь съ тобою— а драться въ праздникъ не смѣй, за это тебя не похвалятъ, коли пожалуюсь.

— Драться не смѣй!.. заорала купеческая честная дочь, — да я всегда могу тобою повелѣвать!.. Я передъ тобою барыня и великая княгиня!.. И что касается и до императрицы, что царствуетъ—такъ она такая же наша сестра набитая баба—а потому мы и держимъ теперь правую руку и надъ вами, дураками, всякую власть имѣемъ!

Такъ разглагольствовала и превозносилась капралова жена, желая совсѣмъ унизить мужа, а съ нимъ и весь мужской полъ, но это ужъ,

надо полагать, переполнило мѣру терпѣнія смирнаго капрала, и онъ завопилъ:

— А! коли ты такъ! коли ты всемилостивѣйшую государыню позоришь, набитой бабой называешь и съ другими бабами-дурами сверстала—такъ я-жъ тебя проучу!—перестанешь ты драться и ругаться со мной, ибо сейчасъ же донесу на тебя по начальству, что ты непристойныя рѣчи о государынѣ произносишь.

— Ступай, старый чортъ, доноси! не больно я боюсь твоего начальства. Теперь у насъ на престолѣ баба сидитъ, и всѣмъ бабамъ оттого защита есть отъ васъ.

Разобиженный капралъ, какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ въ отместку злой бабѣ, взялъ да и донесъ о непристойныхъ рѣчахъ и о побояхъ, что она причинила ему, не постыдясь праздника церковнаго.

Засадили капральшу вмѣстѣ съ капраломъ подъ арестъ при тайной экспедиціи и допросили ее. Она въ говореньи непристойныхъ словъ заперлась, а мужъ продолжалъ обличать ее, желая хоть разъ отомстить ей за всѣ ея долголѣтнія и непрестанныя обиды ему.

Посадили ее на два дня „безъ пищи и питья", вмѣсто прежней пытки и ударовъ плетью; она и послѣ этого продолжала отпираться ото всего.

Тогда подвергли тому же наказанію старика и онъ, просидѣвъ два дня голодомъ, не отказался отъ своего обвиненія въ непристойныхъ рѣчахъ.

Тайная экспедиція, видя, что правды между ними добиться трудно, по примѣру всѣхъ прочихъ такого рода дѣлъ, составила для подачи императрицѣ докладъ, выписавъ въ немъ и бабью философію капраловой жены.

Милостивая императрица благодушно взглянула на это дѣло и рѣшила: „Вмѣнить имъ двухдневное сидѣнье безъ пищи и питія въ наказаніе—и отпустить на свободу".

XI.

Хохлы-просители при Павлѣ I.

(1797 г.)

Въ концѣ мая 1797 года, изъ дальняго малороссійскаго города Погара, Черниговской губерніи, прибыли въ Петербургъ четверо „депутатовъ"-хохловъ.

Они были посланы погарскимъ магистратомъ съ порученіемъ подать просьбу самому императору Павлу I, чтобы онъ высочайшимъ своимъ указомъ подтвердилъ какую-то стародавнюю привиллегію города Погара, данную еще царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Извѣстно, что императоръ Павелъ I учредилъ, по вступленіи своемъ на престолъ, въ видахъ доставленія своимъ подданнымъ скораго и праваго суда, „дабы гласъ слабаго угнетеннаго былъ услышанъ", личную подачу словесныхъ и письменныхъ прошеній прямо во дворецъ, на его имя.

Принимали и дѣлали экстракты изъ прошеній три статсъ-секретаря — Трощинскій (присылаемыя по почтѣ), Нелединскій-Мелецкій (подававшіяся лично) и Брискорнъ (писанныя на иностранныхъ языкахъ [1]), а резолюціи на нихъ Павелъ I давалъ самъ лично, и онѣ надписывались на прошеніяхъ статсъ-секретарями.

Этимъ прекраснымъ учрежденіемъ захотѣли воспользоваться и хохлы изъ Погара, но, пріѣхавши въ Петербургъ въ концѣ мая, они не застали уже императора и двора въ столицѣ — Павелъ I съ семействомъ переѣхалъ въ Павловскъ, свою лѣтнюю резиденцію.

Туда же переѣхали и статсъ-секретари у принятія прошеній, а потому нашимъ хохламъ приходилось ѣхать въ Павловскъ для личной подачи своего прошенія.

Въ Петербургѣ у нихъ тотчасъ же нашлись земляки, которые и руководили темными хохлами въ шумной и неизвѣстной имъ столицѣ и, между прочими, какой-то донской казакъ Космынинъ.

Проживъ въ Петербургѣ двѣ недѣли, и узнавъ обо всемъ, какъ слѣдуетъ, погарскіе хохлы отправились въ Павловскъ и подали свое прошеніе на высочайшее имя въ учрежденный для просителей ящикъ.

Въ ожиданіи рѣшенія своего ходатайства, хохлы гуляли по Павловску, осматривали всѣ его диковинки и, придя однажды въ воскресный день въ церковь къ обѣднѣ, удостоились увидать тамъ самого императора Павла I-го съ сыновьями Александромъ и Константиномъ Павловичами.

Былъ ли Павелъ I въ этотъ день не въ духѣ и выглядѣлъ сердито, или просто со страха передъ императоромъ — только примѣтливымъ хохламъ онъ показался чрезвычайно строгимъ и сердитымъ. Придя домой, они пустились разсуждать о немъ:

— Гораздо золъ императоръ, звѣремъ смотритъ, словно съѣсть хочетъ.

— А государь-то наслѣдникъ, Александръ Павловичъ, по всему видно, не въ батюшку уродился — смирный да ласковый такой выглядитъ.

— Да, а вотъ второй-то сынокъ, Константинъ, — тотъ, кажется, весь въ батюшку!

Разговорился съ ними и казакъ Космынинъ, ихъ всегдашній провожатый, а на другой день онъ повелъ хохловъ смотрѣть на разводъ

[1]) См. „Истор. Вѣстн." 1881 г., янв., стр. 216.

съ церемоніею, гдѣ командовать войсками будетъ самъ государь императоръ.

Невиданное зрѣлище представилось хохламъ на большой площади, застановленной блестящими и стройными рядами войскъ. Войска начали проходить церемоніальнымъ маршемъ, и императоръ Павелъ, пристально вперивъ глаза, слѣдилъ за каждомъ солдатомъ и его движеніями.

Вдругъ императоръ сорвался съ мѣста, быстро пошелъ къ рядамъ подошедшаго псковскаго карабинскаго полка и, схвативъ одного солдата обѣими руками за ремни аммуниціи, дернулъ въ сторону и поправилъ на мѣстѣ.

Весь рядъ тотчасъ же сомкнулся снова, а гнѣвный императоръ отошелъ и опять оглядѣлъ помертвѣвшій недвижный строй.

Этотъ случай также далъ нашамъ хохламъ не малый поводъ поговорить о строгости императора.

— Всѣ солдаты недовольны такой строгостью императора и лаютъ объ этомъ вслухъ, разсуждали простаки-хохлы, забывъ, что они не въ своемъ захолустномъ Погарѣ, а въ резиденціи императора, и что здѣсь надо держать языкъ за зубами.

На третій день, знать такое ужь имъ счастье (или несчастье) навалило—они снова увидѣли императора. Павелъ ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи великихъ князей, по одной изъ улицъ Павловска.

Хохлы, увидя строгаго императора издали, остановились у стѣночки, и снявъ шапки, ждали его проѣзда.

И, какъ норочно, на самой серединѣ улицы лошадь императора, ѣхавшаго впереди, задѣла ногою валявшійся на улицѣ разбитый горщокъ и споткнулась. Императоръ наклонился и, увидя подъ копытами лошади черепки горшка, грозно закричалъ, покраснѣвъ отъ гнѣва:

— Убрать сейчасъ же эту гадость! Какъ смѣть допускать такое безобразіе на улицахъ! Вѣдь лошадь могла испортить ногу отъ этого!.. Живо убрать!..

Словно изъ подъ земли выскочило нѣсколько полицейскихъ, и въ одинъ моментъ улица стала чиста, какъ метеный полъ, а императоръ темнѣе тучи, послѣдовалъ дальше, мимо упавшихъ на колѣни хохловъ.

— А бодай ему, якій винъ сумній! якъ хмара! могли только проворчать перетрусившіе хохлы и отправились со страхомъ въ сердцѣ справляться о томъ, какое рѣшеніе послѣдовало на ихъ бумагу.

Статсъ-секретарь Нелединскій-Мелецкій объявилъ погарскимъ просителямъ черезъ полицію, что прошеніе ихъ его императорскимъ величествомъ разсмотрѣно и велѣно бумагу имъ возвратить, а рѣшенія—никакого не воспослѣдовало!..

Пожали плечами хохлы, пошевелили досадливо усами, но дѣлать было нечего—пришлось возвращаться домой ни съ чѣмъ.

Даромъ отломали хохлы тысячу слишкомъ верстъ до Петербурга, даромъ проживались и проѣдались въ Петербургѣ и Павловскѣ!

Съ досады пришли хохлы домой и давай браниться.

— Нехай его трясьця визме!

— Истинно, что строгъ да несправедливъ! нашей правой просьбы не уважилъ!

— Что теперь скажемъ панамъ—магистрату? скажутъ: бисовы дити, и того не умѣли сдѣлать, царю просьбы подать!

— То и худо, что царю! кабы магистрату какому, такъ подмазать бы можно, а царя не подкупишь... Сказалъ, какъ отрѣзалъ! и жаловаться некому!..

— Ну! а коли до дому, такъ и до дому! рѣшили наконецъ неудачные просители, махнувъ рукой, и уѣхали въ Питеръ, а оттуда потянулись, безъ дальнихъ разговоровъ, въ свою Черниговскую губернію.

На прощаньи, ихъ неизмѣнный чичероне, донской казакъ Космынинъ, сталъ просить вознагражденія за свои труды, но получилъ отъ раздосадованныхъ хохловъ круто согнутую фигу и нѣсколько не лестныхъ замѣчаній.

— Дуракъ, кто и живетъ то въ этомъ проклятомъ омутѣ, чтобъ ему провалиться и со всѣми!

И съ этимъ оставили донского казака, а сами свиснули и уѣхали.

— Почекайте, хохлы! трыста вамъ чортывъ! погрозился кулакомъ имъ въ слѣдъ казакъ и съ этими словами махнулъ прямо въ сенатъ, въ тайную экспедицію съ доносомъ, что пріѣзжавшіе изъ города Погара просители, купецъ Антонъ Роскинъ, купецъ Попинокъ и двое другихъ, въ бытность свою въ императорской лѣтней резиденціи, произносили хульныя и непристойныя рѣчи о высочайшей особѣ его императорскаго величества. Доносу казака придали большое значеніе, и генералъ-прокуроръ князь Куракинъ послалъ 21 іюня нарочнаго курьера съ командою солдатъ и доносчикомъ въ догонку за болтунами-просителями!

Въ инструкціи курьеру было предписано: „сколь скоро ихъ достигнешь, то, взявъ всѣхъ подъ караулъ и посадя въ кибитки, сейчасъ возвратиться въ Петербургъ и представить ихъ ко мнѣ, стараясь сіе исполнить при томъ безъ всякой огласки, дабы объ ономъ никто не зналъ, и сей вашей инструкціи никто не видалъ“. Подписалъ генералъ-прокуроръ, князь Куракинъ.

Помчалась погоня за хохлами, настигла ихъ и разсадя въ кибитки, розно, повезли въ Петербургъ важныхъ политическихъ преступниковъ, оберегая ихъ, какъ зачумленныхъ, отъ всякаго сообщенія съ другими людьми на станціяхъ и во время пути.

Сильно струхнули хохлы при такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла, а когда увидѣли въ числѣ конвойныхъ и казака Космынина, ехидно улыбавшагося, то поняли, что это онъ что нибудь сочинилъ имъ въ отместку.

Привезя, ихъ представили въ тайную экспедицію, и оробѣвшіе просители разсказали все откровенно, что они видѣли и говорили объ императорѣ въ Павловскѣ.

— Какъ же вы осмѣлились, мужики вы эдакіе, разсужать объ особѣ его императорскаго величества столь вольно и необузданно? прикрикнули на нихъ.

Оторопѣвшіе хохлы просили о милости, упавъ на колѣни, и завѣряли, что и рѣчи о высочайшихъ особахъ говорены ими „не для какого злодѣйскаго разглашенія, а токмо между собою и изъ единой простоты!"

Дѣло оказалось совсѣмъ не столь важное, какъ объ немъ подумали сначала, и вмѣсто важныхъ государственныхъ преступниковъ предъ Куракинымъ были простоватые и оторопѣвшіе торговцы-болтуны, незнакомые со столичными порядками.

Тѣмъ не менѣе, докладъ о хохлахъ, осмѣлившихся имѣть свое сужденіе о высочайшихъ особахъ, былъ представленъ императору Павлу I.

Хохлы съ трепетомъ ждали наказанія отъ строгаго императора и въ сотый разъ жалѣли о своей скупости, что не удовлетворили тогда казака.

Резолюція Павла I не замедлила явиться на докладъ Куракина и, какъ бы нарочно для того, чтобы опровергнуть составившееся у хохловъ не лестное мнѣніе объ императорѣ, гласила слѣдующее:

„Государь императоръ высочайше повелѣлъ: сдѣлавъ надлежащее нравоученіе, чтобъ впредь въ разговорахъ своихъ были они воздержнѣе и сужденія свои имѣли въ надлежащихъ предѣлахъ,—оныхъ отпустить".

Такой благополучный конецъ имѣли похожденія хохловъ-просителей въ Павловскѣ, ждавшихъ чуть-ли не смерти отъ строгаго императора.

Можно смѣло сказать, что послѣ этого случая хохлы повезли за тысячу верстъ въ свою Черниговскую губернію самое лестное мнѣніе о милосердіи и добротѣ императора Павла I.

А. В. Арсеньевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМЪ [1]).

VI.

ДОСТОЕВСКІЙ осуществилъ свое желаніе — освободился отъ редакторства „Гражданина“ и слѣдующую зиму прожилъ въ Старой Русѣ, приготовляя къ печати новый романъ—„Подростокъ“.

Въ началѣ 1875 года, онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ и навѣстилъ меня. Я встрѣчалъ его совсѣмъ въ новой обстановкѣ, среди новыхъ заботъ и занятій, которыя стряхнули съ меня такъ озабочивавшую его мою апатію. Намъ было о чемъ поговорить и я чрезвычайно обрадовался его посѣщенію. Но сразу, только что онъ вошелъ, я уже по лицу его увидѣлъ, что онъ до крайности раздраженъ и въ самомъ мрачномъ настроеніи духа.

Онъ сейчасъ же и высказалъ причину этого раздраженія.

— Скажите мнѣ, скажите прямо — какъ вы думаете: завидую ли я Льву Толстому? проговорилъ онъ, поздоровавшись со мною и пристально глядя мнѣ въ глаза.

Я конечно очень бы удивился такому странному вопросу, если бы не зналъ его; но я ужь давно привыкъ къ самымъ неожиданнымъ „началамъ“ нашихъ встрѣчь и разговоровъ.

— Я не знаю завидуете ли вы ему, но вы вовсе не должны ему завидовать, отвѣчалъ я. У васъ обоихъ свои особыя дороги, на которыхъ вы не встрѣтитесь—ни вы у него ничего не можете отнять, ни онъ у васъ ничего не отниметъ. На мой взглядъ между вами не можетъ быть соперничества, а слѣдовательно и зависти съ вашей стороны я не предполагаю... Только скажите, что значитъ этотъ вопросъ, развѣ васъ кто нибудь обвиняетъ въ зависти?

— Да, именно, обвиняютъ въ зависти... И кто же? старые друзья, которые знаютъ меня лѣтъ двадцать...

---

[1]) Окончаніе. См. стр. 602—616.

Онъ назвалъ этихъ старыхъ друзей.

— Что же, они такъ прямо вамъ это и высказали?

— Да, почти прямо... Эта мысль такъ въ нихъ засѣла, что они даже не могутъ скрыть ее—проговариваются въ каждомъ словѣ.

Онъ раздражительно заходилъ по комнатѣ. Потомъ вдругъ остановился, взялъ меня за руку, и тихо заговорилъ, почти зашепталъ:

— И знаете ли, вѣдь я дѣйствительно завидую, но только не такъ, о, совсѣмъ не такъ какъ они думаютъ! Я завидую его обстоятельствамъ, и именно вотъ теперь... Мнѣ тяжело такъ работать, какъ я работаю, тяжело спѣшить... Господи, и всю то жизнь!.. Вотъ я недавно прочитывалъ своего „Идіота“, совсѣмъ его позабылъ, читалъ какъ чужое, какъ въ первый разъ...: Тамъ есть отличныя главы... хорошія сцены... у, какія! Ну вотъ... помните... свиданіе Аглаи съ княземъ, на скамейкѣ?.. Но я все же таки увидѣлъ какъ много недодѣланнаго тамъ, спѣшнаго... И всегда вѣдь такъ—вотъ и теперь: „Отечественныя Записки“ торопятъ, поспѣвать надо... впередъ заберешь—отрабатывай, и опять впередъ... и такъ всегда!.. Я не говорю объ этомъ никогда, не признаюсь; но это меня очень мучитъ. Ну, а онъ обезпеченъ, ему нечего о завтрашнемъ днѣ думать, онъ можетъ отдѣлывать каждую свою вещь, а это большая штука—когда вещь полежитъ уже готовая и потомъ перечтешь ее и исправишь. Вотъ и завидую... завидую, голубчикъ!..

— Конечно все это такъ, сказалъ я, и все это очень грустно. Но обыкновенно на подобныя разсужденія замѣчаютъ, что необходимость работать—большая помощь для работы, что при обезпеченности легко можетъ явиться лѣнь.

— И это бываетъ, конечно, но если кто залѣнится и ничего не скажетъ, такъ значитъ ему и нечего сказать!

Онъ вдругъ успокоился и сдѣлался кроткимъ и ласковымъ.

Такіе внезапные переходы бывали съ нимъ часто.

Это свиданіе мнѣ особенно памятно потому, что нашъ дальнѣйшій разговоръ больше чѣмъ когда либо убѣдилъ меня въ его искреннемъ ко мнѣ участіи. Совѣты, которые я въ тотъ день получилъ отъ него, принесли мнѣ не мало пользы и долго служили большою нравственной поддержкой. Но все это уже мое личное дѣло и я ограничиваюсь только приведеннымъ выше разговоромъ о „зависти“. Я счелъ себя вправѣ передать его, потому что онъ указываетъ на печальную сторону дѣятельности многихъ нашихъ писателей, и по преимуществу дѣятельности Достоевскаго.

Я знаю въ какую тоску, въ какое почти отчаяніе приводили его иногда отсутствіе денежныхъ средствъ, забота о завтрашнемъ днѣ, о нуждахъ семьи. Онъ почти всю жизнь не выходилъ изъ денежныхъ затрудненій, никогда не могъ отдохнуть, успокоиться.

Все это тяжело отзывалось на его произведеніяхъ и почти ни однимъ изъ нихъ онъ не былъ доволенъ. Онъ работалъ всегда торопясь,

часто не успѣвая даже прочитать имъ написаннаго. А между тѣмъ вѣдь онъ писалъ не легкіе разсказы. У него иногда, въ горячія, вдохновенныя минуты, выливались глубоко-поэтическія сцены, страницы красоты необыкновенной, которыхъ очень много въ каждомъ его романѣ. Но этого было мало: у него бывали глубокія психологическія задачи, въ его головѣ мелькали оригинальныя и замѣчательныя рѣшенія серьезныхъ нравственныхъ вопросовъ. Тутъ минутъ горячаго вдохновенія оказывалось недостаточно, требовалась спокойная работа мысли, а обстоятельства не давали его мысли спокойно работать. Потому то въ его романахъ такъ много неяснаго, запутаннаго, потому то его романы, и въ особенности послѣдніе, широко задуманные, въ общемъ производятъ впечатлѣніе только богатѣйшаго матерьяла для настоящихъ романовъ...

Больной, измученный, онъ уставалъ больше и больше; но уставалъ не мыслью, не чувствомъ, а просто уставалъ физически. Ему трудно становилось работать и онъ работалъ медленно. Онъ заранѣе продавалъ свой романъ, который ожидали съ нетерпѣніемъ. Редакція то и дѣло понуждала его высылать скорѣе рукопись. Эти понужденія раздражали его, онъ волновался, спѣшилъ, посылалъ начало и потомъ, торопясь продолженіемъ, почти забывалъ это начало. По мѣрѣ развитія романа являлась необходимость измѣнять то то, то другое, но исполнить этого уже не было возможности — то, что нужно было измѣнить и переработать, оказывалось уже напечатаннымъ. Такимъ образомъ являлись великолѣпные эпизоды, но въ общемъ романъ представлялъ довольно безформенное и во всякомъ случаѣ невыдержанное произведеніе.

Онъ самъ отлично сознавалъ это и подобное сознаніе для художника являлось горькимъ мученіемъ. Онъ сознавалъ, и въ то же время ему болѣзненно хотѣлось, чтобы другіе не замѣчали того, что онъ самъ видитъ. Поэтому всякая похвала доставляла ему большую усладу: она его обманывала. Поэтому замѣчаемое имъ въ комъ либо пониманіе его промаховъ, раздражало его, оскорбляло, мучило...

Но я свидѣтельствую, что самъ онъ, въ иныя откровенныя, теплыя минуты, признавался въ своихъ промахахъ, и скорбѣлъ, что судьба ставила его въ невозможность во время исправлять ихъ. Это было горе, горше котораго не можетъ и быть для творца-художника! И передо мною такъ и стоитъ блѣдное, изнеможенное лицо его въ минуты этихъ мучительныхъ признаній.

Я помню одинъ случай. Говоря въ одной изъ газетъ о „Подросткѣ“, указывая на прекрасные эпизоды и многія достоинства этого романа, я все же долженъ былъ сказать и объ его недостаткахъ. Черезъ нѣсколько дней я пришелъ къ Достоевскому. Онъ встрѣтилъ меня какъ человѣка глубоко его оскорбившаго и между нами произошелъ настолько крупный разговоръ, что я взялъ шляпу и хотѣлъ уходить. Но онъ удержалъ меня, заперъ двери своей рабочей ком-

натки и началъ оправдываться, доказывать мнѣ, что я ошибался въ статьѣ моей.

Дѣло было въ старикѣ Макарѣ Ивановичѣ, одномъ изъ самыхъ любимыхъ имъ дѣйствующихъ лицъ „Подростка“.

Онъ сталъ объяснять мнѣ Макара Ивановича. И конечно теперь я ужъ не могу взять на себя безпристрастнаго сужденія о „Подросткѣ“: я знаю этотъ романъ не такимъ, каковъ онъ въ печати, а такимъ, каковъ онъ былъ въ замыслѣ автора.

Достоевскій говорилъ часа два, пожалуй еще больше, и я могъ только сожалѣть о томъ, что не было стенографа, который бы записывалъ въ точности слова его. Если бы то, что онъ говорилъ мнѣ тогда, появилось передъ судомъ читателей, то они увидѣли бы одинъ изъ высочайшихъ и поэтическихъ образовъ, когда либо созданныхъ художникомъ.

— Такъ вотъ что такое Макаръ! сказалъ Достоевскій, заканчивая свою горячую рѣчь и мгновенно ослабѣвая, — и неужели вы теперь не согласитесь, что вы написали совсѣмъ не то, что вы меня обидѣли, и я имѣлъ полное право на васъ сердиться?!..

Мнѣ тяжело было говорить ему, что сегодняшній Макаръ не тотъ, о которомъ я говорилъ, судя по напечатанному тексту... Я испугался того впечатлѣнія, которое произвели на него слова мои: онъ сдѣлался вдругъ такимъ страдающимъ, такимъ жалкимъ. Онъ сидѣлъ нѣсколько мгновеній неподвижно, опустивъ голову, сжавъ брови — и вдругъ поднялъ на меня глаза, въ которыхъ не было и тѣни ни недавняго раздраженія, ни недавняго восторга. Эти глаза были кротки и очень печальны.

— Голубчикъ! сказалъ онъ, особенно задушевно выговаривая свое любимое ласкательное слово, — я знаю, что вы правы и вы знаете, что я люблю то, что вы пишите, потому что вы пишите всегда искренно; но мнѣ было такъ тяжело, что именно вы дотронулись до самаго больного мѣста!.. А теперь забудьте, что я наговорилъ, и я тоже забуду... Довольно... довольно!..

Онъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ пройтись; но на улицѣ былъ такъ мраченъ, молчаливъ и раздражителенъ, что мнѣ стало тяжело и я съ нимъ простился.

VII.

Окончивъ „Подростка“, то-есть, высказавъ любимыя мысли, воплотивъ образы, давно мелькавшіе въ воображеніи, Достоевскій не могъ тотчасъ же приняться за подобную же работу — за новый романъ. А между тѣмъ работать было нужно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, всякій день выставлялъ новыя явленія общественной жизни, которыя живо затрогивали мыслителя-психолога, о которыхъ хотѣлось сказать ему свое слово; во-вторыхъ, работа требовалась для жизни, для содержанія семьи, для окончательнаго устройства запу-

танныхъ дѣлъ, которыя, наконецъ, мало по малу начинали распутываться. Необходимо было рѣшиться на какую нибудь работу. О новомъ редакторствѣ нечего было и думать — оно надоѣло, и въ его успѣхъ, въ его пользу уже не вѣрилось.

Снова стала приходить мысль, начавшаяся было осуществляться еще въ „Гражданинѣ", но затѣмъ позабытая. Достоевскій подумывалъ объ ежемѣсячномъ изданіи своего „Дневника Писателя".

Осенью 1875 года, опять переселясь въ Петербургъ изъ Старой Русы, онъ мнѣ говорилъ объ этомъ, но только еще какъ о предположеніи. Онъ не рѣшался, боялся неудачи. „Подростокъ" не произвелъ сильнаго впечатлѣнія. Будетъ ли достаточно подписчиковъ у „Дневника Писателя", не придется ли пережить новую неудачу, новое оскорбительное разочарованіе — ихъ уже и такъ было не мало!..

Въ декабрѣ у него заболѣли дѣти скарлатиной и во все продолженіе шестинедѣльнаго карантина я не могъ съ нимъ видаться, опасаясь за своего ребенка. Но мы переписывались въ это время. Въ концѣ декабря онъ объявилъ въ газетахъ о подпискѣ на „Дневникъ Писателя". Рѣшился — но опасенія все же его не покидали. „Что выйдетъ — не знаю", писалъ онъ мнѣ, — „все зависѣть будетъ отъ 1-го №, который выдамъ въ концѣ января".

Я пророчилъ ему успѣхъ, расчитывая, что необычная, оригинальная форма изданія на первыхъ порахъ заинтересуетъ публику, а затѣмъ заинтересуетъ уже самъ авторъ. Но не такого мнѣнія были литературные и журнальные кружки. На вечерѣ у Якова Петровича Полонскаго, у котораго обыкновенно можно было встрѣтить представителей всевозможныхъ редакцій, людей самыхъ различныхъ взглядовъ, я выслушалъ съ разныхъ сторонъ заранѣе подписанный приговоръ „Дневнику Писателя". Рѣшали такъ, что изданіе непремѣнно лопнетъ, что оно никого не заинтересуетъ. Говорили:

— Онъ навѣрное начнетъ опять о Бѣлинскомъ, о своихъ воспоминаніяхъ. Кому это теперь нужно, кому интересно!?

— Ну, а если онъ начнетъ о вчерашнемъ и сегодняшнемъ днѣ? спрашивалъ я.

— Въ такомъ случаѣ еще того хуже... что онъ можетъ сказать?! онъ будетъ бредить!..

Но и послѣ этого всеобщаго приговора я не переставалъ расчитывать на успѣхъ. Съ его жаромъ, съ его искренностью, обращаясь прямо къ обществу, въ формѣ простой бесѣды—развѣ могъ онъ незаинтересовать? Вѣдь онъ самъ—интереснѣйшее лицо среди самыхъ интересныхъ лицъ его лучшихъ романовъ—и, конечно, онъ будетъ весь, цѣликомъ въ этомъ „Дневникѣ Писателя"! Любопытно только, съ чего онъ начнетъ...

Январь 1876 года уже наступилъ, а карантинъ въ его домѣ все еще продолжался; я не могъ его видѣть; но онъ самъ вывелъ меня изъ неизвѣстности: 11 января, между прочимъ, онъ писалъ мнѣ:

„Въ 1-мъ № будетъ вопервыхъ самое маленькое предисловіе, затѣмъ кое-что о дѣтяхъ — о дѣтяхъ вообще, о дѣтяхъ съ отцами, о дѣтяхъ безъ отцовъ въ особенности, о дѣтяхъ на елкахъ, безъ елокъ, о дѣтяхъ-преступникахъ... Разумѣется, это не какіе нибудь строгіе этюды или отчеты, а лишь нѣсколько горячихъ словъ и указаній...

„Затѣмъ о слышанномъ и прочитанномъ,—все или кое что, поразившее меня лично за мѣсяцъ. Безъ сомнѣнія, „Дневникъ Писателя“ будетъ похожъ на фельетонъ, но съ тою разницею, что фельетонъ за мѣсяцъ естественно не можетъ быть похожъ на фельетонъ за недѣлю... Тутъ отчетъ о событіи не столько какъ о новости, сколько о томъ, что̀ изъ него (изъ событія) останется намъ болѣе постояннаго, болѣе связаннаго съ общей, съ цѣльной идеей.

„Наконецъ, я вовсе не хочу связывать себя даваніемъ отчета... Я не лѣтописецъ: это, напротивъ, совершенный дневникъ въ полномъ смыслѣ слова, т. е. отчетъ о томъ, что наиболѣе меня заинтересовало лично,—тутъ даже капризъ...

„Самъ не знаю... выйдетъ ли что нибудь путное, порой кажется, что напрасно взялся; а впрочемъ, что Богъ пошлетъ, только (между нами это) почти ни одной строки еще не написано. Матерьяловъ же (на 1-й №) собрано и записано болѣе чѣмъ на 4 печатныхъ листа...“

Въ назначенный день, первый № вышелъ и сразу произвелъ сильное впечатлѣніе, раскупался нарасхватъ. Даже газеты позабыли о „сумасшедшемъ“, „маньякѣ“, „измѣнникѣ“ и заговорили въ благопріятномъ тонѣ—ничего другого имъ не оставалось. Подписка превзошла всѣ ожиданія. Успѣхъ наконецъ началъ улыбаться измученному труженнику.

Я не стану останавливаться на постепенномъ усиленіи того вліянія, которое горячая, искренняя рѣчь Достоевскаго получала надъ умами его читателей и по преимуществу надъ умами молодого поколѣнія. Но и среди успѣха бывали тяжелыя минуты. Смѣлыя, вдохновенныя мысли, пророческій тонъ Достоевскаго, его противники старались таки осмѣивать.

Время было горячее, тревожное; „восточный вопросъ“ снова стоялъ на очереди, сербская война, Черняевъ, добровольцы... чувствовалась неизбѣжность, необходимость великой борьбы... Достоевскій говорилъ смѣло, оригинально, по своему; выставлялъ неожиданные вопросы и неожиданно освѣщалъ ихъ, вдохновенно пророчествовалъ. Завѣтныя мысли и чувства истинно русскаго и искренняго человѣка были многимъ не по душѣ, а этотъ человѣкъ вдобавокъ имѣлъ уже большое вліяніе — и снова поднялись насмѣшки.

„Парадоксы!“ кричали газеты—и опять эти крики раздражительно дѣйствовали на Достоевскаго.

Въ іюлѣ 1876 года, онъ писалъ мнѣ изъ Эмса, куда обыкновенно уѣзжалъ для леченія:

„...Я уѣхалъ, не порѣшивъ и съ нѣкоторыми собственными, самыми необходимыми дѣлами. Но теперь, здѣсь, въ скукѣ, на водахъ, ваше письмецо рѣшительно оживило меня и дошло прямо къ сердцу, а то я сталъ было и очень уже тосковать, такъ какъ, не знаю почему, какъ попадаю въ Эмсъ, сейчасъ начинаю тосковать мучительно, съ ипохондріей, иногда почти безпредметно. Уединеніе ли тому причиной среди восьмитысячной толпы, климатъ ли здѣшній— не знаю, но тоскую здѣсь какъ никто. Вы пишете, что вамъ нужно меня видѣть; а мнѣ-то какъ бы желалось васъ теперь видѣть.

„И такъ іюньская тетрадь „Дневника“ вамъ понравилась. Я очень радъ тому и имѣю на то большую причину. Я никогда еще не позволялъ себѣ, въ моихъ писаніяхъ, довести н ѣ к о т о р ы я мои убѣжденія до конца, сказать с а м о е п о с л ѣ д н е е слово. Одинъ умный корреспондентъ изъ провинціи укорялъ меня даже, что я о многомъ завожу рѣчь въ „Дневникѣ“, многое затронулъ, но ничего еще не довелъ до конца и ободрялъ не робѣть. И вотъ я взялъ да и высказалъ послѣднее слово моихъ убѣжденій — мечтаній насчетъ роли и назначенія Россіи среди человѣчества и выразилъ мысль, что это не только случится въ ближайшемъ будущемъ, но уже и начинаетъ сбываться.

„И что же, какъ разъ случилось то, что я предугадывалъ: даже дружественныя мнѣ газеты и изданія сейчасъ же закричали, что у меня парадоксъ на пародоксѣ, а прочіе журналы даже и вниманія не обратили, тогда какъ мнѣ кажется, я затронулъ самый важный вопросъ. Вотъ что значитъ доводить мысль до конца! Поставьте какой угодно парадоксъ, но не доводите его до конца и у васъ выйдетъ и остроумно, и тонко, и comme il faut; доведите же иное слово до конца, скажите напримѣръ вдругъ: „вотъ это-то и есть Мессія“—прямо и не намекомъ, и вамъ никто не повѣритъ именно за вашу наивность, именно за то, что довели до конца, сказали самое послѣднее ваше слово. А впрочемъ, съ другой стороны, еслибъ многіе изъ извѣстнѣйшихъ остроумцевъ, Вольтеръ, напримѣръ, вмѣсто насмѣшекъ, намековъ, полусловъ и недомолвокъ, вдругъ рѣшились бы высказать все, чему они вѣрятъ, показали бы всю свою подкладку разомъ, сущность свою,—то повѣрьте и десятой доли прежняго эффекта не стяжали бы. Мало того—надъ ними бы только посмѣялись. Да человѣкъ и вообще какъ то не любитъ ни въ чемъ послѣдняго слова, „изрѣченной“ мысли, говоритъ что:

„Мысль изрѣченная есть ложь“.

„И вотъ, сами судите, дорого ли мнѣ или нѣтъ, послѣ всего этого, ваше привѣтливое слово за іюньскій №. Значитъ, вамъ понятно было мое слово и вы приняли его именно такъ, какъ я мечталъ, когда писалъ статью мою. За это спасибо, а то я былъ уже немножко разочарованъ и укорялъ себя, что п о т о р о п и л с я. И если такихъ п о н и м а т е л е й найдется въ публикѣ еще немного, то цѣль моя достигнута

и я доволенъ: значитъ не пропало высказанное слово... А тутъ какъ разъ и обрадовались: „парадоксы! парадоксы!..“ и это говорятъ именно тѣ, у которыхъ никогда ни одной мысли своей не бывало въ головѣ...

„Я пробуду здѣсь до 7-го августа (нашего стиля). Пью здѣсь воды, но никогда бы не рѣшился на муку жить здѣсь, еслибъ эти воды не помогали мнѣ дѣйствительно. Описывать Эмсъ нечего, нечего! Я обѣщалъ августовскій „Дневникъ“ въ двойномъ числѣ листовъ, а между тѣмъ еще и не начиналъ, да и скука, апатія такая, что на предстоящее писаніе смотрю съ отвращеніемъ, какъ на предстоящее несчастье. Предчувствую, что выйдетъ сквернѣйшій №. Во всякомъ случаѣ черкните мнѣ сюда, голубчикъ...“

VIII.

По зимамъ 76—77 и 77—78 годовъ, мы продолжали довольно часто видаться. И хотя мы жили на двухъ противоположныхъ концахъ города, Достоевскій иногда проводилъ у меня вечера.

Отмѣчу здѣсь одно обстоятельство, конечно, случайное, въ которомъ нѣтъ ничего веселаго, но которое между тѣмъ подавало поводъ къ довольно комичнымъ сценамъ. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ почти всегда послѣ своихъ мучительнихъ припадковъ падучей болѣзни, такъ что нѣкоторые наши общіе знакомые, узнавая, что у него былъ припадокъ, такъ и говорили, что его нужно искать у меня.

Бѣдный Ѳедоръ Михайловичъ имѣлъ достаточно времени привыкнуть къ своимъ припадкамъ, привыкали къ нимъ и ихъ послѣдствіямъ и его старые знакомые, которымъ все это уже не казалось страшнымъ и считалось обыкновеннымъ явленіемъ. Но онъ бывалъ иногда совершенно невозможенъ послѣ припадка; его нервы оказывались до того потрясенными, что онъ дѣлался совсѣмъ невмѣняемымъ въ своей раздражительности и странностяхъ.

Придетъ онъ, бывало, ко мнѣ, войдетъ какъ черная туча, иногда даже забудетъ поздороваться, и изыскиваетъ всякіе предлоги, чтобы побраниться, чтобы обидѣть; и во всемъ видитъ и себѣ обиду, желаніе дразнить и раздражать его... Все-то у меня ему кажется не на мѣстѣ и совсѣмъ не такъ какъ нужно, то слишкомъ свѣтло въ комнатѣ, то такъ темно, что никого разглядѣть невозможно... Подадутъ ему крѣпкій чай, какой онъ всегда любилъ—ему подаютъ пиво вмѣсто чая! нальютъ слабый—это горячая вода!..

Пробуемъ мы шутить, разсмѣшить его — еще того хуже: ему кажется, что надъ нимъ смѣются...

Впрочемъ, мнѣ почти всегда скоро удавалось его успокоить. Нужно было исподоволь навести его на какую нибудь изъ любимыхъ его тэмъ. Онъ мало-по-малу начиналъ говорить, оживлялся и оставалось только ему не противорѣчить. Черезъ часъ онъ уже бывалъ

въ самомъ миломъ настроеніи духа. Только страшно блѣдное лицо, сверкающіе глаза и тяжелое дыханіе, указывали на болѣзненное его состояніе. Но если случайно въ подобный день онъ встрѣчался съ посторонними, незнакомыми людьми, то дѣло усложнялось.

Одинъ разъ, во время одного такого его вечерняго посѣщенія, къ женѣ моей пріѣхали двѣ дамы, которыя конечно читали Достоевскаго, но не имѣли о немъ никакого понятія какъ о человѣкѣ, которыя не знали, что невозможно обращать вниманія на его странности.

Когда раздался звонокъ ихъ, онъ только что еще осматривался и былъ ужасенъ; появленіе незнакомыхъ лицъ его еще больше раздражило. Мнѣ однако кой-какъ удалось увести его къ себѣ въ кабинетъ и тамъ успокоить. Дѣло, повидимому, обошлось благополучно; мы мирно бесѣдовали. Онъ ужь улыбался и не находилъ, что все не на мѣстѣ. Но вотъ пришло время вечерняго чая и жена моя, вмѣсто того, чтобы прислать его прямо къ намъ въ кабинетъ, вошла сама и спросила: гдѣ мы желаемъ пить чай — въ кабинетѣ или въ столовой?

— Зачѣмъ же здѣсь! раздражительно обратился къ ней Достоевскій,—что это вы меня прячете?—нѣтъ, я пойду туда, къ вамъ.

Дѣло было окончательно испорчено. И смѣхъ и горе!.. Нужно было видѣть какимъ олицетвореніемъ мрака вошелъ онъ въ столовую, какъ страшно поглядывалъ онъ на неповинныхъ ни въ чемъ дамъ, которыя продолжали свою веселую бесѣду, нисколько не заботясь о томъ, что можно при немъ говорить и чего нельзя.

Онъ сидѣлъ, смотрѣлъ, молчалъ, и только въ каждомъ его жестѣ, въ каждомъ новомъ позвякиваньи его ложки объ стаканъ, я видѣлъ несомнѣнные признаки грозы, которая вотъ-вотъ сейчасъ разразится. Не помню по поводу чего одна изъ пріѣхавшихъ дамъ спросила, гдѣ такое Гутуевскій островъ?

— А вы давно живете въ Петербургѣ? вдругъ мрачно выговорилъ Достоевскій, обращаясь къ ней.

— Я постоянно здѣсь живу, я здѣшняя уроженка.

— И не знаете гдѣ Гутуевскій островъ!.. Прекрасно! это только у насъ и возможно подобное отношеніе къ окружающему... какъ это человѣкъ всю жизнь живетъ и не знаетъ того мѣста, гдѣ живетъ?!.

Онъ раздражался больше и больше, и кончилъ цѣлымъ обвинительнымъ актомъ, который произвелъ на преступницу и слушательницъ самое тяжелое впечатлѣніе. Мы же, хозяева, не знали что и дѣлать. По счастью, наша гостья, сначала вслѣдствіе неожиданности сильно озадаченная, скоро поняла, что обижаться ей невозможно и съумѣла, продолжая оставаться веселой, и его мало-по-малу успокоить...

Я разсказалъ этотъ маленькій случай, потому что говорить о Достоевскомъ и не упомянуть объ его странностяхъ—значило бы недо-

рисовать его образъ. О странностяхъ его передается много разсказовъ и находятся люди, которые эти странности ставятъ ему въ большую вину. Такія обвиненія приходится слышать даже теперь, уже послѣ его смерти...

Конечно, онъ не былъ созданъ для общества, для гостиной. Отъ человѣка, жившаго почти всегда въ уединеніи, проведшаго четыре года на каторгѣ, десятки лѣтъ работавшаго и боровшагося съ нуждой, отъ человѣка, нервная система котораго была совершенно потрясена страшной, неизлѣчимой болѣзнью—невозможно было требовать умѣнья владѣть собою. Для такого человѣка, и вовсе не въ силу того, что онъ былъ замѣчательный писатель, одинъ изъ знаменитыхъ людей русскихъ, а просто въ силу всѣхъ обстоятельствъ его жизни, въ силу исключительнаго болѣзненнаго состоянія его организма—нужны были особенныя мѣрки. Его странности могли возмущать незнавшихъ его людей, людей, которымъ до него не было никакого дѣла, но всѣ близко его знавшіе ничуть не смущались и не могли смущаться этими странностями. Мы знали его умъ, его прекрасный талантъ, его доброту и благородство, разнообразнѣйшія свойства его яркой, богато одаренной природы. Болѣзненныя странности давали пищу только для добродушныхъ, веселыхъ разсказовъ о тѣхъ импровизированныхъ водевильныхъ сценахъ, въ которыхъ онъ игралъ грустно-комическую роль.

И теперь, когда его нѣтъ, эти бѣдныя странности вспоминаются какъ нѣчто дорогое и милое, съ грустной улыбкой,—и больно, что все это прошло. Вмѣстѣ съ этими странностями нежданная могила унесла столько тепла, столько свѣта...

IX.

Теперь я разскажу объ одномъ обстоятельствѣ, которое произвело на Достоевскаго сильное впечатлѣніе, чему я былъ свидѣтелемъ, и о которомъ пока знаютъ очень немногіе.

Въ концѣ 1877 года, въ ноябрѣ, я заѣхалъ къ нему по обыкновенію около двухъ часовъ и засталъ его, что̀ случалось не часто въ эти часы, въ хорошемъ, даже веселомъ настроеніи духа. Его ничто не раздражало, онъ любилъ всѣхъ и все, проповѣдывалъ снисходительность...

Просидѣвъ часовъ до четырехъ, я уже собрался уѣзжать, какъ вдругъ онъ остановилъ меня и спросилъ:

— Да, вотъ чуть было не забылъ, — вы знаете гадалку-француженку Фильдъ?

— Знаю, а что?

— Мнѣ говорилъ про нее вашъ братъ; ра̀зсказалъ много интереснаго. Вы какъ ее знаете?

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отвѣчалъ я, одна моя знакомая старушка, жившая тогда въ Москвѣ, упросила меня побывать у этой Фильдъ, показать ей ея фотографическій портретъ, выслушать то, что она скажетъ и затѣмъ сообщить ей. Старушка увѣряла меня, что Фильдъ эта никакъ не можетъ назваться обыкновенной гадалкой, что это замѣчательная предсказательница; при этомъ она передала мнѣ много интересныхъ случаевъ ея сбывшихся пророчествъ. Я мало заинтересовался этими разсказами, но желая исполнить обѣщаніе, данное мною почтенной старушкѣ, пріѣхавъ въ Петербургъ, сейчасъ же отправился съ ея портретомъ къ этой француженкѣ.

— Ну и что же? какое она произвела на васъ впечатлѣніе? живо и съ видимымъ интересомъ спросилъ Достоевскій.

— Странное,—это маленькая, живая старушка съ какими-то особенными, черными глазами и необыкновеннымъ даромъ слова. Она меня совсѣмъ заговорила и заинтересовала, потому что очень вѣрно и опредѣленно описала характеръ моей знакомой, съ портретомъ которой я явился...

— Неужели вы ее ничего относительно себя не спросили?

— Спросилъ. Она предсказывала мнѣ больше часу, наговорила много вздору, но въ числѣ этого вздора сказала и такія вещи, которыя, какъ мнѣ тогда казалось, никакимъ образомъ не могли случиться и которыя, тѣмъ не менѣе, случились со мною во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, ею предсказанныхъ. Я былъ у нее еще разъ и она опять говорила мнѣ много вздору и много правды. Во всякомъ случаѣ это интересная женщина и, мнѣ кажется, у нея бываютъ минуты вдохновенія.

— Ну вотъ, да, все это именно то, что я ужъ не разъ про нее слышалъ. Видите ли, не вѣрить въ возможность предсказаній нельзя, никакъ нельзя... это вздоръ! ужъ не говоря о томъ, что въ исторіи сохранилось многое въ этомъ родѣ, но почти каждый человѣкъ на себѣ знаетъ. Всѣ вѣрятъ и если не признаются, то единственно изъ малодушія, котораго въ насъ такъ много. Самъ вѣритъ, вѣритъ, можетъ быть, даже больше, чѣмъ бы слѣдовало—и въ то же время смѣется, глумится надъ искреннимъ человѣкомъ, который такъ прямо и скажетъ, что вѣритъ... Вы знаете ея адресъ? пойдемте сейчасъ же, я хочу знать, что она мнѣ скажетъ!..

— Пойдемте, если она только живетъ тамъ же, гдѣ я былъ у нее въ послѣдній разъ; это не далеко—въ Басковомъ переулкѣ.

Мы отправились. Фильдъ жила въ томъ же домѣ и приняла насъ.

Ѳедоръ Михайловичъ былъ очень серьезенъ. Онъ попросилъ ее, чтобы она предсказывала ему въ моемъ присутствіи. Но француженка рѣшительно отказалась—это было не въ ея правилахъ.

— Въ такомъ случаѣ дѣлать нечего, шепнулъ онъ мнѣ, — но я даю вамъ слово, не утаивъ, разсказать вамъ все, что она мнѣ скажетъ.

Я остался ждать въ крохотной гостиной и проскучалъ больше часу.

Наконецъ Достоевскій вышелъ. Онъ былъ взволнованъ, глаза его блестѣли.

— Пойдемте, пойдемте! таинственно шепнулъ онъ мнѣ.

Мы вышли и отправились пѣшкомъ. Онъ нѣсколько минутъ шелъ молча, опустивъ голову. Потомъ вдругъ остановился, схватилъ меня за руку, и заговорилъ:

— Да, она интересная женщина и я радъ, что мы къ ней отправились. Можетъ она и наврала, но я давно не испытывалъ такого сильнаго впечатлѣнія. О, какъ она умѣетъ обрисовывать людей! Еслибъ вы знали, какъ она разсказала мнѣ мою обстановку!

— Что же она вамъ говорила? Вѣдь вы дали мнѣ слово разсказать все безъ утайки!

— И разскажу, только не распространяйте этого между посторонними до времени, можетъ все наврала, глупо выйдетъ...

Онъ передалъ мнѣ все, что она говорила ему о различныхъ его семейныхъ обстоятельствахъ. Потомъ оказалось, что больше половины не сбылось, но кой что и сбылось. Она сказала ему, между прочимъ, что весною у него будетъ смерть въ домѣ. И хотя въ подробностяхъ этого предсказанія было много вздорнаго, но смерть дѣйствительно случилась тою же весною: умеръ его маленькій сынъ, внезапная кончина котораго сильно потрясла его. Но дѣло не въ этомъ, а въ другихъ предсказаніяхъ. Не догадываясь кто онъ и не умѣя опредѣлить его дѣятельность, Фильдъ предрекла ему большую славу, которая начнется въ скоромъ времени.

— Она сказала, говорилъ онъ, что меня ожидаетъ такая извѣстность, такой почетъ, о которыхъ я никогда не могъ и мечтать. Повѣрить ей, такъ меня на рукахъ будутъ носить, засыпать цвѣтами— и все это будетъ возростать съ каждымъ годомъ, и я умру на верху этой славы... Ну вотъ, голубчикъ, можетъ быть, она врунья, только интересная... интересная врунья! А вѣдь я все-таки же теперь и буду ждать этой славы, и ужь это утѣшительно!

— Хорошо, что она предсказала вамъ славу, замѣтилъ я;—но вѣдь вотъ же она предсказала и семейное горе...

— Да, и я теперь такъ и думаю, что оно навѣрное будетъ. Я вамъ говорю: она произвела на меня очень сильное впечатлѣніе. Вѣдь другія говорятъ общими мѣстами, болѣе или менѣе ловко; но сейчасъ же и замѣчаешь шарлатанство, каждое предсказаніе можно повернуть такъ или иначе—ну, а у нея все ясно, опредѣленно. Интересная женщина!..

Мы стали припоминать историческіе факты сбывшихся предсказаній; но онъ то и дѣло возвращался къ словамъ Фильдъ, повторялъ каждую ея фразу.

Я оставилъ его въ очень возбужденномъ состояніи.

Вернувшись домой я засталъ у себя моего брата, въ тотъ же вечеръ у меня былъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, и такъ какъ они оба были близки съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и я зналъ, что сообщенное имъ не будетъ распространено, то и рѣшился разсказать имъ подробности предсказанія, сдѣланнаго француженкой.

Потомъ и самъ Ѳедоръ Михайловичъ сообщилъ кой кому объ этомъ предсказаніи.

Ему не долго пришлось дожидаться его исполненія — всеобщее сочувствіе, горячее поклоненіе молодежи пришли внезапно, усиливаясь съ каждымъ днемъ, выражаясь шумными оваціями, подносимыми вѣнками и цвѣтами. Достоевскій достигъ такой популярности, какая еще никогда не выпадала на долю русскаго писателя... И онъ скончался на верху этой славы, что достаточно доказали его знаменательные похороны.

Въ послѣдніе дни жизни этому вѣчному труженику, такъ долго плохо цѣнимому, улыбнулось счастіе... улыбнулась слава. Онъ успѣлъ взглянуть на эту улыбку, что удается не многимъ даже изъ самыхъ знаменитыхъ дѣятелей.

И хорошо, что „интересная“ француженка не могла предсказать, что ему такъ мало остается жить, хорошо, что смерть пришла внезапно и застала его среди плановъ, надеждъ, среди мыслей о жизни... Печальное утѣшеніе—но все же онъ умеръ хорошей для него смертью.

X.

Вспоминается мнѣ еще одно изъ нашихъ свиданій. Мнѣ нужны были для статьи біографическія свѣдѣнія о Ѳедорѣ Михайловичѣ и я обратился къ нему за ними. Онъ охотно вызвался сообщить мнѣ все, что о себѣ помнилъ. Началъ, ограничиваясь перечнемъ чиселъ и фактовъ, но скоро, по своему обыкновенію, увлекся, сталъ разсказывать.

— Эхъ, жаль, что вы не можете помѣстить въ статью свою очень много интереснаго изъ моей жизни, но все же запомните, можетъ быть потомъ кому нибудь и скажете. Вы думаете у меня есть друзья? Когда нибудь были? Да, въ юности, до Сибири, пожалуй что были друзья настоящіе, а потомъ, кромѣ самаго малаго числа людей, которые можетъ быть нѣсколько и расположены ко мнѣ, никогда друзей у меня не было. Мнѣ это доказано, слишкомъ доказано! Слушайте, когда я вернулся въ Петербургъ, послѣ столькихъ то лѣтъ, меня многіе изъ прежнихъ пріятелей и узнать не захотѣли, и потомъ всегда, всю жизнь друзья появлялись ко мнѣ вмѣстѣ съ успѣхомъ. Уходилъ успѣхъ и тотчасъ же и друзья уходили. Смѣшно это, конечно, старо, извѣстно всѣмъ и каждому, а между тѣмъ, всякій разъ больно, мучительно... Я узнавалъ о степени успѣха новой

моей работы по количеству навѣщавшихъ меня друзей, по степени ихъ вниманія, по числу ихъ визитовъ. Разсчетъ никогда не обманывалъ. О, у людей чутье, тонкое чутье! Помню я какъ всѣ кинулись ко мнѣ послѣ успѣха „Преступленія и Наказанія!“ кто годами не бывалъ вдругъ явились, такіе ласковые... а потомъ и опять всѣ схлынули, два три человѣка осталось. Да, два три человѣка!..

„А друзья были такъ нужны, жилось тяжело, кредиторы за горло хватали, тюрьмой грозили. И это на первыхъ-то порахъ моей новой семейной жизни!.. Четыре года я протосковалъ за-границей, а вернуться боялся—опять то же, опять кредиторы и заключеніе за долги... За-границей не разъ бѣдствовать приходилось—не будь Каткова, который всегда выручалъ, просто пропадать пришлось бы!.. Ну, стоитъ мнѣ теперь получить большой успѣхъ, большую популярность—столько друзей явится, что и не оберешься. Будутъ и искренніе—о, конечно! только какъ же ихъ распознаешь?! Успѣхъ — это, знаете ли, какая вещь—это величайшій соблазнъ, тутъ всякое чувство мѣры теряется, человѣкъ вдругъ слѣпнетъ и дѣлается слабымъ, проводи его кто хочетъ, надувай самымъ грубымъ манеромъ—всему повѣритъ, все приметъ за чистую монету...

— Успѣхъ, продолжалъ онъ больше и больше оживляясь, успѣхъ одного служитъ успѣхомъ для многихъ. На чужомъ успѣхѣ многіе строютъ свои планы и достигаютъ кое чего: и имъ перепадаетъ кусочекъ... Стоитъ человѣку получить большой, рѣшительный успѣхъ, популярность настоящую, съ которой ужь нельзя спорить, которую ужь никакимъ хитростями не уничтожишь, не уменьшишь,—и смотришь: за этимъ человѣкомъ непремѣнно хвостики... хвостики! „Возлѣ виднаго человѣка и меня дескать замѣтятъ“. О, сколько въ такихъ случаяхъ можно сдѣлать интересныхъ наблюденій! только тотъ, за кѣмъ эти „хвостики“, такихъ наблюденій не сдѣлаетъ, ибо вдругъ теряетъ чувство мѣры... Да, только что же объ этомъ—поживете, много такого увидите!..

Онъ замолчалъ и сталъ стучать пальцемъ по столу хмуря брови.

XI.

Въ послѣдніе два года жизни Достоевскаго, я почти съ нимъ не видался. Я провелъ эти два года въ Царскомъ Селѣ, пріѣзжая въ Петербургъ только по дѣламъ, окончивъ которыя всегда спѣшилъ обратно домой. Дѣла, работы, семейное горе, неудобство сообщенія—все отдалило меня на это время отъ старыхъ знакомыхъ. Мнѣ не удалось и въ самые послѣдніе мѣсяцы жизни Ѳедора Михайловича съ нимъ видѣться, хотя я снова переселился въ Петербургъ: долгій карантинъ, начавшійся у меня въ домѣ, былъ тому причиной.

За все это послѣднее время, за эти краткіе годы предсмертныхъ успѣховъ Достоевскаго и его славы, многіе, конечно, могутъ сообщить объ немъ интересныя свѣдѣнія. Онъ велъ уже не прежнюю уединенную жизнь, онъ былъ окруженъ ежедневно прибывавшими цѣнителями. Говорятъ, онъ получалъ много писемъ отъ совсѣмъ даже неизвѣстныхъ ему людей изъ различныхъ мѣстъ Россіи и отвѣчалъ на эти письма. Все это конечно интересно.

За это время могутъ говорить о немъ и его старые друзья и знакомые, которые продолжали съ нимъ видѣться, и его новые цѣнители, которымъ удалось узнать его, сблизиться съ нимъ въ его предсмертные годы и можетъ быть искренно полюбить его. Наконецъ, могутъ говорить о немъ за это время и тѣ, кого онъ называлъ „хвостиками". Я же пока долженъ ограничиться этими отрывками моихъ воспоминаній. Мнѣ хотѣлось только помянуть, употребляя его же выраженіе, „большого" для меня человѣка, который принесъ мнѣ много нравственной пользы...

Онъ умеръ оплаканный такъ, какъ у насъ до сихъ поръ еще не оплакивали почти ни одного общественнаго дѣятеля. Его объявили учителемъ русскаго молодого поколѣнія, представители котораго въ великомъ множествѣ шли за его гробомъ съ выраженіемъ самой искренней печали. Остается только желать и чтобы нравственный образъ учителя и его вдохновенное слово не забылись и проникли въ жизнь тѣхъ, кто называлъ его учителемъ.

Остается скорбѣть, что этотъ учитель отошелъ отъ насъ такъ рано, въ черные, безобразные дни, которые мы переживаемъ.

Именно теперь, въ эти черные дни, онъ былъ бы такъ нуженъ. Онъ не могъ бы, конечно, одной своею силою разсѣять тотъ мракъ, который насъ окутываетъ и указать намъ прямую дорогу. Для такого подвига недостаточно силъ одного человѣка. Но можно смѣло сказать, что Достоевскій, по свойству своего таланта, при силѣ своей честной мысли, всегда прямой, и искренно, страстно любившій Россію, только и думавшій о ея великой будущности — съумѣлъ бы поднять самые неотложные, самые существенные вопросы. И ужь одно это было бы теперь не малой заслугой.

Всеволодъ Соловьевъ.

УЖАСНАЯ ЛОГИКА.

(1-е марта 1881 года).

„УВѢРОВАЛИ въ злодѣйство и искренно поклонились ему“, сказалъ покойный Ѳ. М. Достоевскій про виновниковъ прошлогодняго взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, сказалъ въ адресѣ отъ имени Славянскаго общества по случаю праздновавшагося нѣсколько дней спустя двадцатипятилѣтія царствованія Государя, сраженнаго наконецъ злодѣйской рукой 1 Марта настоящаго года, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ покушеній въ теченіи пятнадцати лѣтъ!

Вѣрой въ злодѣйство и поклоненьемъ ему разрѣшились у насъ всѣ тѣ многоразличныя вѣянія изчужа, которыя съ такимъ сладострастьемъ слѣпой воспріимчивости испытывали мы, одно за другимъ, въ довольно долгій уже европействующій періодъ нашей исторіи (европействующій, а не европейскій, потому что настоящій отпечатокъ европеизма не мыслимъ безъ народнаго своеобразія). Многоразличныя ученія, выдававшіяся обыкновенно за послѣднее слово науки, смѣнились наконецъ вѣрой — этой дикой, нелѣпой и ужасающей вѣрой въ злодѣйство, какъ силу зиждительную!

Какъ же не оглянуться назадъ—на выдающіяся стадіи того пути, который привелъ насъ къ этой дикой вѣрѣ, пути, исходною точкой которому въ сущности послужила также вѣра—слѣпая вѣра въ единую спасающую европейскую цивилизацію? Мы крестились въ нее не водою и духомъ, а кровью и неволею, подъ вліяньемъ Петровскаго террора. Кровавымъ терроромъ началось, кровавымъ терроромъ и кончается.

Какою блестящею стадіею представляется съ виду эпоха Екатерины II. Она сама признаетъ себя на высотѣ престола ученицей

энциклопедистовъ и Вольтера, а онъ, благоговѣя передъ ея, запрещеннымъ въ Парижѣ, „Наказомъ“, поетъ ей свой философскій молебенъ: te Catharinam laudamus! Но что же? Въ „Наказѣ“, среди всѣхъ его либеральныхъ фразъ, попадается между прочимъ такая: „не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“. Фраза эта взята цѣликомъ у Монтескье, чему до сихъ поръ не вѣрятъ у насъ многіе, удивленно протирающіе глаза, когда вы раскроете имъ въ улику подлинный параграфъ изъ „Esprit des Lois“ [1]). Но вѣдь, какъ бы тамъ ни было, а именно въ нашъ просвѣтительный вѣкъ и достигло до своего апогея крѣпостное право. Вѣдомости послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II переполнены объявленіями о продающихся по такой то и такой то цѣнѣ, и въ разбродъ и группами, крѣпостныхъ парняхъ, бабахъ, дѣвкахъ—съ такими то и такими то заманчивыми статьями. И противъ отмѣны такого порядка вещей могли вооружаться цитатами изъ самого Руссо, даже именно изъ Contrat social: „чтобы свободный былъ вполнѣ свободнымъ, рабу надо быть вполнѣ рабомъ“.

Наступаетъ эпоха Александра I. Воспитателемъ его является республиканецъ Лагарпъ, либерально приставленный къ нему Екатериной, гражданинъ той самой страны, которая является теперь такимъ гостепріимнымъ пріютомъ для всѣхъ „увѣровавшихъ въ злодѣйство и ему поклонившихся“—благо они поклонились „искренно“, а стѣснять „убѣжденій“ не должно! Но вѣдь и въ историческихъ запискахъ Лагарпа, составленныхъ для его державнаго ученика, встрѣчается en toutes lettres оправданіе политическаго убійства, какъ правосудной народной расправы. И что же? Этотъ самый Лагарпъ удерживаетъ Александра Павловича отъ рѣшительныхъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ. Сдружившись у насъ съ остзейскими рыцарями, какъ лучшими представителями европейской культуры въ полуварварскомъ государствѣ россійскомъ, онъ отстраняетъ вмѣстѣ съ другими отъ нашего гордіева узла ту самодержавную руку, которою только и могъ онъ быть разрубленъ.

Но наступаетъ царствованіе Александра II: онъ не останавливается передъ тѣмъ, передъ чѣмъ останавливались, какъ бы забывая, что они самодержцы, всѣ его предшественники. Онъ не побоялся „большого числа освобожденныхъ“, и, опираясь на чисто русскихъ людей, разрубилъ заповѣдной узелъ. Между тѣмъ систематическое отсрочиванье рокового вопроса при его предшественникахъ несомнѣнно усилило тѣ экономическія затрудненія, какими должно было сопровождаться его скорѣе запоздалое, чѣмъ преждевременное рѣшеніе. Но „какъ бы мы ни были взыскательны, говоритъ современный писатель, мы не можемъ не удивляться великости этого подвига“ — того, который далъ Александру II имя **Освободителя**. Это имя не ти-

[1]) Въ кн. XV, гл. XVIII.

тулъ — изъ рода тѣхъ, которые подносятся; это имя—простое обозначеніе факта. „Разомъ освободить изъ плѣна египетскаго цѣлыя массы людей, разомъ заставить умолкнуть тѣ скорбные стоны, которые раздавались изъ края въ край по всему лицу Россіи, такое дѣло способно вдохнуть энтузіазмъ самый безпредѣльный [1]“. Да, одного этого дѣла, казалось бы, было достаточно, чтобы остановить противоположный энтузіазмъ — адскій энтузіазмъ людей, „увѣровавшихъ въ злодѣйство и ему поклонившихся“. Но нѣтъ! Именно тотъ государь, который дерзнулъ на что не дерзали его предшественники, плохо ободряемые на то тогдашними европейскими вѣяніями, именно онъ, подъ вліяніемъ современныхъ европейскихъ ученій—послѣдняго слова западнаго радикализма—убитъ, мучительно убитъ изувѣрными исповѣдниками „зиждительнаго“ злодѣйства!

Работа ихъ началась давно, а то, что подготовляло къ ней, не только, можно сказать, на другой же день послѣ 19 февраля, но скорѣе еще наканунѣ этого дня, т. е. среди самыхъ подготовленій къ великому самодержавному подвигу. Но только польское возстаніе 1863 г. было первымъ, не особенно однако замедлившимъ, отвѣтомъ на этотъ подвигъ. Отвѣтомъ же Государя на возстаніе было повтореніе этого подвига въ самой Польшѣ — проведеніе въ ней того же принципа „надѣла“, который только сулили своему народу демократы поляки, но котораго польскій народъ на самомъ дѣлѣ дождался отъ Царя Освободителя. И сколько бы ни твердили поляки еще и теперь о своемъ „порабощеніи“, и какъ бы сочувственно ни внимала имъ Европа, не выпросившая однако у польскаго пана земли для польскаго мужика — по отношенію именно къ мужику, каковы бы даже ни были наши ошибки въ другихъ отношеніяхъ, именно русскій царь Александръ и является въ полномъ блескѣ Освободителя. Но предсказанье поэта исполнилось окончательно: еще дальше за русскій предѣлъ выступило великое слово: Царь Освободитель! Это имя благодарно признала за нимъ Болгарія, это имя готовились дать ему и иные народы славянскаго племени, измучившіеся въ плѣну не у однихъ усыновленныхъ Европою турокъ, но и у самыхъ чистокровнѣйшихъ европейцевъ, умѣющихъ властвовать мягче, но зато утонченнѣе. И именно этотъ то царь, этотъ трижды освободитель, убитъ, убитъ на русской землѣ, людьми русской крови, но, конечно, не русской вѣры. Эти люди „увѣровали въ злодѣйство и поклонились ему“, а русскій народъ не вѣритъ въ кровавый посѣвъ, и кровь называется у него не иначе, какъ напрасною кровью. Но тотъ же русскій народъ чтитъ глубоко кровь мученическую, и новый вѣнецъ страстотерпца, возложенный имъ на своего убитаго Государя, служитъ лучшимъ отвѣтомъ на замыслы „зиждительнаго“ злодѣйства.

„Зачѣмъ онъ не остался у насъ? Мы бы его сберегли!“ сказалъ

---

[1]) Щедринъ.

одинъ изъ живущихъ въ Петербургѣ болгаръ. Да, беречь, беречь зорко и бдительно пришлось бы, конечно и тамъ, потому что и тамъ бы искала его рука людей, которыхъ европейское распорядительное гнѣздо оказалось бы въ такомъ случаѣ даже въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ. Но беречь зорко, бдительно должны были, конечно, и мы, и исторіи не пришлось бы тогда съ 19-мъ Февраля сопоставлять 1-е Марта.

Русскій народъ не даромъ не вѣритъ въ плодотворность кроваваго посѣва. Насажденная у насъ кровавымъ терроромъ, наука обратилась въ рабу политическаго изувѣрства, подслуживаясь ему своими самоновѣйшими открытіями и изобрѣтеніями и давая себя изгонять изъ школы тлетворнымъ духомъ политической пропаганды. Таковъ переживаемый нами исходъ того періода нашей исторіи, который называется петербургскимъ. Пусть же поскорѣе наступаетъ другой періодъ, самостоятельный, русскій; имъ только и начнется у насъ настоящая европейская жизнь, жизнь способная внести новый вкладъ въ сокровищницу человѣчества. Подобные вклады по силамъ лишь тѣмъ, кто вѣруетъ въ себя — въ свой народъ, въ его, какъ говорилъ Достоевскій, „великую зиждительную и охранительную силу, какъ въ святыню вѣруетъ“. Да спасетъ же насъ эта вѣра!

Ор. Миллеръ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БРОЖЕНІЕ И РУССКАЯ ШКОЛА.

История не запомнитъ такихъ преступленій, какимъ является цареубійство 1-го Марта по своей небывалой жестокости и безумной безпощадности, по обстоятельствамъ, при которыхъ оно было совершено. Тутъ злодѣй выходитъ на людное мѣсто, покушается на жизнь открыто, на жизнь, окруженную ореоломъ величія и народнаго обожанія. Въ фактахъ такого порядка лежитъ настоящій источникъ революціонныхъ потрясеній общества и глубокихъ душевныхъ болѣзней. Въ этихъ же фактахъ, не безъ основанія, ищутъ причинъ вырожденія нормальнаго человѣка, неправильности его душевнаго развитія, повальной болѣзни, мало-по-малу подтачивающей общественный организмъ и, наконецъ, проявляющейся въ такихъ страшныхъ формахъ, что въ существованіи ея приходится всѣмъ убѣждаться, а для ея излеченія оказывается необходимымъ принять крайнія и радикальныя мѣры.

Преступленіе 1-го Марта обнаружило именно въ такомъ фазисѣ болѣзнь, поразившую русское общество, болѣзнь, симптомы которой давали себя чувствовать особенно рѣзко въ послѣдніе годы. Болѣзнь эту называютъ „нигилизмомъ“,—слово, дѣйствительно, краткое, но едва ли имъ вполнѣ обнимаются всѣ ея проявленія. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, включать въ это понятіе одни только преступныя дѣйствія извѣстной группы людей, которая всегда и вездѣ находила себѣ адептовъ въ рядахъ отверженныхъ изъ общества, выбившихся изъ жизненной колеи. Если бы приходилось имѣть дѣло съ одной этой группой людей, совсѣмъ ничтожной, съ нею не трудно было бы справиться. Къ тому же, нравственныя силы такой партіи не высокаго уровня. Тогда какъ на Западѣ того же покроя элементы находятъ себѣ поле дѣятельности на аренѣ политической борьбы, русскимъ революціонерамъ приходится развѣ путаться съ раздраженіемъ въ „соціологіи“. Имъ никакое знаніе оказывается ненужнымъ для ихъ цѣлей, они и отрицаютъ его пользу, даже больше, всякое знаніе пред-

ставляется имъ неминуемою гибелью въ настоящемъ соціальномъ строѣ практической жизни. Они знаютъ, чего бы хотѣлось достигнуть, но не знаютъ, какъ этого достигнуть, и потому вся сущность ихъ стремленій сводится на болѣзненный бредъ и не имѣетъ ничего общаго съ реальною жизнью. Очевидно, такого рода люди сами по себѣ безсильны, они представлялись бы явленіемъ исключительнымъ, болѣзненнымъ наростомъ на общественномъ организмѣ, столь же неизбѣжнымъ, какъ и одержимые мрачнымъ умопомѣшательствомъ. Но душевная болѣзнь, которую мы разумѣемъ, гораздо сильнѣе и глубже проникла въ русское общество. За нею-то и получило силу мрачное умопомѣшательство, которое бы при иныхъ условіяхъ не имѣло такого распространенія и не вызывало зараженія. Кто внимательно слѣдилъ за явленіями нашей общественной жизни въ послѣдніе годы, тотъ не могъ не замѣтить поразительнаго свойства ненормальныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи этой болѣзни.

Такъ, во всѣхъ сферахъ жизни мы наблюдаемъ безпрестанно непониманіе правъ, видимъ постоянно, какъ смѣшивается понятіе о личной законной защитѣ съ понятіемъ о насиліи, видимъ повсюду незнаніе своихъ обязанностей. Нравственная атмосфера общества при такихъ условіяхъ становится просто удушливой. Да и самая нравственность низводится тутъ до простого орудія, обезпечивающаго покойное наслажденіе земными благами. А эта повсюдная нерѣшительность, неопредѣленность въ поступкахъ и дѣйствіяхъ. Что можетъ быть хуже неопредѣленности? Въ личной жизни — однихъ она озлобляетъ, другихъ повергаетъ въ отчаяніе, а третьихъ доводитъ до полнаго равнодушія и апатіи, — смотря по темпераменту и уровню развитія, но вездѣ расплождаетъ сѣмена недовольства. Тѣмъ болѣе относительно общества. Въ неподвижной части его, неопредѣленность поддерживаетъ равнодушіе ко всему, что только ни совершается кругомъ. Отсюда возникаетъ безучастіе, беззаботность—„будь что̀ будетъ, а моя хата съ краю“, является какое-то уныніе, сознаніе собственнаго безсилія, пребывая въ которомъ не ощущаешь ни къ чему интереса, остаешься пассивнымъ не только къ тому, что послѣ насъ наступить можетъ потопъ, но даже и къ тому, если бы этотъ потопъ послѣдовалъ завтра, сейчасъ. Кипучіе элементы общества, напротивъ, направляются на исканіе окольныхъ путей и безпутнаго выхода. Это—настоящій признакъ болѣзненнаго броженія, въ которомъ могутъ расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ всякія сумасбродства,—и нигилизмъ, и наклонность къ изувѣрству, и вожделѣнія „червонныхъ валетовъ“. Ясно, стало быть, что при всеобщемъ бездѣйствіи зрѣлаго элемента общества, молодыя, незрѣлыя силы, ищущія дѣятельности, направляются совсѣмъ не въ ту сторону, куда имъ подобало бы идти при нормальныхъ условіяхъ. Онѣ начинаютъ смотрѣть на себя, какъ на единственную политическую силу въ государствѣ, призванную уберечь и спасти благо общественное

отъ всяческихъ посягательствъ, несовершенствъ и аномалій, какими бы средствами ни приходилось пользоваться для того. „Цѣль оправдываетъ средства“—всегдашній лозунгъ лицемѣрія, или же озлобленнаго безсилія. Объ этихъ средствахъ нѣтъ надобности распространяться,—они всегда отзывались крайнею насильственностью, какъ не обходится безъ насилія всякое стремленіе впередъ скачками и урывками. Для насъ гораздо важнѣе опредѣлить, чѣмъ поддерживается такое стремленіе, не имѣющее подъ собой ни почвы, ни логически жизненнаго оправданія, почему именно русская молодежь вмѣсто того, чтобы идти по правильной колеѣ жизни, пополняетъ собою ряды разрушительныхъ вершителей судьбы своей страны и народа? Какъ все въ мірѣ, такъ и это явленіе, конечно, находитъ свое объясненіе въ теченіяхъ жизненныхъ, а нигдѣ эти теченія не отражаются такъ ярко, какъ на результатахъ дѣятельности школы. Само собою разумѣется, теченія эти отражаются на всѣхъ образованныхъ факторахъ общества, они доступны наблюденію въ дѣятельности и нашихъ судовъ, и общественныхъ начинаніяхъ и учрежденіяхъ. Но такъ какъ вліяніе всего этого на общественную жизнь шатко, зависитъ отъ удачи, отъ случая, заключаетъ въ себѣ множество противорѣчій, то и судить по немъ о жизненныхъ теченіяхъ, породившихъ замѣчаемое броженіе въ русскомъ обществѣ за послѣдніе годы, представляется затруднительнымъ. Иное дѣло—школа. Она есть основа всякаго жизненнаго образованія, и въ ея направленіи, такъ или иначе, сказаться должны неминуемо теченія жизни болѣе ощутительно, съ большею реальностью и послѣдовательностью, хотя бы и въ сторону отрицательную. Но какова наша школа, на какомъ фундаментѣ построено наше образованіе?

Главная отличительная черта современнаго образованія заключается въ томъ, что послѣднее чуждается и стоитъ вдалекѣ отъ запросовъ жизни. И дѣйствительно, примѣняется ли школа у насъ къ нуждамъ самаго общества и семьи, даетъ ли она учащимся такія знанія, съ какими каждый могъ бы смѣло выступить на борьбу съ жизненными невзгодами? Въ дореформенное время оно вполнѣ соотвѣтствовало матеріальному строю обществу: служебный оттѣнокъ, приданный нашему образованію Петромъ Великимъ, тогда еще не терялъ своей силы. Большинство нашего образованнаго общества смотрѣло на учебное заведеніе, какъ на путь къ чинамъ и мѣстамъ. И государство пропитывало цѣлую массу чиновниковъ; оно же вѣдало безконтрольно и школьное дѣло, а затѣмъ, что бы тамъ ни преподавалось въ училищахъ низшихъ, среднихъ и высшихъ—пройти положенный курсъ было необходимо, иначе нельзя было достать дипломъ, а безъ него и попасть на службу. Для какой бы цѣли ни готовило оно необходимыхъ людей, для какой бы цѣли ни заводило оно гимназіи за свой счетъ, но каждый зналъ свое мѣсто: и кто не пахалъ, тотъ долженъ былъ служить, а кто не служилъ, тотъ долженъ былъ имѣть родовое. Можно было, сколько

душѣ угодно, толковать о долгѣ служить обществу, но отыскать себѣ родъ дѣятельности, за невозможностью пахать или служить, оказывалось очень затруднительнымъ. Но вотъ наступилъ періодъ преобразованій, открылась эра общественнаго развитія, народное хозяйство получило новое направленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ распался и фундаментъ, на которомъ держалась экономическая обезпеченность нашей привилегированной семьи, жившей, какъ у Бога за пазухой, за спиною мужика. Жизнь безъ труда и заботъ стала невозможной. Прежніе источники ея для большинства постепенно закрылись. Ни „служба", ни „ратоборство и храбрость", ни „мужественное ополченіе", ни „кровь и смерть предковъ"—какъ писалось въ грамотахъ, не выручали. Масса людей потеряла заработокъ на государственной службѣ, проѣла послѣдніе остатки наслѣдственнаго и благопріобрѣтеннаго. Подростающее поколѣніе приходилось выводить изъ четырехъ стѣнъ обезпеченной семьи на вольный воздухъ трудовой жизни. Вотъ къ чему приводило теченіе жизненное. Гдѣ было искать пропитанія, когда государству стало не подъ силу уже, какъ прежде, содержать массу? Потребности этихъ многочисленныхъ и необезпеченныхъ людей слишкомъ важная вещь, чтобы игнорировать ихъ. Куда имъ дѣваться—вопросъ роковой. А было время, когда тысячи молодыхъ людей стремились принести свои силы на пользу общественную, кто къ какой профессіи чувствовалъ влеченіе: въ качествѣ народнаго учителя, земскаго врача, члена управы... Въ этомъ стремленіи нѣтъ и не было ничего удивительнаго: и до крестьянской реформы уже формировался контингентъ людей, обойденныхъ фортуною, многіе изъ нихъ получили образованіе, хотя и не всѣ—въ казенной школѣ. Сытая жизнь безъ труда и заботъ не могла составлять ихъ идеала, ибо приходилось слишкомъ близко, воочію, видѣть эту жизнь. Къ тому же и „новыя вѣянія" развили въ нихъ своего рода брезгливость и даже отвращеніе къ прежнимъ способамъ благопріобрѣтенія. Они, эти люди, въ шестидесятыхъ годахъ казалось не могли оставаться не у дѣлъ; возможность пристроиться такъ-таки и оставалась въ области ожиданій. Опустѣли воскресныя школы, обязанности земскаго врача, фельдшера, и даже члена управы, свелись къ водотолченію, къ цыфирныхъ дѣлъ мастерству. Оставалось пристроиваться къ мужику и ѣсть его хлѣбъ-соль безъ всякаго приглашенія со стороны хозяина, но тогда получилось бы лишь простое переложеніе „натуральной на денежную" и, слѣдовательно, часть этой денежной повинности должна бы идти на прокормленіе народнаго радѣтеля-благодѣтеля... Но можетъ ли быть глупѣе картина: мужикъ, почесывая затылокъ, отдаетъ свою хлѣбъ-соль противъ собственнаго желанія, а радѣтель принужденъ сознаться, что онъ поставленъ въ смѣшное положеніе „барина" по неволѣ... Приходилось такимъ образомъ убѣдиться, что положеніе народнаго учителя, чиновника средней руки, земскаго врача, учителя гимназіи или прогимназіи, и имъ подобныхъ, не настолько обезпечено, чтобы не позаботиться о томъ,

какъ воспитать и чему научить сына или дочь, чтобы избавить ихъ отъ возможности попасть въ трагикомическое положеніе нахлѣбника по неволѣ? Но могутъ ли они довольствоваться той школьной подготовкой, которую даютъ наши низшія и среднія учебныя заведенія? Удовлетворяютъ ли существующія программы тѣмъ запросамъ жизни и времени, какіе должны быть удовлетворены во что бы то ни стало, подъ угрозою остаться безъ куска хлѣба? Такіе вопросы не разъ задавались и въ нашей печати. Если же мы поищемъ отвѣтовъ на нихъ у массы, мы встрѣтимъ, безъ сомнѣнія, далеко не одинаковыя указанія. Въ общемъ же мы получили бы приблизительно слѣдующее: „такъ называемое гимназическое образованіе многимъ—большинству даже—не по карману; въ гимназіяхъ учатъ слишкомъ многому; ребенокъ заваленъ работою; онъ сидитъ надъ книгою столько же времени, сколько и юноши 17—18 лѣтъ; срокъ ученья слишкомъ продолжителенъ, а что всего важнѣе, послѣ 10—11 лѣтняго усидчиваго труда, по выходѣ изъ гимназіи, юноша долженъ начинать съ азовъ изученіе такихъ предметовъ какъ физика, химія, исторія, не рѣдко даже русскій языкъ...“ Таковы жалобы самихъ родителей. И такъ юноша, достигши 21 года, по выходѣ изъ гимназіи, долженъ еще учиться отъ четырехъ до пяти лѣтъ, чтобы съумѣть найти себѣ заработокъ. Недостаточно ли уже этого одного, чтобы вызвать недовольство въ средѣ родителей? Затративъ 15 — 17 лѣтъ на уловленіе диплома, большинство все таки не находитъ вѣрнаго заработка. И начинается тогда приспособленіе къ жизненныхъ условіямъ: служитель чистой математики, или права, поступаетъ къ купцу, на желѣзную дорогу, или въ банкирскую контору, или начинаетъ заниматься коммиссіонерствомъ. Въ этой сутолокѣ погибаетъ многое множество здоровыхъ и талантливыхъ натуръ, а еще больше ихъ извращается, нравственно калѣчится. Прибавьте къ этому, что въ умственномъ и нравственномъ отношеніи вліяніе современной школы, по своей мертвенности и, такъ сказать, голословности, не оставляетъ по себѣ прочныхъ слѣдовъ. Напротивъ, пошлая рутина, сжимая развитіе такихъ субъектовъ, не въ состояніи, конечно, оказать противодѣйствія, когда, по выходѣ въ жизнь, они дѣлаются ярыми, слѣпыми противниками именно тѣхъ началъ, по которымъ ихъ воспитывали. Тогда они становятся несчастны сами и страшны для общества, которое принуждено гнать ихъ отъ себя. Глухая и глупая вражда ко всему окружающему рано внѣдряется и крѣпко засѣдаетъ въ души однихъ, не давая имъ возможности свободно сосредоточиться на работѣ, бросая ихъ постепенно изъ одной крайности въ другую. Это — безвыходно потерянные въ жизни. Ихъ погибло не мало въ безмолвномъ озлобленіи противъ міра, безъ шума, безъ слѣда. Другіе же, значительное большинство, напротивъ, легко искушаются соблазнами жизни, скоро отступаютъ отъ всякихъ возвышенныхъ помысловъ, какіе могутъ тревожить юные умы и,

поглощенные въ практическихъ соображеніяхъ, считаютъ свою настоящую дорогу въ полученіи „тепленькаго мѣстечка“, навсегда отказываясь отъ минувшихъ увлеченій и заблужденій молодости, если какія и являлись у нихъ раньше. Это—готовый элементъ для общественнаго равнодушія, апатичнаго бездѣйствія, самоусыпленія и упованія безъ дѣла, безъ цѣли.

Вотъ какъ осложняется вопросъ о вѣрномъ заработкѣ, о вѣрномъ кускѣ хлѣба для нашихъ дѣтей! Школа, глубоко расходясь въ своихъ требованіяхъ съ жизнью, въ виду сильнаго оскудѣнія источника всевозможныхъ заработковъ, грозитъ оставить безъ хлѣба нашихъ сыновей и дочерей.

Скажутъ, быть можетъ, что гимназіи даютъ „возможность достигать высшаго образованія и высшей сферы государственной или общественной дѣятельности“. Но, безъ сомнѣнія, большинство, масса, не имѣетъ средствъ достигать высшихъ сферъ... Въ самихъ офиціальныхъ отчетахъ учебнаго вѣдомства не разъ встрѣчалось подтвержденіе этому. „Золотая посредственность (т. е. большинство) — говорится въ одномъ изъ этихъ отчетовъ — не раздѣляя мнѣній начальства о воспитаніи, желаетъ такихъ заведеній, въ которыхъ учили бы ремеслу, — училищъ, по выходѣ изъ коихъ юноша могъ бы всегда найти себѣ кусокъ насущнаго хлѣба; училищъ, которыя готовили бы къ практической жизни“. Какъ родители, такъ и сами питомцы, начинаютъ сознавать, что вокабулами, украшеніемъ ума, сытъ не будешь, и съ вожделѣніемъ поглядываютъ на кусокъ хлѣба простого ремесленника; „синица въ рукахъ“ кажется имъ, и не безъ основанія, гораздо привлекательнѣе журавля... въ видѣ „достиженія высшаго образованія и высшей сферы государственной или общественной дѣятельности“. Вспомнимъ при этомъ, что у насъ ежегодно „исключается изъ гимназій и прогимназій до четырехъ и болѣе процентовъ всего числа учащихся“. Вспомнимъ, наконецъ, что цѣлая треть, подвергающихся вступительному экзамену въ 1-й и приготовительныя классы гимназій и прогимназій, проваливается и „остается внѣ стѣнъ заведенія“. Развѣ при такихъ условіяхъ можетъ быть хоть на минуту непонятнымъ стремленіе питомцевъ отыскать себѣ вѣрный заработокъ уже не въ области „высшихъ сферъ“, а въ болѣе или менѣе низменныхъ, а потому и болѣе доступныхъ. Если такое стремленіе и не вполнѣ еще выяснилось, если оно не совсѣмъ опредѣлилось, то нельзя не допустить, что, въ виду совершихся и совершающихся перемѣнъ въ экономическомъ строѣ жизни, это стремленіе найдетъ себѣ выраженіе и выполненіе въ самой жизни.

И такъ, жизненными теченіями выдвинуты наружу новые запросы отъ школы. Прежде она сообразовалась лишь съ интересами верхнихъ слоевъ общества, а интересы эти ограничивались беззаботнымъ пользованіемъ плодами чужаго труда и стремленіемъ къ служебной карьерѣ, если и чужой трудъ не могъ обезпечить вполнѣ жизни въ

довольствѣ. Школа, чему бы она не учила—все равно—отвѣчала такому стремленію, снабжая питомцевъ своихъ патентомъ въ видѣ диплома. Въ ней, строго говоря, начиналась карьера; она служила какъ бы предверіемъ департамента. Но настала пора, когда матеріальныя блага приходилось пріобрѣтать каждому въ соразмѣрности съ количествомъ и достоинствомъ личнаго труда. Прежній источникъ матеріальнаго обезпеченія изсякъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преимущества рожденія и протекцій потеряли значеніе. Для большинства стала заростать и изстари проторенная дорожка—на государственную службу. Каждому теперь нужно было учиться, чтобы съумѣть чего нибудь достигнуть, каждый долженъ былъ почувствовать цѣну образованія. Но гдѣ же было учиться? Школа оставалась тѣмъ же правительственнымъ учрежденіемъ, тѣмъ же преддверіемъ департамента, который, однако, оказался доступенъ только немногимъ счастливцамъ изъ всѣхъ, искавшихъ заработка. А въ послѣднія пятнадцать лѣтъ государственная школа какъ будто всячески стараясь отгородиться отъ остальнаго міра и существовать на свой страхъ и рискъ, не допуская ни контроля, ни поддержки, желала отстранить отъ источника знанія малообезпеченный людъ. Проще сказать, она по прежнему стремилась выростить гражданъ лишь на почвѣ матеріальнаго обезпеченія. Большинство нашихъ дѣтей очутилось въ безпомощномъ положеніи пролетарія. Откуда же при такихъ условіяхъ дѣятельность всѣхъ и каждаго на пользу общаго блага могла бы принять характеръ постоянства и разумности, если масса членовъ общества не въ состояніи справиться съ своимъ личнымъ счастьемъ, не въ состояніи промыслить себѣ вѣрный кусокъ хлѣба.

Необходимо, значитъ, искать новыхъ путей, чтобы честнымъ трудомъ упрочить за собою право на хлѣбъ насущный.

Да, наши частныя занятія и промыслы, наши свободныя профессіи, служеніе по найму—дѣло шаткое и не имѣющее подъ собою прочной почвы. Государство не можетъ дать занятіе и опредѣленный кусокъ хлѣба всѣмъ пролетаріямъ „бѣлаго“ труда, государственныя школы не даютъ ни вѣрнаго куска хлѣба, ни подготовки къ практической жизни. Государство даже не можетъ открыть свободный доступъ къ школѣ для всѣхъ, ищущихъ школьнаго образованія,—за недостаткомъ мѣста или за „комплектомъ“. Казенныя школы вынуждены отказывать толкущимся у дверей ихъ. Третья часть ищущихъ образованія не въ состояніи подготовить своихъ дѣтей настолько, чтобы они могли выдержать вступительный экзаменъ въ приготовительный и первый классы гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ. Вотъ почему и тѣ изъ земствъ, которыя строютъ нынѣ классическія гимназіи на крестьянскія деньги, сами не вѣдаютъ, что творятъ: высшія сферы государственной и общественной дѣятельности останутся недоступными для массы, а значитъ и деньги, затраченныя на устройство такихъ гимназій, являются лишь напрас-

нымъ обремененіемъ податныхъ. Вотъ почему и прямые интересы „золотой середины“ неминуемо должны заставить ее искать вѣрнаго куска хлѣба не въ ущербъ крестьянскому сословію, иначе „вѣрный“ кусокъ превратится въ крайне „невѣрный“.

Что же дѣлать? Нужно перестать жить на авось и разъ навсегда убѣдиться, что двери въ прежній храмъ счастья—къ обезпеченному положенію посредствомъ государственной службы—дѣйствительно заколочены. Тогда мы перестанемъ ждать отъ завтрашняго дня, что онъ самъ укажетъ, какъ и къ кому пристроить своихъ дѣтей. Если мы поймемъ, что коренной вопросъ состоитъ въ экономической самостоятельности мужика, то, конечно, перестанемъ брать у этого мужика послѣднюю копѣйку, чтобы воздвигать такія учебныя заведенія, которыя не удовлетворяютъ запросамъ дѣйствительной жизни. Затѣмъ предстоитъ вопросъ: куда опредѣлять дѣтей, если для большинства наши государственныя школы стали не по карману? Наша „народная“ школа не имѣетъ нынѣ подъ собою никакой прочной основы; но вѣдь, рано или поздно, должна же она изъ области чаяній и ожиданій перейти въ дѣйствительность; дѣти необезпеченнаго люда остаются теперь безъ элементарнаго образованія, они теперь за порогомъ школы. Въ виду этого необходимо подумать о созданіи новой школы, которая стояла бы не на пескѣ, а зиждилась бы на твердой почвѣ матеріальной независимости крестьянства. Конечно, необезпеченный людъ теперь молчитъ и не можетъ пока ясно формулировать своихъ желаній, но существуетъ недовольство, а съ нимъ и ожиданіе чего-то, что сдѣлало бы жизнь счастливѣе, что избавило бы массу пролетаріевъ „бѣлаго“ труда отъ унизительной и горькой доли нахлѣбника по неволѣ, довольствующагося всякимъ мѣстомъ, лишь бы оно давало кусокъ хлѣба хоть на нынѣшній день.

Ѳ. Булгаковъ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

I.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Калугѣ въ 1837 году.

(Письмо очевидца) [1]).

Калуга, 13-го іюня 1837 г.

НАКОНЕЦЪ и наша Калуга, послѣ нетерпѣливаго ожиданія, была осчастливена посѣщеніемъ государя наслѣдника цесаревича Александра Николаевича! Почти все населеніе Калуги, съ неумолкаемымъ „ура", сопровождало его высочество отъ Тульской заставы до собора, гдѣ онъ встрѣченъ былъ всѣмъ духовенствомъ, военными и гражданскими чиновниками, дворянствомъ и почетнымъ купечествомъ. Это было 11-го числа, въ воскресенье, въ 5 часовъ пополудни. По выслушаніи эктеніи, его высочество, съ чувствомъ глубокой набожности положивъ три земные поклона предъ св. иконами, изволилъ отправиться въ свою квартиру. Въ этотъ день гражданскій губернаторъ, (д. с. с. Жуковскій) принимавшій государя наслѣдника въ самой квартирѣ, и окружный генералъ внутренней стражи, генералъ-маіоръ Мердеръ, имѣли честь быть приглашенными къ обѣденному столу его высочества. Въ 9 часовъ вечера, цесаревичъ, въ сопровожденіи всей своей свиты, удостоилъ своимъ присутствіемъ великолѣпный балъ, данный въ честь высокаго путешественника въ домѣ губернатора всѣмъ дворянствомъ Калужской губерніи и купечествомъ гор. Калуги. Весь городъ былъ иллюминованъ; но эта иллюминація была въ особенности хороша противу самаго дома губернатора: она представляла перспективную колонаду, въ углубленіи которой помѣщена была большая прозрачная

---

[1]) Тогдашняго управляющаго калужской казенной палатой, Б. П. Хрущева. Письмо это обязательно сообщено намъ членомъ Археологическаго Института Т. В. Кибальчичемъ.

картина, изображающая Россію, съ вензеловыми надъ нею именами Н. и А. Лишь только его высочество вышелъ на балконъ, чтобы взглянуть на иллюминацію, какъ нѣсколько тысячъ народа, сохранявшія до сего времени благоговѣйное безмолвіе, обрадованные появленіемъ цесаревича, въ одно мгновеніе огласили воздухъ громкимъ и продолжительнымъ „ура“, и этотъ порывъ народнаго восторга, среди ночной тишины, при блескѣ разнообразныхъ искусственныхъ огней, явилъ такое величіе и торжественность, которыхъ нельзя выразить, но которымъ всѣ сердца были приведены въ умиленіе! Его высочество привѣтливо поклонился народу и послѣдовалъ въ танцовальную залу, или галлерею, нарочно для этого случая пристроенную къ дому. Въ ней, на высокомъ пьедесталѣ, окруженномъ золотою рѣшеткою и прекрасными лимонными и померанцовыми деревьями, стояли два бюста государя императора и государыни императрицы; на однихъ хорахъ помѣщался прекрасный оркестръ музыки, выписанный изъ Москвы, а на другомъ дамы; въ отдѣлкѣ этой галлереи видѣнъ вкусъ художника; освѣщеніе было почти ослѣпительное. Его высочество изволилъ танцовать польскій и четыре французскіе кадриля [1]). Болѣе 300 человѣкъ было на этомъ балѣ, но въ танцахъ никто не принималъ участія, за исключеніемъ только тѣхъ, которые находились въ одномъ кадрилѣ съ наслѣдникомъ: всѣ взоры устремлены были единственно на того, который приводилъ насъ въ восхищеніе своею мужественною красотою, небесною улыбкою, сладостнымъ голосомъ и обворожительною привѣтливостію; всѣ наши чувства были поглощены имъ однимъ; все наше вниманіе тяготѣло къ нему одному. Да и могло ли быть иначе? Но, увы, это очарованіе было непродолжительно. Въ 11 часовъ, его высочество изволилъ оставить балъ. Послѣ переѣзда отъ Тулы до Калуги въ знойный день, ему нужно было успокоеніе. Съ удаленіемъ его, великолѣпный балъ потерялъ въ глазахъ нашихъ весь свой блескъ и сдѣлался какъ будто пустымъ: никто уже не помышлялъ объ удовольствіяхъ и веселостяхъ, не было другого разговора, какъ только объ очаровательномъ наслѣдникѣ. На другой день, 12-го числа, его высочество удостоилъ принимать духовенство, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, потомъ дворянство и, наконецъ, купечество, съ хлѣбомъ и солью. Ни одинъ изъ имѣвшихъ счастіе представляться, не остался безъ милостиваго его вниманія [1]). Послѣ этого его высочество отправился къ

---

[1]) Польскій съ почетными дамами, а кадрили съ молодыми дамами: Донауровою, урожденною княжною Голицыною, которая была фрейлиною; Охотниковою, женою конно-гвардейскаго офицера, Берниговою и Нелединскою-Мелецкою, женою сына извѣстнаго человѣка этой фамиліи.

[1]) Со мною его высочество изволилъ говорить такъ: „Давно ли вы занимаете это мѣсто?—Съ прошедшаго августа мѣсяца.—А прежде гдѣ служили?—Во флотѣ.—Въ которомъ?—Въ Балтійскомъ и потомъ Черноморскомъ.—Послѣ этого гдѣ служили?—По министерству финансовъ.—Въ которомъ департаментѣ?—Государственнаго казна-

разводу внутренняго гарнизоннаго баталіона, потомъ осмотрѣлъ выставку мануфактурныхъ и другихъ издѣлій (гдѣ въ особенности обращали на себя вниманіе: хрусталь г Орлова, чугунныя вещи кн. Бибарсовой, парусныя полотна многихъ фабрикантовъ—преимущественно купца Брюзгина, пряденая бумага купца Занегина и восковыя свѣчи), тюремный замокъ, артиллерійскій паркъ, сиротскій домъ, прекрасное заведеніе (Хлюстиныхъ) для больныхъ и умалишенныхъ, и губернскую библіотеку при губернской гимназіи (которой воспитанники, по случаю вакантнаго времени распущены по домамъ). Государь наслѣдникъ, повидимому, все нашелъ въ порядкѣ и былъ доволенъ. Къ обѣденному столу его высочества имѣли счастіе быть приглашены: преосвященный Николай, губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, я, предсѣдатель уголовной палаты, прокуроръ, нѣсколько военныхъ генераловъ и полковниковъ (Мердеръ, Полторацкій, Мещериновъ, Бистромъ, Карпенко и. Покровскій, полковникъ Штаденъ), начальникъ провіантской коммисіи; двое дворянъ: Чаплинъ и Панинъ и градской глава. Послѣ обѣда, его высочество посѣтилъ Лаврентіевскій монастырь (въ 1/2 вер. отъ города), изволилъ быть на короткое время въ театрѣ, въ загородномъ саду и на городскомъ бульварѣ, любовался прекрасными и картинными окресностями Калуги, и во все время былъ очень веселъ. Безчисленныя толпы народа, съ восторженными лицами и сердцами, повсюду слѣдовали за его высочествомъ [1]). 13-го же числа, въ 7 часовъ утра, государь наслѣдникъ оставилъ Калугу, изъявивъ свое благоволеніе губернатору и губернскому предводителю; а мы бросились въ соборъ и тамъ, съ колѣнопреклоненіемъ, вознесли сердечныя мольбы къ престолу Всевышняго о благополучномъ путешествіи его высочества. Онъ произвелъ на насъ сильное, необыкновенное впечатлѣніе: мы не могли насмотрѣться на это ангела, были обворожены его привѣтомъ и милостями. Какая высокая благотворная мысль великаго императора—познакомить и сблизить своего наслѣдника съ русскимъ народомъ!

чейства. — Давно въ отставкѣ изъ флота? — Около 18 лѣтъ.—Много ли казенныхъ крестьянъ въ Калужской губерніи? — Слишкомъ 85 тысячъ.—А удѣльныхъ нѣтъ?—Есть, ваше высочество, болѣе 6 тысячъ душъ.—Сюда присланъ чиновникъ собственной канцеляріи его величества, г. Донауровъ; онъ теперь здѣсь".—Всѣ эти вопросы сопровождались голосомъ пріятнымъ и тономъ отмѣнно благосклоннымъ.

[1]) Послѣ обѣда у его высочества ко мнѣ пріѣхалъ К. И. Арсеньевъ (наставникъ государя наслѣдника) и просидѣлъ у меня часовъ до 11. Разговоръ его и подробности о путешествіи его высочества были чрезвычайно занимательны.

II.

Императоръ Александръ II и графъ А. Замойскій [1]).

Во время послѣдняго польскаго возстанія, въ сентябрѣ 1861 г., тогдашній любимецъ и надежда поляковъ, популярный магнатъ, графъ Андрей Замойскій, представилъ великому князю намѣстнику, отъ имени „умѣренныхъ представителей страны" слѣдующій документъ, въ видѣ просьбы:

„Безпримѣрныя историческія бѣдствія, обрушившись на Польшу и уничтоживъ ея политическое существованіе, не могли, однако, ослабить духа въ польскомъ народѣ и сокрушить вѣры въ его историческое призваніе.

„Эта вѣра, эти чувства еще болѣе возвысились вслѣдствіе понесенныхъ поляками потерь, претерпѣнныхъ страданій и постоянно питаемою надеждою на будущее.

„Въ торжественныя минуты голосъ народной совѣсти громко вопіетъ о возстановленіи древнихъ правъ и привиллегій края.

„Въ прошломъ году, въ адресѣ государю императору, Польша высказалась въ этомъ духѣ. Депутаты, собравшіеся на выборы въ городскіе и уѣздные совѣты, представили намѣстнику Меморію, подписанную двадцатью тысячами человѣкъ, гдѣ они объяснили, что только національное собраніе, состоящее изъ лицъ, указанныхъ народомъ и совершенно свободное въ выраженіи своихъ мыслей, способно выяснить существенныя нужды края; но что учрежденія, дарованныя правительствомъ, далеко не соотвѣтствуютъ своей цѣли и не могутъ предотвратить несчастій, угрожающихъ нашему отечеству.

„Объявленіе военнаго положенія воспрепятствовало подачѣ Меморіи. Жители не получили ничего и это привело насъ къ тѣмъ печальнымъ фактамъ, которыхъ всѣ ожидали.

„Нынѣ, отвѣчая на вызовъ великаго князя Константина Николаевича, мы, представители разныхъ провинцій Польши, рѣшаемся высказать свое мнѣніе, дабы предотвратить гибель отечества, стремящагося къ безднѣ безъисходной. За отсутствіемъ всякаго законнаго органа, гдѣ бы можно было выразить свои мысли, мы обращаемся къ вамъ, графъ, дабы вы, взявъ на себя роль представителя и вмѣстѣ истолкователя народнаго духа, объяснили его высочеству наши нужды, наши насущныя потребности, коихъ мы не въ состояніи болѣе скрывать и кои готовы объявить цѣлому свѣту.

„Мы не отказываемся принять участіе въ новыхъ учрежденіяхъ, но заявляемъ только, что мѣры, какія употреблялись до сихъ поръ,

[1]) Отрывокъ изъ неизданной главы „Записокъ о польскихъ возстаніяхъ и заговорахъ", Н. В. Берга.

несостоятельны и произвели въ умахъ такое раздраженіе, что ни военная сила, ни суды, устроенные на особыхъ основаніяхъ, ни тюремныя заключенія, ни ссылки, ни эшафоты, не могутъ исправить дѣла, а напротивъ, приведутъ націю къ самому крайнему отчаянію, которое способно вывести всѣхъ на дорогу, гибельную, какъ для управляющихъ, такъ и для управляемыхъ.

„Будучи поляками, мы не можемъ сносить другого правительства, кромѣ польскаго, причемъ всѣ провинціи, составляющія наше отечество, должны быть соединены вмѣстѣ и пользоваться конституціей, при свободныхъ учрежденіяхъ.

„Самъ великій князь, въ Воззваніи своемъ къ намъ, призналъ за нами доблесть чрезвычайной привязанности къ отечеству. Эта привязанность не можетъ допустить разложенія отечества на части. Если мы любимъ его, то любимъ его все въ тѣхъ предѣлахъ, которые Богъ ему начерталъ, а исторія освятила [1]).“

Великій князь, прочитавъ представленный ему Замойскимъ адресъ и зная, что онъ былъ составленъ не простымъ собраніемъ помѣщиковъ, а революціонною партіею „Бѣлыхъ“, которая группировалась около графа Андрея, какъ бы около своего руководителя и вождя, счелъ необходимымъ отправить его самого въ Петербургъ для объясненія съ государемъ императоромъ.

Для сопровожденія Замойскаго, великій князь назначилъ адъютанта своего ротмистра Сержпутовскаго.

Тогда петербурго-варшавская желѣзная дорога была только-что окончена и правильнаго движенія по ней еще не установилось. Для переѣзда Замойскаго въ Петербургъ, былъ приготовленъ экстренный, весьма комфортабельный вагонъ перваго класса, снабженный всѣмъ необходимымъ, чтобы нигдѣ на станціяхъ не выходить и обѣды, завтраки, чай, кофе и все прочее требовать внутрь, по первому желанію графа Андрея. Иное заказывалось потомъ заранѣе по телеграфу.

Сообразивъ, что поѣздъ придетъ въ Царское Село не ранѣе одиннадцати часовъ вечера, 4 сентября, Сержпутовскій, имѣвшій къ государю (находившемуся тогда въ Царскомъ Селѣ) депеши отъ намѣстника, не счелъ возможнымъ довезть Замойскаго до Петербурга лично, а выписалъ для этого по телеграфу, отъ шефа жандармовъ, особаго офицера. Явился, для пущей важности, какой-то жандармскій генералъ, во всѣхъ регаліяхъ, и когда Сержпутовскій (по прибытіи поѣзда въ Царское Село) ввелъ его въ вагонъ, гдѣ сидѣлъ Замойскій и представилъ послѣднему, графъ смутился и сказалъ:

— Maintenant je suis vraiment arrêté? (Теперь я, дѣйствительно, арестованъ).

---

[1]) Газета „Czas“ 1862, № 217. Авейде, III, 57, примѣчаніе. Подлинникъ адреса можно видѣть въ „Affaires de Pologne“, Paris 1863. Стр. 33.

— Нисколько, отвѣчалъ Сержпутовскій, но я долженъ остаться въ Царскомъ Селѣ для передачи государю депешъ отъ его брата. Вотъ почему мы разстаемся. А завтра я буду имѣть честь явиться къ вамъ въ гостинницу Кулона, какъ только государь меня отпуститъ.

Тутъ они простились. Поѣздъ покатилъ въ Петербургъ, а Сержпутовскій отправился во дворецъ.

По причинѣ бала, бывшаго въ покояхъ государыни по случаю полкового праздника Гатчинскаго кирасирскаго полка, его величество принялъ Сержпутовскаго только въ часъ ночи, говорилъ съ нимъ довольно долго и велѣлъ ѣхать въ Петербургъ, увидѣться поскорѣе съ Замойскимъ и сказать ему, что государь пригласитъ его къ себѣ черезъ нѣсколько дней, по возвращеніи изъ Новгорода, гдѣ долженъ быть на открытіи памятника „Тысячалѣтія Россіи“.

— А ты ѣдешь въ Варшаву 7 сентября, прибавилъ государь, чтобы быть тамъ непремѣнно ко дню рожденія великаго князя и его отъ меня поздравить.

— Если Замойскій станетъ просить меня доставить что-либо въ Варшаву роднымъ, то брать мнѣ, ваше величество, или не брать? спросилъ Сержпутовскій.

— Рѣшительно все, что дастъ! сказалъ государь.

5 сентября, передъ обѣдомъ, Сержпутовскій явился въ гостинницу Кулона и узналъ отъ швейцара, что къ графу Замойскому пріѣзжали съ визитами многіе высшіе сановники Петербурга.

Объяснивъ графу все, что приказалъ государь, Сержпутовскій сказалъ ему, что послѣ завтра ѣдетъ обратно въ Варшаву и ожидалъ порученія; но его не послѣдовало...

Въ тотъ же день ротмистръ встрѣтился гдѣ-то съ канцлеромъ, кн. Горчаковымъ; тотъ засыпалъ его вопросами о событіяхъ въ царствѣ Польскомъ и потомъ сказалъ:

— Вы знаете, конечно, что здѣсь Замойскій!

— C'est moi qui l'ai amené (это я его привезъ) — хотѣлъ похвастаться Сержпутовскій.

— Ah, c'est vous qui l'avez accompagné! (А! такъ это вы его сопровождали!), поправилъ старый дипломатъ.

Вечеромъ того же дня, Сержпутовскій снова былъ въ Царскомъ Селѣ, опять довольно долго бесѣдовалъ съ государемъ о Польшѣ и о Замойскомъ и разсказалъ ему, разумѣется, что въ Петербургѣ нашелъ у послѣдняго карточки многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Это государю не понравилось. Чтобы подобныя демонстраціи не повторялись, его величество потребовалъ къ себѣ Замойскаго на другой же день, 6 сентября. О разговорѣ ихъ, происходившемъ tête-à-tête, ходило потомъ много всякихъ разсказовъ и кое-что было напечатано Что тутъ вѣрно и что невѣрно?.. Подъ конецъ жизни, Замойскій передалъ кое-кому изъ ближайшихъ друзей нѣкоторую часть бесѣды

своей съ государемъ, а тѣ—своимъ друзьямъ. Все это сводится болѣе или менѣе къ слѣдующему:

„Когда Его Величество выслушалъ точное объясненіе того мѣста въ адресѣ, гдѣ говорилось о соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ провинцій, составляющихъ отечество поляковъ, то сказалъ: „Не думайте, чтобы я былъ на сторонѣ раздѣла Польши, происшедшаго при государынѣ Екатеринѣ: нисколько! Я самъ противъ него: это была и несправедливость, и плохая политика. Но когда фактъ совершился, я не могу передѣлывать исторію. Не я пріобрѣталъ эти земли: я получилъ ихъ въ наслѣдіе съ короной Россіи, а потому не имѣю права дѣлать съ ними что-либо въ ущербъ интересамъ имперіи, которые охранять есть первая и священнѣйшая моя обязанность; я могу думать только объ улучшеніи быта земель, о которыхъ мы говоримъ, о предоставленіи имъ возможно-большихъ правъ и всякаго рода льготъ — и думаю постоянно. Чрезвычайныя реформы вводятся въ Польшѣ. Я разсчитывалъ, графъ, что вы явитесь при этомъ на сторонѣ значительнаго большинства благоразумныхъ представителей страны и поможете моему намѣстнику и начальнику гражданскаго управленія рѣшить задачу въ самое непродолжительное время. Между тѣмъ, вмѣсто помощи, вы стали увеличивать затрудненія и звать своихъ, весьма неосторожно и легкомысленно, на путь несбыточныхъ мечтаній. Время, однако, не ушло. Дѣла наши въ Польшѣ не такъ испорчены, чтобы ихъ нельзя было поправить. Ихъ поправятъ, но... безъ васъ. Вы столько тамъ надѣлали неловкаго для себя, для насъ и даже для вашей партіи, что я никоимъ образомъ не могу дозволить вамъ воротиться въ вашъ варшавскій домъ. Живите, гдѣ хотите, только не въ Варшавѣ: изберите любой городъ въ Россіи, уѣзжайте куда угодно за-границу. Противъ меня лично, графъ, вы, надѣюсь, ничего не имѣете?“

Замойскій уѣхалъ немедленно съ скорымъ поѣздомъ въ Парижъ, черезъ Берлинъ.

III.

Посѣщеніе императоромъ Александромъ II, въ 1871 году, Житнаго рыболовнаго промысла.

(Разсказъ очевидца) [1]).

Въ 1871 году, 5-го сентября, императоръ Александръ, во время переѣзда своего изъ Астрахани на Кавказъ, по Каспійскому морю,

---

[1]) К. А. Дронина, секретаря владѣльцевъ промысла, гг. Сапожниковыхъ.

посѣтилъ Житный рыболовный промыселъ, принадлежащій нашимъ извѣстнымъ рыбо-промышленникамъ, коммерціи совѣтникамъ, братьямъ Алексѣю и Александру Александровичамъ Сапожниковымъ.

Житный промыселъ и деревня того же имени расположены на взморьѣ, на высокомъ бугрѣ острова Житнаго, находящагося у самаго юго-западнаго угла волжской дельты, при соединеніи ея съ Каспійскимъ моремъ, въ 70 верстахъ отъ Астрахани и въ 12 отъ острова Бирючья-коса. Во времена Стеньки Разина, Житный островъ долго служилъ главнымъ становищемъ его разбойничьимъ шайкамъ, а въ царствованіе Петра Великаго, во время войны съ Персіей, въ 1722 году, на Житномъ былъ устроенъ складъ провіанта для русскаго войска. Такъ какъ провіантъ хранился тогда не мукою, а зерномъ, т. е. житомъ, то вслѣдствіе этого, по мѣстному преданію, и островъ, не имѣвшій до тѣхъ поръ никакого названія, началъ зваться Житнымъ.

Для пріема государя, о предположеніи котораго посѣтить Житный промыселъ гг. Сапожниковы получили увѣдомленіе заблаговременно, были сдѣланы слѣдующія приготовленія:

Къ промысловому плоту пристроенъ, для болѣе удобнаго причала царскаго парохода, небольшой и красиво убранный флагами дебаркадеръ, на сваяхъ. Самый плотъ, отстоящій отъ дома въ пятидесяти саженяхъ, былъ раздѣленъ на два отдѣленія широкимъ проходомъ или корридоромъ, обитымъ сверху до низу полосатымъ тикомъ и устланнымъ краснымъ сукномъ съ ковровымъ бордюромъ. Въ первомъ отдѣленіи, направо отъ входа съ дебаркадера, помѣщались всѣ принадлежности для изготовленія икры въ зернистомъ и паюсномъ видахъ, а во второмъ, налѣво, находились: бассейнъ со всѣми породами рыбъ, водящимися въ здѣшнихъ водахъ, ванна съ живымъ тюленемъ, столъ съ разнородными сортами клея и вязиги, выдѣлываемыми на промыслѣ, и столъ съ моделями ловецкихъ и промысловыхъ лодокъ и другихъ рыболовныхъ принадлежностей. Часть стѣны этого отдѣленія была вынута и забрана балясинами такъ, что отсюда открывался видъ на Волгу и на закинутый у плота большой трехъ-сотъ саженный неводъ, при которомъ находилось 38 человѣкъ рабочихъ— калмыковъ, въ костюмахъ обыкновенно употребляемыхъ ими во время лова. Въ неводъ было нарочно напущено около 6,000 штукъ разной рыбы, потому что безъ этого не представлялось возможности показать государю императору полный образецъ неводнаго лова, во всѣхъ его подробностяхъ, такъ какъ рыба никогда не ловится близь плота и притомъ же сильный вѣтеръ отнималъ всякую надежду хоть на какой нибудь уловъ. Вдоль берега и по взморью были расположены, частью па якоряхъ, частью подъ парусами, лодки различныхъ конструкцій, морскія, рѣчныя, черневыя и проч., числомъ до 350. Всѣ эти лодки управлялись своими владѣльцами-ловцами съ разныхъ промысловъ, преимущественно же съ Житницкаго, Разбугоринскаго,

Харбайскаго, Икрянинскаго, Зюзинскаго и Хмѣлевскаго, принадлежащихъ гг. Сапожниковымъ. Недалеко отъ плота стояла баржа, только-что прибывшая къ промыслу для принятія груза рыбныхъ товаровъ, назначенныхъ къ отправкѣ въ Нижній-Новгородъ по Волгѣ, на буксирѣ парохода Сапожниковыхъ „Вольскъ", а оттуда по желѣзной дорогѣ, въ Москву и Петербургъ. Около выхода, т. е. ледника, были выставлены образцы сѣтей, неводовъ, волокушъ, вентерей, сидѣбокъ и другихъ рыболовныхъ снарядовъ, употребляемыхъ въ Каспійскомъ морѣ, въ Волгѣ, и ея притокахъ. Рядомъ съ сѣтями помѣщались бочки съ такъ-называемыми столичными товарами: бѣлугою, осетромъ, севрюгою, тёшею и икрою. Крыльцо промысловаго дома было украшено флагами и обито краснымъ сукномъ, а залъ и двѣ боковыя комнаты, меблированныя, по обыкновенію, весьма скромно, устланы коврами и украшены портретами родоначальника дома Сапожниковыхъ, Петра Семеновича Сапожникова, и его сыновей Алексѣя и Александра Петровичей. Въ одной изъ боковыхъ комнатъ былъ приготовленъ чайный серебряный приборъ. Къ сторонѣ дома, обращенной на море, былъ пристроенъ павильонъ, устланный краснымъ сукномъ и убранный разноцвѣтной флажной матеріей; среди потолка висѣли, вмѣсто люстры, искусно сгруппированныя кисти винограда, съ примѣсью грушъ и персиковъ. Въ павильонѣ, налѣво, стоялъ большой столъ, сервированный разною холодною закуской, преимущественно рыбною: осетромъ, севрюгой, стерлядью, бѣлорыбицей, раками, сельдями: каспійскими, норвежскими и шотландскими, икрой паюсной и зернистой: бѣлужьей, осетровой, севрюжьей и стерляжьей, балыкомъ разныхъ сортовъ и т. п.

Такимъ образомъ, Житный былъ убранъ безъ всякихъ затѣй и роскоши, сохраняя вполнѣ своеобразный промысловый видъ и представляя Августѣйшему посѣтителю возможность одновременно обозрѣть почти весь ходъ промысловыхъ работъ, способы морского и рѣчного лова, а равно и выдѣлку разныхъ рыбныхъ товаровъ.

Одинъ изъ владѣльцевъ промысла, Александръ Александровичъ Сапожниковъ, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, находился за границей, а потому счастіе принять государя императора выпало на долю другого владѣльца, — Алексѣя Александровича Сапожникова. Пріѣхавъ нарочно для этого изъ Петербурга, онъ ожидалъ въ Астрахани прибытія его величества и 4-го сентября, вмѣстѣ съ астраханскимъ обществомъ, встрѣтилъ Его на пароходной пристани. Въ этотъ же день, г. Сапожниковъ удостоился высокой чести быть приглашеннымъ къ царскому столу, по окончаніи котораго, государь, милостиво обратившись къ нему, изволилъ сказать: — „Сапожниковъ, завтра я буду у тебя на Житномъ. Надѣюсь, ты мнѣ покажешь все рыболовство".

5-го числа, Житный съ ранняго утра принялъ праздничный и необыкновенно оживленный видъ. Еще наканунѣ сюда начали стекаться, не только изъ ближайшихъ, но и изъ отдаленныхъ мѣстно-

стей, многочисленныя толпы народа. Одушевленные одной мыслью, однимъ общимъ желаніемъ,—видѣть обожаемаго государя, здѣсь соединились рыбаки и рабочіе съ разныхъ промысловъ, киргизы, кочующіе въ окрестныхъ степяхъ, калмыки изъ сосѣднихъ улусовъ и другіе инородцы, — всѣ въ своихъ лучшихъ, праздничныхъ одеждахъ. Расположившись пестрыми и живописными группами вдоль всего берега, народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія радостной для него минуты. Утро было ясное, но, къ сожалѣнію, сильный западный вѣтеръ нѣсколько нарушалъ общую гармонію оригинальной и оживленной картины, которую представлялъ въ этотъ день Житный промыселъ.

Около шести часовъ утра, на промыселъ пріѣхали изъ Астрахани: Алексѣй Александровичъ Сапожниковъ, астраханскій губернаторъ Н. Н. Биппенъ и нѣкоторыя лица городского купечества.

Въ восемь съ половиною часовъ, на взморьѣ показался пароходъ общества „Кавказъ и Меркурій“ „Цесаревна Марія“, на которомъ находились: государь императоръ, наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ. Народъ, замѣтившій царскій пароходъ въ двухъ верстахъ отъ промысла, встрѣтилъ его громкимъ, единодушнымъ и неумолкаемымъ крикомъ: ура! потрясшимъ воздухъ и далеко разнесшимся по Каспію...

Приближаясь къ промыслу, государь вышелъ на траппъ и, всматриваясь въ окружающую мѣстность, милостиво раскланивался съ народомъ, тѣснившимся на лодкахъ, на берегу, на промысловыхъ строеніяхъ, и восторженно привѣтствовавшимъ своего добраго, безпредѣльно любимаго, благодѣтеля—царя.

Когда пароходъ присталъ къ промыслу и государь въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича, великаго князя и свиты сошелъ на дебаркадеръ, владѣлецъ промысла поднесъ ему хлѣбъ-соль, сказавъ:

— Ваше императорское величество! Имѣю честь поднести вамъ хлѣбъ-соль отъ себя и отсутствующаго больного брата моего, лишеннаго этого высокаго счастія.

Государь благосклонно принялъ хлѣбъ-соль, поблагодарилъ г. Сапожникова и, замѣтивъ, что онъ стоитъ съ открытой головой, прибавилъ:—„Надѣвай шляпу,—простудишься“.

Затѣмъ, его величество, сопутствуемый августѣйшими сыновьями, свитой, губернаторомъ, хозяиномъ, промысловыми распорядителями и нѣкоторыми другими лицами, изволилъ войти въ лѣвое отдѣленіе плота, гдѣ ему было предложено взглянуть на примѣрный ловъ рыбы неводомъ, тотчасъ же начавшійся въ его присутствіи. Всматриваясь въ рабочихъ, управлявшихъ неводомъ, государь обратился къ г. Сапожникову и спросилъ:

— Сапожниковъ, вѣдь это тянутъ калмыки, народъ, кажется, привычный къ рыболовному дѣлу?

— Точно такъ, ваше величество, — отвѣчалъ г. Сапожниковъ,—

калмыки лучшій народъ для рыболовства неводомъ, свыкнувшійся со всѣми трудностями и притомъ довольно крѣпкаго здоровья.

Когда неводъ былъ подтянутъ къ плоту и изъ мотни его вынуто множество рыбы, государь съ улыбкой спросилъ хозяина промысла:

— Сапожниковъ, признайся, вѣдь рыба напущена въ неводъ?

Г. Сапожниковъ объяснилъ государю цѣль, съ которой это сдѣлано, доложивъ, что иначе не могъ бы показать ему полный образецъ неводнаго лова, какъ по мѣсту, гдѣ послѣдній выполненъ, такъ и по случаю сильнаго вѣтра.

На это государь милостиво сказалъ:—„Дай вамъ Богъ всегда такъ много ловить“.

По окончаніи неводнаго лова, его величество перешелъ къ бассейну, изъ котораго моментально была выпущена вода, такъ что августѣйшіе посѣтители могли удобно разсматривать трепетавшихъ на днѣ его рыбъ всѣхъ породъ, существующихъ въ Каспійскомъ морѣ, Волгѣ и ея притокахъ. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ относительно названія нѣкоторыхъ мелкихъ породъ, государь изъявилъ желаніе видѣть раздѣлъ рыбы. Позванные немедленно два рѣзальщика и рѣзальщица, съ ихъ помощниками, быстро раздѣлали бѣлугу, осетра, севрюгу, стерлядь, судака и леща. Слѣдя за этой работой, государь, между прочимъ, изволилъ замѣтить, что уже видѣлъ раздѣлъ рыбы на Уралѣ, но что здѣшніе рѣзальщики исполняютъ свое дѣло ловчѣе и расторопнѣе.

Затѣмъ, государь направился къ ваннѣ съ тюленемъ, который находясь въ неволѣ еще съ весны, уже успѣлъ привыкнуть къ людямъ и былъ потому непугливъ и очень забавенъ. Послѣ того, его величество подошелъ къ стоявшему вблизи большому столу, гдѣ промысловые мастера приготовляли вязигу и рыбій клей всѣхъ сортовъ. Обративъ вниманіе на эту работу, а равно и на разложенные здѣсь же, прежде изготовленные, клея въ сухомъ видѣ, государь перешелъ къ осмотру моделей судовъ различныхъ конструкцій, морскихъ и рѣчныхъ, употребляемыхъ въ здѣшнихъ водахъ, какъ для лова рыбы, такъ и для промысловыхъ надобностей, при чемъ г. Сапожниковъ доложилъ ему, что модели эти сдѣланы по вызову морского министерства, для будущей въ Москвѣ политехнической выставки. Отсюда его величество отправился въ другое отдѣленіе плота, икорное, и изволилъ присутствовать все время, пока совершался процессъ приготовленія икры въ зернистомъ и паюсномъ видахъ. Ставъ у ванны, гдѣ готовилась зернистая икра, государь спрашивалъ владѣльца промысла: „какой температуры тузлукъ (разсолъ), въ который было положено зерно, сколько кладется соли, и какой именно на пудъ икры, и какимъ образомъ икряникъ узнаетъ время, когда икра готова“. Въ этомъ же отдѣленіи стоялъ пятипудовый боченокъ съ зернистой икрой, приготовленной къ сдачѣ, какъ образецъ, заграничнымъ покупателямъ для отправки въ Варшаву и Берлинъ. Государь разспросивъ: „какое количество

соли кладется въ эту икру, кто такіе ея покупатели и какую платятъ они цѣну въ Астрахани", обратился къ сопровождавшему его прусскому генералу Вердеру и объяснилъ ему, на нѣмецкомъ языкѣ, достоинство этой икры, а равно и то обстоятельство, что она посылается для продажи въ Пруссію.

По выходѣ государя изъ икорнаго отдѣленія, владѣлецъ промысла осмѣлился просить его осчастливить посѣщеніемъ промысловый домъ. Его величество, съ свойственной ему привѣтливостью, отвѣчалъ:—„Непремѣнно, очень радъ"—и пошелъ отъ плота, по дамбѣ, устроенной на сваяхъ, устланной тесомъ и убранной флагами, къ дому. Народъ, толпившійся на всемъ пространствѣ между плотомъ и домомъ, привѣтствовалъ его радостными криками, а крестьяне трехъ сосѣднихъ волостей поднесли на деревянномъ, рѣзномъ блюдѣ, хлѣбъ-соль, которую государь благосклонно принялъ. Окинувъ взглядомъ выставленные около ледника образцы всѣхъ рыболовныхъ орудій и коренной рыбы, его величество обратилъ вниманіе и на самый ледникъ; г. Сапожниковъ, объяснивъ ему назначеніе этой огромной постройки, поспѣшилъ предупредить, что туда нельзя войти, вслѣдствіе холода и сырости. Когда государь, пройдя черезъ домъ, вступилъ въ павильонъ, г. Сапожниковъ спросилъ его:

— Ваше величество, что вамъ будетъ угодно: у меня приготовленъ кофе и чай.

— Прошу дать мнѣ чаю—сказалъ государь.

Тотчасъ же ему былъ поданъ, на серебряномъ подносѣ, чай, въ чашкѣ иностраннаго фарфора, съ хрустальнымъ дномъ, на которомъ весьма искусно нарисованъ портретъ императора Александра I-го. Чашка эта, очень рѣдкая, хранится въ домѣ Сапожниковыхъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ, хозяинъ поднесъ ему нѣсколько коробокъ съ папиросами и сигарами, которые его величество, обыкновенно, курилъ. Государь, повидимому, остался очень доволенъ такою предупредительностью и сказалъ:

— Да ты позаботился привезти моихъ папиросъ и сигаръ; благодарю.

Кушая чай, его величество любовался живописной картиной взморья, открывавшейся изъ павильона, и неоднократно удостоивалъ обращаться къ владѣльцу промысла съ вопросами:

— Скажи мнѣ, Сапожниковъ, какъ мы должны выйти отсюда на девяти-футовую глубину?—спросилъ государь.

— Ваше величество, вамъ нужно идти отсюда обратно къ нашему промыслу Харбай, а потомъ выйдти вотъ такимъ путемъ,— отвѣчалъ г. Сапожниковъ, указывая на близь лежащую мѣстность, и при этомъ предложилъ государю зрительную трубку; но государь отказался, сказавъ, что видитъ все хорошо простымъ глазомъ.

Дѣйствительно, дальнозоркость государя была замѣчательна: онъ могъ не только разсмотрѣть изъ павильона домъ на Благословенномъ

промыслѣ Сапожниковыхъ, отстоящемъ отъ Житнаго въ шести верстахъ, но даже безошибочно опредѣлилъ его фасадъ.

Продолжая разговоръ, его величество спрашивалъ:

— Что это за названіе промысла Харбай?

— Калмыцкое, значащее по русски „большая бѣлуга"—отвѣчалъ г. Сапожниковъ.

— А почему этотъ промыселъ называется Житнымъ?

Г. Сапожниковъ сообщилъ его величеству преданіе о происхожденіи названія Житнаго, которое приведено нами выше.

— Отчего здѣсь молитвенный домъ, а не церковь?

— Потому, собственно, что здѣшніе жители принадлежатъ, большею частію, къ сектѣ поморцевъ, а для православныхъ есть церковь въ Харбаѣ, гдѣ устроена также и школа для ловецкихъ дѣтей,— отвѣчалъ г. Сапожниковъ.

— Сколько у васъ ловцовъ и рабочихъ и какое количество употребляете вы соли на посолъ рыбы и какія получаете пользы отъ рыбныхъ ловель вашихъ?

— Соли употребляется у насъ, въ теченіи года, отъ 200 до 300 тысячъ пудовъ. Пользы же рыбнаго дѣла нашего зависятъ отъ улова рыбы: если она ловится хорошо, то мы остаемся, благодаря Бога, совершенно довольны и имѣемъ возможность содержать до пяти тысячъ человѣкъ ловцовъ, рабочихъ и вообще служащихъ, обезпечивая ихъ платою и содержаніемъ,—отвѣчалъ г. Сапожниковъ.

— Да вѣдь это цѣлый городъ, такая масса народа,—замѣтилъ государь, обращаясь къ находившемуся около него наслѣднику цесаревичу, и потомъ, милостиво взглянувъ на г. Сапожникова, сказалъ:— „Благодарю тебя"—и протянулъ ему руку, которую тотъ успѣлъ поцаловать.

Когда его величество окончилъ кушать чай, хозяинъ предложилъ ему и сопровождавшимъ его лицамъ что-нибудь позавтракать, но государь отказался; однако слыша общія похвалы завтраку, изволилъ подойти къ столу и попробовалъ немного зернистой икры. Послѣ этого, его величество снова обратился къ г. Сапожникову и сказалъ:

— Сапожниковъ, покажи мнѣ какъ ловятъ у васъ рыбу снастью.

Владѣлецъ промысла доложилъ государю, что онъ еще до прибытія его на Житный предлагалъ ловцамъ ѣхать въ море для лова снастью; но они отвѣчали ему отказомъ, опасаясь что поѣздка въ море лишитъ ихъ столь горячо и нетерпѣливо ожидаемаго счастія,— видѣть его величество.

Въ это время, ловцы, тѣсной толпой окружавшіе павильонъ, въ порывѣ сердечнаго увлеченія и желанія ближе посмотрѣть на своего любимаго царя, все болѣе и болѣе напирали на павильонъ и даже стали разбирать балясины, которыми онъ былъ огороженъ. Государь, увидѣвъ это, съ улыбкой ласково сказалъ имъ:

— Друзья мои, не ломайте хозяйскаго; смотрите вѣдь я здѣсь. Покажите мнѣ какъ вы ловите снастью.

Услыша столь милостивыя слова, многіе изъ ловцовъ тотчасъ же бросились отъ павильона бѣгомъ къ берегу, сѣли въ лодки и, не смотря на сильный вѣтеръ, отважно пустились въ море, соревнуя другъ передъ другомъ въ удали и смѣлости, чтобъ угодить его величеству.

Между тѣмъ, государь продолжалъ говорить съ владѣльцемъ промысла:

— Сапожниковъ, во время моего путешествія я получилъ отъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго телеграмму, которой онъ сообщилъ мнѣ, что Богъ благословилъ его освятить церковь и новое зданіе коммерческаго училища. Поздравляю тебя, вѣдь ты былъ строителемъ его. Дай Богъ всего лучшаго. По возвращеніи моемъ буду въ немъ [1]).

Г. Сапожниковъ, глубоко тронутый такимъ высокимъ вниманіемъ къ его трудамъ по постройкѣ училища, кланялся и благодарилъ его величество.

Вслѣдъ затѣмъ государь спросилъ графа Шувалова:

— Не пора ли намъ ѣхать въ море?

Эскадръ-маіоръ генералъ-адъютантъ Сколковъ, поспѣшилъ отвѣтить, что пароходъ готовъ.

Тогда государь вышелъ изъ павильона въ залъ и, замѣтивъ здѣсь портретъ покойнаго отца г. Сапожникова, на минуту остановился передъ нимъ.

— Какое прекрасное лице — произнесъ государь, — чей это портретъ?

— Это портретъ моего покойнаго отца,—отвѣчалъ г. Сапожниковъ,—а эти два: дяди и дѣда нашего, родоначальника дома, много содѣйствовавшаго введенію въ здѣшнемъ краѣ правильной рыбопромышленности.

— Я помню, — сказалъ государь, — что какой-то купецъ Сапожниковъ, въ бытность мою, въ 1836 году, въ Вольскѣ, подносилъ мнѣ хлѣбъ-соль, въ числѣ тамошнихъ гражданъ.

— Дядя мой имѣлъ счастіе подносить эту хлѣбъ-соль и быть удостоеннымъ вашего высокаго вниманія,—отвѣчалъ г. Сапожниковъ.

Послѣ этого, государь направился къ выходу; но хозяинъ началъ просить его позволенія пожелать ему счастливаго путешествія и вы-

---

[1]) Новый домъ коммерческаго училища, въ Чернышевомъ переулкѣ, построенный по проекту архитектора академика М. А. Макарова, можетъ быть названъ однимъ изъ красивѣйшихъ зданій Петербурга. Постройка его, начатая въ 1859 году, окончилась въ 1871 году и обошлась около 300,000 руб. Изъ этой суммы 150,000 руб. пожертвовалъ государь императоръ, а остальные собраны по подпискѣ отъ биржеваго купечества. Въ числѣ жертвователей находились и братья Сапожниковы, изъ которыхъ Алексѣй Александровичъ, имѣлъ главное наблюденіе надъ постройкой.

пить за его драгоцѣнное здоровье, на что его величество согласился. Г. Сапожниковъ, наливъ шампанскимъ три бокала, поднесъ ихъ на подносѣ государю, наслѣднику цесаревичу и великому князю Владиміру Александровичу. Государь, взявъ бокалъ, сказалъ: — „Пью за здоровье хозяина“, а великій князь прибавилъ:—„и его отсутствующаго брата“.

Когда его величество ставилъ выпитый бокалъ на подносъ, хозяинъ поцаловалъ его руку, а государь его въ голову, милостиво сказавъ: — „Благодарю за хлѣбъ-соль“. Затѣмъ, его величество вышелъ изъ дома по направленію къ плоту, раскланиваясь съ народомъ, который сопровождалъ его восторженными криками и сердечными благословеніями.

Вступивъ на плотъ, государь подалъ руку губернатору и сказалъ:—„Прощай. Поблагодари астраханцевъ за ихъ пріемъ. Я оставляю Астрахань подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ“. Потомъ обратясь къ г. Сапожникову, прибавилъ: — „Благодарю тебя, Сапожниковъ, за все. Ты мнѣ доставилъ большое удовольствіе. Прощай“.

Войдя на пароходъ, его величество остановился на траппѣ. Пароходъ сильнымъ вѣтромъ такъ прижало къ плоту, что его съ трудомъ могли оттолкнуть шестами и снять съ мѣста послѣ долгихъ и дружныхъ усилій. Пользуясь такой остановкой, ловцы, отправившіеся въ море ловить, по желанію государя, снастью, успѣли подъѣхать къ пароходу и поднесли его величеству пойманныхъ: осетра, бѣлугу, севрюгу и стерлядь. Государь, милостиво поговоривъ съ ловцами, удостоилъ принять отъ нихъ рыбу.

Наконецъ, пароходъ двинулся. Народъ, желая хоть на минуту продолжить испытанное имъ счастье и еще разъ взглянуть на обожаемаго государя, бросился бѣжать вдоль берега съ громкими и несмолкаемыми криками „ура!“; государь оставаясь на траппѣ, милостиво раскланивался со всѣми. Нѣсколько ловецкихъ лодокъ, на всѣхъ парусахъ, пустились сопровождать пароходъ, который, тихимъ ходомъ удаляясь отъ промысла, черезъ нѣсколько минутъ совершенно скрылся изъ виду...

Черезъ нѣсколько дней, губернаторъ препроводилъ при оффиціальной бумагѣ въ астраханскую контору гг. Сапожниковыхъ 1,100 рублей, пожалованныхъ государемъ для раздачи служащимъ и ловцамъ на Житномъ промыслѣ, а также и вольнымъ рыбакамъ, подъѣзжавшимъ къ пароходу и поднесшимъ его величеству рыбу.

IV.

Императоръ Александръ II на боевомъ полѣ.

Въ 1877 году, во время пребыванія императора Александра II въ дѣйствующей арміи, въ Болгаріи, однимъ изъ лицъ его свиты былъ веденъ дневникъ, впослѣдствіи напечатанный, но не поступившій въ продажу. Позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этого любопытнаго дневника, въ которомъ будущій историкъ царствованія Александра II найдетъ столько чертъ необычайной доброты, самоотверженія и твердости духа покойнаго государя.

„13-го іюля. Послѣ небольшого дождя, освѣжившаго нѣсколько атмосферу въ ночь прибытія императора въ село Бѣла, погода установилась вновь удушливо знойная, причинявшая государю большое безпокойство. И по ночамъ покой его величества тревожился постояннымъ шумомъ. По селу разражались завыванія безчисленныхъ собакъ, ржаніе лошадей и ословъ, вопли домашницъ птицъ и зловѣщіе стоны всѣмъ надоѣдавшей совы. Въ турецкихъ сельскихъ обиталищахъ ночь не вѣдаетъ безмолвія. Такимъ образомъ, къ работамъ умственнымъ и душевнымъ, присоединились безпокойство физическое. Вѣсти изъ Плевны были далеко неутѣшительны. Въ полдень прибылъ ординарецъ главнокомандующаго, артиллеріи поручикъ Андріевскій, и донесъ, что непріятель, въ числѣ, какъ полагать слѣдовало, до 40,000, занялъ у Плевны сильную позицію, на которой окапывался со всѣхъ сторонъ ретраншментами и брустверами. Достойно замѣчанія, что государь распрашивалъ его въ присутствіи своей свиты, показывая тѣмъ, что онъ желаетъ держать въ тайнѣ только распоряженія, не подлежащія для осторожности огласкѣ, но самое положеніе дѣлъ предоставляетъ общей извѣстности. Вообще, въ обычаѣ государя было обращаться съ вопросами къ юнымъ воинамъ, имѣющимъ счастіе находиться въ присутствіи его величества.

„14-го іюля. Можно сказать, что въ воздухѣ вѣяло какимъ-то тревожнымъ ожиданіемъ. Въ главной квартирѣ мелькали задумчивыя лица, шептались кружки, шли толки, что къ Плевнѣ собираются свободныя части 9 корпуса, 1 бригада 11 корпуса, и головная дивизія, приближающагося изъ Румыніи, 4 корпуса. Насчитывалось до 27,000 штыковъ, при грозной силѣ 165 орудій. Но достаточна ли была численность войска для одолѣнія искуссныхъ фортификаціонныхъ работъ? Но будутъ ли орудія имѣть возможность широко развить свой огонь? Вотъ въ чемъ заключались сомнѣнія и безпокойства. Одинъ государь, повидимому, находился совершенно покойнымъ. Во время собраній къ высочайшему столу, онъ благосклонно изволилъ слушать по прежнему неистощимо веселые и остроумные разсказы своего даровитаго и боевого генералъ-адъютанта, князя Эмиля Витгентейна-Зейнъ-Беглербурга, и продолжалъ самъ принимать участіе въ разго-

ворѣ, не переставая, впрочемъ, обращаться къ присутствующимъ съ вопросами, относящимся до военныхъ дѣйствій. Вечернія чтенія продолжались почти каждый день, при чемъ государь дѣлалъ иногда краткія замѣчанія. Такъ, напримѣръ, при выслушаніи газетной статьи, въ которой упоминалось о секретномъ союзѣ, будто бы заключенномъ между Россіей и Италіей, государь слегка наклонился и промолвилъ:

— Очень пріятно объ этомъ узнать.

„Въ другой иностранной статьѣ выражалось дерзкое ожиданіе, что русскій императоръ будетъ вынужденъ бѣжать съ своимъ босоногимъ войскомъ. При этомъ государь отозвался:

— Какъ вѣжливо!

„Наконецъ, въ двухъ другихъ статьяхъ было еще сказано, что война съ турками въ настоящее время труднѣе, чѣмъ прежде, что нынѣ Россія ведетъ войну собственно не съ турками, а съ Англіей. При этихъ двухъ статьяхъ государь отозвался:

— Правда! правда!

„18-го іюля. Этотъ день ознаменовался событіемъ, представляющимъ смыслъ особо знаменательный. Состоящіе при его величествѣ военные агенты: австрійскій—баронъ Бехтольсгеймъ и англійскій—Велеслей, внезапно выбыли изъ главной квартиры. Отъѣздъ ихъ согласовался, очевидно, съ важными дипломатическими соображеніями, и свидѣтельствовалъ, какъ благодѣтельно было присутствіе его величества въ самомъ центрѣ военныхъ дѣйствій. Каждая рѣшительная мѣра возникала, такъ сказать, наглядно изъ самой сущности обстоятельствъ, безъ проволочки времени, безъ размѣна переписокъ и телеграммъ, всегда требующихъ объясненія и ни когда не передающихъ истины въ полномъ ея свѣтѣ. Тутъ, какъ громъ за молніей, высочайшая воля могла непосредственно слѣдовать за каждымъ непредвидѣннымъ событіемъ. Другая благодѣтельная сторона высочайшаго пребыванія за Дунаемъ заключалась въ томъ, что каждая заслуга была на виду и немедленно сопровождалась наградою, что еще болѣе возбуждало усердіе, на смерть готоваго войска. Кромѣ того, государь поставилъ себѣ священною обязанностью радѣть о раненыхъ, не только въ общихъ мѣрахъ, но личнымъ вниманіемъ, личными утѣшеніями. Страдалецъ получалъ при томъ высшую награду: царское спасибо за службу царю. Послѣ рекогносцировки графа Воронцова-Дашкова, привезено было 169 человѣкъ раненыхъ въ 56-й военно-временный госпиталь, перенесенный уже изъ Павло на берегъ рѣки Янтры, у самаго входа въ село Бѣла. Лейбъ-медикъ Боткинъ присутствовалъ при пріемѣ привезенныхъ и былъ пораженъ ихъ усталымъ, страдальческимъ видомъ.

— „Я вернулся отъ этого зрѣлища, разсказывалъ нашъ знаменитый врачъ, съ тяжелымъ, печальнымъ чувствомъ. Каково же было мое удивленіе, когда черезъ нѣсколько часовъ, я снова посѣтилъ госпиталь, но уже сопровождая государя. Ни одного раненаго нельзя

было узнать. Ни одного стона, ни одного вздоха не было слышно. Всѣ лица просвѣтлѣли. Всѣ взоры одушевились радостью и благодарностью. Прострѣленные въ ноги, хотѣли держаться на ногахъ Прежнее тяжелое чувство,—прибавилъ С. П. Боткинъ, замѣнилось отраднымъ впечатлѣніемъ".

„Этимъ однимъ уже объясняется причина высочайшаго присутствія за Дунаемъ; государь знаетъ всю силу своего вліянія на свои войска. Счастливъ тотъ народъ, который умѣетъ еще любить и вѣрить. Во время своего пребыванія въ с. Бѣла, государь неоднократно посѣщалъ госпиталь и каждое его посѣщеніе было признакомъ радости и милости. Посѣщеніе 18-го іюля огорчило, однако, государя тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть раненыхъ была прострѣлена нѣсколькими пулями. Этимъ доказывалось до какой степени были часты непріятельскіе выстрѣлы и предвѣщались въ будущемъ значительныя потери въ численности людей. Съ другой стороны, сердце императора было глубоко утѣшено восторгомъ, преданностью и самоотверженіемъ воиновъ-страдальцевъ. Многимъ изувѣченнымъ государь приказалъ наколоть на рубахи знаки военнаго отличія. Награжденные крестились, плакали, цѣловали императорскія руки и полученные, священно-дорогіе имъ, кресты. Въ эту минуту душевнаго упоенія всѣ страданія были забыты. Государь былъ видимо тронутъ.

„20-го іюля. Государь вышелъ къ завтраку и обратившись къ присутствующимъ, сказалъ съ улыбкою:

— Сегодня въ Петербургѣ большая радость. Я телеграфировалъ, чтобы гвардія, кромѣ кирасиръ, немедля выступила на Дунай. Однимъ кирасирамъ горе.

„Но не только гвардія была выписана, были выписаны еще другія части изъ Польши и другихъ мѣстъ, такъ что итогъ вытребованнаго подкрѣпленія простирался до 180,000 человѣкъ. Оба плевненскія боя были собственно не пораженіями, такъ какъ они не измѣняли общаго хода дѣлъ, а поученіями, коими слѣдовало воспользоваться немедля. Но это могъ исполнить только самъ императоръ. Оставалось дожидаться исполненія новыхъ мѣръ. Между тѣмъ, нельзя было утаить, что положеніе императорской главной квартиры казалось нѣсколько опаснымъ. Изрѣдка слышалось даже, шопотомъ, о возможности второго Седана. Нѣкоторые случайные гости села Бѣла, вставая по утрамъ, смотрѣли на окружающіе холмы, ожидая видѣть на нихъ турецкія полчища. Одинъ государь оставался спокоенъ и невозмутимъ. Въ дѣйствительности, опасности не было никакой, благодаря разсчету и упорству турокъ не выходить пока изъ укрѣпленной Плевны. Кромѣ того, государя, видимо, подкрѣпляла глубокая вѣра въ волю Провидѣнія. Разсказывали, что онъ замѣтилъ одному изъ своихъ приближенныхъ:

— Два раза въ меня стрѣляли и я остался живъ. Стало быть я еще на что нибудь нуженъ.

„Но какъ ни принималъ онъ на себя личину равнодушія, какъ ни выказывалъ спокойствіе и даже веселость, нельзя было не чувствовать, что его многолюбящее сердце скорбѣло не о пораженіяхъ, которыхъ собственно не было, а о числѣ и мукахъ безцѣльно падающихъ жертвъ.

„2 августа. Путь изъ села Бѣла на Горный Студень лежитъ черезъ село Павло. Государь выѣхалъ изъ Бѣлы въ 9 часу утра, верхомъ, со всею своею свитою и обыкновеннымъ конвоемъ. Отъѣздъ былъ грустный. Погода стояла пасмурная и дождливая. Въ полдень императорскій поѣздъ прибылъ въ Павло, гдѣ и остановился на нѣкоторое время для привала и завтрака. Затѣмъ путь продолжался еще десять верстъ, по слегка волнистому пространству, мѣстами поросшему кустарникомъ. По мѣрѣ приближенія къ Горному Студеню, скрывавшемуся за кустами, мѣстность раздвигалась широкой равниной и стали показываться признаки военнаго оживленія. Новое императорское мѣстопребываніе представляло значительныя преимущества противъ прежнихъ. Оно упиралось въ тылу въ Дунай, отъ котораго отстояло въ прямомъ направленіи не болѣе, какъ на 16 верстъ. Оно находилось въ центрѣ, между Разградомъ и Плевной. Спереди оно имѣло Тырново и шибкинскую защиту. Положеніе было выжидательное и удобное для передвиженія. Мѣстность представляла огромную плоскость, перерѣзанную глубокимъ оврагомъ съ бьющимъ на днѣ и тщательно обдѣланнымъ въ камень ключемъ. Оврагъ раздѣлялъ, какъ почти вездѣ въ Болгаріи, село на двѣ половины: турецкую и болгарскую. Отъ турецкой оставались только груды камней и почернѣвшіе остовы строеній. На сторонѣ болгарской извивались въ зелени усадьбы болгаръ, бѣлѣла новая церковь, высоко поднимался флагъ надъ юртами, шатрами и избами штаба главнокомандующаго. Черезъ оврагъ, съ боку оставшихся развалинъ, подымался надъ кручей двухъ-этажный деревянный домъ, принадлежавшій зажиточному, сбѣжавшему болгарину. Тутъ предназначалось мѣстопребываніе государя. Послѣ долгаго физическаго безпокойства въ палаткѣ, государь могъ, наконецъ, отдыхать подъ твердымъ кровомъ. Но царское помѣщеніе далеко еще не оказывалось удобнымъ. Наружная лѣстница, во дворѣ, вела въ сѣни верхняго жилья. Изъ сѣней вправо располагалась комнатка министра императорскаго двора, лѣвѣе комнатка военнаго министра съ окнами, но безъ стеколъ. Прямо черезъ жилье камердинера, гдѣ помѣщалась обливная ванна, былъ проходъ въ императорскую опочивальню съ походною кроватью, съ походными столиками и нѣсколькими походными стульями. Такова была келья, предназначенная на долгіе дни отшельничества и выжиданія. Въ нижнемъ жильѣ приспособлены были отдѣленія для князя Суворова и генералъ-адъютанта Рылѣева. Таковъ былъ дворецъ. Рядомъ съ нимъ, по большой дорогѣ, питейная лачуга обращена въ телеграфную станцію. Изъ надворныхъ хозяйственныхъ зданій, амбаръ приспо-

соблень, по возможности, для пріюта генералъ-адъютантовъ Мезенцова и Воейкова и статсъ-секретаря Гамбургера. Сѣнной сарай послужилъ для канцеляріи и укрывательства нѣкоторыхъ придворныхъ чиновниковъ. На дворѣ вытянулся столовый шатеръ. Придворные экипажи и прислуга поставлены, угломъ на два фаса, вблизи палатокъ, занимаемыхъ нѣкоторыми лицами свиты. Далѣе запестрѣли лагери пѣхотнаго и двухъ кавалерійскихъ конвоевъ. Горизонтъ замыкался огромнымъ гладкимъ полемъ, весьма удобнымъ для смотровъ и маневровъ. Мѣстность, почти пустынная, преобразовалась мгновенно въ оживленное пестрое сходбище, похожее на ярморочное, гдѣ остроконечныя палатки, холщевые навѣсы, коновязи, лиственные шатры и постоянное движеніе, издали напоминали городокъ, который можно было бы назвать городкомъ долготерпѣнія. И дѣйствительно, городокъ не былъ призванъ къ ролѣ самостоятельной. Онъ назначался быть центромъ выжиданій, извѣстій, слуховъ, соображеній, приказаній, военныхъ сборищъ и неусыпной заботливости во что бы ни стало о торжественномъ окончаніи дѣла торжественно начатаго. Въ Горномъ Студенѣ не было дано сраженій, не было пролито человѣческой крови, но изо всѣхъ болгарскихъ мѣстечекъ Горный Студень получитъ въ исторіи самое блистательное значеніе, такъ какъ тутъ выработывалась судьба войны.

„3 августа. Съ этого дня возстановился порядокъ, опредѣленный какъ для отправленія дѣлъ государственныхъ, такъ и для распредѣленія ежедневной внутренней жизни; причемъ принята неизмѣнность, по возможности, установленныхъ обычаевъ. Судьба имперіи, будучи тѣсно связана съ бодростью императора; заботливость о здоровьѣ монарха принимаетъ важность первостатейную. Хотя на этотъ разъ государь и пренебрегалъ нѣсколько нѣкоторыми гигіеническими условіями,—но гигіеническій день его соображался, по возможности, съ опредѣленною программою, подъ наблюденіемъ, наукою прославленнаго, лейбъ-медика С. П. Боткина. Вставалъ государь неизмѣнно въ 8 часовъ утра и, освѣжившись обливною ванною, ходилъ прогуливаться. Затѣмъ, онъ принималъ очередные и экстренные доклады и опредѣлялъ рѣшенія. Для особыхъ милостей и въ случаяхъ чрезвычайныхъ, онъ приказывалъ прямо отъ себя. Послѣ общаго завтрака, сервированнаго неизмѣнно въ полдень, государь катался въ коляскѣ, или верхомъ, причемъ прогулка почти всегда имѣла особую пользу. Обыкновенно посѣщался лазаретъ, осматривались военныя части, обозрѣвались стратегическія мѣстности. Послѣ прогулки, государь садился за занятія. Послѣ обѣда, государь снова прогуливался въ хорошую погоду. Приэтомъ постоянно получались извѣстія съ разныхъ сторонъ, но какого свойства бы они ни были, тревожныя, печальныя, или радостныя, порядокъ дня не нарушался, и кромѣ особыхъ случаевъ, телеграммы читались вслухъ. Церковныя обязанности исполнялись съ тою же точностью. Заранѣе можно было пред-

видѣть, когда будетъ присутствованіе при литургіи, когда молебенъ, когда панихида. Въ извѣстные полковые праздники, или при осмотрѣ войскъ, заранѣе можно было опредѣлить, въ какой формѣ выйдетъ государь, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что почетъ, оказанный одной военной части, будетъ непремѣнно оказанъ и другой при равныхъ правахъ, и что государь никого не опечалитъ своимъ равнодушіемъ. Эти пріемы, эти обычаи относятся къ личной біографіи императора, но тѣмъ не менѣе они соприкасаются и его государственныхъ дѣяній по человѣчности и твердости.

„14 октября. Сегодня государь, пригласивъ въ свою коляску генералъ-адъютанта графа Адлерберга, только-что оправившагося отъ болѣзни, выѣхалъ въ Порадимъ. Вслѣдъ за нимъ потянулась и императорская главная квартира. При усиливающейся непогодѣ, сырости и грязи, главная квартира, потерпѣвшая много лишеній уже въ Горномъ Студенѣ, тревожно ожидала значительнѣйшихъ безпокойствъ въ мѣстности, еще болѣе дикой. Домикъ, предназначенный для пребыванія его величества, оказался неопрятнымъ и даже безъ стеколъ въ окнахъ; но уже на слѣдующій день по прибытіи, государь, возвращаясь изъ поѣздки въ Боготъ, нашелъ свое помѣщеніе совершенно преобразованнымъ. Стѣны его двухъ комнатъ были обиты: первая (столовая) солдатскимъ сукномъ, вторая, служившая одновременно кабинетомъ и спальнею — репсомъ. Въ окна были вставлены стекла и мѣстопребываніе его ознаменовалось даже нѣкоторою уютностью. Изъ передней былъ особый ходъ для комнатки министра двора. Князь Суворовъ помѣстился въ подвальномъ этажѣ. Для военнаго министра былъ отведенъ особый домикъ. Все это совершилось подъ руководствомъ помощника коменданта императорской главной квартиры, свиты его величества генералъ-маіора Тучкова. Затѣмъ, всѣ сопровождавшія императора лица нашли себѣ, конечно, не роскошное, но укрывающее отъ холода и непогоды помѣщеніе. Мѣстныя избы врываются на половину въ почву, въ видѣ землянокъ. Въ среднемъ помѣщеніи сложенъ очагъ между двумя холодными комнатками. Эти комнатки, мѣстный комендантъ, подпоручикъ Гальпертъ, чисто выбѣлилъ и поставилъ въ нихъ, въ связи съ очагомъ, желѣзныя печи, выписанныя изъ Турнъ-Магурелли. Въ приземистыя щели, изображавшія окна, онъ вставилъ стекла. Улицы и площадки онъ расчистилъ, изъ валявшагося камня сдѣлалъ тротуаръ, и даже придумалъ оригинальное скромное уличное освѣщеніе посредствомъ отслужившихъ телеграфныхъ столбовъ, къ которымъ онъ привязывалъ проволокою опрокинутыя бутылки съ отбитыми донышками, черезъ которыя пропускались зажженныя свѣчи. Это освѣщеніе производилось на счетъ маркитантовъ, не платившихъ никакой подати. Самъ комендантъ постоянно носился маршъ-маршемъ по улицамъ, наблюдая за порядкомъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что его рачительности многіе обязаны не только здоровьемъ, но и жизнью. Диковинною осо-

бенностью новой стоянки оказалось еще то, что она не представляла съ военной стороны никакой опасности. Того нельзя было сказать ни о Бѣлѣ, ни о Горномъ Студенѣ, хотя непріятель находился въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ. Здѣсь же, напротивъ, онъ былъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ, но двинуться болѣе не могъ. Противъ этого всѣ мѣры были приняты.

„15 октября. Государь ѣздилъ въ коляскѣ съ княземъ Суворовымъ въ Боготъ, гдѣ располагалась главная квартира главнокомандующаго. Село Боготъ отстоитъ отъ Порадима въ 16 верстахъ и, какъ почти всѣ предбалканскія болгарскія селенія, разсѣкается оврагомъ. Какъ и въ Порадимѣ, обиталища крестьянъ полу-врыты въ землю, въ видѣ разбросанныхъ землянокъ, окруженныхъ деревьями, зеленью и частоколами. При въѣздѣ въ село, влѣво по дорогѣ, стояли бивакомъ казаки, составлявшіе конвой его величества, и помѣщалось комендантское управленіе. Вправо высокоподнятый флагъ развѣвался надъ столовымъ шатромъ, юртами и палатками—его высочества. Сюда направилъ государь свое первое посѣщеніе. Тутъ лежали двое раненыхъ: оба свиты генералъ-маіоры, оба командовавшіе бригадами 2 гвардейской пѣхотной дивизіи, оба тяжело раненые подъ Горнымъ Дубнякомъ: баронъ Зедлеръ и Розенбахъ. Государь подошелъ къ ихъ страдальческому изголовью, благодарилъ и утѣшилъ милостивыми словами. Затѣмъ, у главнокомандующаго состоялся военный совѣтъ, на которомъ присутствовалъ принцъ Карлъ румынскій. На совѣтѣ было рѣшено произвести атаку на Телишъ, но только артиллерійскую, не допуская отнюдь увлеченій. Послѣ того, его величеству былъ представленъ, сдавшійся въ Горномъ Дубнякѣ, плѣнный паша, Ахметъ-Хювзи, природный болгаринъ, всѣхъ поразившій своею благовидностью. Затѣмъ государь сѣлъ на коня и, сопровождаемый свитою, посѣтилъ сначала санитарный отдѣлъ государыни цесаревны, а потомъ переѣхалъ черезъ оврагъ на ту сторону, гдѣ вытягивались ряды палатокъ и кибитокъ военнаго госпиталя. При этомъ происходила сцена глубоко-умилительная. Гвардія, такъ сказать, выдержала свой боевой экзаменъ и выдержала его со славой. Давнымъ давно не испытала она утомительныхъ походовъ и не была ни подъ огнемъ, ни въ схваткахъ безпощадныхъ. Она знала, что не дрогнетъ, но тѣмъ не менѣе недоумѣвала еще, будетъ ли достаточно достойна своего первенствующаго въ арміи значенія, которымъ она пользуется. Теперь, когда она прошла черезъ огненные крестины, сомнѣніе исчезло. Она убѣдилась, что во что бы ни стало, но товарищамъ своимъ въ мужествѣ не упуститъ. Оттого, когда государь сталъ подъѣзжать къ госпиталю, всякій, кто могъ шевелиться, приподнялся или вскочилъ на ноги, и общее чувство гордости, восторга и любви, какъ электрическій токъ, пробѣжало по толпѣ не скорбящихъ, а торжествующихъ. Никода дѣти не радуются такъ свиданію съ обожаемымъ отцомъ послѣ долгой разлуки, какъ гвардейцы обрадовались появленію императора послѣ

кровавой битвы. Мгновенно окружили они его, простирали къ нему руки, лобызали его одежду, благословляли его имя. Чающіе выздоровленія, ожидающіе смерти, легко и тяжело раненые, разразились общимъ крикомъ страдальческаго восклицанія и крупныя слезы покатились по всѣмъ лицамъ, и, видя къ себѣ такую преданность, государь самъ заплакалъ.

Почти всѣхъ офицеровъ императоръ называлъ по имени и каждаго благодарилъ по очередно. Такія сцены перомъ не описываются, но и въ памяти сердца никогда уже не изглаживаются. Подобный же восторгъ повторился и у коекъ гвардейскихъ солдатъ. Когда государь сталъ благодарить нижнихъ чиновъ за ихъ молодечество многіе изъ нихъ отвѣчали, что иначе и быть не могло при такихъ офицерахъ какъ тѣ, которые ихъ вели и всегда были впереди ихъ. Тогда государь, обернувшись къ этимъ самымъ офицерамъ, сказалъ имъ:

— Вотъ слова, которыя должны служить вамъ лучшею наградою.

„Къ общему отрадному впечатлѣнію присоединилось и то обстоятельство, что, благодаря образцовому и даже щегольскому санитарному отдѣлу государыни цесаревны, общее устройство госпиталя принимало, хотя и въ часы скорбные, видъ праздничный и нарядный. Незабвенное посѣщеніе ознаменовалось еще двумя характеристическими душевными чертами. Покушеніе на Телишъ, 12 октября, какъ извѣстно, не удалось. Одинъ молодой офицеръ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, отважился подойти къ государю и позволилъ себѣ спросить чистосердечно:

— Ваше императорское величество! когда мы шли на Телишъ,— это была демонстрація, или мы должны были взять его?

„Юношу видимо мучила мысль, что они могли не исполнить своего долга, такъ какъ Телиша не взяли. Но государь изволилъ милостиво его успокоить, сказавъ, что движеніе на Телишъ было ничто иное, какъ только демонстрація. Другой случай былъ еще трогательнѣе. Въ небольшой палаткѣ тяжело дышалъ прострѣленный молодой офицеръ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, Гинглятъ. У койки стоялъ его сослуживецъ и братъ родной, также раненый, но не такъ тяжело, разстроенный и плачущій. На вопросы государя, онъ сталъ объяснять свойство и опасность раны и еще болѣе разрыдался. Вдругъ онъ остановился, замѣтивъ, что рукавъ государя былъ перевязанъ чернымъ флеромъ по поводу кончины герцога Сергія Максиміліановича.

— Извините меня, ваше величество, промолвилъ сконфуженнымъ голосомъ молодой человѣкъ,—что я осмѣлился безпокоить васъ моимъ горемъ тогда, какъ и у васъ свое есть.

„25 и 26 октября. Въ оба означенные дни ничего особенно замѣчательнаго не происходило. Впрочемъ, ничего особеннаго и ожидать было нельзя. Выжиданіе было долею императорской главной квартиры. Только теперь выжиданіе было какъ бы самоувѣренное,

спокойное. Радостей еще не было, но не было уже скорби. Съ тѣхъ поръ какъ наступили холода, государь менѣе показывался. И далеко ли каждый день могъ онъ прогуливаться пѣшкомъ? Однакожъ, и въ ненастье выходилъ онъ иногда передъ свой домикъ, вотъ при какихъ случаяхъ. Почти каждый день приходила въ Порадимъ партія нижнихъ чиновъ, состоявшая изъ больныхъ и раненыхъ, возвращавшихся изъ госпиталей на службу. Имъ было вмѣнено въ обязанность не проходить села, не явившись къ государю. Государь выходилъ къ нимъ, благодарилъ, одобрялъ, приказывалъ угощать, иногда награжалъ подарками. Другое же развлеченіе для государя было слѣдующее: домикъ его находился на перекресткѣ и передъ его окнами слѣдовали всѣ проѣзжіе изъ плевненской окрестности и обратно. Государь могъ видѣть изъ своихъ оконъ, какъ тянулись къ нему возы подъ брезентами съ краснымъ крестомъ. Это обозначало, что эвакуировали раненыхъ на Булгарени и Систово, а тамъ ужъ за Дунай. Государь сейчасъ спускался тогда съ своего балкона, подходилъ къ повозкамъ и ни одной не пропускалъ безъ вниманія. Пишущій эти строки самъ былъ свидѣтелемъ трогательной сцены. Тащились три повозки, запряженныя волами. У повозокъ суетился фельдшеръ и скромно выступала сестра милосердія. Въ повозкахъ лежали молодые гвардейскіе офицеры, раненые подъ Горнымъ Дубнякомъ, въ томъ числѣ и братья Гинглятъ. Государь имъ обрадовался: онъ ихъ видѣлъ уже въ боготскомъ госпиталѣ и зналъ, въ чемъ состояли ихъ раны. Придворная прислуга засуетилась, принесли подносы съ подарками отъ императрицы, съ холодными яствами и чаемъ. И государь спрашивалъ заботливо, кто къ чему привыкъ, и видимо думалъ только объ одномъ, какъ угодить страждущимъ, какъ утѣшить горе переходное. Одинъ молодой человѣкъ лежалъ тутъ неподвижно, молча глядя передъ собою, и вдругъ крупная слеза скатилась съ его рѣсницы на едва пробивающіеся усы. Такія явленія повторялись безпрестанно.

„28 ноября. Государь внимательно смотрѣлъ на холмистую опрокинутую воронку плевненской панорамы, на этотъ разъ оживленной движеніями войскъ. Вдали, вправо отъ Зеленыхъ горъ и за Плевной, грохотала буря выстрѣловъ и носились волны дыма. Въ 3 часа прискакалъ къ редуту, посланный еще изъ Порадима на Гривицкія высоты за свѣдѣніями, флигель-адъютантъ графъ Милорадовичъ. Онъ донесъ, что проѣхалъ черезъ Плевну, оставленную турками, и представилъ галетку и два патрона, какъ образецъ того, что онъ нашелъ въ плевенской церкви. Пальба утихала. На редутѣ государемъ были уже получены двѣ телеграммы. Первая была печальная, объявившая, что Сибирскій гренадерскій полкъ не могъ отстоять свои траншеи и со 2 батареи 3 гренадерской бригады отбито у насъ 6 пушекъ. Но вскорѣ пришла другая депеша, объявившая, что орудія высвобождены и что къ сибирцамъ подосцѣлъ Малороссійскій гренадерскій полкъ. Государь ходилъ молча. Вдругъ, припомнивъ, что генералъ-адъютантъ

Милютинъ всегда отстаивалъ на военныхъ совѣтахъ продолженіе кампаніи и неусыпно старался о доставленіи въ Болгарію гвардейцевъ и гренадеръ, подошелъ къ военному министру и сказалъ:

— Дмитрій Алексѣевичъ! Если дѣла приняли такой хорошій оборотъ, то мы этимъ тебѣ обязаны. Я этого никогда не забуду.

„Въ три часа пріѣхалъ на редутъ свиты генералъ-маіоръ князь Витгенштейнъ и повторилъ, что Плевна опустѣла, и что за Видомъ длится упорное сраженіе. Почти въ 4 часа показался подъ скатомъ редута, скакавшій на верхъ, всадникъ. Издали онъ махалъ фуражкой, кричалъ „ура“ понукалъ измученную лошадь и снова кричалъ „ура“, мгновенно подхваченное конвоемъ и даже экипажною прислугою. Запыхавшійся гонецъ поспѣшно соскочилъ съ коня и подбѣжавъ къ государю, донесъ, что Османъ-паша сдался со всею арміею безусловно корпусному командиру Ганецкому. Выслушавъ радостное извѣстіе, государь немедленно снялъ фуражку и перекрестился. Счастливымъ вѣстникомъ былъ полковникъ Моравскій, помощникъ коменданта главной квартиры великаго князя Николая Николаевича, находившійся въ этотъ день при генералъ-лейтенантѣ Ганецкомъ. Онъ самъ видѣлъ Османа-пашу; самъ слышалъ, какъ Османъ-паша изъявилъ покорность и былъ посланъ генераломъ Ганецкимъ съ этимъ радостнымъ донесеніемъ. Государь поблагодарилъ его и поздравилъ своимъ флигель-адъютантомъ. Прискакавшему съ Моравскимъ казаку, государь пожаловалъ военный знакъ 3-й степени, такъ какъ онъ уже имѣлъ знакъ 4-й степени. Минутъ черезъ десять послѣ этого эпизода, прискакалъ, но уже оффиціально отъ главнокомандующаго, состоящій при его высочествѣ на ординарцахъ, поручикъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка Дерфельденъ. Османъ-паша и турецкая армія были дѣйствительно военно-плѣнными. Тогда государь, подозвавъ военнаго министра, объявилъ ему, что ему жалуется орденъ св. Георгія 2-й степени. Изумленный такою высокою наградою, по статуту ему, впрочемъ, слѣдовавшей, онъ снялъ фуражку, прослезился, и кинулся къ рукѣ государя, его обнимавшаго.

— Ваше величество! промолвилъ онъ съ трудомъ, я ничего не сдѣлалъ. Не жалуйте мнѣ такой награды. Я ее недостоинъ.

Но государь обнялъ его и сказалъ:

— Прими и носи. Мы здѣсь тебѣ многимъ обязаны.

„Тогда военный министръ снова хотѣлъ припасть къ рукѣ императора, который снова его обнялъ. Эта сцена была глубоко-трогательная. Новаго георгіевскаго кавалера тотчасъ же окружила императорская свита съ горячими и искренними поздравленіями. Въ 4$^{1}/_{2}$ часа государь, сходя съ бруствера, чтобы садиться въ коляску, снова обратился къ военному министру съ вопросомъ, совершенно неожиданнымъ:

— Дмитрій Алексѣевичъ! спросилъ онъ, разрѣшаешь ли ты мнѣ надѣть на саблю георгіевскій темлякъ за мое терпѣніе?

„Знаменательно, что въ это время государь вернулся въ Порадимъ и не спустился на нѣсколько шаговъ къ Плевнѣ, чтобы не затмить своимъ торжествомъ торжества его военноначальниковъ. Для своего же боеваго удовлетворенія и для личнаго самолюбія, онъ находилъ достаточнымъ простой офицерскій темлякъ. Къ шести часамъ, по рѣдко нарушаемому обычаю, государь былъ уже въ Порадимѣ. Его привѣтствовали обезумѣвшіе отъ радости клики всего сбѣжавшагося на встрѣчу населенія. Государь былъ веселъ, но спокоенъ. Ничто не нарушало заведеннаго порядка. Только долго составлялись телерамми и работалъ телеграфный станокъ. Такъ прошелъ день 28 ноября.

„2 декабря. Утромъ, когда государь вышелъ изъ опочивальни, онъ нашелъ въ своей столовой офицеровъ почетнаго конвоя. Во главѣ ихъ стоялъ флигель-адъютантъ, полковникъ фонъ-Энденъ, державшій въ рукахъ вызолоченную саблю съ надписью: „за храбрость“. Эту саблю только что получилъ начальникъ конвоя изъ Петербурга для себя. Между тѣмъ, государь, хотя и надѣлъ георгіевскій темлякъ, но сабли, темляку присвоенной, еще не имѣлъ, а достать ненадѣванную въ Порадимѣ было невозможно. На такомъ основаніи, полковникъ фонъ-Энденъ просилъ государя принять подносимую отъ конвоя саблю. Государь былъ тронутъ такимъ новымъ признакомъ задушевной преданности. Принявъ милостиво саблю, онъ изволилъ сказать:

— Благодарю васъ. Другой сабли мнѣ не надо. Я эту буду носить постоянно.

„Съ этими словами онъ изволилъ передать саблю своему камердинеру, приказавъ немедленно пристегнуть ее къ портупеѣ. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Повторяю вамъ тоже, что сказалъ вчера. Мое сердечное спасибо за вашу службу какъ въ бою, такъ и при мнѣ. Больше полгода мы пробыли вмѣстѣ. Время прошло незамѣтно. А теперь поцѣлуйте и обнимите меня всѣ.

„Затѣмъ, государь перецѣловалъ всѣхъ поочередно, тогда какъ офицеры припадали къ его рукѣ. Въ заключеніе государь присовокупилъ:

— Я посылаю васъ къ сыну, пока онъ при арміи. Воображаю какъ онъ вамъ обрадуется. До свиданія господа.

„Затѣмъ государь вышелъ на прогулку.

„Его величество оставался еще день въ Порадимѣ, чтобы снова сказать доблестнымъ войскамъ—покорителямъ Плевны, свое ласковое, милостивое, признательное слово. Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ еще разъ въ Плевну и на Видъ, гдѣ смотрѣлъ на самомъ полѣ сраженія, 28 ноября, 3 гвардейскую, 2 и 3 гренадерскія дивизіи, и часть румынскихъ войскъ. Во время объѣзда, императоръ объявилъ, что генералъ-адъютантъ князь Суворовъ назначается шефомъ полка имени

его дѣда-генералиссимуса. Затѣмъ личная дѣятельность государя въ Болгаріи оканчивалась. Другія заботы призывали его на сѣверъ, въ столицу. Императорская главная квартира поднялась и тронулась по направленію на Зимницу.

ЦАРЕУБІЙСТВО 1-го МАРТА.

Ровно двадцать лѣтъ назадъ, въ первыхъ числахъ марта, на Руси впервые раздалось слово свободы разомъ двадцати тремъ милліонамъ людей. Царскій указъ о волѣ въ нѣсколько дней облетѣлъ по лицу всей Земли Русской—отъ Нѣмана до Урала, отъ береговъ Бѣлаго до Чернаго моря. Переходя изъ устъ въ уста, онъ проникъ во всѣ роскошныя и скромныя жилища, проникъ на чердаки и въ подвалы, освѣщая радостью сердце каждаго русскаго, такою радостью, о которой не смѣли и думать отцы и дѣды наши. Въ лѣтописяхъ Россіи не было болѣе свѣтлыхъ, болѣе христіанскихъ дней. Виновникомъ этого истинно христіанскаго торжества и подвига, которымъ будетъ вѣчно гордиться Россія и человѣчество, было только одно имя, имя Александра II-го.

Въ немъ, въ этомъ имени — свобода 23 милліоновъ людей! Оно однимъ разомъ потопило во мракѣ безвозвратнаго прошлаго крѣпостной трудъ со всѣми его дикими спутниками. Оно открыло врата свободной жизни будущимъ милліонамъ поколѣній. Оно раздѣлило исторію Россіи на двѣ половины...

Но прошло 20 лѣтъ. Только-что мартъ наступилъ. И вдругъ 1 числа, послѣ полудня, разнеслась по столицѣ потрясающая вѣсть: Александръ II палъ жертвою злодѣйскаго замысла. Въ первую минуту съ трудомъ вѣрили въ дѣйствительность такой ужасающей вѣсти. Скоро, однако, пришлось горько сознать, что страшное преступленіе совершилось, совершилось среди бѣлаго дня, на людномъ мѣстѣ столицы, при адски убійственной обстановкѣ. Вотъ что стало извѣстно въ Петербургѣ въ первыя же минуты, и что подтвердилось вполнѣ дальнѣйшими подробностями, объ ужасномъ событіи.

I.

Исполненіе злодѣйскаго замысла.

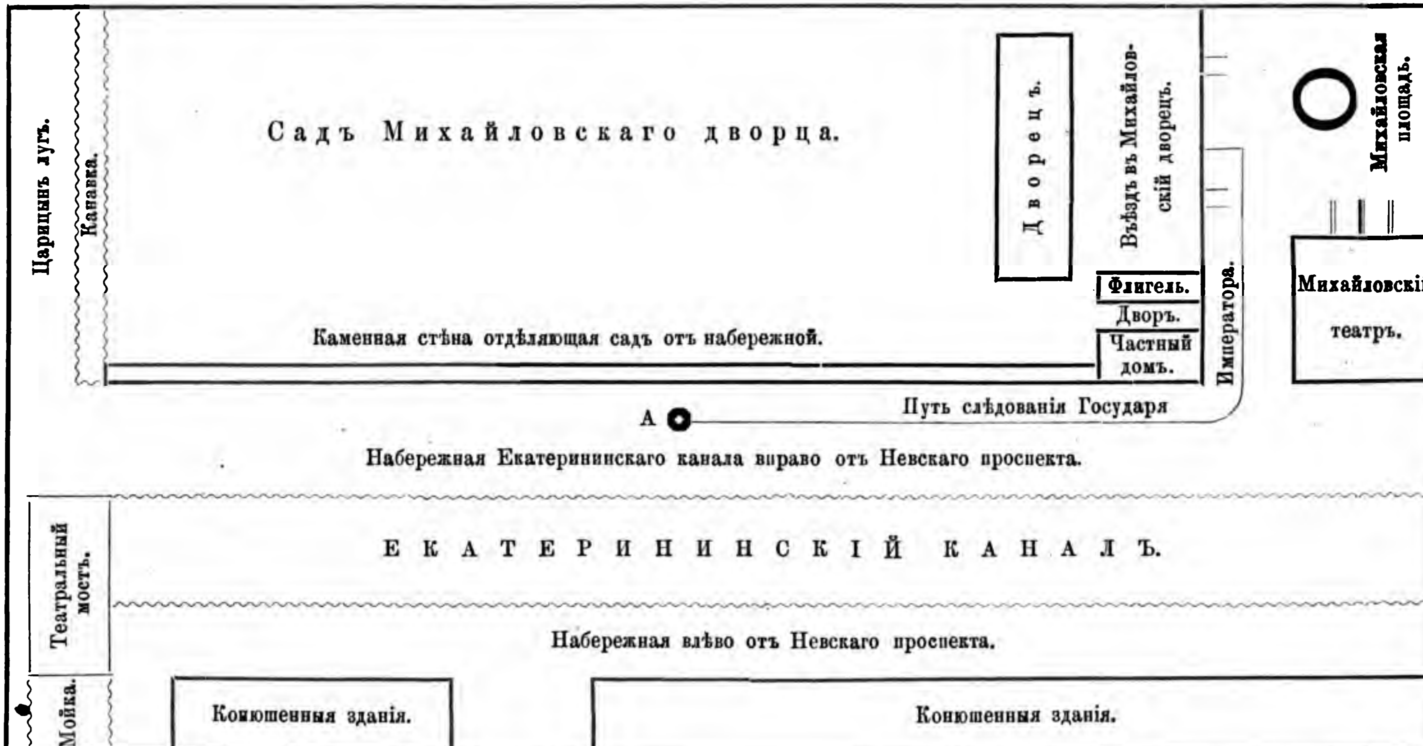
Послѣ обычнаго воскреснаго развода въ Михайловскомъ манежѣ, Государь, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, отправился во дворецъ великой княгини Екатерины Михаиловны. Оттуда Онъ приказалъ кучеру ѣхать въ Зимній дворецъ. Карета прослѣдовала по Инженерной улицѣ, миновала Михайловскій театръ, и свернула направо по набережной Екатерининскаго канала. Шесть человѣкъ конвойныхъ сопровождали Государя. Позади въ саняхъ ѣхалъ полиціймейстеръ, полковникъ Дворжицкій. Путь лежалъ по узкой улицѣ, образуемой садомъ великой княгини, который огороженъ каменнымъ заборомъ въ ростъ человѣка, и рѣшеткой Екатерининскаго канала. По улицѣ кое-гдѣ шли и стояли нѣсколько человѣкъ. Экипажъ Государя не доѣхалъ еще до такъ называемаго Театральнаго моста, какъ раздался страшно оглушительный взрывъ (см. планъ). Поднялось довольно густое облако бѣлаго дыма. Карета тотчасъ же остановилась. Народъ бросился къ мѣсту взрыва и глазамъ зрителей представилось убійственное зрѣлище. Слышались отчаянные вопли и крики. Дорога вся была изрыта и завалена грудой забрызганныхъ кровью обломковъ экипажа и израненными тѣлами. Казакъ, ѣхавшій по лѣвую сторону кареты, свалился какъ снопъ на землю, близь тротуара набережной Екатерининскаго канала. Другой казакъ, сидѣвшій на козлахъ возлѣ кучера, склонился въ изнеможеніи, судорожно хватаясь за козлы. На самомъ тротуарѣ, шагахъ въ тридцати позади, бился и стоналъ 14-лѣтній мальчикъ съ страшно обезображеннымъ лицомъ и зіяющею раною на вискѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоялъ, отвалившись на перила канавы, изнемогая, офицеръ, тоже раненый. Государь былъ еще невредимъ. Его Величество получилъ легкія пораненія на лицѣ отъ разбившихся стеколъ кареты и въ ноги отъ мелкихъ щепокъ ящика, находящагося внутри кареты подъ сидѣніемъ. Кучеръ Его, Фролъ, получившій контузію, чуя бѣду, обернулся къ Государю съ словами: „Поѣдемте, Государь!“ Полиціймейстеръ Дворжицкій, скакавшій сзади, выскочилъ изъ саней и подбѣжавъ къ каретѣ также просилъ Государя ѣхать скорѣе. Въ экипажѣ еще можно было ѣхать; онъ имѣлъ такой видъ: стекла, за исключеніемъ фонарей, разбиты; передняя часть не пострадала отъ взрыва, повреждена лишь задняя. Внутри, поврежденія были незначительны, подушки цѣлы, на нихъ виднѣлись слѣды крови. Изъ этого можно заключить, что снарядъ преступника не попалъ въ цѣль, вслѣдствіе быстрой ѣзды и описанныя поврежденія были результатомъ сильнаго сотрясенія. Если бы Государь согласился безотлагательно уѣхать, то, можетъ быть, остался бы живъ. Но Онъ вышелъ изъ кареты и направился къ раненымъ, сказавъ: „Хочу

видѣть раненыхъ". Въ это же время толпа успѣла остановить преступника. Государь приблизился къ нему, спросилъ его фамилію, потомъ не успѣлъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ произошло нѣчто необычайное. Раздался новый ударъ, сильнѣе перваго. Масса дыма, снѣга и клочьевъ платья, закрыла все на нѣсколько секундъ. Крикъ ужаса раздался кругомъ. Послышался стонъ: „помогите". Это палъ Государь. Онъ лежалъ на землѣ, и, опираясь на руку, видимо старался приподняться... Ноги Его ниже колѣнъ были раздроблены, кровь лилась изъ ранъ. Не вдалекѣ отъ Государя лежалъ въ агоніи плотный мужчина съ бородой, съ окровавленной головой, съ разбитыми ногами. Это былъ злодѣй, бросившій второй роковой метательный снарядъ. На помощь къ Государю кинулись нѣсколько человѣкъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ тутъ же, г. Новиковъ, разсказываетъ въ „Новомъ Времени" слѣдующее объ этомъ страшномъ моментѣ:

Государь лежалъ недвижимъ. Подошли матросы флотскаго экипажа, и съ ихъ помощью г. Новиковъ поднялъ Государя, обхвативъ правою рукою по таліи и лѣвою по груди; матросы поддерживали ноги, не выпуская изъ рукъ ружей, съ которыми они шли. Такъ прошли нѣсколько шаговъ. Государь сказалъ два слова: „Холодно, холодно", и старался поднять руку ко лбу, на которомъ была кровь. Г. Новиковъ, поддерживая Государя на одной рукѣ, сталъ другою доставать платокъ изъ кармана, чтобы обвязать имъ голову Государя. Въ это самое время подъѣхалъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. „Саша, какъ ты себя чувствуешь?" сказалъ онъ, наклоняясь къ лицу Государя. Что сказалъ Государь въ отвѣтъ—трудно было разслышать, но онъ что-то сказалъ. Ни одного стона не вырвалось у него изъ груди. Великій князь велѣлъ матросамъ бросить ружья и, снявъ съ кого-то фуражку, надѣлъ ее на голову Государя. Его понесли дальше. Народъ собирался со всѣхъ сторонъ. Многіе падали на колѣни, крестились, кланялись до земли, плакали навзрыдъ...

Не на чѣмъ было вести страдальца. Лошади полковника Дворжицкаго, въ испугѣ отъ выстрѣла, бросились къ Театральному мосту, и штабсъ-капитанъ кадроваго баталіона Франкъ побѣжалъ за ними. Возлѣ стояли извозчичьи сани, но на нихъ трудно было положить раненаго. Г. Новиковъ обратился къ великому князю съ просьбой—разрѣшить внести Государя въ домъ, находившійся тотчасъ за мостомъ, чтобы сдѣлать перевязку. Государь очевидно не терялъ сознанія при страшныхъ страданіяхъ: услышавъ эту фразу, онъ произнесъ внятно: „Несите во дворецъ. Тамъ умереть..." и еще что-то, что трудно было разобрать. Эти слова были послѣднимъ усиліемъ страдальца. Онъ сомкнулъ уста, закрылъ глаза и не произнесъ болѣе ни слова... Были поданы сани полковника Дворжицкаго, въ которыя и уложили Государя, накинувъ на Него офицерское пальто въ суматохѣ воротникомъ въ ноги. Спиной къ кучеру сталъ въ саняхъ на колѣни командиръ терскаго эскадрона, ротмистръ Кулебякинъ, поддерживая

Планъ мѣстности, гдѣ 1-го марта смертельно раненъ Государь Императоръ.

A — мѣсто взрыва.

лѣвою рукой ноги Государя, а правою за спину. Съ лѣвой стороны, стоя на полозѣ саней, поддерживали Государя казаки, Люценко и Кузьменко, оба раненые, но сравнительно легко. Сзади стоялъ рядовой одного изъ кирасирскихъ полковъ, поддерживая голову Государя. Такимъ образомъ двинулся печальный поѣздъ, имѣя по бокамъ и впереди уцѣлѣвшихъ казаковъ, сидѣвшихъ уже на своихъ коняхъ. По мѣрѣ приближенія къ Зимнему дворцу—ѣхали чрезъ Театральный мостъ, по Аптекарскому переулку и по Большой Милліонной,—взглядъ Государя тускнѣлъ, силы его ослабѣвали, и потому ротмистръ Кулебякинъ велѣлъ гнать лошадей.

Государь терялъ сознаніе отъ потери крови, которая сочилась изъ оборванныхъ мускуловъ обѣихъ голеней. Эти мускулы составляли единственную связь между стопою и колѣнами обѣихъ ногъ, ибо кости голеней были раздроблены и вышиблены взрывомъ. Народъ бѣжалъ вслѣдъ за санями по набережной Мойки, черезъ Конюшенный мостъ, въ Мошковъ переулокъ, по Милліонной. Слышались крики, со всѣхъ сторонъ суетились, останавливались, распрашивали, недоумѣвая, плача и творя крестное знаменіе.

Государя внесли во дворецъ на рукахъ ротмистъ Кулебякинъ и великій князь Михаилъ Николаевичъ при помощи конвойныхъ. Такъ пронесли Его до самаго кабинета...

Доктора Круглевскій и Маркусъ явились первыми и произвели немедленно прижатіе бедренныхъ артерій. Докторъ Дворяшинъ, врачъ 4-го стрѣлковаго баталіона Императорской фамиліи, находившійся случайно въ зданіи окружнаго штаба и услышавъ крики „Государь раненъ“, бросился во дворецъ и въ дверяхъ кабинета Его Величества встрѣтилъ доктора Круглевскаго. „Скорѣе привозите ампутаціонный и резекціонный наборъ“, сказалъ ему Круглевскій. Дворяшинъ бросился за инструментами въ квартиру Круглевскаго и чрезъ пять минутъ былъ обратно во дворцѣ. Лейбъ-медикъ Боткинъ былъ уже при Его Величествѣ и съ величайшимъ вниманіемъ производилъ выслушиваніе ударовъ сердца. Онъ засталъ Государя уже совершенно обезкровленнымъ: пульса не было, сердечныхъ сокращеній не слышно, грудная клѣтка въ нижнихъ своихъ частяхъ уже не работала, замѣчались только дыхательныя движенія въ верхнихъ доляхъ, слышны были крупно-пузырчатые хрипы. Изъ привезеннаго набора, каучуковый бинтъ немедленно былъ наложенъ на правую ногу выше колѣна, причемъ доктора старались сохранить всю оставшуюся на оборванныхъ частяхъ тѣла кровь и отдалить ее по направленію къ сердцу. Затѣмъ наложенъ былъ каучуковый жгутъ. Бинтъ снятъ, чтобы повторить ту же операцію на лѣвой ногѣ, дабы уэкономить кровь для питанія мозга. Рѣшено было наложить бинтъ на правую руку. Когда Дворяшинъ снялъ окровавленную перчатку съ правой руки Государя, оказалось, что на рукѣ было нѣсколько кровавыхъ подтековъ съ обжогомъ. Обручальное кольцо было совершенно сплюснуто спереди. Произведено

было бинтованіе. Боткинъ сказалъ, что сердечные тоны становятся яснѣе и появилось глотательное движеніе. Дыханіе стало глубже. Государь пріоткрылъ нѣсколько глаза, и подъ вліяніемъ впрыскиванія сѣрнокислымъ эѳиромъ и водой со льдомъ, при накачиваніи изъ баллона кислорода, дыханіе стало возстанавливаться. Этимъ моментомъ воспользовался духовникъ, протопресвитеръ Бажановъ, и пріобщилъ Его Величество Св. Таинъ. Сцена была въ высшей степени трогательная и умилительная. Казалось, надежды воскресли. Помчались въ Конюшенный госпиталь за снарядомъ для переливанія крови.

Громадная масса народа, собравшаяся вскорѣ передъ Зимнимъ дворцомъ, все еще думала, что слухи преувеличены, и всѣ надѣялись, что дорогая жизнь сохранится для Россіи. Надъ дворцомъ все еще развѣвался императорскій штандартъ—признакъ того, что Государь еще живъ... Но судьба судила иначе. Боткинъ сталъ замѣчать постепенное ослабленіе сердечныхъ тоновъ. Дыханіе сдѣлалось поверхностнымъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже и рѣже. По словамъ самого Боткина, прежде всего прекратилась дѣятельность діафрагмы, затѣмъ грудной глотки, только шейные мышцы еще слабо работали, потомъ и онѣ перестали; только надгортанный хрящъ производилъ 2—3 дыхательныхъ движенія въ минуту. Въ 3 часа 35 минутъ дыханіе совсѣмъ замерло... Штандартъ тихо опустился до половины флагштока. Это означало, что Государь скончался. Лучшій изъ царей отошелъ въ вѣчность, какъ жертва искупительная за свой народъ и за Россію. Возможно ли? Да, это все правда, ужасная кровавая правда!.. Онъ Своею кровью купилъ свободу русскаго народа...

Тѣмъ временемъ, на мѣстѣ взрыва происходило слѣдующее: какъ только тронулись сани, отвозившія Государя, задержаннаго преступника, бросившаго первый разрывной снарядъ и назвавшагося мѣщаниномъ Грязновымъ, повели къ градоначальнику. Его держали четверо. Одинъ изъ этихъ четверыхъ, фельдшеръ, разсказываетъ объ этомъ въ „Новомъ Времени“ слѣдующимъ образомъ: „Вели мы его посрединѣ улицы, такъ какъ и у рѣшетки канала, и у стѣны Михайловскаго сада, было страшное смятеніе. Еще съ момента, когда Государя усаживали въ сани, публика въ разныхъ мѣстахъ стала на кого-то накидываться, кого-то бить, и разъ кто кого ударитъ, то на него же накидывались другіе и били его; такимъ образомъ, пока мы шли къ мосту, видѣли кучки три-четыре народа, гдѣ падалъ одинъ битый, на него падали бившіе его, а тѣхъ въ свою очередь били вновь подбѣгавшіе. Съ самаго начала нашего движенія кто-то ударилъ преступника въ животъ, тутъ мы стали его охранять, но подбѣгавшіе изъ публики все-таки подскакивали и ударяли его по спинѣ“.

Когда привезли преступника къ градоначальнику, послѣ обыска и осмотра, произведено было дознаніе. Онъ и тутъ назвался сначала Грязновымъ, а потомъ признался, что его фамилія Рысаковъ. Пре-

ступникъ показалъ, между прочимъ, что за недѣлю до 1-го марта онъ видѣлся съ товарищами, которые ему объяснили, что черезъ недѣлю, въ воскресенье, онъ долженъ будетъ стрѣлять въ Государя; онъ зналъ также, что для той же цѣли будутъ назначены еще другіе, но кто—это ему не было извѣстно. 1 марта, около часу, онъ прошелъ по набережной Екатерининскаго канала и по ожидающимъ городовымъ увидѣлъ, что еще рано, ходить же по набережной побоялся, а потому перешелъ Театральный мостъ и пошелъ вокругъ Круглаго рынка. Тутъ ему встрѣтилась молодая дѣвица, красивая и прилично одѣтая, которая его знала и которую онъ также знаетъ въ лицо, но фамиліи ея не знаетъ. Дѣвица эта передала ему узелокъ, сказавъ, что онъ долженъ будетъ бросить его, отчего послѣдуетъ сильный взрывъ, но не сказала, что находится въ узелкѣ, такъ что онъ не зналъ, стеклянный ли, или какой другой сосудъ, въ немъ и чѣмъ онъ наполненъ. (Дѣвицу эту удалось арестовать черезъ нѣсколько дней. Она оказалась Софьею Перовскою, и была соучастницей Гартмана въ подготовленіи миннаго подкопа въ Москвѣ 19-го ноября 1879 года). Получивъ узелокъ, преступникъ подождалъ еще нѣкоторое время у Круглаго рынка и затѣмъ тихо пошелъ на набережную канала. На Театральномъ мосту стояли тѣ же околоточные и городовые, почему преступникъ, не желая имъ показываться, поднялъ воротникъ пальто, а когда прошелъ мостъ, то снова опустилъ его и пошелъ тихо. Увидѣвъ приближающійся царскій экипажъ, онъ пріостановился и когда послѣдній поровнялся съ нимъ, злодѣй бросилъ подъ него снарядъ.

II.

Мѣсто и орудіе злодѣянія.

Только часъ спустя послѣ катастрофы, пришелъ взводъ павловцевъ и оцѣпилъ мѣсто, ставшее отнынѣ историческимъ и священнымъ въ народной памяти. На мѣстѣ перваго взрыва образовалась ямка въ 40 дюймовъ въ діаметрѣ, глубиною на снѣгу—8 дюймовъ. Она находится въ 11 шагахъ отъ каменнаго забора сада великой княгини Екатерины Михайловны и въ 9 шагахъ отъ рѣшетки набережной. Въ ямкѣ найдены кусокъ пробки, кусокъ краснаго сургуча, два кусочка жести, золотой браслетъ съ женскимъ медальономъ. Вокругъ ямки были разбросаны клочки волосъ, куски матеріи и щепки дерева отъ экипажа, стекла отъ кареты. Въ 15 шагахъ отъ этой ямки, по направленію къ театральному мостику — мѣсто второго взрыва; здѣсь, на пространствѣ 30 шаговъ, разбросаны были клочки сукна и разной матеріи, и въ сторонѣ у забора, сложены вещи пострадавшихъ. Въ числѣ этихъ вещей, слѣдующія оказались принадлежащими покойному Государю: а) фуражка инженернаго вѣдомства на ватной, шелковой, сѣраго цвѣта подкладкѣ, безъ кокарды,

козырька и части околыша; б) верхняя часть военной инженернаго вѣдомства шинели съ бобровымъ воротникомъ и лацканами, нижняя часть шинели изорвана въ клочки; подъ воротникомъ, съ лѣвой стороны, оторванъ клапанъ; в) кусокъ серебряной портупеи; г) два батистовые платка съ мѣтками А. Н.: на одномъ буквы вышиты рядомъ, на другомъ — одна на другой, на-крестъ; д) части кожи отъ раздробленнаго сапога. Сверхъ того, тутъ же, въ кучѣ, находились: башлыкъ, куски дерева и матеріи отъ кареты. Въ двухъ мѣстахъ— большіе слѣды крови.

По разслѣдованіи, оказалось, что разрывной снарядъ, послужившій орудіемъ злодѣянія 1 марта имѣетъ слѣдующее устройство. Главнѣйшую составную часть его составляетъ такъ называемый гремучій студень, состоящій изъ раствора 10 частей пироксилина (хлопчато-букажный порохъ, получающійся отъ обработыванія хлопчатой бумаги въ смѣси дымящейся азотной и крѣпкой сѣрной кислоты) въ 90 частяхъ нитроглицерина (маслообразной, сильно ядовитой жидкости, получаемой отъ дѣйствія на глицеринъ азотной кислоты). Гремучій студень, составляющій полупрозрачную вязкую массу, похожую на обыкновенный студень, при зажиганіи обыкновенно сгораетъ совершенно тихо безъ взрыва. Онъ, какъ и многіе другіе нитроглицериновые препараты, обладаетъ способностью передавать взрывъ на разстояніе, т. е. если въ присутствіи части гремучаго студня будетъ произведенъ взрывъ другой его части, то и первая взорветъ, хотя бы онѣ и не прикасались между собою, причемъ каждый фунтъ способенъ передать взрывъ на разстояніи одного фута. Прибавка къ обыкновенному студню 4% камфоры сильно измѣняетъ его свойства. Гремучій студень съ камфорой не взрываетъ отъ гремучій ртути, не взрываетъ также отъ сотрясенія, произведеннаго взрывомъ студня, находящагося по сосѣдству, и вообще болѣе безопасенъ при обращеніи. Чтобы его взорвать, нужно сообщить огонь посредствомъ обыкновеннаго гремучаго студня, или же просто помощью пироксилина, напитаннаго нитроглицериномъ.

Всѣ эти свойства были отлично изучены тѣми, которые рѣшились примѣнить ихъ къ снаряду, употребленному для выполненія преступнаго замысла: Они взяли гремучій студень съ камфорою, а для доставленія ему свойства взрыва—пироксилинъ, напитанный нитроглицериномъ. Для воспламененія послѣдняго была употреблена гремучая ртуть, огонь для которой долженъ былъ сообщиться стапиномъ, напитаннымъ бертолетовой солью и антимоніемъ. Для сообщенія гремучей ртути огня воспользовались свойствомъ сѣрной кислоты воспламенять смѣсь бертолетовой соли съ антимоніемъ.

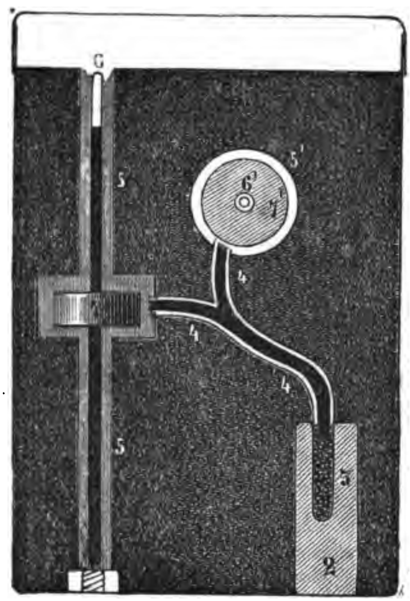
Чтобы достигнуть этой цѣли, сѣрную кислоту помѣстили въ запаянную стеклянную трубочку, которая разбивалась отъ удара объ нее груза во время паденія снаряда на то мѣсто, гдѣ долженъ произойти взрывъ.

Согласно изложеннымъ условiямъ, снарядъ состоялъ изъ жестяного корпуса съ крышкой, внутри котораго помѣщался гремучiй студень съ камфорой, изображенный на прилагаемомъ рисункѣ пунктиромъ.

Сообщенiе огня въ снарядѣ было устроено слѣдующимъ образомъ: къ дну снаряду припаяна гайка, въ которую ввинчивалась трубка (5), латунная, состоявшая изъ двухъ частей: верхней и нижней; верхняя часть заходитъ за нижнюю; трубка имѣла по серединѣ уширенiе и верхнимъ концомъ укрѣплялась въ задержкѣ, жестяной планочкѣ, припаянной къ бокамъ жестянки. Въ эту латунную трубку вставлялась стеклянная трубочка (6), наполненная сѣрной кислотой и запаянная съ обоихъ концовъ; на серединѣ трубочки надѣтъ грузикъ

Разрывной снарядъ.

$\frac{1}{2}$

(7), который и помѣщался въ уширенiи латунной трубки; внутренняя поверхность послѣдней была спудрена смѣсью антимонiя и бертолетовой соли; въ отверстiе, имѣвшееся въ уширенiи латунной трубки, вставленъ стапинъ (4), напитанный бертолетовой солью и антимонiемъ; стапинъ для защиты отъ внѣшнихъ влiянiй помѣщенъ въ гутаперчевой трубочкѣ. Точно такого же устройства трубка (6′ и 7′) была помѣщена перпендикулярно къ оси цилиндра; стапинъ отъ послѣдней сращивался съ первымъ и затѣмъ шелъ общимъ наколомъ къ капсюлю, поставленному на дно жестянки. Капсюль состоялъ изъ

широкой трубки (2), въ которую помѣщена маленькая латунная гильза, и былъ вмазанъ стапинъ; пространство между внѣшними стѣнками капсюля и внутренной стѣнкой широкой гильзы наполнено пироксилиномъ, напитаннымъ нитроглицериномъ. При паденіи снаряда на землю, грузикъ (7) ломалъ стеклянную трубочку (6), сѣрная кислота обливала смѣсь бертолетовой соли и антимонія, отъ чего послѣдняя загоралась, огонь по стапину (4) шелъ къ капсюлю (3), воспламенялъ гремучую ртуть, послѣдняя передавала взрывъ пироксилину, напитанному нитроглицериномъ (2), а этотъ студню, которымъ было наполнено все остальное пространство большой жестянки. Вторая трубка (6′ и 7′), расположенная перпендикулярно оси, назначалась на случай если бы снарядъ упалъ дномъ; тогда грузикъ могъ бы только скользнуть но первой трубкѣ, но за то вторая въ этомъ случаѣ должна разбиться. Общій вѣсъ снаряда 6 ф., высота 7½ дюймовъ.

III.

Размѣры злодѣйскаго замысла.

Какъ теперь уже выяснено, адскій замыселъ совершить цареубійство былъ задуманъ съ чрезвычайной осмотрительностью. Въ распоряженіи злодѣевъ была цѣлая фабрика снарядовъ, петардъ, динамита. Заранѣе сдѣланъ былъ уговоръ размѣстить убійцъ вдоль всей дороги, по которой долженъ былъ слѣдовать Государь, такъ что если бы Онъ остался невредимъ отъ второго снаряда, Его ожидалъ бы третій и т. д. Почти наканунѣ печальной катастрофы, были арестованы двое важныхъ дѣятелей революціонной партіи, участіе которыхъ въ цареубійствѣ въ настоящее время вполнѣ подтвердилось. Одинъ изъ нихъ Тригоня, слывшій въ средѣ своихъ единомышленниковъ „милордомъ", а другой оказался государственнымъ преступникомъ Андреемъ Желябовымъ, которому еще раньше принадлежало главное участіе въ прокладкѣ минъ и въ подкопахъ на лозово-севастопольской желѣзной дорогѣ, въ Александровскѣ, Екатеринославской губерніи, съ цѣлью цареубійства. Затѣмъ, вслѣдствіе указаній, добытыхъ первоначальнымъ дознаніемъ по дѣлу о взрывѣ перваго марта, въ одномъ изъ домовъ Телѣжной улицы, въ квартирѣ именовавшаго себя Ѳесенко, въ ночь на 3 марта, удалось открыть адскую лабораторію анархистовъ и цѣлое депо разрывныхъ снарядовъ. Самъ владѣлецъ квартиры (его настоящее имя Николай Саблинъ) успѣлъ застрѣлиться, но его сожительница Гессе Гельфманъ арестована. Отсюда-то и получили метательные снаряды Рысаковъ, и другой злоумышленникъ, бросившій вторую бомбу, который оказался прощеннымъ не такъ давно государственнымъ преступникомъ по Чигиринскому дѣлу Стефановичемъ. Въ этой же квартирѣ арестованъ

пришедшій туда, поутру 3-го марта, Тимофей Михайловъ, сопричастный къ приготовительнымъ дѣйствіямъ къ преступленію 1-го марта. По бумагамъ, у него найденнымъ, усмотрѣны были указанія на какія-то приспособленія по Екатерининскому каналу и Малой Садовой улицѣ. По этой послѣдней улицѣ покойный Государь часто проѣзжалъ въ манежъ и на ней обнаруженъ былъ 5-го марта артистически заготовленный взрывъ.

Работа, по словамъ спеціалистовъ, оказалась тутъ чрезвычайно сложная, требовавшая знаній, упорства дьявольскаго и чрезвычайной осторожности. Все, что нужно для подобной работы, все было въ распоряженіи злоумышленника. Онъ запасся даже хорошимъ респираторомъ, чтобы свободнѣе дышать въ своемъ подземельѣ, гдѣ заложена была мина подъ упомянутой улицей. Мина эта подведена изъ дома Менгдена изъ находящейся въ подвальномъ этажѣ лавки Кобозева, торговавшаго сыромъ. Мнимый торговецъ отдѣлалъ на свой счетъ весьма прилично грязное подвальное помѣщеніе, снятое имъ за дорогую цѣну. Бѣлыя глянцевыя обои и панель подъ ясень, маскировавшая въ тоже время подкопъ, турецкій полосатый диванъ, орѣховый, предъ диванный столъ, шкафъ подъ воскъ, обильная кухонная утварь, желѣзная кровать съ хорошимъ матрасомъ, чистенькія стойки, прилавки, образа въ комнатахъ, печатные адресы склада русскихъ сыровъ Кобозева—все это придавало лавочкѣ такой веселый видъ, все это обнаруживало такую порядочность, говорило въ пользу привычки къ домашней осѣдлой жизни квартирантовъ, что устраняло всякое подозрѣніе на счетъ политической неблагонадежности Кобозевыхъ. Если слѣдили и подозрѣвали, то не хозяевъ, а молодыхъ людей, навѣщавшихъ сырный складъ. Кобозевъ, затѣявъ свое адское дѣло, въ формальномъ отношеніи былъ весьма остороженъ. Когда въ началѣ февраля истекъ срокъ паспорта, онъ озаботился замѣной его новымъ, который былъ прописанъ полиціей за нѣсколько дней до катастрофы.

Дворники дома Менгдена, за недѣлю до открытія подкопа, начали замѣчать, что жена содержателя сливочной лавки приходила нѣсколько разъ во 2-мъ часу ночи, при чемъ даже шутливо обращалась къ дежурному дворнику: „Не говори, молъ, мужу что такъ поздно шляюсь". Сопоставляя поздній приходъ ея домой съ тѣмъ обстоятельствомъ, что она куритъ папиросы, дворники относили это къ легкому ея поведенію. Однажды старшій дворникъ заявилъ даже мужу ея: „Что это у тебя жена ужъ больно отъ рукъ отбилась? и куритъ, и поздно домой ходитъ; крестьянской бабѣ это совсѣмъ ужъ несподручно". На что Кобозевъ отвѣтилъ: „Ничего съ распутною бабой не подѣлаешь, отъ рукъ совсѣмъ отбилась, сколько ужъ я ее дулъ за это самое". Подозрѣніе Кобозевъ навлекъ на себя слѣдующимъ: почти рядомъ съ его сливочною лавкой, названною имъ русскою сыроварней, находился большой французскій складъ сыровъ, въ кото-

ромъ также продавались молочные скопы. Торговля, вслѣдствіе нахожденія послѣдней лавки ближе къ Невскому, была въ лавкѣ Кобозева очень тихая. Кобозева часто разспрашивали дворники: „Съ чего вамъ торговлю вести, когда вонъ рядомъ какъ торгуютъ; у васъ же тишь да гладь".—„Да надо что нибудь дѣлать", отвѣчалъ Кобозевъ: „полтинникъ въ день прибыли, и то дѣло". 27-го февраля дворники дома Менгдена задались цѣлью прослѣдить, сколько покупателей будетъ въ этотъ день въ лавкѣ. Тщательно слѣдя, дворники насчитали въ цѣлый день только трехъ покупателей, выходившихъ изъ лавки съ мелкими покупками. Въ 12 часу ночи, когда Кобозевъ началъ запирать лавку, дворникъ его спрашиваетъ: „Ну что какъ торговля сегодня была?"—„Слава Богу", отвѣтилъ Кобозевъ, „рублей на 25 продалъ". Послѣднее обстоятельство—намѣренное преувеличеніе доходовъ, подало дворникамъ еще болѣе повода подозрѣвать Кобозева и его жену.

Наконецъ, полиція рѣшила осмотрѣть лавку, но, въ виду отсутствія явныхъ уликъ, обличавшихъ неблагонадежность владѣльца, городскому технику было поручено сдѣлать это, подъ предлогомъ удостовѣренія нѣтъ ли въ лавкѣ сырости. Осмотръ техника не подтвердилъ подозрѣній полиціи. Кобозевъ весьма радушно съ виду принялъ техника, увѣрялъ его, что въ помѣщеніи лавки и квартиры нѣтъ сырости, водилъ его по всѣмъ угламъ помѣщенія, причемъ самъ свѣтилъ ему свѣчкой, въ то время когда жена его стояла за выручкой и прехладнокровно перекладывала масло изъ одной кадушки въ другую. По уходѣ техника, Кобозевъ, чтобы не навести на себя еще болѣе подозрѣній, выдержалъ характеръ до конца, и заперъ лавку по обыкновенію въ 12 часу ночи; затѣмъ уже на утро лавка не отворялась.

Только роковая катастрофа повела къ обнаруженію истины.

Въ то утро, когда Кобозевы исчезли изъ лавки, пришла баба за покупкою и пробовала отворить дверь. Дверь казалось запертою, но она была просто плотно притворена; дверь была новая. Когда ее отворили послѣ нѣсколькихъ усилій, но безъ взлома, то оказались уже несомнѣнные признаки чего-то необыкновеннаго: рубль, положенный для кошатника за мясо для кота въ лавкѣ, оставленный паспортъ, разбросанныя вещи. Тогда уже позвали полицію и дали знать судебному слѣдователю.

Слѣдователь, когда явился на мѣсто, тотчасъ замѣтилъ, что дѣло неладное, хотя все было снаружи гладко: стѣны чисто обклеены, сыры стоятъ въ невозмутимомъ спокойствіи и ждутъ не слѣдователя, а покупателя.

Почему слѣдователь сейчасъ обратилъ вниманіе на эти фальшивыя стѣны, на деревянную обшивку, которая на простой глазъ не могла возбуждать никакого подозрѣнія, — это уже, очевидно, было просто дѣломъ инстинкта, опытности, пріобрѣтенной массою уголовныхъ производствъ. Увидавъ въ одномъ мѣстѣ, близь второго окна

отъ двери, слегка поврежденные обои, онъ велѣлъ сорвать ихъ и отодрать обшивку; но ему здѣсь, позади, представилась только простая каменная стѣна, съ маленькимъ выступомъ; ничего больше. Однако, онъ не удовлетворился. Пощупалъ здѣсь и тамъ, и, наконецъ, замѣтилъ, что у подоконника второго окна, планка, прикрывавшая сверху обшивку, подается рукѣ, движется.

Тогда онъ снялъ ее и велѣлъ отодрать обшивку въ этомъ мѣстѣ. Оказалось, что подался цѣлый деревянный щитъ, а позади его и было, пробитое въ фундаментѣ, неправильной формы круглое отверстіе, забитое войлокомъ. Затѣмъ, все уже объяснилось: подкопъ сталъ очевиденъ, и нечего было искать въ другихъ мѣстахъ. Войлокъ вынули и нашли галлерею мины, идущую на 4 сажени отъ отверстія, подъ улицу, примѣрно до половины послѣдней.

Послѣ этого, обшивка была отодрана или раскрыта сверху въ другихъ мѣстахъ. Подъ подмостками, на которыхъ расположены были сыры, вдоль стѣны, позади выручки, отодранная досчатая обшивка обнаружила массу земли, плотно набитой сюда. Рядомъ было еще пустое пространство, въ которое можно было набить столько же земли. Затѣмъ оказалось, что земля была помѣщена во всякое мѣсто, куда ее можно было упрятать: въ небольшіе ящики, въ двѣ огромныя бочки, стоявшія въ самой лавкѣ, въ маленькій турецкій диванъ, въ кульки, и еще навалена въ одной изъ кладовыхъ, въ надворной части квартиры, гдѣ была прикрыта рогожами, сѣномъ и каменнымъ углемъ.

Въ самой лавкѣ не представилось ничего замѣчательнаго, кромѣ слѣдовъ лома подъ окномъ, рядомъ съ входною съ улицы дверью. Но почему-то злоумышленники отказались отъ дерзкой мысли весть мину тутъ же изъ самой лавки, и перенесли свои дѣйствія подъ окно сосѣдней жилой комнаты. Эта жилая комната вовсе не комфортабельная; сырая, холодная, отапливалась только маленькой чугункой. Какъ въ лавкѣ былъ обыкновенный образъ въ металлической ризѣ, такъ здѣсь висѣли въ одномъ кіотѣ образа Спасителя и Божіей Матери, съ вѣнчальными перевитыми свѣчами, вставленными за стекла,— такіе образа, которыми благословляютъ новобрачныхъ. Жили мужъ съ женой и имѣли надлежащіе не только паспортъ, но и образа. Въ этой жилой комнатѣ стояли и диванчикъ, наполненный землей, и кровать, а рядомъ съ нею — заплеснѣвшій, небольшой самоваръ и новый чемоданъ съ разными неинтересными предметами. Для чего валили землю въ диванъ — непонятно даже, такъ какъ въ лавкѣ, повторяемъ, было припасено подъ подмостками еще очень большое пустое мѣсто для помѣщенія земли.

Въ диванѣ, сверху земли, положены большой буравъ съ діаметромъ въ 10 дюймовъ и еще маленькій буравъ. Земля, по мѣрѣ откапыванія въ минѣ, насыпалась въ холщевой мѣшокъ, который вносился въ галлерею пустымъ, а оттуда наполненный вытаскивался за привязанную къ нему веревку, которой конецъ оставлялся въ комнатѣ.

Не безъ труда могъ влѣзать и вылѣзать самъ человѣкъ, рывшій землю, и долженъ былъ вылѣзать ногами впередъ, упираясь руками, такъ какъ галлерея очень узка; по всей вѣроятности, платье его при этомъ задѣвалось и заворачивалось. Наружное отверстіе кажется немного болѣе $^1/_2$ аршина въ поперечникѣ и изъ него галлерея идетъ сперва нѣсколько внизъ и вбокъ налѣво.

Длина галлереи, отъ отверстія до конца мины, повторяемъ, 4 сажени, и это пространство вмѣщало 109 куб. футовъ земли. При измѣреніи количества земли, найденной въ квартирѣ, оказалось совершенно подходящее, равное количество. Такимъ образомъ, надо признать, что земля изъ квартиры вовсе не вывозилась и не выносилась, но вся оставалась въ ней.

Въ лавкѣ стояла маленькая конторка и въ ней разноцвѣтные (желтые и красные) билеты съ надписью: „Складъ русскихъ сыровъ Кобозева. Уголъ Невск. и Малой Садовой, 56—8"; затѣмъ—почтовая бумага и конверты, слишкомъ порядочные для лавочки. Въ жилой комнатѣ, на столѣ—календарь въ брошюрѣ, съ портретами Августѣйшей фамиліи на оберткѣ. Сыра въ лавкѣ находилось не болѣе какъ рублей на 50, а за квартиру платили 100 р. въ мѣсяцъ.

Разслѣдованіе мины обнаружило, что она достигала какъ разъ средины улицы, т. е. имѣла около 15 шаговъ длины, тогда какъ вся Малая Садовая, вмѣстѣ съ тротуарами, имѣетъ 29 шаговъ ширины, изъ нихъ около 8 приходится на тротуары. Начало подземной галлереи (по плану мины буква Ж) имѣетъ видъ овальнаго пролома въ бутовой кладкѣ фундамента, съ краями неправильными, а дальше тянется узкій проходъ, вершковъ въ 10 въ діаметрѣ, неправильной формы, въ двухъ или трехъ мѣстахъ подпертый деревянными досками. По дну этого прохода, или этой галлереи, идутъ двѣ телеграфныя проволоки и рукоятка землянаго бурава. Въ разстояніи одной сажени отъ начала галлереи уже начинается забивка горна (мѣсто, гдѣ лежитъ зарядъ) изъ той же земли, такъ что со стороны лавки проникнуть въ самый горнъ трудно и опасно. Вырывая мину, злоумышленникъ наткнулся на отводную трубу, выводящую грязную воду; труба эта мѣшала ему продолжать; тогда онъ ее пересѣкъ, т. е. перепилилъ, хотя при этомъ могло произойти затопленіе самой лавочки. Но онъ, очевидно, сообразилъ, что зимою трубы такого рода не наполняются во всю ихъ высоту, а потому онъ пересѣкъ трубу въ верхней ея части, а черезъ самый водостокъ настлалъ доски, по которымъ и были проложены проводники и защищены войлокомъ. По мнѣнію спеціалистовъ, мина все-таки ведена буравомъ. Для уясненія читателямъ, откуда была ведена мина изъ лавки Кобозева, помѣщаемъ планъ мины, планъ квартиры, изъ которой она ведена, и разрѣзъ миннаго подкопа.

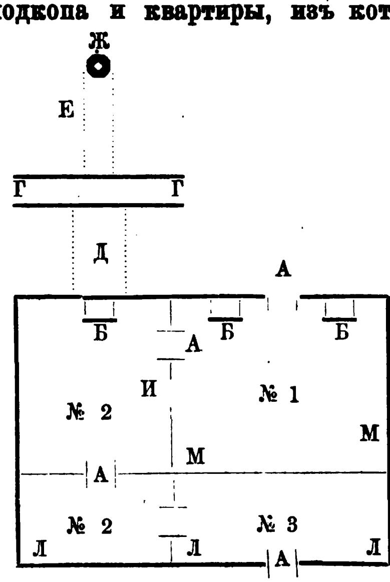
Но всего ужаснѣе—зарядъ горна. Онъ былъ составленъ изъ двухъ независимыхъ частей. Главная представляла торпедо, имѣющее цилиндрическую форму: 22 дюйма длиною и 8 дюймовъ въ попереч-

Планъ мины.

А—мѣсто, гдѣ стояли 4 элемента гальванической батареи. Б—мѣсто, гдѣ стояли 2 банки, одна съ черной, другая съ бѣлой жидкостями. В—прилавокъ. Г—лѣстница и входъ съ тротуара въ сырную лавку. Д — окно, подъ которымъ шла галлерея. Е—мѣсто откуда былъ вынутъ зарядъ. Ж—галлерея мины.

Планъ миннаго подкопа и квартиры, изъ которой ведена мина.

№ 1—лавка. № 2—жилое помѣщеніе. № 3—кладовыя. А—двери. Б—окна. И—диванъ набитый землей. Л—кучи земли. М—бочки съ землею. Д—галлерея. — Г водосточная труба. Е—минный рукавъ. Ж—горнъ.

Разрѣзъ минного подкопа.

А—окно. Б — отверстіе въ стѣнѣ для входа въ галлерею. В — стѣна дома графини Менгденъ, в—деревянная маскировка. Г—срубъ водосточной трубы. Д—галлерея. Е—минный рукавъ сдѣланный буравомъ. Ж—зарядъ мины (горнъ).

никѣ. Вѣсъ его поэтому опредѣляется въ 2 пуда (приблизительно). Въ крышкѣ, присмоленной къ этому цилиндру, проходили проводники, наружные концы которыхъ при началѣ задѣланы въ резиновыхъ трубкахъ и также осмолены. Весь цилиндръ для чего-то перевязанъ бичевкою. Вторая часть заряда состояла изъ высокой стеклянной банки, въ которой находилось только взрывчатое вещество и не было запаловъ. Вѣсъ ея опредѣляется въ 30 фунтовъ, такъ что вѣсъ всего заложеннаго заряда слѣдуетъ считать равнымъ $2^1/_2$ пудамъ. Зарядъ динамита такого вѣса, будучи заложенъ на 4 фута подъ мостовой улицы, имѣетъ сферу разрушенія діаметромъ въ 7 саж., и такъ какъ тотъ же подкопъ показываетъ, какъ плохи фундаменты и какъ слаба кладка стѣнъ въ близь лежащихъ домахъ противъ мѣста заряда, то весьма вѣроятно, что отъ взрыва его обвалились бы и наружныя стѣны этихъ домовъ. 17-го марта, профессоромъ Н. П. Федоровымъ былъ произведенъ опытъ взрыва динамита, заключавшагося въ минѣ, найденной на Малой Садовой улицѣ. Для опыта взято было полфунта динамита, заключеннаго въ бумажную гильзу, куда былъ вставленъ гальваническій запалъ. Проволоки гальваническаго запала были соединены съ проводниками, идущими въ химическую лабораторію артиллерійской академіи, гдѣ и были соединены съ спиралью Румкорфа, а послѣдніе съ гальваническою батареею изъ четырехъ элементовъ Бунзена. Зарядъ динамита былъ привязанъ къ четырехъ-фунтовой чугунной гранатѣ и находился отъ зданія лабораторіи примѣрно сажень на десять. По принятіи необходимыхъ предосторожностей, была приведена въ дѣйствіе машина Румкорфа — произошелъ взрывъ подобно пушечному выстрѣлу, отъ котораго снарядъ (четырехъ-фунтовая чугунная граната) разбился на мѣстѣ съ небольшимъ разлетомъ на мелкіе куски, величиною съ грецкій орѣхъ и менѣе; одни изъ осколковъ зарылись тутъ же въ снѣгъ, другіе — отлетѣли на нѣкоторое разстояніе. Если полфунта сказаннаго состава

производитъ столь страшное дѣйствіе, то можно судить, каковы же должны быть послѣдствія отъ взрыва двухъ пудовъ динамита, находившагося въ минѣ на Малой Садовой улицѣ?!

Особеннаго удивленія нашихъ химиковъ заслужило устройство запаловъ, составляющихъ по своему совершенству послѣднее слово смертоносной науки. Взрывчатое вещество, находившееся въ минѣ, состоитъ изъ такъ называемаго угольнаго (чернаго) динамита (динамитъ особаго сильнаго дѣйствія), который приготовляется насыщеніемъ угольнаго сахара нитроглицериномъ. Однако, и этотъ видъ динамита въ случаяхъ, когда онъ замерзаетъ, можетъ не взорваться даже отъ гремучей ртути. Эта случайность, которая могла помѣшать взрыву, была предвидѣна преступниками. Они устроили такой запалъ, отъ котораго загорается даже мерзлый динамитъ. Запалъ этотъ состоитъ изъ пироксилина (хлопчато-бумажнаго пороха), насыщеннаго нитроглицериномъ (причемъ получается такъ называемый гремучій студень), и вотъ гремучая ртуть, положенная въ мину запала, должна сначала воспламенить этотъ гремучій студень, а отъ этого взрыва даже и мерзлый динамитъ загорается со взрывомъ.

Какъ и при устройствѣ мины подъ Москвой 19 ноября, и тутъ, конечно, дѣло рукъ не одного человѣка.

Такимъ образомъ, злоумышленники работали свою ужасную работу одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы вѣрнѣе совершить страшное злодѣяніе, повергнувшее Россію въ глубокую, неизгладимую скорбь.

ЗАГРАНИЧНАЯ ПЕЧАТЬ О ЦАРЕУБІЙСТВѢ 1 МАРТА.

Печальная вѣсть о преступленіи, жертвою котораго палъ русскій Царь, вездѣ, во всемъ цивилизованномъ мірѣ, возбудила одинаковыя чувства ужаса, негодованія и глубочайшей скорби о покойномъ Государѣ. Эта вѣсть оставила за собою всѣ другія политическія событія и сосредоточила на себѣ исключительное вниманіе всѣхъ общественныхъ слоевъ, всѣхъ политическихъ партій. Къ первымъ телеграммамъ, полученнымъ въ политическихъ центрахъ Европы, отнеслись даже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ,—до такой степени извѣстіе о цареубійствѣ 1 Марта представлялось поразительнымъ, неправдоподобнымъ и невозможнымъ.

Но ужасающія подробности катастрофы не заставили себя ждать. Какъ только онѣ стали извѣстны съ положительностью, устранявшею всякія сомнѣнія, вездѣ, во всѣхъ столицахъ европейскихъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, были выражены искреннія соболѣзнованія къ Россіи и ея монарху и омерзеніе къ самому преступленію, отовсюду государи, правительства и парламенты, послали въ Петербургъ сочувственные адресы. Главнѣйшія проявленія общественной симпатіи къ нашему царскому дому и къ Россіи, въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Римѣ и Вашингтонѣ, читателямъ уже извѣстны изъ газетъ.

Вотъ общая картина парламентскихъ манифестацій по поводу злодѣянія 1 Марта. Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ не только выразилъ свое глубокое сожалѣніе объ утратѣ, какую понесла Россія, но и заклеймилъ своимъ отвращеніемъ теорію политическихъ убійствъ. Законодательное собраніе Нью-Іоркскаго штата высказалось въ томъ же смыслѣ, упомянувъ о заслугахъ Государя и сравнивъ его мученическую смерть со смертью Линкольна, а это въ устахъ американца составляетъ величайшую дань хвалы и симпатіи, какую только можетъ онъ воздать иностранцу. Французская палата депутатовъ и сенатъ

закрыли засѣданіе по полученіи извѣстія о печальной катастрофѣ. То же сдѣлала и аѳинская палата депутатовъ. Англійскій парламентъ, удерживаемый своимъ уставомъ отъ демонстраціи, тождественной съ манифестаціей французскихъ палатъ, избралъ самую яркую и самую почетную форму заявленій, въ немъ допускаемую. Обѣ палаты поднесли королевѣ адресы, выражающіе ихъ „скорбь и ужасъ по поводу событія 1 Марта“. Въ обѣихъ палатахъ предводители консервативной оппозиціи поддерживали предложенія вождей правительственной партіи. Манифестація германскаго парламента имѣла нѣсколько иную форму. Представительное собраніе имперіи, рейхстагъ, обратилось къ императору, соболѣзнуя о потерѣ, которую понесъ онъ съ кончиною его вѣнчаннаго племянника. Бельгійская палата, швейцарскій союзный совѣтъ, сербская скупштина, и болгарское народное собраніе, то же отнеслись горячо къ событію 1 Марта, выразивъ свое соболѣзнованіе русскому народу. Короче сказать, по сердечнымъ и теплымъ словамъ, какія вездѣ посвящались памяти покойнаго Императора, видно было, что сколько бы у Россіи ни было противниковъ, въ удивленіи къ Александру II и почитаніи Его, сходились всѣ. Эта мысль, ясно выступающая во всѣхъ сужденіяхъ иностранной печати о Государѣ, съ особенною полнотою и рельефностью развита въ слѣдующей рѣчи, произнесенной Гладстономъ въ палатѣ общинъ:

„Каковы бы ни были господствующіе въ великой русской имперіи порядки, сколько бы поводовъ они не подавали къ жалобамъ на несовершенства человѣческихъ учрежденій—вина за нихъ никоимъ образомъ не можетъ падать на императора Александра II-го. Недостатки, если они были, были получены Имъ въ наслѣдіе отъ прежнихъ временъ. Вся Его жизнь была посвящена заботамъ объ усовершенствованіи этого наслѣдія въ пользу Его подданныхъ и всего человѣчества. Не лесть и не естественное чувство соболѣзнованія побуждаютъ меня увѣренно заявить, что, нѣтъ сомнѣнія, царствованіе императора Александра II-го будетъ всегда признаваться славнымъ и замѣчательнымъ царствованіемъ какъ въ исторіи Россіи, такъ и въ исторіи Европы и христіанской цивилизаціи. Онъ взошелъ на престолъ въ минуту, когда Россія была поглощена кровавою борьбою съ тремя державами, двѣ изъ которыхъ принадлежали къ самымъ могущественнымъ въ мірѣ государствамъ, и Онъ выпуталъ ее изъ этой борьбы съ тою быстротою и съ тою честью, какихъ только могли желать самые вѣрноподданные граждане Его страны. Ему суждено было, на закатѣ многолѣтняго царствованія, видѣть Россію снова ввергнутою въ великую и ужасную борьбу; но эта великая и опасная война была, по крайней мѣрѣ, въ Его глазахъ, равно какъ и въ глазахъ многихъ, раздѣлявшихъ Его глубокое убѣжденіе, облагорожена сознаніемъ, что она—война изъ-за долга, война за освобожденіе. Но оставимъ въ сторонѣ соображенія о мирѣ и войнѣ—соображенія, которыя всегда возбуждаютъ въ насъ смѣшанныя чувства,

и спросимъ себя самихъ: представляетъ ли новѣйшая исторія царствованіе болѣе славное, болѣе замѣчательное столь великими законодательными реформами, нежели царствованіе императора Александра II-го? Можетъ быть, никто изъ насъ не знакомъ вполнѣ съ великими дѣяніями почившаго императора—я, по крайней мѣрѣ, не претендую на точное и подробное знакомство съ ними—но одного перечня названій только немногихъ изъ этихъ дѣяній достаточно, чтобъ убѣдиться, что своимъ осуществленіемъ онѣ обязаны не только чувству долга и христіанскаго человѣколюбія, но и просвѣщенному уму и могущественной волѣ. На долю Александра II-го выпала счастливая задача мирнымъ путемъ произвести одну изъ величайшихъ въ лѣтописяхъ цивилизаціи реформъ—даровать гражданскую и соціальную свободу болѣе чѣмъ двадцати милліонамъ человѣческихъ существъ. На Его долю выпало счастье учредить въ Россіи систему мѣстнаго самоуправленія, которое, какъ таковое, по моему мнѣнію, вполнѣ свободно, независимо и популярно. Судьба, опять-таки, позволила Ему ввести въ Россіи учрежденіе, которое мы съ гордостью считаемъ продуктомъ нашей исторіи—судъ присяжныхъ. И это не единственныя дѣянія, дающія Ему право на благопріятный приговоръ просвѣщеннаго историка. Мнѣ нѣтъ надобности входить въ подробное перечисленіе всѣхъ славныхъ дѣяній почившаго императора. Я хотѣлъ только указать на нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся реформы, и страшно, дѣйствительно, подумать, что такому человѣку судьба уготовала такой конецъ. Безъ сомнѣнія, воля Провидѣнія выше человѣческаго пониманія, и мы должны только вѣрить, что она направлена ко всему мудрому и всему благому. Русскій народъ, а съ нимъ и весь міръ, будутъ всегда произносить имя Александра II-го съ любовью и удивленіемъ".

Въ такомъ же смыслѣ отозвались о заслугахъ Государя и всѣ важнѣйшіе органы общественнаго мнѣнія въ Европѣ, безъ различія партій, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ анархистскихъ газетъ. Мы приведемъ лишь отзывы наиболѣе вліятельныхъ представителей европейской политической прессы. Берлинская „Norddeutsche Allgemeine Zeitung", органъ князя Бисмарка, замѣчаетъ: „Никогда еще монархъ такой необыкновенной сердечной доброты и человѣколюбія не занималъ россійскаго престола; никогда настоятельное сердечное желаніе подарить своему народу вмѣстѣ съ благороднѣйшими благами человѣчества, благоденствіе и миръ, не осуществлялись въ русскомъ самодержцѣ такъ живо и съ такимъ самопожертвованіемъ, какъ въ императорѣ Александрѣ II, и никогда еще государь не былъ цѣлью такой лютой вражды, такой неискоренимой, адской кровожадности, какъ этотъ мученикъ своего высокаго положенія".

Берлинская министерская „Provinzial-Correspondenz" также посвятила статью кончинѣ императора Александра II-го. Въ ней сказано между прочимъ: „Въ правленіе императора Александра II-го между

Пруссіей, Германіей и Россіей существовало мирное, дружественное согласіе. Отношеніе это было основой, на которой могла установиться дружба между Германіей и Австріей послѣ великихъ событій шестидесятыхъ годовъ, а слѣдовательно, и союзъ трехъ императоровъ. Долго союзъ трехъ императоровъ составлялъ ядро успокоенія и опорный пунктъ общей европейской политики. Императоръ Александръ и въ этомъ отношеніи съумѣлъ противостоять бродившимъ въ населеніи революціоннымъ силамъ, старавшимся отвлекать Его отъ этой политики, и не давать имъ преслѣдовать свои стремленія. Да будетъ дано точно также и преемнику Его, вступающему на тронъ Его праотцовъ подъ именемъ Императора Александра III-го, съ прочнымъ успѣхомъ противодѣйствовать необузданнымъ силамъ, желающимъ повести Россію по путямъ приключеній; но и да удастся Ему также сгрупировать вокругъ себя добрыя силы націи для огражденія Россіи отъ опасностей, угрожающихъ ей внутри! Германія сохранитъ о въ Бозѣ почившемъ благородномъ Государѣ сердечную, почтительную память; она привѣтствуетъ Сына Его, нынѣшняго Императора, съ искреннею увѣренностью, что и Онъ будетъ твердо держаться традицій своихъ предковъ и цѣнить по достоинству значеніе серьезной дружбы съ Германіей".

Вѣнскія газеты съ неменьшей теплотой отнеслись къ скорби русскаго народа, причемъ славянская печать единодушно выразила убѣжденіе, чѣмъ внѣшнее могущество Россіи тѣснѣе связано съ ея внутреннимъ ростомъ, и чѣмъ сильнѣе она будетъ внутри, тѣмъ больше симпатій заграничные славяне будутъ питать къ Россіи и тѣмъ легче станетъ вообще участь славянъ всѣхъ странъ и княжествъ. — Изъ итальянскихъ органовъ, которые съ особеннымъ соболѣзнованіемъ отозвались о катастрофѣ 1 Марта, миланскій журналъ „Il Secolo" помѣстилъ на первой страницѣ портретъ почившаго императора, передовую статью объ убійствѣ и подробную біографію русскаго монарха. Въ передовой статьѣ, высказавъ негодованіе противъ убіенія, подъ какимъ бы предлогомъ не совершалось оно, журналъ выражаетъ мысль, что человѣчество не достигнетъ прогресса, пока уваженіе къ человѣческой жизни не сдѣлается основнымъ принципомъ въ убѣжденіяхъ общества, не войдетъ въ законъ, въ нравы, въ сознаніе каждаго отдѣльнаго члена общества.

Также и вся швейцарская печать отнеслась съ негодованіемъ къ петербургскому злодѣянію. Но въ порицаніяхъ цареубійства и въ нравственной оцѣнкѣ событія 1 Марта, наибольшую энергію выказали республиканскія газеты Франціи.

По словамъ „République Française", исторія воздастъ справедливость и хвалу характеру и личнымъ качествамъ Александра II, который связалъ свое имя съ освобожденіемъ крестьянъ, который дѣлалъ всегда личныя усилія, чтобъ смягчить вредныя послѣдствія пороковъ предшествовавшаго организма и который упрочилъ заграницею

вліяніе Россіи, управленіе которою онъ принялъ послѣ серьезныхъ испытаній.

Другой республиканскій органъ „Journal des Débats" оцѣниваетъ заслуги покойнаго Государя въ такихъ выраженіяхъ: „Дѣло Александра II-го составляетъ теперь достояніе исторіи; оно можетъ резюмироваться въ нѣсколькихъ строкахъ. Онъ упрочилъ гегемонію славянскаго міра, восторжествовалъ надъ послѣдними сопротивленіями Польши, Онъ слѣдовалъ по направленію къ Черному морю, по пути, начертанному Петромъ Великимъ и Екатериною II, Онъ укрѣпилъ русское владычество въ сердцѣ Средней Азіи, наконецъ, Онъ освободилъ русскихъ крестьянъ отъ рабства. Такія заслуги упрочиваютъ за памятью Александра II-го особое мѣсто въ ряду потомковъ Михаила Романова. Онъ принялъ отъ своего родителя тяжкое бремя. Онъ несъ его съ честью, и если предчувствовалъ ожидавшую его прискорбную кончину, то могъ, по крайней мѣрѣ, утѣшаться тѣмъ, что Его дѣло переживетъ Его, вопреки убійцамъ".

Возмущеніе общественнаго мнѣнія противъ виновниковъ покушенія—по словамъ „Temps"—вызвано не однѣми только узами дружбы, существующими между Франціей и русскимъ правительствомъ. Оно опредѣляется соображеніемъ болѣе высокаго разряда и представляющимъ болѣе общій интересъ.

„Давно уже во Франціи сложилось во всѣхъ умахъ убѣжденіе, что политическое убійство не только не достигаетъ, но направляется прямо противъ цѣли, которой предполагаютъ достигнуть его виновники. Свобода завоевывается въ томъ случаѣ, когда людей приходятъ къ убѣжденіямъ въ ея выгодахъ, когда за нею обезпечиваютъ, путемъ обсужденія и въ случаѣ надобности личными преданностями, возростающее съ каждымъ днемъ число приверженцевъ; убійство же никогда никого не убѣждало. Вотъ почему слѣдуетъ ожидать, что совершенное преступленіе можетъ быть эксплоатируемо въ пользу антилиберальныхъ идей. Ничто, конечно, не можетъ быть менѣе основательнымъ. Великій споръ между принципомъ власти и принципомъ свободы, между образами правленія, которые служатъ выраженіемъ того или другого изъ этихъ принциповъ, не имѣетъ ничего общаго съ прискорбнымъ событіемъ. Нигилистическое движеніе, весьма ограниченное, впрочемъ, даже въ той странѣ, гдѣ оно родилось и, повидимому, держится, не находится ни въ какой связи съ дѣйствіемъ политическихъ партій въ Европѣ. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою спеціальный, или, если можно такъ выразиться, паталогическій фактъ, свойственный народу, въ которомъ, въ виду его географическихъ условій, пространства его территоріи, различія его климатовъ и преданій, недавняго усвоенія имъ себѣ идей, обращающихся въ средѣ западныхъ націй, встрѣчается самая утонченная цивилизація и духъ дикаря. Изъ столкновенія и противопостановленія этихъ двухъ элементовъ рождается исключительный порядокъ, нѣчто въ родѣ болѣзненнаго состоянія,

однимъ изъ симптомовъ и продуктовъ котораго является нигилизмъ. Убіеніе императора Александра совершенное такъ неожиданно, представило новое свидѣтельство такого состоянія; но какъ ни прискорбно это событіе, оно ничего не доказываетъ ни противъ свободы, ни противъ демократіи, и только нѣчто еще большее, чѣмъ недобросовѣстность, могло бы сдѣлать изъ этого аргументъ противъ либеральныхъ принциповъ, клонящихся все къ большему и большему преобладанію въ Европѣ и неимѣющихъ ничего общаго съ тѣми пріемами убійства, столь преступное примѣненіе которыхъ сдѣлано теперь въ Россіи".

Но происки соціально-революціонной партіи повсемѣстны. О нихъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, тѣ привѣтствія и поздравленія съ успѣшно оконченной миссіей, какія раздались въ ликующихъ органахъ анархистской печати всѣхъ странъ по адресу русскихъ нигилистовъ. Это обстоятельство и послужило поводомъ къ тому, чтобы разобрать ближайшія причины появленія и распространенія нигилизма въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлить, въ какой связи стоятъ русскіе нигилисты къ международнымъ революціонерамъ.

„Удивительнымъ представляется—говоритъ по этому поводу „Kölnische Zeitung"—что почти во всѣхъ странахъ существуетъ партія, которая высказываетъ симпатіи нигилистамъ и открыто одобряетъ ихъ дѣянія. Извѣстно уже по телеграммамъ, какъ относятся къ злодѣянію представители нигилистически-соціалистскихъ стремленій въ Лондонѣ и Женевѣ, съ какимъ торжествомъ говоритъ объ этомъ Рошфоръ и его присные въ своихъ органахъ, какъ поздравляли другъ друга съ успѣхомъ русскіе нигилисты, проживающіе въ Парижѣ, когда пришла печальная вѣсть изъ Петербурга. Извѣстно также, что въ Америкѣ соціалисты всѣхъ націй, между ними и нѣмцы, послали братскій привѣтъ своимъ русскимъ друзьямъ за океаномъ. Этимъ единствомъ соціально-революціонныхъ кружковъ отмѣчается новый моментъ въ исторіи покушеній. До сихъ поръ выступали въ роли политическихъ убійцъ только отдѣльныя личности, весьма ограниченные, по численности, кружки. А теперь мы видимъ не только распространенными повсюду разрушительныя идеи, но и тѣсную солидарность между всѣми элементами, которые открыто выступаютъ за своихъ единомышленниковъ, подвергаютъ свою жизнь даже опасности. Этимъ широкимъ распространеніемъ коммунистическихъ идей объясняются огромныя средства и успѣхъ русскихъ нигилистовъ не менѣе, чѣмъ и упорствомъ и презрѣніемъ къ смерти самихъ заговорщиковъ. Длинный рядъ нигилистическихъ заговоровъ, въ послѣдніе три года, вызываетъ удивленіе какъ относительно средствъ, которыми располагаютъ соціалисты, такъ относительно большого числа лицъ, добровольно идущихъ на вѣрную смерть. Немногимъ изъ этихъ послѣднихъ было чуждо сознаніе, что „жизнь Государя въ рукахъ того, кто пожелалъ бы отречься отъ собственной своей жизни", и

Россіи пришлось представить доказательства тому, что такихъ лицъ въ ней оказалось множество. Сколько ихъ, во время арестовъ, пускали себѣ пулю въ лобъ, или принимали ядъ! И, однакожъ, это личное самопожертвованіе не было бы въ состояніи нанести потрясеніе государству, не располагай они обильными средствами со стороны. Во всѣхъ политическихъ процессахъ выдвигался все тотъ же образъ: огромное число людей жило съ большимъ или меньшимъ комфортомъ, не заработавъ въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ ни одного пфеннига, они одѣвались хорошо, предпринимали поѣздки, чтобы присутствовать на собраніяхъ, или подготовлять заговоры, они узнавали государственныя тайны, добываніе которыхъ стоило имъ большихъ денегъ. А самыя покушенія, во что они имъ обходились! Чтобы убить генерала Мезенцова, они должны были купить экипажъ, въ которомъ спасались отъ преслѣдованія; Дрентельна преслѣдовалъ нигилистъ на конѣ, въ Москвѣ былъ пріобрѣтенъ цѣлый домъ для совершенія покушенія съ царскимъ поѣздомъ, и теперь на покушеніе 1-го Марта затрачено не мало нигилистами. Затѣмъ нельзя не отмѣтить и слѣдующаго факта. Въ первое время распространенія нигилизма, его представители еще пользовались кинжаломъ и револьверомъ. Но съ теченіемъ времени они завели свои лабораторіи, въ которыхъ изготовляли яды и взрывчатые снаряды, примѣнили къ дѣлу все инженерное искусство и недоставало только имъ устроить свои телеграфныя проволоки, что, впрочемъ, если бы и было въ дѣйствительности, не особенно бы удивило въ виду всего ими достигнутаго. Просто немыслимо допускать, чтобы для всѣхъ этихъ предпріятій необходимыя денежныя средства доставлялись русскими нигилистами, ибо, какъ константировано было не разъ, это—люди болѣзненные и большею частью наполнявшіе ряды нигилизма вслѣдствіе нужды. Откуда же тогда средства у нихъ? Едва ли иначе можно объяснить это, какъ тѣмъ, что такія средства, по крайней мѣрѣ частью, русскимъ нигилистамъ доставлялись изъ заграничныхъ революціонныхъ кружковъ, которые насчитываютъ въ своихъ рядахъ даже очень богатыхъ сочленовъ, и что эти послѣдніе давали деньги, а русскіе отдавали въ распоряженіе свою шкуру. Что и въ покушеніи на жизнь Государя участвовали заграничные друзья русскихъ нигилистовъ—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Развѣ не похваляется теперь открыто одинъ изъ женевскихъ нигилистовъ въ парижскомъ органѣ, что ему въ точности было извѣстно, какъ подготовлялось послѣднее покушеніе. Рядомъ съ этимъ единствомъ нигилистическихъ стремленій, которыя едва ли ограничиваются какимъ нибудь пунктомъ, выступаетъ явно откровенность, съ какою прославляется теперь злодѣяніе и превозносятся злодѣи, тогда какъ въ прежнее время каждая община устыдилась бы солидарности съ ними".

„Times" старается вникнуть въ условія русской жизни, поддерживающія развитіе русскаго нигилизма.

„Убійцы покойнаго Царя—это молодые люди, получавшіе образованіе въ высшихъ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это не простые крестьяне. Мужикъ не принимаетъ участія въ подобныхъ заговорахъ. Для него Царь—высшее существо, законный земной повелитель, которому не повиноваться грѣхъ. Мужикъ не желаетъ перемѣнъ, онъ едва сознаетъ то, чего хотѣли достигнуть въ его пользу. По всей имперіи вѣсть о смерти Императора поразила ужасомъ сердца милліоновъ Его подданныхъ, которые смотрѣли на Него съ любовью, близкой къ обожанію. Нельзя опредѣлить, много ли сторонниковъ у нигилизма. Это не опредѣленная секта, которая можетъ счесть своихъ послѣдователей; она содержитъ разнообразныя формы революціонеровъ. Но во всѣхъ своихъ формахъ, эта партія захватываетъ весьма малую долю великаго народа, въ глазахъ котораго Царь есть и долго будетъ намѣстникомъ Бога на землѣ. Откуда же эти неутомимые заговорщики? И какимъ образомъ, не смотря на строгость закона, они прибываютъ безпрестанно? Не легко отвѣчать на это, потому что нигилизмъ происходитъ не отъ одной причины, а отъ множества. Отчасти справедливо, что это возмущеніе противъ утомительной монотонности русской жизни, столь противной людямъ празднымъ и образованнымъ, революція противъ той тоски, которая, по словамъ великихъ русскихъ романистовъ, какъ Тургеневъ, и великихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ—является характерной чертой жизни ихъ соотечественниковъ,—это выходъ изъ той тоски, которую долженъ чувствовать глазъ при видѣ обширныхъ плоскихъ равнинъ, однообразія городовъ въ Россіи, выходъ изъ скучнаго круга обязанностей, выпадающаго на долю стольких русскихъ. Тѣ, кто не можетъ искать развлеченій въ путешествіяхъ и кто не находитъ себѣ занятія въ арміи, или на гражданской службѣ, ищетъ иного развлеченія и возбужденія, и нигилизмъ предоставляетъ его молодымъ, пылкимъ, непокорнымъ умамъ. Можно назвать это байронизмомъ, вертеризмомъ, примѣненнымъ къ политикѣ, потому что онъ часто гнѣздится въ сентиментальности, эгоистическомъ недовольствѣ и причудахъ тщеславія.

„Цѣлые годы русская молодежь питается незрѣлымъ плодомъ Запада. Всякую новость она привѣтствуетъ, какъ высшую истину. Самыя сумасбродныя формы матеріализма усвоиваются ею и выворачиваются на изнанку. Всякій нравственный парадоксъ, вывезенный изъ Германіи, или Франціи, имѣетъ своихъ раболѣпныхъ поклонниковъ, и фанатикъ въ родѣ Бакунина, безсвязно толковавшій о священномъ долгѣ поступать, какъ кому угодно, и все поставить вверхъ дномъ—былъ встрѣченъ, какъ пророкъ. Съ одной точки зрѣнія, нигилизмъ есть не что иное какъ броженіе незрѣлаго и преждевременнаго знанія, которое выдается въ Россіи образчикомъ культуры. Никогда императору Николаю не приходила болѣе фантастическая мысль, нежели его намѣреніе уничтожить университеты по всей Имперіи и

замѣнить ихъ военными школами, но это намѣреніе отчасти объясняется развѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что университеты посѣяли сѣмена революціонныхъ идей, которыя тревожили его преемника. Лишь будущему поколѣнію придется пользоваться всѣми благами распространенія образованности и интеллигенціи и видѣть зарю болѣе критическаго и менѣе фанатическаго духа, который не будетъ подпадать власти всякой иностранной новинки. Вотъ нѣкоторые изъ корней нигилизма. Но есть и другіе. Слишкомъ часто подъ личиною нигилизма скрывается только зависть и недовольство тѣхъ, кому не удалось проложить себѣ дорогу въ свѣтѣ, и тогда они стараются сваливать всю вину на правительство. Такіе люди, напр. въ Англіи отправились бы за границу, или превратились бы въ безвредныхъ политическихъ агитаторовъ, а въ Россіи они остаются дома и замышляютъ заговоры".

Но не одни толки о корняхъ злодѣянія вызвало петербургское цареубійство въ заграничной печати. Катастрофа пробудила вездѣ гадательныя опасенія на счетъ перемѣнъ во внѣшней политикѣ Россіи. Въ Берлинѣ спѣшатъ уже предсказать конецъ „тройственному союзу". Во дворцѣ, немедленно по полученіи страшной вѣсти изъ Петербурга, началась переписка по телеграфу съ Парижемъ. Недавній колоссъ на глиняныхъ ногахъ, какъ называли Россію нѣмцы, вдругъ сразу оказался настолько могущественнымъ, что нѣмцамъ стало страшно потерять съ нимъ дружбу. По замѣчанію „Сѣверогерманской Газеты" страшная катастрофа чревата послѣдствіями, которыхъ въ настоящую минуту и предвидѣть нельзя. „National Zeitung", выступая выразительницею впечатлѣній депутатовъ рейхстага и ихъ мнѣній, говоритъ, что теперь, вѣроятно, исчезнетъ вліяніе „лучшей части общества", именно нѣмецкаго элемента въ Россіи, „который способствовалъ образованію русскаго государства". Представительница нѣмецкаго духа замѣчаетъ при этомъ, что „всѣ созданныя до настоящей минуты политическія комбинаціи и разсчеты обратились теперь въ нуль". Органъ Штекера и юнкеровъ „Reichsbote" говоритъ: „Во всякомъ случаѣ это страшно важное усложненіе дѣлаетъ положеніе еще болѣе серьезнымъ, чѣмъ оно было до сихъ поръ, въ виду вооруженій Франціи". И только „Germania", органъ центра, не выражая никакихъ опасеній и не загадывая о будущемъ, а сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ уваженія, замѣчаній о причинахъ, вызвавшихъ ужасающую катастрофу, прибавляетъ, видимо по адресу кн. Бисмарка и его сподвижниковъ: „У гроба императора Александра II народы и государственные люди могутъ научиться великимъ истинамъ. Реальная политика со всѣмъ своимъ могуществомъ крови и желѣза встрѣчаетъ себѣ преграду,— часто прежде, чѣмъ ожидаетъ того. Идеи, которыя гордые поклонники успѣха думаютъ бросить въ сторону, какъ вещь ненужную, суть всетаки краеугольные камни всякаго прочнаго зданія". Во Франціи,

жескимъ связямъ, что Государь посвятитъ Себя, прежде всего, дѣлу напротивъ, воскресли надежды. Парижскія газеты уже предвидѣли войну русскихъ съ нѣмцами, писали о существующей будто бы непріязни нынѣ царствующаго Императора къ нѣмцамъ. Были и такіе голоса, которые считали войну неизбѣжной, ибо ничего другого Россіи не оставалось дѣлать, какъ начать войну, чтобы отвлечь ею вниманіе общества отъ внутреннихъ дѣлъ и заботъ о необходимости реформъ. Вотъ въ какой формѣ парижскія газеты выражали свои взгляды по поводу перемѣнъ во внѣшней политикѣ Россіи. Гамбеттистскій органъ „Voltaire“ останавливается на вопросѣ о будущей политикѣ Россіи относительно Франціи. „Европейское равновѣсіе—говоритъ газета—въ интересахъ самой Россіи. Мы не позволимъ себѣ настаивать, чтобы нынѣ царствующій Монархъ перешелъ на нашу сторону и сражался съ нами противъ нашихъ сосѣдей. Достаточно для насъ будетъ и того, если Онъ не станетъ оказывать предпочтенія политикѣ Бисмарка. Дѣло идетъ теперь не объ измѣненіи политики, но просто о возобновленіи европейскаго равновѣсія. Если національная партія въ Россіи займетъ подобающее ей мѣсто въ арміи и управленіи, если чужеземный элементъ будетъ устраненъ отъ направленія государственнаго механизма, то уже этимъ будетъ достигнута благая перемѣна огромной важности. Россія пойдетъ тогда по естественному пути своего развитія, причемъ не дастъ повода какой либо изъ континентальныхъ державъ усматривать въ этомъ оскорбленія или угрозы для нихъ. По словамъ „France“, покушеніе 1 Марта, страшное и вдвойнѣ несправедливое, ибо имъ выдвигается снова на политическую арену убійство, какъ средство борьбы, и направлено оно на человѣка, лично одушевленнаго наилучшими намѣреніями, имѣетъ значеніе обще-европейскаго событія огромной важности. Истинная прочность германо-русскаго союза поддерживалась до сихъ поръ взаимной теплотой и сердечностью двухъ монарховъ. Отнынѣ, какъ думаетъ „France“, интересы двухъ націй должны получить иное направленіе. Тенденціи государственныхъ вождей Германіи и Россіи представляютъ такъ мало точекъ соприкосновенія, что можно и слѣдуетъ допустить, что ихъ вліянія не будутъ болѣе складываться по международной ариѳметикѣ, но считаться особо. Другой республиканскій органъ „National“ высказываетъ увѣренность, что ѳтнынѣ должно измѣниться и направленіе восточной политики. По словамъ газеты, снова выступитъ на сцену антагонизмъ между Россіей и Австріей, и Гладстонъ снова будетъ имѣть возможность обратиться къ своему проекту восточной политики, чтобы довести до конца дѣло имъ покровительствуемыхъ народностей.

Зато въ Вѣнѣ совсѣмъ какъ-то пріуныла печать. Новое правленіе въ Россіи представлялось враждебнымъ германской политикѣ, а значитъ и видамъ Австро-Венгріи. Въ одной изъ оффиціозныхъ вѣнскихъ газетъ говорилось уже, что для Австріи наступаютъ дни, когда она вполнѣ пойметъ цѣну дружбы съ Германіей. „Важнѣйшею, быть мо-

жетъ, единственною гарантіею европейскаго мира являются два милліона воиновъ, которые могутъ быть выставлены въ поле обѣими имперіями". „Внезапная перемѣна царствованія—такъ начинала свою передовую статью „Neue Freie Presse" — естественно должна была пробудить повсюду тревожную мысль, что она можетъ повлечь за собою неисчислимыя послѣдствія не только для внутреннихъ, но и для внѣшнихъ дѣлъ могущественной имперіи. Россія — не какой-нибудь отдаленный островъ, о судьбахъ котораго не стоитъ много безпокоиться: она сильный факторъ въ семьѣ европейскихъ государствъ, и когда въ Петербургѣ происходятъ рѣшительныя событія, подслѣдствія ихъ отзываются на всемъ пространствѣ отъ Босфора до Темзы".

Опасенія за нѣмцевъ не чужды были и лондонскимъ политикамъ. Такъ на защиту Германіи счелъ необходимымъ выступить „Times": „Существуетъ, вообще, стремленіе преувеличивать политическое значеніе убіенія главы государства и полагать, что подобное событіе должно означать начало новой эры. Считаютъ, что такъ какъ Царь убитъ, то Преемникъ Его явно начнетъ новую политику. Но мы не должны, однако, терять изъ вида силу обстоятельствъ, болѣе могущественныхъ иногда, нежели человѣческая воля, или отдѣльныя событія. Императору Александру III-му, управляющему въ одно и то же время старою и новою Россіей, трудно будетъ принять существенно отличный отъ прежняго способъ дѣйствій, или же сдѣлать больше, чѣмъ продолжать политику Своего Родителя, который царствовалъ въ переходное время. Во внѣшней политикѣ Россіи найдется больше простора для перемѣнъ. Тѣсная дружба, соединявшая императора Вильгельма и его Державнаго Племянника, была важнымъ факторомъ и залогомъ прочности европейскаго мира. Теперь эта дружба болѣе не существуетъ и намъ, быть можетъ, придется жалѣть о спасительномъ обуздываніи почившимъ Императоромъ нерасположенія многихъ изъ Его подданныхъ къ Германской имперіи. Будемъ надѣяться, что Его Преемникъ убѣдится, когда Онъ почувствуетъ всю тяжесть перешедшей на Него отвѣтственности, какъ важно поддерживать доброе согласіе между Россіей и сосѣднею съ нею имперіей, и какъ достойно слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру, поданному Его Родителемъ".

Помимо перемѣщенія центра въ европейской политикѣ, печать озабочивали предположенія, какъ повліяетъ новое правленіе въ Россіи на нынѣшнее положеніе восточнаго вопроса. Не воспользуется ли молодой Царь трудностями внутренняго состоянія Турціи? Увеличились или нѣтъ шансы предупредить кровавую развязку тяготѣющаго надъ Европой греческаго вопроса? Полная неизвѣстность окружала всѣ эти вопросы, порождая цѣлый рядъ догадокъ и произвольныхъ ожиданій, пока не появился циркуляръ г. Гирса къ иностраннымъ державамъ. Тревожныя опасенія оказались напрасными. Въ циркулярѣ этомъ прямо и откровенно заявлено, что внѣшняя политика Россіи будетъ миролюбива, что она останется вѣрна своимъ прежнимъ дру-

внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхамя гражданственности и съ вопросами экономическими и соціальными, и что только защита чести и оборона безопасности могутъ отвлечь Россію отъ заботъ о внутреннихъ дѣлахъ.

Что тревога, вызванная въ политическомъ мірѣ Европы перемѣною царствованія, улеглась теперь, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ объ этомъ, доставленный изъ Петербурга въ оффиціозную вѣнскую „Politische Correspondenz“, по поводу внѣшней политики Россіи: „Безусловно сочувственный пріемъ, сдѣланный циркуляру г. Гирса нетолько правительствами, къ которымъ онъ былъ адресованъ, но и всѣмъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, произвелъ здѣсь весьма благотворное впечатлѣніе и укрѣпилъ убѣжденіе, что откровенная и ясная программа новаго императорскаго правительства понята и оцѣнена въ чужихъ краяхъ совершенно такъ, какъ она задумана. Программѣ этой удалось разомъ положить конецъ тревогѣ, неизбѣжно связанной съ каждою перемѣною правленія, и разсѣять многіе предразсудки. Кое-гдѣ высказывается замѣчаніе, что циркуляръ г. Гирса отзывается гораздо менѣе многословно и опредѣлительно о внутренней политикѣ Россіи, чѣмъ о внѣшней. Тѣ, которые хотятъ придать этому замѣчанію характеръ порицанія, забываютъ, что документъ, о которомъ идетъ рѣчь — циркуляръ, посланный иностраннымъ правительствамъ, а не манифестъ къ русскому народу, и что, разумѣется, не можетъ быть въ характерѣ такого циркуляра возвѣщать относительно внутренней политики нѣчто большее, чѣмъ одни только общіе принципы. Впрочемъ, и тѣ мѣста циркуляра, которыя въ немногихъ словахъ, но весьма вразумительно касаются внутренней политики, не приминули произвести хорошее дѣйствіе. Они не содержатъ въ себѣ, правда, прямыхъ указаній на политическія реформы; но еслибы нигилисты добивались только реформъ, то, конечно, не могли бы поднять руки на императора, котораго слѣдуетъ признать величайшимъ послѣ Петра Великаго реформаторомъ на русскомъ престолѣ. Не могли также возбудить ихъ ненависти личный его характеръ и личное мягкосердечіе, и если высказывались жалобы на административный произволъ, на суровыя ссылки, то нельзя оспаривать, что причина и слѣдствіе въ настоящемъ случаѣ тѣсно между собою связаны и что именно существованіе, планы и дѣйствія нигилистовъ, вызвали строгость административныхъ распоряженій, которой, при другихъ условіяхъ, быть можетъ, можно было бы избѣжать. Впрочемъ, для всякаго ясно, что въ администраціи многое необходимо преобразовать. Что полиція въ частности не исполнила своихъ обязанностей, это до такой степени очевидно, что первыя мѣропріятія новаго правительства непремѣнно должны быть направлены къ улучшенію этой важной отрасли государственнаго управленія“.

Этимъ отзывомъ, очевидно, идущимъ изъ официозныхъ сферъ, мы закончимъ нашъ обзоръ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Цицеронъ и его друзья. Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря. Сочиненіе Гастона Буасье; переводъ со второго изданія Маріи Корсакъ. Москва. 1880 г.

СОЧИНЕНІЕ, заглавіе котораго мы выписали, пользуется большою извѣстностью въ исторической литературѣ. Это—столько же строго научное, сколько и художественное изображеніе одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ во всемірной исторіи — превращенія, начинавшаго уже нравственно умирать, республиканскаго Рима въ неограниченную монархію. Эпохи подобнаго рода—эпохи перехода — особенно благопріятны для историка. Старый и новый порядокъ вещей, встрѣчаясь лицомъ къ лицу, рѣзче обрисовываются и лучше даютъ себя понимать, нежели какъ это было бы безъ взаимнаго противуположенія эпохъ. Представители и защитники того и другого порядка вещей, выступая на сцену каждый съ своимъ знаменемъ, придаютъ событіямъ своей взаимной борьбой драматизмъ, который составляетъ едва ли не самый привлекательный элементъ въ исторіи народовъ. Сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, именно представляетъ эту яркую противоположность стараго съ новымъ и высокій драматическій интересъ. Авторъ—Гастонъ Буасье, избралъ главнымъ лицомъ своей исторической картины величайшаго изъ ораторовъ Рима, павшаго вмѣстѣ съ его свободою—Цицерона. Къ нему, какъ къ общему центру, примыкаютъ событія эпохи, вкругъ него группируются лица картины. Конечно, не Цицеронъ былъ въ большинствѣ случаевъ видимымъ двигателемъ событій. Судьба Рима и покорнаго ему міра рѣшалась побѣдою той или другой партіи, кровавыми битвами, а не рѣчами. Но Цицеронъ представляетъ величайшую интеллигентную силу того времени. Честный, хотя не всегда мужественный на дѣлѣ, гражданинъ, патріотъ и ораторъ, онъ имѣлъ глубокое вліяніе на современниковъ. Въ отношеніяхъ къ нему дѣятелей той эпохи, двигавшихъ событіями, лучше всего можно видѣть это нравственное могущество его и его значеніе для тогдашняго римскаго общества. Полновластный диктаторъ и деспотъ, изящно-утонченный Цезарь искалъ дружбы своего геніальнальнаго противника Цицерона, точно также какъ послѣдній защитникъ рес-

публиканской свободы Рима—суровый Брутъ. Въ книгѣ Буасье съ замѣчательнымъ искусствомъ группируются лица, вкругъ своего общаго центра, и каждое лицо, представляя своеобразный типъ, не повторяемый другимъ, освѣщаетъ особеннымъ свѣтомъ и фигуру великаго оратора, и нравы того общества, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ. На первомъ планѣ мы видимъ личность Аттика, человѣка, игравшаго не особенно замѣтную, но тѣмъ не менѣе значительную роль въ жизни Цицерона. Это его корреспондентъ, съ которымъ онъ не прерывалъ сношеній до самой смерти, писалъ къ нему иногда, если представлялась возможнссть, по нѣскольку разъ въ день. Что же это за личность? Умный, обладавшій вѣрнымъ взглядомъ на тогдашнее положеніе дѣлъ человѣкъ, онъ еще въ молодые годы видѣлъ ясно, что нравственно погибшій уже Римъ очень не далекъ отъ паденія политическаго, и что готовая рухнуть республика неминуемо похоронитъ подъ развалинами и тѣхъ кто ей будетъ служить. Смекнувши это и не обладая, какъ видно, чувствами гражданина и патріота, Аттикъ удаляется отъ дѣлъ. Отказавшись отъ общественной дѣятельности, онъ посвящаетъ всего себя заботамъ о пріобрѣтеніи состоянія и затѣмъ отдается всецѣло наслажденіямъ жизнью. Политическія бури, побѣда той или другой партіи, и вліяніе этой побѣды на судьбу отечества—все это ни мало его не тревожитъ. Единственная его забота въ этомъ случаѣ, это—придать своему удаленію отъ общественной дѣятельности такую форму, чтобы равнодушіе его къ судьбѣ отечества было по возможности менѣе замѣтно. Желаніе пріобрѣсти основательное знакомство съ греческой литературой и искусствомъ—служитъ ему прекраснымъ предлогомъ покинуть Римъ и избрать мѣстомъ своего пребыванія Аѳины. Рядомъ съ личностью беззаботнаго, всецѣло занятаго только собою Аттика, мы видимъ другой типъ, уже не исключительный среди своихъ современниковъ, а представляющій нѣкоторымъ образомъ римскую молодежь временъ Юлія Цезаря. Типъ этотъ—Целій. Подобно многимъ молодымъ римлянамъ, получавшимъ практическое воспитаніе въ обществѣ извѣстнаго своими заслугами государственнаго дѣятеля—Целій проводитъ въ ежедневномъ обращеніи съ Цицерономъ три года дѣятельной и трудолюбивой жизни. Смекнувъ потомъ, что отъ консервативной партіи пожива невелика, а при государственномъ переворотѣ всегда можно чего нибудь надѣяться—Целій покидаетъ Цицерона и круто переходитъ на сторону Катилины. Само собою разумѣется, что послѣдователь усвоилъ себѣ нравственное направленіе своего образца. Онъ оставляетъ отцовскій домъ и весь погружается въ самый необузданный развратъ. Извѣстная намъ изъ Цицерона Клодія дѣлается героиней самыхъ разнообразныхъ его похожденій. Онъ отдается любовнымъ наслажденіямъ и разгульнымъ пирамъ, не забывая, однако, въ тоже время и политическихъ дѣлъ. Какъ ораторъ, онъ блистаетъ на форумѣ и побѣждаетъ однажды въ ораторскомъ состязаніи великаго учителя своего Цицерона. Ища въ каждомъ дѣйствіи только личной выгоды, Целій пристаетъ въ междоусобіяхъ партій къ той сторонѣ, которая, по его разсчетамъ, должна побѣдить, хотя бы эта сторона была тысячу разъ не только не права, а преступна. Въ междоусобіи Цезаря и Помпея онъ, предвидя исходъ борьбы, не только дѣлается самъ сторонникомъ Цезаря, но всѣми силами старается увлечь за собой и Цицерона. На чьей сторонѣ было право, и отъ кого могло ожидать спасенія погибавшее государство—до этого ему нѣтъ рѣшительно дѣла. Гдѣ выгода, тамъ и онъ. Въ противуположность квіетическому, безстрастному Аттику—это личность энерги-

ческая, тревожная, но окончательно потерявшая нравственное чувство,—лучшій типъ большинства римской молодежи того времени. Но вотъ передъ нами грандіозная, колоссальная личность Юлія Цезаря; передъ нами человѣкъ, котораго диктатура служитъ соединительнымъ звѣномъ двухъ огромныхъ періодовъ политическаго бытія Рима—республики и длиннаго ряда императоровъ. Это—человѣкъ, принадлежащій къ числу первыхъ военныхъ и политическихъ геніевъ міра, человѣкъ, котораго жизнь любили описывать вѣнценосцы. Вѣрный основной идеѣ своего сочиненія, авторъ, рисуя личность великаго диктатора, ни на минуту не упускаетъ отношеній его къ Цицерону. Мы читаемъ въ прекрасномъ описаніи, какъ Цезарь хлопочетъ изо всѣхъ силъ привлечь его на свою сторону прежде столкновенія своего съ Помпеемъ; мы видимъ кажущееся, благородное великодушіе, съ которымъ онъ прощаетъ своего геніальнаго врага послѣ пораженія помпейанской партіи на поляхъ Фарсала. Въ томъ и другомъ случаѣ, у Цезаря дѣйствуетъ тонкій, безошибочный разсчетъ. Имѣть на своей сторонѣ человѣка, который съ каѳедры оратора двигалъ событіями и властвовалъ, даже тогда, когда не имѣлъ власти—было во всякомъ случаѣ очень выгодно, и Цезарь конечно не могъ пренебрегать добрыми отношеніями къ такой огромной и до такой степени популярной силѣ. Цицеронъ, поставленный фарсальскимъ пораженіемъ Помпея въ необходимость ладить съ Цезаремъ, не отдается ему однако своими симпатіями, а тѣмъ болѣе своими идеалами. Какъ патріотъ, онъ все еще не считаетъ окончательно погибшимъ дѣла республики и, сохраняя наружное согласіе съ Цезаремъ, становится сторонникомъ послѣдняго свободнаго римлянина Брута. Послѣдовать однако же за Брутомъ въ его воинскій лагерь и умереть за республику съ оружіемъ въ рукахъ—Цицерону не позволили обстоятельства. Онъ остался въ Италіи. Но, Брутъ погибаетъ въ битвѣ при Филиппахъ, вмѣстѣ съ нимъ погибаетъ свобода республики, а вмѣстѣ съ республикой падаетъ окровавленная сѣдая голова Цицерона. Характеристика политическаго завѣщанія Августа составляетъ послѣднюю, заключительную главу книги.

Говорить о достоинствахъ сочиненія Гастона Буасье, я считаю совершенно лишнимъ. Репутація, которою оно пользуется въ исторической литературѣ—лучшая его рекомендація. Что же касается до русскаго перевода его, то я замѣчу, что онъ, принадлежа извѣстной нашей переводчицѣ г-жѣ Маріи Корсакъ, также не нуждается въ рекомендаціи.

Дмитрій Лебедевъ.

Исторія русской церкви. Е. Голубинскаго, экстра-ординарнаго профессора московской духовной академіи. Томъ I. Періодъ первый, кіевскій или до-монгольскій. Вторая половина тома. М. 1881.

Въ свое время мы дали отчетъ о первой половинѣ перваго тома „Исторіи русской церкви“ г. Голубинскаго [1]). Вышедшая теперь вторая половина этого тома трактуетъ прежде всего объ архитектурѣ древне-русскихъ церквей, каменныхъ и деревянныхъ, объ ихъ внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ, о древне-русскомъ богослуженіи, богослужебныхъ книгахъ, праздникахъ, постахъ;

[1]) „Историческій Вѣстникъ“. 1880 г. Ноябрь.

затѣмъ переходитъ къ монашеству, опредѣляетъ его организацію въ древней Руси, управленіе и средства существованія монастырей и указываетъ общественное значеніе монашества; наконецъ говоритъ о попыткахъ ересей въ древне-русской церкви, отношеніи русскихъ къ иновѣрцамъ, о нравственности и религіозности русскихъ въ до-монгольскій періодъ. Большая часть второй половины перваго тома посвящена церковной археологіи, предмету, мало разработанному у насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющему большой интересъ для всякаго, желающаго имѣть понятіе о родной старинѣ. Недостатокъ археологическихъ данныхъ, находящихся въ произведеніяхъ нашей письменности до-монгольскаго періода, авторъ постоянно восполняетъ данными, заимствованными изъ сочиненій греческихъ писателей того же времени, а иногда и тѣми, которыя заключаются въ нашихъ историческихъ памятникахъ болѣе поздняго времени, хотя нѣкоторыми изъ этихъ послѣднихъ, какъ намъ кажется, онъ могъ бы воспользоваться гораздо въ большей степени. Укажемъ для примѣра на посланіе московскаго митрополита Кипріана псковскому духовенству 1392—1395 г. („Акты историческіе", т. I, № 8), гдѣ есть интересныя въ церковно-археологическомъ отношеніи свѣдѣнія объ антиминсахъ и причащеніи. О первыхъ митрополитъ Кипріанъ пишетъ: „А коли есмь былъ въ Новгородѣ въ Великомъ, тогды есмь антиминсы священъ, а приказалъ былъ есмь епископу послати и къ вамъ тѣхъ антиминсовъ. Нынѣча слышу, что самъ (епископъ) былъ тогды у васъ, а далъ вамъ отъ тѣхъ антиминсовъ, а приказалъ вамъ на четверо рѣзати каждый антиминсъ: ино то не право учинилъ, на свою пагубу; и нынѣча язъ послалъ... антиминсовъ 60..., а священте церкви, но не рѣжите ихъ: такъ и кладите, какъ порѣзаны и наряжены и священы." О причащеніи онъ говоритъ: „хочете дати причастье о Велицѣ дни (въ Свѣтлое Воскресенье), или о Рождествѣ Христовѣ, или о которомъ святку (въ другой какой праздникъ), какъ присмотрите достойнаго; и выдавайте на обѣднѣ. Какъ изъмолвитъ дьяконъ: со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите,—тогды бы приходили къ царскимъ дверямъ, да причащалися передъ царскими дверьми, а руки положа къ персямъ крестообразно, а къ сударю (платку) бы не прикасалися; такъ же и женкамъ давайте причастье, обѣдни не кончавъ, а причащали бы ся у другихъ дверей, что противу жертвенника". Хотя эти свѣдѣнія относятся къ монгольскому періоду, но надо думать, что обычай рѣзанія антиминсовъ и причащенія женщинъ передъ сѣверными вратами существовалъ у насъ и въ болѣе раннее время.

Въ собственно-исторической части, сочиненіе г. Голубинскаго отличается строгою критикою, выгодно выдѣляющею его изъ ряда другихъ сочиненій по исторіи русской церкви, которыя очень часто придаютъ вѣру самымъ недостовѣрнымъ извѣстіямъ; но нельзя не сказать, что онъ въ своей критикѣ иногда доходитъ до крайностей. „Истинный уставъ монашескаго общинножитія, говоритъ онъ на стр. 526,—строго и безусловно отрицающій всякую собственность, былъ было вводимъ къ намъ преподобнымъ Θеодосіемъ печерскимъ, но продержался въ нашихъ монастыряхъ весьма недолго, а за тѣмъ его у насъ совсѣмъ не было и монахи наши, помимо этого единственно истиннаго монашескаго устава, монашествовали по двумъ уставамъ, далеко нестрого монашескимъ, которыхъ, какъ таковыхъ, собственно никогда не признавала церковь и которые, бывъ изобрѣтены самоволіемъ и фарисействомъ человѣческимъ, существовали единственно на тѣхъ же правахъ, на которыхъ существуетъ

всякое злоупотребленіе.“ Хотя нѣтъ, конечно, никакихъ основаній утверждать, что строгій уставъ монашескаго общинножитія сохранялся вездѣ, но можно думать, что онъ сохранялся и много времени послѣ преподобнаго Θеодосія печерскаго въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ монастыряхъ; по крайней мѣрѣ на это указываетъ, по нашему мнѣнію, уставная грамота суздальскаго архіепископа Діонисія Снѣтогорскому монастырю, относящаяся ко второй половинѣ XIV вѣка („Акты историческіе“, т. I, № 5), въ которой мы читаемъ: „хотящимъ мнишествовати,—дати сущая и пріимати потребы; по постриженіи же (надъ) впадающимъ (поступающимъ) къ нему всѣмъ—монастырю имѣти власть; ни о чемъ же своемъ пещися или рядити симъ попущается. Аще кто купитъ стяжаніе кое, иже не причастно монастырю, свое творя,—се убо игуменомъ или епископомъ да воспріимется и многимъ дерзновеніемъ продаемо и убогимъ, и немощнымъ, клоснымъ (хромымъ) да раздается таковое стяженіе... Иже въ мнишескій святый образъ одѣяни и въ монастырѣхъ сущимъ и ни словомъ лѣть (позволительно) рещи: се—твое, а се—мое, или—сего и оного... Отселѣ въ честнѣмъ семъ монастыри святыя Богородицы, на Снѣтной Горѣ, уставихомъ... ничто же своего ни игумену, ни братіи, но все отдати Богу и святой Богородицѣ въ монастырь.“

Еще замѣтнѣе крайность, въ которую впадаетъ г. Голубинскій, говоря о преподобномъ Авраміи ростовскомъ. Извѣстно, какъ скудны и малодостовѣрны имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о жизни многихъ древне-русскихъ святыхъ: житія ихъ, составленныя по большей части много времени спустя послѣ ихъ кончины и дошедшія до насъ въ реторическихъ редакціяхъ XV и XVI вѣковъ, или ограничиваются общими мѣстами, или содержатъ въ себѣ, рядомъ съ достовѣрными историческими данными, совершенно противорѣчащія имъ вставки позднѣйшихъ редакторовъ житій. Таково именно житіе преподобнаго Аврамія ростовскаго. Вслѣдствіе того, что въ немъ упоминаются великій князь Владиміръ и ростовскій князь Борисъ, прежніе историки нашей церкви (въ томъ числѣ высокопреосвященный Макарій, „Исторія русской церкви“, т. I, стр. 157, прим.) относили время жизни преподобнаго Аврамія къ началу или первой половинѣ XI вѣка, не взирая на то, что другія данныя житія указывали на время гораздо болѣе позднее. Г. Голубинскій первый обратилъ должное вниманіе на эти послѣднія данныя, но съ заключеніемъ, къ которому онъ пришелъ чрезъ ихъ разсмотрѣніе, едва ли кто можетъ согласиться. Онъ говоритъ: „преподобный Аврамій ростовскій жилъ не ранѣе второй половины XIV вѣка и по всей вѣроятности есть одно и то же лицо съ игуменомъ ростовскимъ Авраміемъ Низкимъ, о которомъ говорятъ лѣтописи подъ 1385 годомъ“ (стр. 648). Но въ житіи преподобнаго Аврамія нѣтъ и помину ни о Москвѣ, ни о московскихъ князьяхъ, ни о митрополитѣ, съ которымъ Аврамій Низкій совершилъ путешествіе въ Царьградъ, такъ что относить время жизни святого къ московскому періоду невозможно; оно можетъ относиться только къ періоду владимірскому, какъ указываютъ нѣкоторыя подробности житія, которымъ не придалъ никакого значенія г. Голубинскій, какъ-то: великій князь живетъ во Владимірѣ, епископомъ ростовскимъ названъ Θеодоръ, можетъ быть тотъ, который жилъ въ княженіе Андрея Боголюбскаго и былъ казненъ митрополитомъ въ 1170 году, и др.

Нельзя не пожалѣть, что г. Голубинскій, при обширномъ знакомствѣ съ греческою каноническою литературою, мало знакомъ съ литературою неканоническою. Говоря объ ежемѣсячныхъ языческихъ праздникахъ, которые едва

ли когда нибудь существовали въ дѣйствительности и которые по всей вѣроятности всецѣло принадлежатъ фантазіи такихъ изслѣдователей русскаго язычества, какъ покойный Аѳанасьевъ, г. Голубинскій замѣчаетъ: „съ совершенною вѣроятностью предполагаютъ (кто? вѣроятно Аѳанасьевъ?), что 12 пятницъ въ году, къ которымъ народъ питаетъ особенное уваженіе, воспроизводятъ собою эти праздники“ (стр. 743, прим.). Это замѣчаніе показываетъ, что г. Голубинскій не знаетъ даже о существованіи греческаго сказанія о 12 пятницахъ, хотя оно, въ разныхъ своихъ редакціяхъ, было не только указано, но и приведено въ греческомъ подлинникѣ г. Некрасовымъ („Замѣчанія по поводу русскаго народнаго сказанія о двѣнадцати пятницахъ“, Филолог. Записки 1870 г., вып. 3) и г. Веселовскимъ („Опыты по исторіи христіанской легенды“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. № 6) и въ славянскомъ переводѣ г. Тихонравовымъ („Памятники отреченной русской литературы“ т. II) и г. Ягичемъ (Prilozi k historiji književnosti noroda hrvatskoga i srbskoga). „За еженедѣльный языческій праздникъ славянъ, продолжаетъ г. Голубинскій, должно принимать ту же пятницу (которая въ язычествѣ была посвящена у нихъ Ладѣ или Сивѣ) и симъ объяснять, что народъ питаетъ особенное уваженіе къ св. Параскевѣ-Пятницѣ, и что у болгаръ она считается матерью св. Недѣли; Стоглавъ: является (лживымъ пророкамъ) святая Пятница и святая Анастасія (Воскресеніе, т. е. болгарская св. недѣля) и велитъ имъ заповѣдати христіанамъ...; въ Малороссіи у простого народа еще въ концѣ XVI вѣка недѣльнымъ праздникомъ была пятница, а не воскресенье“ (ibidem). Какъ видно изъ приведенной цитаты, г. Голубинскому неизвѣстно, что олицетвореніе пятницы и воскресенья произведено греками и къ намъ перешло уже съ готовымъ культомъ, хотя объ этомъ узнать было очень не трудно: стоило только заглянуть хотя бы въ апокрифическое „Хожденіе Богородицы по мукамъ“ (Тихонравовъ „Памятники“ т. II), гдѣ разсказывается, что Богородица, моляся Богу о помилованіи грѣшныхъ, обратилась съ просьбою молиться вмѣстѣ съ нею къ святой Недѣлѣ и къ святой Пятницѣ. Точно такъ же нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ старинныхъ русскихъ статьяхъ гадательнаго содержанія (воронограй, куроклинъ, ухозвонъ, окомичъ и т. п.) заключаются непремѣнно русскія языческія вѣрованія, какъ склоненъ думать г. Голубинскій (стр. 724): честь составленія подобныхъ статей можетъ быть не принадлежитъ нашимъ предкамъ и онѣ получены ими уже готовыя изъ Греціи, вмѣстѣ съ разными Колядниками, Зодіями, Астрологіями, Рафлями, которыхъ уже самыя названія указываютъ на греческое происхожденіе.

Сверхъ этого, г. Голубинскій не обратилъ никакого вниманія на то, что греки, явившіеся къ намъ съ проповѣдію христіанской религіи, и сами были отчасти двоевѣрами и не могли называться христіанами въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ примѣшивали къ ученію Христа, апостоловъ и св. отцовъ, не мало и языческихъ вѣрованій, и что эти языческія вѣрованія они передали, вмѣстѣ съ христіанствомъ, и новообращеннымъ русскимъ. Онъ самъ замѣчаетъ, что „какъ у насъ, по представленіямъ народнымъ, гремитъ теперь на небѣ, вмѣсто Перуна, пророкъ Илія, такъ и у грековъ вмѣсто Зевеса— онъ же“ (стр. 742, прим.), при чемъ ссылается на житіе Андрея юродиваго; но совершенно далекъ отъ той мысли, что не русскіе замѣнили своего Перуна пророкомъ Иліею и придали послѣднему роль громовника, а что они получили готовое вѣрованіе въ Илью-громовника изъ Греціи. Точно такъ же они, быть можетъ, вовсе не переносили на св. Георгія побѣдоносца роль покрови-

теля животныхъ, принадлежавшую прежде богу Волосу, какъ полагаетъ г. Голубинскій (стр. 743), а это перенесеніе произошло еще на греческой почвѣ.

Говоря о первой половинѣ перваго тома „Исторіи русской церкви", мы упомянули о нѣкоторыхъ неудачныхъ вторженіяхъ автора въ область филологіи. Такія же вторженія онъ продолжаетъ дѣлать и во второй половинѣ, но нельзя сказать, чтобы съ большею удачею. Въ видѣ курьоза, мы позволяемъ себѣ выписать одно изъ нихъ. Разсуждая объ славянскомъ первоучителѣ св. Константинѣ философѣ, объ славянской азбукѣ и названіи ея буквъ, г. Голубинскій говоритъ: „наибольшей части буквъ своего алфавита Константинъ далъ славянскія названія и придумалъ эти послѣднія такъ, чтобы изъ нихъ по порядку выходили фразы со смысломъ; азъ, буки, вѣди—значитъ: я книги знаю (буки изъ готск. boca, нѣмецк. buch.); глаголъ, добро, есть—значитъ выговаривай хорошенько е" (стр. 296). Неужели ученому автору неизвѣстно, что буки по церковно-славянски есть именительный падежъ единственнаго числа, и что винительный падежъ множественнаго числа долженъ звучать букъви?

А. С—кій.

Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи вятскаго края. Вятка. 1880 г.

Сборникъ этотъ изданъ вятскимъ статистическимъ комитетомъ по случаю празднованія въ концѣ прошлаго года столѣтія существованія вятской губерніи. Первоначально комитетъ имѣлъ въ виду издать историко-статистическое описаніе губерніи за протекшее столѣтіе, но на свое приглашеніе не получилъ такихъ трудовъ, которые представляли бы цѣльный очеркъ изъ прошлой жизни губерніи, даже въ одномъ какомъ нибудь отношеніи, и потому принужденъ былъ издать почти исключительно одни матеріалы для предполагаемаго описанія. За матеріалами комитетъ обратился къ источнику, еще не тронутому рукою изслѣдователя, къ мѣстнымъ архивамъ; многое извлечено также изъ мѣстныхъ изданій. Собраннаго такимъ образомъ матеріала оказалось такъ много, что пришлось разбить его на два тома.

Самою видною частью вышедшаго перваго тома сборника, какъ и можно ожидать, является та, гдѣ помѣщены матеріалы, извлеченные изъ архивовъ. Нельзя не признать удачнымъ самое расположеніе матеріала-погодно, такъ что онъ составилъ собою „лѣтопись выдающихся событій за прошедшее столѣтіе". Какъ много важныхъ и любопытныхъ извѣстій находится въ появившейся половинѣ лѣтописи, можно судить по числу просмотрѣнныхъ составителями ея дѣлъ: описей просмотрѣно 125, дѣлъ 1350. Тутъ находятся свѣдѣнія о сенаторскихъ и губернаторскихъ ревизіяхъ, народныхъ переписяхъ, перемѣнахъ въ управленіи губерніею, народныхъ переселеніяхъ, размежеваніяхъ, инородцахъ, разбояхъ и пр. Содержаніе дѣлъ занесено добросовѣстно, безъ опущенія существеннаго.

Полнаго вниманія заслуживаетъ мысль г. А—ра составить хронику вятской жизни по губернскимъ вѣдомостямъ. Конечно, хроника мѣстной жизни въ губернскихъ вѣдомостяхъ излагается односторонне, общество и населеніе

являются тутъ постоянно въ нарядѣ, торжествующимъ, ликующимъ, веселящимся, но сотрудникъ оффиціальнаго сборника не могъ включить въ свою статью тѣхъ свѣдѣній о прошлой жизни Вятки, которыя можно получить неоффиціальнымъ путемъ отъ старожиловъ. Просмотрѣть 42 тома вѣдомостей не легкое дѣло, и мы должны быть благодарны г. А—ру, не остановившемуся предъ такимъ трудомъ. Его работа прокладываетъ путь для того, кто займется прошлымъ провинціальной жизни. Не можемъ лишь не пожалѣть, что авторъ дѣлаетъ иногда слишкомъ большія выписки, часто не выносимыя по своей торжественности, и забываетъ подробно извѣщать о болѣе важныхъ событіяхъ.

Г. Спасскому, секретарю статистическаго комитета, принадлежитъ весьма обстоятельная статья о развитіи внѣшняго вида Вятки и занятіяхъ ея населенія. Авторъ приводитъ въ своей статьѣ много новыхъ соображеній и матеріаловъ; историческая топографія Вятки, можно сказать, создана этимъ трудомъ, а въ главѣ о развитіи промысловъ и занятій населенія Вятки, авторъ не имѣетъ предшественника.

Краткій очеркъ исторіи вятскаго края до открытія намѣстничества, принадлежащій г. Андреевскому, по сознанію самого автора не даетъ ничего новаго для мѣстной исторіи и только лишній разъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало она разработана.

Къ сборнику приложена карта намѣстничества 1796 г., планъ Вятки 1759 г.и видъ ея въ XVI ст., снятый съ одной мѣстной иконы. Изданъ сборникъ весьма порядочно, для провинціи даже роскошно.

Во второмъ томѣ сборника будутъ помѣщены: древніе акты XV—XVII ст. исторія учебныхъ заведеній, матеріалы для исторіи эпархіи, дѣла объ-инородцахъ и крестьянскихъ волненіяхъ, измѣненіе состава населенія по переписямъ и каталогъ вещественныхъ памятниковъ вятскаго края до XVIII ст. Судя по приведенному оглавленію и этотъ томъ обѣщаетъ многое.

Мы увѣрены, что вятскій сборникъ сдѣлается настольною книгою для изслѣдователей мѣстнаго края и что его не обойдетъ никто, интересующійся Вятскою губерніею въ какомъ бы то ни было отношеніи. Подобные труды рѣдки; каждая провинціальная литература считаетъ ихъ единицами.

А. С—нъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Необыкновенная денежная награда въ XVII столѣтіи.

СТРѢЛЕЦКІЕ пятисотенные, Ларіонъ Елизарьевъ и Ипатъ Ульфовъ, съ товарищами, всего 7 человѣкъ, въ 1689 году, какъ извѣстно, ночью прискакали къ Петру Великому въ Преображенское и предупредили его о заговорѣ противъ него царевны Софьи. Испуганный Петръ въ ту же ночь ускакалъ верхомъ въ Троицкую Лавру. Награда этимъ стрѣльцамъ отъ Петра была вполнѣ царская. Сперва имъ пожалованы въ Москвѣ каменныя лавки, амбары, харчевни и пирожни, а потомъ это пожалованіе доходными статьями было замѣнено денежною, неслыханною съ то время, по своему размѣру наградою: каждому изъ стрѣльцовъ пожаловано было по тысячѣ рублей. (Изъ дѣлъ архива Оруж. палаты).

Сообщено **Г. В. Есиповымъ**.

Письмо графа П. И. Шувалова къ графу Лестоку [1]).

„Сіятельный графъ!

„Вашему сіятельству извѣстно, что вы должны намъ денегъ, когда я и жена банкъ держали, остались четыре тысячи руб. и одно сто рублевъ, изъ которыхъ вы зачли за долгъ мой камергеру Фитенгофу девятьсотъ рублевъ, тогда осталось 3200 рублевъ, въ Москвѣ за мой долгъ зачли его сіятельству графу Алексѣю Григорьевичу за лажъ 1000 рублевъ, да въ квинтичи вы играли ваше сіятельство, какъ играли у пренцессы сербской, 75 рублей, да въ фаро вы отъиграли 100 рублевъ и затѣмъ осталось на вашемъ сіятельствѣ 2125 рублевъ, которыя прошу

---

[1]) Извѣстный лейбъ-медикъ императрицы Елисаветы Петровны Лестокъ былъ страстный игрокъ; но не любилъ платить своихъ карточныхъ долговъ, какъ это видно и изъ настоящаго письма къ нему графа Петра Ивановича Шувалова. Любопытно, что письмо это писано всего за полгода до ареста, пытки и ссылки Лестока, когда онъ уже находился въ немилости и подозрѣніи при дворѣ.

мнѣ прислать, а я бы еще терпѣлъ дожидаясь, но долженъ изъ оныхъ заплатить 1000 рублевъ камеръ-юнкеру господину Лямину, которой крайне мнѣ скучаетъ, я уповаю что ваше сіятельство хотя половину нынѣ заплатить не оставите въ той надеждѣ и пребываю покорнымъ слугою

„Графъ Петръ Шуваловъ.

„Апрѣля 20 дня, 1748 года.

Сообщено **Д. Я. Пашковымъ.**

Затрудненія при поминовеніи Петра III.

Докладная записка графа А. П. Бестужева-Рюмина императрицѣ Екатеринѣ II.

„Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ обойтитися не можетъ представить въ оригиналѣ приложенное при семъ къ нему письмо отъ крутицкаго архіерея Амвросія, котораго онъ не принять не могъ, когда архіерей съ тѣмъ прислалъ, чтобъ Ея Императорскому Величеству доложить, и о чемъ уже графъ Бестужевъ-Рюминъ во вчерашнемъ собраніи графу Григорью Григорьевичу (Орлову) въ кратцѣ упомянулъ.

„Рѣшеніе по содержанію сего письма состоитъ въ единственной монаршей волѣ, то есть при данномъ ли уже Синоду всевысочайшемъ повелѣніи остаться, или какую въ томъ отмѣну сдѣлать.

„Между тѣмъ сколько представленіе о томъ архіерея отважно, столько же на противу того въ самомъ существѣ видится не только дѣльно, но и на должности вѣрнаго къ Ея Императорскому Величеству и къ отечеству усерднаго раба основано быть.

„Графъ Бестужевъ находя истину тѣхъ слѣдствій, которыхъ архіерей для народа и святой церкви опасается, а пылая и самъ безпредѣльною ревностію и усердіемъ къ освященной Ея Императорскаго Величества особѣ и къ любезному отечеству, по всей справедливости неинако но долженствуетъ мысли архіерейскія утруждать, особливо для нижеслѣдующихъ важныхъ резоновъ.

„Естьли поминовеніе бывшаго императора Петра Третьяго по силѣ объявленнаго уже всюду указа отправляться будетъ торжественнымъ образомъ и равно съ прочими въ Бозѣ усопшими россійскими монархами, то натурально надобно его именовать благочестивѣйшимъ, но отъ сего названія неминуемо произойдетъ, во-первыхъ, само собою ясное противорѣчіе тѣмъ главнымъ порокамъ, за которые онъ престола лишенъ, и о которыхъ въ изданныхъ отъ Ея Императорскаго Величества манифестахъ точно изображено, а именно: что въ его государствованіе перво всего законъ православный греческій и истребленіе церковныхъ преданій возчувствовали свое потрясеніе, такъ что церковь крайней опасности подвергалась перемѣною древняго въ Россіи православія съ принятіемъ иновѣрнаго закона, что онъ не имѣлъ, какъ видно, въ сердцѣ своемъ слѣдовъ вѣры православной греческой, коснулся перво всего древнее православіе въ народѣ искоренить, оставивъ своею персоною церковь Божію и моленіе, не дѣлавъ иконамъ святымъ поклоненіе, но паче оказывая къ церковнымъ обрядамъ презрѣніе, или и самое ругательство, потомъ началъ онъ помышлять о разореніи и самыхъ церквей, и уже нѣкоторыя повелѣлъ было самымъ дѣломъ разорить, однимъ словомъ началъ истреблять страхъ Божій.

„Къ тому же сіе противорѣчіе усугубится еще и носящимся по всей публикѣ слухамъ, что бывшій императоръ, не смотря уже на очевидный конецъ его жизни и на сдѣланныя потому увѣщеванія, отнюдь не хотѣлъ по преданіямъ православной церкви исповѣдываться и святыхъ таинъ пріобщиться, безъ чего будто дѣйствительно и скончался.

„А за всѣмъ тѣмъ отъ имянованія благочестивѣйшимъ и торжественнаго поминовенія, о которомъ обыкновенно въ печатныя книжки вносится, и оныя по всѣмъ церквамъ въ государствѣ для исполненія разсылаются, слѣдовательно для всего народа извѣстными чинятся, сверхъ представляемыхъ отъ архіерея несходствій, можетъ легко и такое еще, отъ чего Боже сохрани, крайне вредительное соображеніе сдѣлано быть, яко бы всѣ показанныя пороки на него напрасно взведены и какіе нибудь другіе виды низверженію были.

„Но дабы бывшаго императора безъ поминовенія не оставить, то не соизволено ли будетъ Синоду повелѣть, чтобъ они какой къ тому способъ сами изобрѣли, предостерегая однакожъ, дабы выше изображенныя небезосновательныя опасности, а по меньшей мѣрѣ и нескладныя о томъ толкованія въ народѣ, предупреждены были.

„Графъ Бестужевъ, представя на премудрое Ея Императорскаго Величества разсмотрѣніе слабѣйшія о томъ свои разсужденія, признавается, что и самое дѣло Ея Императорскому Величеству весьма досадительно, и употребленная отъ него въ томъ смѣлость великая, но какъ онъ предъ Ея Императорскимъ Величествомъ клялся ничего не таить, то вслѣдствіе того по своей должности о семъ и умолчать не могъ, рабски уповая, что во гнѣвъ сіе его можетъ быть излишнее усердіе принято не будетъ. По сему же его усердію не можетъ онъ не донесть и о томъ, что слышитъ, а именно: что по совершеніи всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества коронованія по прежнему обыкновенію нетокмо въ здѣшніе соборы, но и тому знатному духовенству, которое при семъ священномъ дѣйствіи присутствовало, ничего не пожаловано, а на предь сего отъ опочивающей въ Бозѣ государыни императрицы Елисаветы Петровны при подобномъ случаѣ въ три главные въ Кремлѣ собора, въ каждый по 1000 р. на раздѣлъ священникамъ съ церковнымъ причтомъ пожаловано было, хотя при томъ неизвѣстно, была ль какая дача и присутствующему при коронаціи духовенству.

„Сверхъ того, графъ Бестужевъ за потребно находитъ всенижайше донесть, что государыня императрица Анна Іоанновна имѣла и такое во всю свою жизнь непремѣнное обыкновеніе, что въ С.-Петербургѣ во всѣ церкви безъ изъятія, когда только праздникъ во имя ихъ случится, каждой разъ по сту рублевъ на молебенъ за ея здоровіе присылать изволила, такъ что въ иную церковь по нѣсколькимъ ея предѣламъ и ста по три въ годъ доставалось, а къ тому не рѣдко и парчами на церковную одежду и украшеніе жаловать изволила".

При этомъ приложено подлинное письмо Амвросія, 1763 года, Марта 12 дня, слѣдующаго содержанія:

„Высоко сіятельнѣйшій графъ

„Милостиво надежный патронъ и благодѣтель мой.

„Объявилъ намъ синодальный г. оберъ-прокуроръ высочайшее новелѣніе, чтобъ мы по бывшемъ императорѣ Петрѣ III, такъ какъ и по протчихъ всероссійскихъ монархахъ, панихиды и публичныя поминовенія отправляли, что

предъ днемъ его въ Архангельскомъ соборѣ и исполнено. Не по неже о томъ чрезъ обыкновенныя книжицы по церквамъ еще не распубликовано, а въ народъ печатными манифестами весьма голосно и съ нашими поминовеніями несходственно знать дано, то не соблаговолите ли ваше высокографское сіятельство о семъ паки доложить, ибо ежели намъ отправлять панихиды: то въ народѣ объ немъ инако, нежели въ манифестахъ изображено, могутъ толковать; да и церковь святая отъ раскольниковъ не безъ поношеній останется. О чемъ съ почтеніемъ предложа, прошу вашего высокографскаго сіятельства не въ дерзновеніе мнѣ, но въ вѣрно присяжную должность сіе вмѣнить."

Къ докладу Бестужева, сверхъ того, приложена записка, писанная его же рукой (вѣроятно, проектъ указа Синоду), которая послѣ изложенія несообразности поминовенія съ манифестами объ Петрѣ III изданными, оканчивается такимъ образомъ:

„Однако же самая та же церковь не запрещаетъ и о сущихъ злодѣяхъ приносить молитвы, но паче повелѣваетъ о заблудшихъ душахъ молиться: того ради безъ молитвъ и поминовенія и его оставить не надлежитъ. Вслѣдствіе чего надобно Синоду изобрѣсти особую для его поминовенія форму, не соединяя его съ прочими въ Бозѣ почивающими россійскими государями; сіе поминовеніе по закону нашему, служить можетъ къ отрадѣ его души и къ удовлетворенію грѣховъ его, а притомъ и истребить, есть ли носятся въ народѣ ложные объ немъ слухи, будто онъ живъ-"

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

Къ исторіи дѣтства императора Павла I.

Извѣстно, что императрица Елисавета Петровна была чрезвычайно обрадована рожденіемъ великаго князя Павла Петровича и, не надѣясь, чтобы родители его могли должнымъ образомъ воспитать и сохранить ребенка, взяла его къ себѣ и поручила попеченіямъ нѣсколькихъ мамокъ и нянекъ, которыя, однакожъ, вмѣсто ожидаемой пользы, оказали весьма вредное вліяніе на нравственное и физическое развитіе будущаго наслѣдника престола. Правда, наблюденіе за здоровьемъ великаго князя, съ самаго дня его рожденія, 20 сентября 1754 г., было возложено на лучшаго тогдашняго врача, лейбъ-медика Кондоиди; но послѣдній, всецѣло поглощенный обширной практикой и управленіемъ медицинской коллегіи, мало занимался физическимъ воспитаніемъ Павла Петровича и въ своихъ донесеніяхъ о состояніи здоровья великаго князя, обращики которыхъ мы приводимъ здѣсь, постоянно увѣрялъ императрицу, что „благовѣрнаго государя великаго князя Павла Петровича вседражайшее здоровіе, Господу споспѣшествующему за молитвами вашего императорскаго величества продолжается саможелательно и во всемъ благополучно", тогда какъ на дѣлѣ было не совсѣмъ такъ. Воспитатель Павла Петровича, Порошинъ, упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что въ дѣтствѣ великаго князя наказывали тѣмъ, что кормили его молочнымъ, вредно дѣйствовавшимъ на его желудокъ, насильно заставляли его много ѣсть мяса, отъ чего у него дѣлалась рвота и вообще разстраивали его здоровье несоблюденіемъ самыхъ основныхъ діэтетическихъ правилъ. Медицинская наука давно уже старается объяснить неестественную напряженность и разстройство воображенія

разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ. Разсматривая особенности характера Павла, необходимо принимать во вниманіе также и его физическія особенности. Въ этомъ отношеніи, кромѣ свидѣтельства Порошина, особенно любопытна, печатаемая ниже, въ переводѣ съ французскаго, записка о болѣзненности восьмилѣтняго Павла неизвѣстнаго намъ по фамиліи врача, назначеннаго къ великому князю домашнимъ докторомъ уже императрицей Екатериной II, въ 1762 году. Записка эта, а равно и донесенія Кондоиди, хранятся въ Государственномъ Архивѣ и обязательно сообщены намъ въ копіяхъ Г. В. Есиповымъ.

Донесенія императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ лейбъ-медика Кондоиди.

1.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Его императорское высочество благовѣрный государь великій князь Павелъ Петровичъ опочивать ложиться изволилъ вчерась въ 10 минутъ 10 часа, а пробудился сего числа по утру не вступно въ 8 часовъ; чрезъ оное время опочивалъ сладко и спокойно и пробудился веселъ. Кушать изволилъ иной день больше, иной меньше, молочной кашицы и испражненіе имѣетъ по пропорціи довольно. Слѣдственно благословеніемъ всемогущаго въ вожделѣнномъ находится здравіи. О чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу.“

„Вашего императорскаго величества всенижайшій рабъ Павелъ Кондоиди.“

„Мая 25 дня, 1755 г. въ 9 часовъ по-полудни.

2.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Его императорскаго высочества благовѣрнаго государя великаго князя Павла Петровича вседражайшее здравіе, Господу споспѣшествующему за молитвами вашего императорскаго величества продолжается саможелательно и во всемъ благополучно. По высочайшему вашего императорскаго величества указу, отъ господина камергера Воронцова намъ объявленному, всѣ посты около комнаты его императорскаго высочества осматриваны и гдѣ разсудилось надобно часовые прибавлены и приказомъ господина генералъ-маіора князя Меншикова всѣмъ часовымъ вездѣ подтверждено за приключеніемъ барону Леутруту быть въ осторожности.“

„Августа 24 дня, 1755 г. въ 10 часовъ по-полудни.

3.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Чрезъ нынѣ прошедшую ночь его императорское высочество благовѣрный государь великій князь Павелъ Петровичъ опочивалъ довольно хорошо и пробудился веселъ и въ прочемъ все благополучно; уповать же надобно, что въ годъ и съ зубкомъ будетъ, ибо десны весьма стали свербѣть, что видно отъ того, что часто и почти непрестанно изволитъ ихъ тереть, но не инымъ чѣмъ, какъ своими пальцами; на верхней же деснѣ перепонка день ото дня

больше бѣлѣетъ. Богъ милосердый за молитвами вашего императорскаго величества да даруетъ благополучно, яко же и уповаю."

„Августа 25 дня, 1755 г., въ 10 часовъ по-полудни.

4.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Его императорское высочество благовѣрный государь великій князь Павелъ Петровичъ, благодаря всевышняго, находится въ саможелательномъ здравіи благополучно. Вчерась въ 35 минутъ девятаго часа соизволилъ опочивать ложиться, а въ 50 минутъ девятаго же часа сегодня пробудился веселъ и соизволилъ приказать самими словами: „матушкѣ государынѣ императрицѣ поклонись."

„Мая 10 дня, 1757 года.

5.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Его императорское высочество благовѣрный государь великій князь Павелъ Петровичъ со свитою своею въ Село Царское благополучно прибыть изволилъ въ полъ-двѣнадцатаго часа; дорогою веселъ былъ, напослѣдокъ започивалъ и въ саможелательномъ здравіи находится и нынѣ гулять изволитъ."

„Мая 24 дня, 1757 года.

6.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Его императорское высочество благовѣрный государь великій князь Павелъ Петровичъ, благодаря всевышняго, находится въ саможелаемомъ здравіи. Божественную литургію и молебенъ изволилъ выслушать въ самой церкви Воскресенія Христова благоговѣйно и очень хорошо и сподобился причаститься св. Христовыхъ тайнъ съ такимъ истинно благоговѣніемъ и тихостью, что мы всѣ тому радовались и удивлялись. По окончаніи молебна, къ кресту изволилъ приложиться очень усердно и напослѣдокъ всѣхъ, находившихся въ церкви, обоего пола, къ ручкѣ изволилъ пожаловать. Изъ своей комнаты изволилъ видѣть и слышать поздравляющихъ барабанщиковъ, потомъ въ залѣ команду всю лейбъ-компанію къ ручкѣ жаловать."

„Іюня 29 дня, 1757 года.

Записка о болѣзненномъ состояніи великаго князя Павла Петровича.

„Великому князю Павлу Петровичу отъ роду семь лѣтъ и десять съ половиною мѣсяцевъ.

„Съ самаго рожденія онъ страдаетъ почти постоянно припадками, происходящими отъ кислотъ, которыя преобладаютъ въ желудкѣ и пищеварительныхъ каналахъ, что доказывается лекарствами, прописанными ему въ теченіи всего этого времени.

„Подростая, онъ подвергался многимъ болѣзненнымъ припадкамъ. При худенькомъ (maigrelette) тѣлосложеніи, онъ былъ преимущественно безпокоимъ опухолями железъ (des tumeurs dans les parties glanduleuses), переходившими иногда въ нагноеніе.

„Онъ подверженъ иногда рвотѣ, но чаще поносамъ. Les selles ont été jaûnatres et alors fort puantes, mais le plus souvent verdatres; ainsi ils ont varié suivant les differens alimens dont il a été nourri precedemment.

„Не трудно опредѣлить происхожденіе болѣзней, которыя изнуряли этого любезнаго князя (aimable prince) но нужно много труда (du travail), чтобы уничтожить совершенно (deraciner), какъ ихъ, такъ и производимые ими припадки. Необходимо, съ особеннымъ вниманіемъ приложить все наше стараніе, чтобы это зло, хотя и медленно, но столь же вѣрно, увеличивающееся, не пустило болѣе глубокихъ корней.

„Назначенный, по осому повелѣнію всемилостивѣйшей государыни, исполнять обязанности домашняго врача (medecin ordinaire) при великомъ князѣ, я намѣренъ разрѣшить это дѣло (demembrer le cas) предложивъ охотно на обсужденіе другихъ врачей и хирурговъ, состоящихъ при дворѣ ея величества, мой методъ леченія, основанный на паталогическихъ данныхъ (expositions pathologiques).

„Однакожъ, прошу васъ, милостивые государи, по прочтеніи моихъ объясненій, изложить ваши мнѣнія письменно.“

Затѣмъ въ запискѣ подробно излагается специально медицинское опредѣленіе болѣзни великаго князя и способы для систематическаго его леченія [1]. Записка оканчивается слѣдующими словами: „Да благословитъ меня всемогущій Богъ сохранить живымъ и здоровымъ князя, который составляетъ радость августѣйшей императрицы, государства и всѣхъ насъ. 6-го августа 1762 года.“

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

[1]) Къ сожалѣнію, это любопытное мѣсто записки не списано Г. В. Есиповымъ и не находится въ сообщенной имъ намъ копіи.

СМѢСЬ.

Къ вопросу о правѣ убѣжища. Ужасающія событія въ Россіи послѣднихъ дней выдвинули вопросъ о международныхъ предпріятіяхъ противъ интернаціональнаго общества революціонеровъ. Судя по нѣкоторымъ признакамъ и по свѣдѣніямъ заграничныхъ газетъ, вопросъ объ этомъ вскорѣ оффиціально будетъ внесенъ въ очередной порядокъ европейскихъ дѣлъ. Починъ, сондированіе, предварительные шаги, дѣлаемые въ этомъ направленіи въ настоящую минуту, исходятъ отъ русскаго посольства въ Германіи, по словамъ „Berliner Tagblatt". Къ Швейцаріи предполагается въ непродолжительномъ времени обратиться съ требованіемъ ограничить право убѣжища для политическихъ преступниковъ. Въ виду этого, не безъинтересно прослѣдить историческое происхожденіе нынѣ существующаго взгляда на „право убѣжища." Какъ это ни странно, но оно имѣетъ прямо антиреволюціонный характеръ.

Первымъ его примѣненіемъ было широкое гостепріимство, оказанное Европою французскимъ эмигрантамъ 1790—1792 годовъ. Когда дѣло шло о реакціонныхъ заговорахъ, во главѣ которыхъ стояли братья Лудовика XVI-го, открыто вербовавшіе въ Кобленцѣ полки для борьбы съ законно существовавшимъ, самимъ королемъ признаннымъ, порядкомъ вещей во Франціи, консерваторы всей остальной Европы громко провозглашали святость и неприкосновенность воскрешоннаго ими средневѣковаго права. Воззрѣніе это все крѣпло и росло вплоть до эпохи возстановленія во Франціи монархіи Бурбоновъ. Французскіе заговорщики реакціоннаго лагеря слыли повсюду за героевъ даже и тогда, когда, для достиженія своихъ цѣлей, они прибѣгали къ средствамъ, близко напоминающимъ подвиги современныхъ анархистовъ. Антиреволюціонная Европа восхваляла до небесъ Жоржа Кадудаля и облекалась въ глубокій трауръ послѣ казни герцога Энгіенскаго.

Съ тѣхъ поръ „право убѣжища" сдѣлалось однимъ изъ орудій европейской дипломатіи и практиковалось всѣми правительствами, имѣвшими причины быть недовольными порядкомъ вещей, вновь водворившимся въ одномъ изъ государствъ Европы. Послѣ іюльской революціи, сторонники Карла X разсыпались повсюду, гдѣ находился въ чести принципъ такъ-называемаго легитимизма. Вмѣстѣ съ испанскими сторонниками дона-Карлоса, они одно время, подъ общимъ именемъ „карлистовъ", были героямя и желанными гостями ультрамонархическихъ гостиныхъ всѣхъ странъ.

Само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени, такое употребленіе или злоупотребленіе правомъ убѣжища для политическихъ эмигрантовъ должно было выработать на практикѣ компромисъ, въ основу котораго легла мольеровская фраза „passez moi la casse, je vous passerai le séné.“ У вновь учреждавшихся правительствъ были, по бо̀льшей части, враги двоякаго рода, правой и лѣвой стороны. Правительства, дававшія убѣжище, а иногда и тайную помощь испанскимъ карлистамъ, чувствовали себя не въ правѣ протестовать противъ образа дѣйствій другихъ правительствъ, укрывавшихъ у себя испанскихъ революціонеровъ, носившихъ характерное пазваніе дескамисадосовъ (descamisados); свѣтскіе кружки, радушно принимавшіе князя Полиньяка и маршала Мормона, не могли претендовать на страну, дававшую убѣжище Арману Барбэсу.

Создалось двойное теченіе; ультрареакціонные и демагогическіе элементы каждой націи искали за границей своей страны не только пристанища, но и средствъ для борьбы съ существующимъ въ этой странѣ порядкомъ вещей. Ихъ общая неприкосновенность была возведена въ международный принципъ.

Серьезная опасность такого положенія дѣлъ сказалась только позднѣе. Пребываніе на чужбинѣ дѣйствовало въ двухъ совершенно противоположныхъ направленіяхъ на эмигрантовъ двухъ крайнихъ политическихъ лагерей. Легитимисты, кардисты и прочіе „крайніе“ правой стороны, все болѣе и болѣе теряли энергію въ той гостепріимной и разнѣживающей атмосферѣ свѣтскихъ кружковъ, въ которыхъ они вращались; демагоги и анархисты, только терпимые тамъ, гдѣ они искали себѣ пріюта, напротивъ, ожесточались съ каждымъ годомъ и, не имѣя возможности слиться съ окружающимъ ихъ обществомъ, инстинктивно сближалисьмежду собою, кристализуясь по немногу въ ту общеевропейскую революціонную партію, которая, прошедши черезъ стадію тайныхъ обществъ сороковыхъ годовъ, предстала вдругъ предъ лицомъ изумленной „легальной Европы“ въ формѣ международнаго союза рабочихъ, болѣе извѣстнаго подъ именемъ „интернаціонали“.

Въ 1871 году, въ эпоху комунальнаго мятежа въ Парижѣ, западноевропейскія правительства смутно сознали опасность положенія, ими же созданнаго, но наложить на него руку не рѣшился никто, когда покойный Жюль Фавръ обратился ко всѣмъ кабинетамъ съ призывомъ составить общую коалицію противъ интернаціонали. У каждаго изъ тѣхъ, къ кому обратился тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, были свои поводы не принять его предложенія. Князь Бисмаркъ всего четыре года передъ тѣмъ испыталъ „удобство“ своевременныхъ сношеній съ такими политическими эмигрантами, какъ Кошутъ и Клапка; въ Вѣнѣ еще находили „полезнымъ“ имѣть у себя подъ рукою сторонниковъ неаполитанскихъ Бурбоновъ и враговъ короля Виктора-Эммануила; въ Англіи желаніе двора оказать широкое гостепріимство семейству Бонапартовъ не позволяло и думать о высылкѣ Феликса Піà и его товарищей. Фрошдорфъ, Чейзльгёрсъ, Пранженъ заставляли закрывать глаза на Женеву и Цюрихъ...

Въ настоящую минуту вопросъ поставленъ значительно иначе. Политическіе эмигранты анархическаго лагеря все болѣе и болѣе вдаются въ простую уголовщину, и, вслѣдствіе этого, является возможность завести рѣчь о необходимости раздѣленія всѣхъ политическихъ выходцовъ на двѣ, рѣзко отличающіяся одна отъ другой категоріи, изъ которыхъ за одною, какъ международно-безвредною, должно быть оставлено пользованіе правомъ убѣжища, а отъ другой его слѣдуетъ отнять. Но какъ бы тамъ ни было, дѣло о „правѣ убѣжища“ всетаки поставлено на очередь международнаго обсужденія, и потому считаемъ не лишнимъ сообщить, со словъ „Голоса“, нѣсколько свѣдѣній о томъ, въ какомъ положеніи оказываются политическіе эмигранты демагогическаго лагеря въ главныхъ центрахъ ихъ мѣстопребыванія и дѣятельности.

Такихъ центровъ насчитывается, вообще говоря, пять: Женева, Цюрихъ, Лондонъ, Парижъ и Брюсель; но живется въ этихъ городахъ анархистамъ далеко неодинаково, и замѣтнымъ, самостоятельнымъ элементомъ населенія они являются только въ Женевѣ да въ Цюрихѣ. Въ Лондонѣ и Парижѣ они какъ бы тонутъ въ массѣ туземнаго и пришлаго населенія, въ Брюсселѣ значительно обезличиваются отношеніемъ къ нимъ правительства.

Въ Швейцаріи право убѣжища практикуется очень широко и со всѣми

его логическими послѣдствіями. Отъ эмигрантовъ, къ какому бы они лагерю ни принадлежали, требуется только одно—невмѣшательство во внутреннія дѣла республики. Никакого контроля, никакого надзора за ихъ дѣятельностью не существуетъ. Союзное правительство разъ навсегда сложило съ себя передъ Европою всякую отвѣтственность за послѣдствія пребыванія на его территоріи иноземныхъ заговорщиковъ, и до послѣдняго времени, по соображеніямъ, о которыхъ мы упоминали выше, никто противъ такого „умыванія рукъ" не находилъ возможнымъ протестовать.

Анархисты воспользовались этимъ для того, чтобъ солидно „основаться" въ Цюрихѣ и Женевѣ. Со времени реакціи, послѣдовавшей въ Европѣ за революціонными движеніями 1848 года, въ двухъ названныхъ городахъ составились настоящія „поселенія" революціонеровъ всѣхъ національностей. Выходцы завелись своими клубами, ресторанами, типографіями и вообще полною общественною организаціей. Туземные жители, вообще говоря, не долюбливаютъ ихъ, но терпятъ, какъ неизбѣжное зло, съ которымъ они давно свыклись, какъ свыкается человѣкъ съ большою бородавкою, по немногу выросшею у него на лицѣ. Выходцы французской и нѣмецкой національности даже отчасти сливаются съ туземнымъ населеніемъ, потому что большая часть изъ нихъ не ограничивается революціонною дѣятельностью, а старается принять участіе въ рабочей промышленности, а иногда и умственной дѣятельности пріютившаго ихъ города. Нѣкоторые изъ французскихъ комуналистовъ 1871 г. разбогатѣли отъ торговли и промышленной дѣятельности въ изгнаніи; другіе, какъ напримѣръ, европейски-извѣстный географъ Элизэ Реклю, сдѣлались видными членами швейцарскаго учонаго мира. Нѣсколько выдающихся германскихъ революціонеровъ занимаютъ каѳедры въ швейцарскихъ университетахъ. Польскіе эмигранты, не принадлежащіе къ демагогическому лагерю, приходятъ въ соприкосновеніе съ туземнымъ обществомъ „веселыми" сторонами его жизни. Ихъ можно видѣть и въ клубахъ, гдѣ идетъ большая игра, и въ разныхъ „увеселительныхъ заведеніяхъ" извѣстнаго рода, которыми славится Женева, и въ наиболѣе людныхъ ресторанахъ. Одни только русскіе эмигранты живутъ совершенно особо, не стараясь вовсе сближаться съ туземцами, привозя съ собою всѣ привычки россійской распущенности и неизлечимаго „вахлачества", отъ которыхъ акуратныхъ нравственно и физически швейцарцевъ просто коробитъ.

Въ общей сложности, всему этому люду живется широко и привольно въ Швейцаріи. Пришлецы чувствуютъ себя тамъ если не привходящимъ элементомъ туземнаго общества, то, всетаки, самостоятельною его частью, пользующеюся всѣми льготами швейцарскаго законодательства, недопускающаго никакихъ ограниченій въ „правѣ убѣжища."

Юридически положеніе эмигрантовъ, живущихъ въ Лондонѣ—то же самое, что и въ Швейцаріи, но на практикѣ имъ живется несравненно хуже въ англійской столицѣ, чѣмъ въ Женевѣ или Цюрихѣ. Это зависитъ, прежде всего, отъ незнанія или малаго знанія англійскаго языка, которымъ отличается большая часть политическихъ выходцовъ, ищущихъ убѣжища въ Лондонѣ.

Каждый политическій эмигрантъ, поселяющійся въ Лондонѣ, чувствуетъ себя неловко отъ постояннаго опасенія тайнаго за нимъ надзора. По собственному почину англійское правительство такого надзора, положимъ, и не предпринимаетъ, но за то оно никогда не отказываетъ въ извѣстной мѣрѣ содѣйствія частному надзору, устроиваемому заинтересованными въ дѣлѣ правительствами. Самостоятельная организація лондонской полиціи дѣлаетъ доступнымъ наемъ ея агентовъ посольствами, для выслѣживанія заговорщиковъ, дѣятельности которыхъ опасается то или другое иностранное государство. Сверхъ того, въ Лондонѣ существуетъ множество частныхъ сыскныхъ агентовъ, дѣйствующихъ съ законнаго разрѣшенія и готовыхъ къ услугамъ каждаго, кто заплатитъ имъ хорошія деньги. Сыщики этихъ агентовъ очень часто превосходятъ ловкостью и проницательностью оффиціальную полицію, и многіе изъ нихъ спеціально посвящаютъ себя выслѣживанію за счетъ того или другого иностраннаго правительства политическихъ заговорщиковъ его національности. При такихъ условіяхъ, эмигрантъ чувствуетъ себя, правда, совершенно обезпеченнымъ на счетъ его личной безопасности, но никогда не увѣренъ въ успѣхѣ своихъ предпріятій, которыя могутъ быть извѣстны до мелочей слѣдящимъ за нимъ сыскнымъ агентамъ.

Въ Парижѣ положеніе эмигранта-заговорщика съ одной стороны лучше, а съ другой—опаснѣе, чѣмъ въ Лондонѣ. При огромной распространенности знанія французскаго языка въ образованныхъ и даже полуобразованныхъ классахъ всей континентальной Европы и при способности каждаго француза понимать самый неправильный говоръ иностранца, эмигрантъ, даже при самыхъ скудныхъ средствахъ, всегда съумѣетъ „добыть языка“ въ Парижѣ. Жизнь въ народныхъ кварталахъ французской столицы очень дешева, да, сверхъ того, населеніе этихъ кварталовъ, въ огромномъ большинствѣ, держится политическихъ мнѣній, дѣлающихъ для него какъ бы обязательными не только сочувствіе, но даже и матерьяльную помощь демагогамъ и анархистамъ всѣхъ національностей. Въ Бельвиллѣ и на Монмартрскихъ Высотахъ заговорщикъ-анархистъ, къ какой бы національности ни принадлежалъ, непремѣнно почувствуетъ себя своимъ человѣкомъ между бывшими сторонниками и бойцами комуны 1871 года.

Зато французская полиція нынѣшняго времени относится къ этимъ господамъ крайне недружелюбно и сурово. Участіе множества иностранцевъ въ мятежѣ комуны дало французамъ спасительный урокъ. Въ чьихъ бы рукахъ ни находилась государственная власть, представители ея строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобъ туземные анархическіе элементы не получали подкрѣпленія извнѣ. За иностранными революціонерами, прибывающими во Францію, полиція слѣдитъ чрезвычайно строго и не даетъ имъ заживаться въ странѣ. Высылка подобныхъ господъ административнымъ порядкомъ практикуется въ широкихъ размѣрахъ, и во время ихъ пребыванія въ Парижѣ они состоятъ подъ строгимъ присмотромъ. Каждому изъ нихъ приходится скрываться, дѣйствовать съ безчисленными предосторожностями, жить подъ чужимъ именемъ безъ малѣйшей увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Все это, конечно, дѣлаетъ почти немыслимою такую политическую дѣятельность, которая вполнѣ доступна анархистамъ, проживающимъ въ Женевѣ и Цюрихѣ, и возможна, хотя не безъ серьезныхъ затрудненій, для эмигрантовъ, поселившихся въ Лондонѣ.

Брюсель—самый непопулярный изъ „городовъ-убѣжищъ“ между „воинствующими“ эмигрантами революціоннаго лагеря. Бельгійскіе законы вполнѣ обезпечиваютъ неприкосновенность каждаго политическаго выходца, бельгійская полиція вовсе не занимается надзоромъ надъ иностранцами этой категоріи, если они живутъ спокойно, но за то въ бельгійской конституціи есть статья, дающая право правительству не только высылать по своему произволу каждаго иностранца, присутствіе котораго въ Бельгіи почему бы ни было признается неудобнымъ, но даже просто ссылать его административнымъ порядкомъ въ одинъ изъ городовъ королевства, съ учрежденіемъ надъ нимъ самаго строгаго полицейскаго надзора. Мы знаемъ примѣры подобныхъ ссылокъ, мотивированныхъ жалобой того или другого посольства на рѣзкую статью, появившуюся въ какой нибудь изъ безчисленныхъ брюсельскихъ газетъ, въ которыхъ пишутъ эмигранты. Послѣ подавленія мятежа парижской комуны, въ Брюсель понаѣхало-было множество участниковъ этого мятежа, но черезъ два года изъ всей этой массы революціонеровъ тамъ остались только тѣ, которые совершенно отреклись отъ дальнѣйшей революціонной дѣятельности и рѣшились зажить мирною жизнью бельгійскихъ гражданъ. Къ такимъ выходцамъ бельгійцы вообще относятся очень радушно, и ихъ сліяніе съ мѣстнымъ населеніемъ прибавляетъ много характерности общему складу жизни бельгійской столицы. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, напримѣръ, за прилавкомъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ брюсельскихъ книжныхъ магазиновъ можно было видѣть красиваго и франтоватаго поляка-прикащика, разсказывавшаго всѣмъ и каждому, что онъ бывшій членъ „ржонда народоваго“ 1863 года, а въ знаменитомъ брюсельскомъ пасажѣ „Galeries Saint-Hubert“ еще въ 1877 году существовала мѣняльная лавочка одного изъ самыхъ ярыхъ нѣмецкихъ демагоговъ 1848 года. Оба эти бывшіе дѣятели революціи жили совершенно мирными гражданами и даже числились въ спискахъ гражданской гвардіи—учрежденія чисто консервативнаго характера.

Въ послѣднее время эмигранты-анархисты начинаютъ поселяться въ Италіи, но это пока еще не болѣе, какъ единичныя попытки, и ихъ результаты вовсе не поощряютъ къ подражанію другихъ эмигрантовъ.

М. А. Колосовъ. Въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, скончался въ Ялтѣ одинъ изъ малоизвѣстныхъ, но достойныхъ уваженія тружениковъ русской

науки, профессоръ русскаго языка и словесности въ Варшавскомъ университетѣ М. А. Колосовъ. Заимствуемъ нѣсколько свѣдѣній о немъ изъ его некролога, составленнаго и сообщеннаго намъ профессоромъ А. А. Кочубинскимъ.

Уроженецъ Курской губерніи, города Дмитровска, сынъ крайне бѣднаго мѣщанина, Колосовъ, борясь съ раннихъ лѣтъ съ нуждой и лишеніями, едва достигнувъ пятаго класса гимназіи, вынужденъ былъ оставить ее и занять мѣсто приходскаго учителя въ одномъ уѣздномъ городѣ, съ жалованьемъ по 4½ рубля въ мѣсяцъ, на которые долженъ былъ жить самъ и содержать престарѣлаго отца. При такой печальной обстановкѣ, положеніе его казалось безвыходнымъ; но въ тщедушномъ, болѣзненномъ тѣлѣ Колосова заключался твердый, настойчивый характеръ, самообладаніе и необычайная энергія. Онъ сдѣлался народнымъ учителемъ для того, чтобы, перебиваясь кое-какъ, подготовляться самому, безъ всякаго руководства, къ выпускному гимназическому экзамену. Это намѣреніе онъ привелъ въ исполненіе и въ 1862 г. поступилъ въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Здѣсь его способности и трудолюбіе были замѣчены тогдашнимъ профессоромъ филологіи П. А. Лавровскимъ, въ которомъ Колосовъ нашелъ опытнаго руководителя и добраго человѣка. Сдѣлавшись стипендіатомъ имени патроновъ славянства,—св. Кирилла и Меѳодія, Колосовъ спеціализировался на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ и, по окончаніи университетскаго курса, поступилъ учителемъ сперва въ Таганрогскую, а потомъ въ Одесскую Ришельевскую гимназію. Учительская дѣятельность Колосова, умѣвшаго оживлять свое преподаваніе и развивать въ ученикахъ серьезное отношеніе къ изучаемому предмету, была крайне плодотворна. Въ 1868 г. онъ напечаталъ первый трудъ свой „Учебникъ старо-славянскаго языка“ доставившій ему командировку отъ министерства народнаго просвѣщенія въ славянскія земли. По возвращеніи изъ за-границы съ новымъ запасомъ знаній, онъ опять принялся за преподаваніе, какъ вдругъ дѣятельность его была неожидано прервана. Въ 1871 г. произошло извѣстное „недоразумѣніе“ между директоромъ Ришельевской гимназіи г. Стратоновымъ и оставившимъ по себѣ столь печальную память тогдашнимъ попечителемъ Голубцовымъ, столкновеніе, принесшее невыразимо вредныя послѣдствія для гимназіи и всего мѣстнаго педагогическаго дѣла. Голубцовъ не пощадилъ никого и, между прочимъ, назначилъ Колосова къ переводу „для пользы службы“ въ какое-то отдаленное мѣсто, но тотъ предпочелъ вовсе оставить службу. Эта невольная отставка продолжалась однако жъ недолго. П. А. Лавровскій, сдѣлавшійся въ это время ректоромъ варшавскаго университета, поспѣшилъ предложить бывшему своему ученику, какъ человѣку весьма опытному и надежному, кафедру русскаго и старо-славянскаго языка въ своемъ университетѣ, прямо съ званіемъ и. д. экстра-ординарнаго профессора. Въ Варшавѣ Колосовъ сформировался въ прочнаго ученаго и съ усиленной энергіей сталъ заниматься вопросами по исторіи русскаго и старославянскаго языковъ; на страницахъ „Филологическихъ Записокъ“ почти въ каждой книжкѣ начали появляться его изслѣдованія. Въ 1872 г. вышла его магистерская диссертація „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVII столѣтіе“ затѣмъ, въ 1874 году изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Матеріалы для характеристики сѣверно-русскаго нарѣчія“ и наконецъ, въ 1878 г. докторская диссертація „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка.“ Съ 1879 года Колосовъ приступилъ къ изданію спеціальнаго журнала „Русскія Филологическія Записки“ но успѣлъ издать всего 4 книги. Здоровье его, давно пошатнувшееся, подломилось отъ журнальной работы. Онъ долженъ былъ передать журналъ и уѣхать сперва въ Ниццу, а потомъ въ Крымъ, гдѣ и умеръ 14 января нынѣшняго года.

Заграничныя изданія сочиненій Г. П. Данилевскаго. Въ послѣднее время иностранцы начали очень интересоваться русской литературой и издавать въ переводѣ наиболѣе зачамѣтельныя произведенія современныхъ русскихъ писателей. Въ этомъ отношеніи особенно посчастливилось нашему извѣстному романисту Г. П. Данилевскому. Недавно его романы „Девятый валъ“ и „Мировичъ“ переведены и изданы разомъ на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, чешскомъ и польскомъ языкахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сочиненія эти будутъ имѣть за-границей такой же успѣхъ, какой имѣли въ Россіи, потому что иностранцы познакомятся въ нихъ съ тѣми сторонами русской жизни, которыя имъ были

совсѣмъ неизвѣстны и которыя разработаны г. Даниловскимъ съ отличающими его добросовѣстностью, знаніемъ дѣла и мастерствомъ.

Общество Нестора лѣтописца въ 1880 году. Въ общемъ собраніи членовъ общества Нестора лѣтописца, состоявшемся въ февралѣ нынѣшняго года, былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности общества за прошлый 1880 г. Заимствуемъ изъ него главнѣйшія данныя.

Къ началу нынѣшняго года въ обществѣ числилось 69 членовъ, изъ которыхъ 58 дѣйствительныхъ, 11 почетныхъ; изъ числа членовъ общества въ Кіевѣ находится 35. (Въ теченіи 1880 года избраны въ почетные члены: г. Голубцевъ, попечитель кіевскаго учебнаго округа и въ дѣйствительные члены: проф. Успенскій и Е. Е. Голубинскій; Ѳ. Г. Лебединцевъ и Люби Радзиминскій); общество за тотъ же періодъ лишилось 2 членовъ: проф. Хлѣбникова и Н. П. Задерацкаго.

Засѣданій общество имѣло въ теченіи 1880 г. 11 (1 общее, 8 очередныхъ и 2 экстренныхъ). Занятія общества состояли преимущественно въ чтеніи рефератовъ и въ сообщеніяхъ о новостяхъ исторической литературы.

Въ теченіи 1880 г. членами общества были читаны слѣдующія рефераты: проф. Ѳ. Я. Фортинскій сообщилъ о выходѣ въ свѣтъ книги: „Recueil de facsimilés à l'usage de l'école de Chartes" и „Monumenta Germaniae Diplom. v. I, p. I". Онъ указалъ на значеніе этихъ сборниковъ и пріемы составителей.

Проф. Антоновичъ прочелъ отчетъ о вопросахъ, разбиравшихся на антропологическомъ съѣздѣ въ Лиссабонѣ, который онъ посѣтилъ въ свою поѣздку за-границу. Проф. Иконниковъ прочелъ рефератъ о русской исторіи за послѣднее 25-лѣтіе. Онъ очертилъ положеніе науки русской исторіи въ предъидущее царствованіе и указалъ на условія, способствовавшія оживленію ея въ теченіи послѣдняго періода. Проф. Котляревскій сдѣлалъ сообщеніе о неправильномъ чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ извѣстныхъ Фотіевыхъ гомиліяхъ о руссахъ, напавшихъ на Византію и о довольно курьезныхъ ошибкахъ нѣкоторыхъ ученыхъ, принимавшихъ чтеніе перваго издателя гомилій, епископа Порфирія Успенскаго. Профессоръ Терновскій сообщилъ о предполагаемомъ греческомъ текстѣ договоровъ Олега и Игоря, на основаніи IV тома исторіи эллинскаго народа Папарригопуло. Отыскавъ въ договорахъ грековъ съ варварами общія формулы, Папарригопуло старается возстановить оригинальный греческій текстъ договоровъ, и дѣйствительно, при помощи указаннаго пріема, ему удается объяснить нѣкоторыя темныя мѣста въ договорахъ.

Г. Истоминъ прочелъ рефератъ о князьяхъ Олеговичахъ. Онъ старался найдти такія особенности въ Сѣверской Землѣ, которыми бы можно было объяснить возрастаніе значенія сѣверскихъ князей среди другихъ княжескихъ родовъ. Проф. Дашкевичъ прочелъ рефератъ о завоеваніи Волыни и Кіева Гедиминомъ; онъ признаетъ (на основаніи, какъ старыхъ, такъ и нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ) дѣйствительность этого событія, которое отрицаютъ нѣкоторые ученые, но только передвигаетъ это событіе на нѣсколько лѣтъ впередъ и относитъ его не къ 1321 г., а ко времени послѣ 1332 г. Имъ прочитанъ также очеркъ взаимныхъ отношеній юго-западной Руси и нѣмецкаго ордена 1-ой половины XIII вѣка, по поводу открытой имъ грамоты объ уступкѣ орденомъ части Ятветской земли Даніилу Галицкому. Г. Левицкій прочелъ о семейномъ бытѣ и брачныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси XVI—XVII вѣковъ: на основаніи актовъ, извлеченныхъ изъ Кіевскаго центральнаго архива, референтъ доказывалъ, что положеніе женщины, имущественное, семейное и юридическое, было весьма значительно. Референтомъ указанъ былъ также фактъ сравнительной легкости развода въ XVI и 1-й половинѣ XVII вѣка, для котораго часто достаточно было обоюднаго согласія супруговъ. Проф. Голубевъ сообщилъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ. Онъ доказывалъ, что типографія пріобрѣтена Кіево-Печерской лаврой въ 1615 г.; первая книга, начатая печатаніемъ, была „Анѳолигіонъ", но первая, вышедшая въ свѣтъ—„Часословецъ" 1616 г. Польскій шрифтъ пріобрѣтенъ былъ лаврою въ 1632 г. и первой книгой вышедшей на польскомъ языкѣ была „Мнемозина", изданная въ 1632 г. въ честь Петра Могилы. Проф. Голубевымъ былъ также прочитанъ рефератъ о поѣздкѣ Мелетія Смотрицкаго на востокъ и переходѣ его въ унію; цѣлью поѣздки было положить конецъ автономіи братствъ и монастырей, а не желаніе склонить восточныхъ іерарховъ къ уніи, въ которую онъ перешелъ уже по своемъ возвращеніи съ востока.

Проф. Иконниковъ прочелъ о неизданной перепискѣ графа Румянцева съ кіевскимъ археологомъ Берлинскимъ съ 1815 по 1825 г.—Содержаніемъ переписки были, какъ общіе вопросы по археологіи, такъ и разсужденія о кіевскихъ древностяхъ.

Г. Науменко прочелъ о способѣ изображенія народной поэзіей современныхъ событій, по поводу одной пѣсни, недавное возникновеніе которой можно установить съ точностью.

Кромѣ рефератовъ, почти въ каждомъ засѣданіи проф. Котляревскимъ, Иконниковымъ и Терновскимъ, были дѣлаемы сообщенія о текущей исторической литературѣ.

Библіотека общества состоитъ изъ 200 названій въ 386 томахъ. Денегъ у общества всего 353 р. 97 к.

Обществу лѣтописца Нестора можно сдѣлать нѣсколько серьезныхъ упрековъ: его занятія носятъ характеръ случайный, они не объединены какой нибудь общей мыслью; рефераты бываютъ слишкомъ спеціальны и сухи. Безжизненность нѣкоторыхъ докладовъ повела къ тому, что общество посѣщается членами его весьма неисправно, нерѣдко въ засѣданіи участвуютъ лишь 6, 7 членовъ, рѣдко болѣе 11, 12. Засѣданія общества носятъ какой-то оттѣнокъ келейности, о времени засѣданія знаютъ одни лишь члены общества, поэтому посторонней публики въ засѣданіяхъ общества почти не видно, кромѣ 2, 3 человѣкъ, случайно узнавшихъ отъ знакомыхъ членовъ о времени собранія общества. А между тѣмъ безъ сомнѣнія среди студентовъ филологовъ нашлось бы не мало желающихъ посѣщать ученое собраніе. Упрекъ въ келейности не разъ уже дѣлался обществу, но оно почему-то игнорируетъ его. Кромѣ того общество весьма неохотно пополняетъ себя новыми членами; мало того, въ прошломъ году состоялось постановленіе, положительно обидное для желающихъ поступить въ члены общества: по предложенію предсѣдателя рѣшили устраивать для заявившихъ желаніе поступить въ члены общества, нѣчто въ родѣ экзамена: требуется прежде прочесть рефератъ въ обществѣ, и потомъ уже прочитавшаго рефератъ могутъ подвергать баллотировкѣ. Едва ли кто согласится на подобный экзаменъ. Постановленіе это мотивировано тѣмъ, что многіе изъ членовъ, избранныхъ въ общество, ни разу не читали въ немъ никакихъ трудовъ, а при новомъ порядкѣ станутъ поступать только лица, дѣйствительно желающіе работать для общества. Непрактичность этой мѣры доказывается уже тѣмъ, что подобнымъ образомъ еще не былъ избранъ ни одинъ новый членъ. Кажется гораздо проще избрать въ члены только такихъ лицъ, которые уже зарекомендовали себя какъ серьезными научными трудами, такъ и любовью къ наукѣ.

Статуя Афины Фидія. Извѣстіе объ открытіи въ Аѳинахъ знаменитой статуи Фидія, недавно сообщенное по телеграфу мэромъ города Аѳинъ меру Лондона и префекту Парижа, возбудило всеобщее любопытство, такъ какъ статуя Фидія принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ греческаго искусства. Всѣ любители искусства и древностей интересовались знать, какая именно статуя Фидія найдена, потому что изъ свидѣтельства Павзанія и другихъ древнихъ писателей извѣстно, что Фидіемъ были сдѣланы двѣ статуи: одна—Аѳины-промахосъ (сражающейся впереди) изъ бронзы колоссальныхъ размѣровъ, вышиной въ 20 метровъ; она была сдѣлана въ память побѣды грековъ надъ персами (въ Мараѳонской битвѣ) и поставлена въ акрополѣ аѳинскомъ, гдѣ мореходы могли видѣть ее отъ мыса Суніона. Другая статуя—Аѳины-партеносъ—представляла покровительницу аѳинянъ, изображена въ мирной позѣ и была сдѣлана изъ золота и слоновой кости. Она имѣла въ вышину 26 локтей и на нее было употреблено 44 таланта· Обнаженныя части статуи (лицо, руки, ноги) были сдѣланы изъ слоновой кости, короткая одежда, шлемъ и оружіе—изъ золота, глаза—изъ драгоцѣнныхъ камней. Богиня стояла опершись лѣвою рукой на золотой щитъ, украшенный рельефами, изъ-за котораго поднималась змѣя; къ плечу было приставлено свободно копье; на шлемѣ виднѣлось изображеніе сфинкса, символа мудрости; въ протянутой правой рукѣ богиня держала изображеніе лежащей побѣды (ники).

Тотчасъ по полученіи извѣстія отъ аѳинскаго мэра, вѣнскій археологъ Гансенъ, редакція газеты Neue Freie Presse и друг. обратились съ запросомъ къ предсѣдателю нѣмецкаго археологическаго института въ Аѳинахъ, Кёлеру, съ просьбой сообщить подробности о находкѣ. Оказалось, что найден

ная (при земляныхъ работахъ на одной улицѣ) статуя сдѣлана изъ мрамора, имѣетъ около метра въ вышину и представляетъ только посредственную копію второй статуи Фидія. Но и эта находка имѣетъ важность для науки, такъ какъ она подтверждаетъ извѣстія древнихъ писателей о статуѣ Фидія, хотя по мнѣнію К. В. Герца, ей и не можетъ быть приписано того значенія, которое постарался придать ей мэръ Аѳинъ, думая заинтересовать вниманіе всей Европы и выставить ее, какъ счастливый прогностиконъ въ виду ожидаемой войны между Греціей и Турціей.

Декабристъ Е. П. Соловьевъ. „Русскимъ Вѣдомостямъ" пишутъ изъ Орла, что на-дняхъ близь города, въ сельцѣ Знаменскомъ, умеръ 100 лѣтній старецъ, московскій мѣщанинъ Егоръ Петровичъ Соловьевъ. Это былъ одинъ изъ декабристовъ, доживавшій свои послѣдніе дни въ имѣніи своего бывшаго воспитанника, г. Мацнева. Судебный приставъ, производившій, по распоряженію мирового судьи, охранительную опись имущества покойнаго, нашелъ у него огромную массу рукописей, которыя, какъ не имѣющія особаго, по мнѣнію пристава, значенія, переданы имъ управляющему имѣнія г. Мацнева. Въ числѣ писемъ отъ разныхъ лицъ къ Соловьеву оказалось одно, писанное бывшимъ министромъ гр. Толстымъ еще въ то время, когда онъ былъ ученикомъ покойнаго. Письмо это весьма слабое съ орѳографической стороны, тщательно, однако, сохраняемо было покойнымъ: вмѣстѣ съ двумя вязанными кошельками работы гр. Толстого, оно завернуто было во множествѣ тряпокъ. Далѣе, говоритъ корреспондентъ, въ перепискѣ г. Соловьева, если только вся она не будетъ уничтожена, какъ никуда не годный хламъ, найдется, можетъ быть и еще что нибудь интересное. Кромѣ бумагъ, платья и небольшого количества необходимыхъ вещей, послѣ покойнаго осталось 7,000 рублей денегъ, положенныхъ въ какой то банкъ, и такъ какъ завѣщанія имъ не оставлено, самъ же онъ былъ, какъ говорятъ, незаконнорожденный сынъ какого то сановника, то состояніе это должно будетъ, какъ кажется, поступить въ казну. Знавшіе Е. П. Соловьева помнятъ разсказы его о пребываніи въ Парижѣ въ 1814 году и о знакомствѣ его тамъ съ высшими слоями парижскаго общества.

Замѣтки и поправки.

Псевдо-Пушкинъ.

Въ недавно вышедшей январской книжкѣ новаго журнала „Полярная Звѣзда" напечатаны два стихотворенія: „На наводненіе 1824 г." и „Исповѣдь бѣднаго стихотворца", выдаваемыя за неизданныя произведенія А. С. Пушкина. Они взяты, какъ объясняетъ редакція, изъ альбома, который былъ составленъ въ пятидесятыхъ годахъ литераторомъ-диллетантомъ, вписывавшимъ въ него все, что ходило тогда въ рукописяхъ. Первое стихотвореніе можетъ принадлежать дѣйствительно Пушкину, хотя нѣтъ никакихъ основаній считать его навѣрное ему принадлежащимъ: и при жизни Пушкина, и послѣ смерти, съ его именемъ ходило множество стиховъ, написанныхъ вовсе не имъ, и считавшихся за его произведенія единственно потому, что они нравились публикѣ, а публика все то, что ей казалось изящнымъ или остроумнымъ, долгое время считала вышедшимъ изъ подъ пера непремѣнно Пушкина. Такъ, между прочимъ, Пушкину долго приписывалось стихотвореніе „Страдалецъ произвольной муки", принадлежащее въ дѣйствительности Ознобишину. Къ числу такихъ псевдо-эпиграфовъ принадлежитъ и второе стихотвореніе, напечатанное въ „Полярной Звѣздѣ"—„Исповѣдь бѣднаго стихотворца."

Оно ни по своему достоинству (очень посредственному), ни по употребленнымъ въ немъ выраженіямъ и формамъ не можетъ считаться произведеніемъ Пушкина, который, какъ извѣстно, тщательно обдумывалъ каждое слово и обдѣлывалъ каждую строчку въ своихъ стихахъ. Въ этомъ стихотвореніи мы читаемъ:

Стихотворецъ.
Кумировъ у меня бывало не одинъ.
Любилъ я золото и знатнымъ поклонялся,
Во всякой пѣсенкѣ я дѣвами плѣнялся,
Которыхъ и въ глаза, отецъ мой, не видалъ
Но тѣмъ но менѣе безбожно обожалъ.
Священникъ.
А имя Божіе?
Стихотворецъ.
Когда недоставало
Иль рифмы, иль стопы, то признаюсь бывало
И имя Божіе вклею въ упрямый стихъ.

Какой глоголъ надо подразумѣвать при словахъ священника: „А имя Божіе.“ Можно подразумѣвать только или „любилъ“ или „обожалъ“, но ни тотъ ни другой глаголъ, очевидно неподходитъ. Далѣе:

Священникъ.
А часто ль?
Стихотворецъ.
Да во всѣхъ элегіяхъ моихъ;
Тамъ можешь, батюшка, прочесть на каждой строчкѣ:
„Увы“ и „се!“ и „Ахъ, мой Богъ!“ тире да точки... [1])

Здѣсь мы встрѣчаемся съ логическою неправильностью: священникъ спрашиваетъ стрхотворца, часто ли онъ употреблялъ въ стихахъ имя Божіе, и получаетъ въ отвѣтъ, что въ его стихахъ можно прочесть на каждой строчкѣ „увы“ и „се.“

Желая бѣдному страдальцу угодить,
Я оду сталъ ему торжественно твердить.

Конечно, вмѣсто „торжественно“, надо читать „торжественну“ (оду), иначе стихъ не имѣетъ достаточно удовлетворительнаго смысла. „Твердить оду“ вмѣсто „читать оду“—выраженіе совершенно неудачное, которое едва ли могъ бы употребить Пушкинъ; а что касается до „торжественну“, то сколько извѣстно, Пушкинъ **никогда** не употреблялъ прилагательныхъ и причастій въ усѣченной формѣ.

Священникъ.
... да ты жъ прелюбодѣй,
Твои стихи...
Стихотворецъ.
Всѣ лгутъ! А на душѣ моей,
Ей Богу, я грѣха такого не имѣю.
По модѣ лишній грѣхъ взвалилъ себѣ на шею,
А вправду вымолвить,—я сущій эпиктетъ—
Водой незамутимъ, предобренькій поэтъ.

---

[1]) Знаки препинанія мы оставляемъ въ томъ видѣ, какъ они находятся въ „Полярной Звѣздѣ.“

Не говоря уже о томъ, что слово „предобренькій“ употреблено, что называется, ни къ селу, ни къ городу, укажемъ на причастіе „не замутимъ“, имѣющее усѣченную форму.

... я малый небогатый,
За деньги написалъ посланье длинновато.

„Длинновато“—опять усѣченная форма. Можно бы указать еще на нѣсколько случаевъ не вполнѣ умѣстнаго употребленія словъ въ этомъ стихотвореніи, но полагаемъ, что и сдѣланныхъ нами указаній вполнѣ достаточно для того, чтобы признать его ложно приписаннымъ Пушкину.

А. С—кій.

— Это можетъ повредить репутаціи вашей матери; и если вы намѣрены поручить управленіе государствомъ герцогинѣ Ангулемской...

— Ты убѣжденъ, что я передамъ ей власть въ мое отсутствіе?

— Я убѣжденъ, что вы не измѣните своей обычной мудрости.

Король казался разсѣяннымъ и глядѣлъ то на Дюпра, то на картины, украшавшія высокую комнату отеля Турнель, гдѣ онъ находился въ эту минуту. Затѣмъ, онъ медленно подписалъ свое имя подъ смертнымъ приговоромъ Семблансэ и не оглядываясь вышелъ изъ комнаты.

Въ это время графиня Шатобріанъ, въ одной изъ залъ Венсенскаго замка, молча слушала длинныя разсужденія своихъ друзей о загадочномъ поведеніи короля и грозившей ей печальной будущности. Флорентинъ окончательно растерялся и съ свойственнымъ ему эгоизмомъ упрекалъ графиню, зачѣмъ она разорвала составленный имъ контрактъ съ подписью короля.

— Великодушіе молодости, добавилъ онъ наставительнымъ, раздраженнымъ тономъ, всегда употребляется во зло людьми и мы изъ-за него терпимъ нужду въ старости. Кто предается ему, того ожидаетъ нищенскій посохъ! Тебѣ не слѣдовало упускать изъ виду Франциска, что ничто не связываетъ людей болѣе прочнымъ образомъ, какъ письменное обязательство!

Графиня Шатобріанъ бросила на него равнодушный взглядъ, между тѣмъ какъ крупныя слезы струились по ея щекамъ.

— Мы сегодня имѣли достаточный поводъ убѣдиться въ дурномъ расположеніи духа его величества! продолжалъ Флорентинъ. Онъ настолько охладѣлъ къ тебѣ, моя бѣдная Франциска, что мы не можемъ быть увѣрены въ успѣхѣ, даже въ томъ случаѣ, если я спрячу тебя у нашихъ монахинь въ Парижѣ и не выпущу до тѣхъ поръ, пока не будетъ возобновленъ контрактъ. Богъ знаетъ, спроситъ ли онъ даже о тебѣ!

— Во всякомъ случаѣ, моя дорогая графиня, сказалъ Бюде, который ходилъ взадъ и впередъ по залѣ и остановился передъ нею, вы должны заявить ему свое неудовольствіе и послѣдовать вашему первому побужденію избѣгать Парижа въ настоящую минуту. Венсенскій замокъ вполнѣ подходящее мѣсто для васъ; останьтесь здѣсь. Я тотчасъ извѣщу объ этомъ нашихъ друзей и завтра же явятся сюда Дюшатель, Маро, Приматисъ, Жюстъ, Ласкарисъ, Кузенъ; мы пристыдимъ короля и докажемъ ему, что умѣемъ лучше его цѣнить вашу красоту и нравственныя качества. Онъ увидитъ, что мы считаемъ васъ вполнѣ достойной быть центромъ нашего кружка, не менѣе его самого. Я напишу также герцогинѣ Маргаритѣ; и она ни на минуту не задумается встать во главѣ вашего Венсенскаго двора; въ Фонтенбло останутся только скучные и злонамѣренные люди. Я убѣжденъ, что нашъ король уже раскаявается въ своемъ поведеніи

и когда услышитъ, какъ мы веселимся здѣсь, явится къ намъ съ повинной головой, подобно трубадуру, погрѣшившему противъ девиза своей дамы. Тогда наступитъ удобный моментъ вытребовать помилованіе Семблансэ и условиться съ королемъ, чтобы онъ поставилъ васъ совершенно независимо отъ герцогини Ангулемской въ случаѣ его отъѣзда въ Италію. Позвольте мнѣ надѣяться, что мой планъ встрѣтилъ ваше одобреніе и вы послѣдуете моему совѣту!

— Благодарю васъ отъ всей души, сказала графиня Шатобріанъ, подавая руку Бюде; но я не считаю возможнымъ идти противъ воли короля. Я люблю Франциска и увѣрена въ его любви ко мнѣ; онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа и потому уѣхалъ не удостоивъ меня взглядомъ. Графъ Шатобріанъ былъ еще хуже, хотя на немъ не лежали тысячи заботъ по управленію государствомъ. Сколько разъ графъ сердился на меня безъ всякаго повода!.. онъ также воображалъ, что любитъ меня! Я покорялась ему; неужели я не вынесу дурного настроенія короля, или вспышки гнѣва! Изъ-за этого не могутъ порваться наши отношенія! Ему было больно ѣхать къ умирающей женѣ; у него столько заботъ и обязанностей, что неудивительно, если онъ подчасъ тяготится ими. Развѣ я могу считать себя лучше его жены, которой приходилось столько прощать ему и въ послѣднее время прощать изъ-за меня. Въ настоящій моментъ я болѣе, чѣмъ когда нибудь должна быть его утѣшеніемъ. Ему будетъ пріятно, если я послѣдую за нимъ въ Парижъ и поддержу его въ тяжелое время. Съ этими словами графиня Шатобріанъ подошла къ окну и приказала подавать лошадей. Растроганный Бюде почтительно поцѣловалъ ея руку и вышелъ съ нею на крыльцо.

Она отправилась въ Парижъ въ сопрожденіи своихъ слугъ. Бюде и Флорентинъ сѣли на муловъ, чтобы проводить ее до воротъ Сенъ-Дени.

Они ѣхали молча. Флорентинъ первый прервалъ молчаніе и обращаясь къ Бюде сказалъ съ усмѣшкой:

— Она такъ ему надоѣстъ, что въ одинъ прекрасный день онъ выброситъ ее какъ тряпку поднятую на дорогѣ. Я найду это вполнѣ естественнымъ потому, что она не умѣетъ вести себя какъ слѣдуетъ. Онъ правъ, презирая ее.

— Нѣтъ, ваше преосвященство, вы ошибаетесь! Хорошая женщина всегда превосходитъ лучшаго изъ мужчинъ своими нравственными качествами, точно также, какъ порочная женщина въ дурныхъ свойствахъ превзойдетъ самаго порочнаго мужчину. Король умѣетъ цѣнить Франциску. Возьмемъ самое худшее, что можетъ случиться, и все-таки наша пріятельница, какое бы несчастіе не постигло ее, сохранитъ свое достоинство и никогда не будетъ играть жалкой роли покинутой любовницы.

Флорентинъ бросилъ насмѣшливый взглядъ на своего собесѣдника и ничего не отвѣтилъ. Но нѣсколько минутъ спустя, когда Бюде

сталъ понукать своего мула чтобы нагнать графиню, онъ сказалъ раздраженнымъ тономъ:

— Если вамъ угодно, г. канцлеръ, вы можете взять на себя защиту графини. Я не имѣю никакого желанія ѣхать по улицамъ, гдѣ живутъ мои прихожане съ возлюбленной короля и еще въ тотъ моментъ, когда умираетъ королева.

— Успокойтесь! у воротъ Берси графиня надѣнетъ маску.

— Вы воображаете, что ее не узнаютъ по ливреѣ ея слугъ?

— Вы стыдитесь той, которой не стыдится король.

— Онъ властелинъ государства, а не духовное лицо!..

Парижане, какъ тогда, такъ и теперь, внимательно слѣдившіе за политикой и посвященные въ тайны двора, съ неудовольствіемъ толковали о томъ, что графиня Шатобріанъ явится въ столицу съ королевской свитой. Они узнали объ этомъ заранѣе, благодаря герцогинѣ Ангулемской, которая еще наканунѣ послала гонца къ своимъ друзьямъ съ этимъ извѣстіемъ. Съ полудня многочисленныя массы народа наполнили улицы, начиная отъ Бастиліи до Place Royale, въ то время существовавшей только въ проэктѣ. Но противъ ожиданія король явился одинъ. Толпа, отчасти польщенная вниманіемъ короля къ общественному мнѣнію, но еще болѣе недовольная тѣмъ, что ее лишили возможности излить свою ярость послѣ нѣсколькихъ часовъ напраснаго ожиданія, встрѣтила короля громкимъ крикомъ „Vive le roi!“ за неимѣніемъ другого повода для криковъ и шуму.

Король Францискъ не любилъ подобныхъ демонстрацій, даже въ тѣ моменты, когда былъ въ милостивомъ расположеніи духа. Онъ не разъ говорилъ въ кругу своихъ друзей, что властелинъ, поощряя крики одобренія своихъ подданныхъ, даетъ имъ право выражать тѣмъ же способомъ свое неудовольствіе. Онъ проѣхалъ мимо толпы также величественно, какъ всегда, не выразивъ ничѣмъ своего благоволенія и только свысока едва замѣтно отвѣчалъ на поклоны легкимъ движеніемъ головы и бровей. Въ обыкновенное время онъ не считалъ нужнымъ удостоить толпу и этимъ знакомъ вниманія, потому что простолюдинъ вообще какъ человѣкъ, лишенный всякихъ правъ, не имѣлъ ни малѣйшаго значенія въ его глазахъ. Но въ этотъ день громкіе крики народа произвели на него нѣкоторое впечатлѣніе. Онъ видѣлъ насколько обращено на него общее вниманіе и долженъ былъ сознаться въ душѣ, что Франциска была права, убѣждая его, что въ настоящій моментъ ей неприлично появиться въ столицѣ.

Но это сознаніе не принесло никакой пользы графинѣ Шатобріанъ, потому что онъ не могъ предупредить ее и ей пришлось фактически убѣдиться въ справедливости собственныхъ словъ. Когда она пріѣхала въ Парижъ, на улицахъ все еще оставалась довольно значительная толпа народу, которая тотчасъ узнала ее. Въ „Rue Royale“ ее встрѣтили двухсмысленными и грубыми возгласами, которые не только задѣли ея самолюбіе, но и стыдливость.

Причина ненависти народа къ графинѣ Шатобріанъ заключалась между прочимъ и въ ея заступничествѣ за старика Семблансэ. Народъ всегда враждебно относится къ лицамъ, завѣдующимъ финансами въ странѣ, какъ будто они одни виноваты, что ему приходится платить подати. Эта вражда особенно усилилась во Франціи съ умноженіемъ налоговъ при королѣ Францискѣ, такъ что сверженіе такого крупнаго чиновника, какъ Семблансэ, было для всѣхъ радостнымъ событіемъ. Парижане не могли простить графинѣ Шатобріанъ, что она просила короля о помилованіи Семблансэ. Они съ нетерпѣніемъ ждали когда повѣсятъ „старую лисицу, которая уже столько лѣтъ грабила ихъ отцовъ и которой они сами переплатили Богъ вѣсть сколько податей“.

Много брани и насмѣшливыхъ намековъ на эту тему должна была выслушать Франциска. Не помня себя отъ испуга, она оглянулась, чтобы позвать къ себѣ на помощь Флорентина и Бюде. Но ихъ нигдѣ не было видно. Все болѣе и болѣе возраставшая толпа удалила отъ нея Бюде, который, потерявъ всякую надежду пробраться впередъ, повернулъ за уголъ Бастиліи. Несчастная женщина испытывала невѣроятныя мученія въ узкой улицѣ, среди суровыхъ людей, которые все ближе и ближе подступали къ ея лошади. Сердце ея усиленно билось при мысли, что она можетъ подвергнуться личному оскорбленію.

Она закрыла глаза отъ ужаса. Вся жизнь послѣднихъ мѣсяцевъ воскресла въ ея памяти до малѣйшихъ подробностей. Тяжелое сознаніе своего безвыходнаго положенія и боязнь уличнаго скандала лишили ее послѣдней воли. Она сама невольно замедлила шагъ своей лошади, и готовилась безропотно къ смерти, считая ее неизбѣжною. Два работника выдѣлились изъ толпы. Одинъ загородилъ дорогу лошади; другой протянулъ руки къ молодой женщинѣ съ видимымъ намѣреніемъ схватить ее.

— Въ Сену! Бросьте ее въ Сену! Пускай она послужитъ на томъ свѣтѣ доброй королевѣ Клавдіи! заревѣла толпа, видя, что жертва добровольно отдается ей.

— Добрый конь дороже золота въ рукахъ хорошаго наѣздника! проговорилъ на распѣвъ звонкій голосъ въ толпѣ, въ тотъ моментъ, когда работникъ прикоснулся къ плечу молодой женщины.

Франциска быстро подняла голову при этихъ словахъ, какъ бы опомнившись отъ тяжелаго сна. Кровь Фуа заговорила въ ней, она рѣшилась защищать свою жизнь до послѣдней крайности и, поднявъ хлыстъ, ударила изо всѣхъ силъ по лицу работника, который намѣревался стащить ее съ сѣдла; затѣмъ хлестнула лошадь по головѣ и попала въ глаза другому работнику, стоявшему на дорогѣ. Лошадь неожиданнымъ прыжкомъ опрокинула его и полетѣла стремглавъ по дурно-вымощенной мостовой, высѣкая искры изъ камней ударами копытъ. Слуги графини, воспользовавшись этимъ моментомъ, помчались

за нею разгоняя передъ собою толпу. Вскорѣ они очутились въ совершенно пустынной улицѣ.

— Маро̀ спасъ ее своимъ совѣтомъ! воскликнулъ кто то изъ толпы.—Куда дѣвался этотъ плутъ? Я самъ видѣлъ его.

— Она красавица и мастерски ѣздитъ верхомъ, не хуже королевы Изабеллы! отвѣтилъ поэтъ выступивъ впередъ.

— Маро̀ правъ! Она очень красива!.. заговорили другіе.

Вслѣдъ затѣмъ раздался общій хохотъ. Трудно было опредѣлить относился ли этотъ смѣхъ къ работнику, получившему ударъ хлыста по глазамъ, который поднявшись на ноги, протиралъ себѣ глаза, или-же толпа смѣялась надъ своимъ неудачнымъ нападеніемъ, имѣвшимъ такой неожиданный исходъ, благодаря смѣлости молодой женщины.

Франциска неслась стремглавъ по незнакомымъ ей улицамъ Парижа и, наконецъ, замѣтивъ, что никто не преслѣдуетъ ее, остановилась чтобы спросить дорогу у одного изъ слугъ. Оказалось, что она заѣхала совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ ее долженъ былъ встрѣтить король и прошло около часу, пока она увидѣла за чертой города башню Сенъ-Дени.

Стоялъ одинъ изъ тѣхъ жаркихъ лѣтнихъ дней, когда сгущенный воздухъ при красножелтыхъ лучахъ заходящаго солнца кажется необыкновенно прозрачнымъ. При этомъ своеобразномъ освѣщеніи рѣзко выдѣляются всѣ предметы на горизонтѣ, какъ на старинныхъ картинахъ, и представляются какими-то неподвижными и точно высѣченными изъ камня. Еще издали увидѣла Франциска короля, который ѣхалъ по равнинѣ Сенъ-Дени въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ. Фигура его, при яркомъ солнечномъ отблескѣ, сдѣлала на нее впечатлѣніе чего-то призрачнаго. Былъ ли это обманъ глазъ, или игра ея разстроеннаго воображенія, но онъ показался ей гигантомъ, сидѣвшимъ на черномъ конѣ необычайныхъ размѣровъ. Онъ ѣхалъ не по дорогѣ, а прямо по равнинѣ, не обращая никакого вниманія на встрѣчавшіяся насыпи и другія препятствія, такъ что Францискѣ было довольно трудно присоединиться къ нему. Но при ея возбужденномъ состояніи только одна мысль занимала ее: скорѣе увидѣться съ нимъ и высказать горечь накопившуюся въ ея сердцѣ. До этого дня она любила короля мечтательной, безкорыстной любовью и не добивалась ни власти, ни внѣшняго почета. Но теперь она увидѣла неминуемую опасность, грозившую ея любви съ одной стороны отъ деспотическаго вмѣшательства толпы, а съ другой отъ непостоянства короля, который могъ ежеминутно бросить ее изъ-за политическихъ соображеній. То и другое, какъ ей казалось теперь, происходило отъ недостатка офиціально признанной власти; и она рѣшилась добиться тѣмъ или другимъ способомъ того высокаго положенія, на которое давала ей право любовь короля.

Перемѣна внутренняго настроенія отразилась и на наружности молодой женщины, но король не сразу замѣтилъ эту перемѣну. Когда

онъ увидѣлъ ее ѣдущею верхомъ по полю, то почувствовалъ къ ней невольное презрѣніе. Своенравный Францискъ былъ непріятно пораженъ, что она рѣшилась послѣдовать за нимъ противъ собственнаго желанія и не смотря на его дурное обращеніе съ нею. Женщина, которая позволяетъ обходиться съ собой, какъ вздумается, не выказывая при этомъ ни малѣйшаго сопротивленія, не можетъ имѣть никакой цѣны въ глазахъ человѣка, который самъ не способенъ на самоотверженную любовь.

Король равнодушно встрѣтилъ графиню Шатобріанъ и упрекнулъ ее высокомѣрнымъ тономъ за поздній пріѣздъ, но къ своему удивленію услышалъ отвѣтъ, который онъ менѣе всего ожидалъ отъ нея.

— Вы сами виноваты въ этомъ, король Францискъ! отвѣтила она. Вы не умѣете держать въ рукахъ парижскую чернь! Дерзость ея переходитъ всѣ границы; она загораживаетъ дорогу близкой вамъ женщинѣ, осыпаетъ ее грубыми насмѣшками и едва не позволила себѣ еще нѣчто худшее...

— Возможно ли чтобы парижане!..

— Ваши парижане не дѣлаютъ чести вашему управленію! Теперь вопросъ не въ нихъ... Можно быть слабымъ правителемъ, но надежнымъ другомъ! Меня несравненно больше удивляетъ, что король, который славится своимъ рыцарскимъ обращеніемъ, не позаботился избавить даму своего сердца отъ намѣренно подготовленнаго скандала и самъ отдаетъ ее на произволъ черни! Можетъ быть ваше величество находитъ это вполнѣ естественнымъ!..

— Франциска!

— Меня зовутъ графиней Фуа, такъ какъ я отказалась носить фамилію моего мужа. Хотя я сама позволила вамъ называть меня Франциской, но я считаю такое дружеское обращеніе совершенно лишнимъ. Этимъ я не заслужила ни вашей любви, ни даже простого уваженія, на которое имѣетъ право каждая женщина!..

Графинѣ Шатобріанъ было тяжело говорить этимъ тономъ съ человѣкомъ, котораго она въ этотъ моментъ любила также горячо, какъ и прежде.

Но она не могла забыть грубыхъ насмѣшекъ и оскорбленій, нанесенныхъ ей уличной толпой. Въ ней впервые проснулось чувство собственнаго достоинства, о которомъ постояно толковали ея преданные друзья. Она вспомнила до малѣйшихъ подробностей все, что говорили ей Бюде, Бріонъ и Флорентинъ, объ ея шаткомъ положеніи въ свѣтѣ, о покровительствѣ, которое обязанъ оказывать ей король. Ихъ слова не находили тогда отголоска въ ея сердцѣ, но теперь они неотразимо дѣйствовали на нее и вселяли убѣжденіе, что ея довѣріе можетъ быть обмануто и что вмѣстѣ съ тѣмъ наступитъ конецъ ея любви.

Трудно сказать какую роль во всемъ этомъ играло честолюбіе, которое могло наконецъ найти доступъ и въ ея безкорыстномъ сердцѣ,

благодаря вліянію Флорентина и придворной жизни. Желаніе сдѣлаться королевой должно было неизбѣжно явиться у женщины, которая отдалась королю тѣломъ и душой въ полной увѣренности, что онъ любитъ ее той-же безграничной любовью. Когда увѣренность эта поколебалась и наступила пора борьбы, то графиня Шатобріанъ выказала въ ней ту-же силу характера, какую проявила въ самоотреченіи, съ которымъ предавалась своей любви. Послѣ всѣхъ потрясеній, испытанныхъ ею въ этотъ день, только поверхностный наблюдатель могъ удивиться перемѣнѣ въ наружности и обращеніи Франциски. Король не былъ знатокомъ человѣческаго сердца и женщины на столько избаловали его, благодаря его красотѣ и высокому положенію, что онъ никогда не ожидалъ сопротивленія съ ихъ стороны.

Слушая Франциску, король въ первую минуту совершенно растерялся и не зналъ, что отвѣтить ей, тѣмъ болѣе, что она упрекала его въ не рыцарскомъ поведеніи. Онъ всего болѣе гордился прозвищемъ короля-рыцаря и потому мысль, что онъ могъ погрѣшить въ этомъ отношеніи, произвела на него крайне тяжелое впечатлѣніе. Не обращая никакого вниманія на дорогу, онъ ѣхалъ на-угадъ возлѣ графини Шатобріанъ, которая никогда не казалась ему такой красивой какъ въ эту минуту. Щеки ея горѣли отъ волненія и жары, круглая шляпа съ перомъ сдвинулась на затылокъ; роскошные черные волосы развѣвались по ея платью зелено-золотистаго цвѣта.

Красота Франциски заставила короля забыть испытанное имъ униженіе. Онъ слѣдилъ съ возрастающимъ интересомъ за неожиданной перемѣной въ ея характерѣ и обращеніи.

— Зачѣмъ ты прежде никогда не говорила со мной этимъ тономъ! невольно воскликнулъ король, безъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Только сегодня ты принудилъ меня къ этому! возразила Франциска.

Разговаривая такимъ образомъ и исключительно занятые другъ другомъ, они незамѣтно очутились на одномъ изъ окрестныхъ парижскихъ холмовъ, на который врядъ-ли король рѣшился бы вступить въ этотъ день, если бы сохранилъ присутствіе духа и былъ способенъ соображать что либо. Но теперь уже трудно было избѣжать зрѣлища, которое представилось ихъ глазамъ. Огромная толпа народа поднималась на высоту; посреди ее виднѣлся человѣкъ въ багровокрасной мантіи, окруженный всадниками; за нимъ въ черной телѣгѣ ѣхалъ худощавый старикъ съ мертвенно блѣднымъ лицомъ.

Король провелъ рукой по глазамъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы припомнить, гдѣ онъ и что значитъ это странное зрѣлище. Между тѣмъ толпа, замѣтивъ издали короля, бросилась къ нему съ громкимъ крикомъ. Тутъ только онъ вспомнилъ, что находится на возвышенности Montfaucon, служившей лобнымъ мѣстомъ для Парижа, и что блѣдный старикъ, простиравшій къ нему руки, никто иной, какъ Семблансэ, котораго Дюпра спѣшилъ отправить на висѣлицу.

— Что это значитъ? воскликнула Франциска. Опять толпа и крики!..

— Прочь отсюда! поспѣшно проговорилъ король, схвативъ ея лошадь за повода!

— Подожди одну минуту! отвѣтила графиня, наклоняясь къ шеѣ своей лошади и прислушиваясь къ крикамъ. Слышишь-ли Францискъ? они кричатъ „vive le roi!“ и благодарятъ тебя за смерть этого старика!.. Кто онъ такой!

— Прочь отсюда! Скорѣе!.. воскликнулъ король, пришпоривъ до крови свою лошадь и таща за повода иноходца графини. Онъ спѣшилъ удалиться отъ толпы и, не разбирая дороги, помчался въ городъ, слабо освѣщенный послѣдними лучами заходящаго солнца.

Но и здѣсь король не нашелъ спокойствія. Въ тѣсныхъ улицахъ замѣтно было необычайное движеніе; всюду раздавался неумолкаемый звонъ всѣхъ парижскихъ колоколовъ. Король ѣхалъ съ такой быстротой, что Франциска нѣсколько разъ едва не упала съ лошади. Взволнованная событіями дня, она съ лихорадочнымъ любопытствомъ допрашивала его—кто этотъ несчастный старикъ, осужденный на казнь?

Король ничего не отвѣчалъ ей. Она слышала только лошадиный топотъ и звонъ колоколовъ, далеко разносившійся по шумному городу, который все болѣе и болѣе погружался въ ночной мракъ.

Проѣхавъ городъ, король долженъ былъ остановиться, потому что ворота выходившія на дорогу въ Corbeil были заперты. Слуги бросились впередъ съ громкимъ крикомъ: Отворите ворота королю Франциску!

Графиня Шатобріанъ воспользовалась этимъ моментомъ и спросила одного изъ тѣлохранителей:

— Что значитъ шумъ въ городѣ и колокольный звонъ?

— Повѣсили Семблансэ и умерла королева Клавдія! отвѣтилъ тѣлохранитель.

ГЛАВА II.

Дѣла быстро приближались къ развязкѣ. Коннетабль Бурбонъ осаждалъ Марсель; Бонниве вернулся въ Фонтенбло и всѣ со дня на день ожидали отъѣзда короля. Вопросъ о регентствѣ и общественномъ положеніи графини Шатобріанъ особенно занималъ придворныхъ; но никто не могъ сказать объ этомъ ничего опредѣленнаго, даже герцогиня Ангулемская, хотя король, увидѣвшись съ нею въ отелѣ Турнель, въ день смерти королевы Клавдіи, почти обѣщалъ поручить ей правленіе въ свое отсутствіе. Но герцогиня слишкомъ хорошо знала своего сына, чтобы вѣрить безусловно его обѣщаніямъ.

— Онъ не считаетъ себя связаннымъ собственными приговорами и рѣшеніями, каждый день придумываетъ что нибудь новое и только въ моментъ отъѣзда скажетъ окончательно; кто будетъ править государствомъ въ его отсутствіе! сказала герцогиня своему неизмѣнному доброжелателю Дюпра, который пришелъ къ ней съ извѣстіемъ о смерти Семблансэ. Прощаясь съ нимъ, она поручила ему немедленно прислать къ ней Флорентина.

Она знала, что молодой прелатъ былъ въ Венсеннѣ и приписывала его совѣтамъ благопріятную перемѣну въ отношеніяхъ короля къ Францискѣ. Эта перемѣна была въ высшей степени непріятна герцогинѣ; и она рѣшилась во что бы то ни стало подкупить Флорентина и заставить его дѣйствовать въ ея интересахъ.

Это было легче, нежели предполагала герцогиня. Флорентинъ, замѣтивъ охлажденіе короля, отшатнулся отъ своей молочной сестры и искалъ благовиднаго предлога чтобы перейти на сторону ея враговъ. Этому не мало способствовало суевѣріе, которое въ тѣ времена господствовало во всѣхъ слояхъ французскаго общества, не исключая высшаго духовенства. Всѣ таинственныя примѣты были противъ Франциски. Чѣмъ усерднѣе посвящалъ себя Флорентинъ изученію астрологіи, чѣмъ лучше научился ставить гороскопъ, тѣмъ холоднѣе относился онъ къ подругѣ своего дѣтства, потому что дорожилъ только тѣмъ, что могло доставить ему успѣхъ въ свѣтѣ.

Пріѣхавъ въ Фонтенбло по приглашенію Дюпра, онъ вошелъ сперва въ комнату Франциски, чтобы удостовѣриться о настоящемъ положеніи дѣлъ, но никого не нашелъ здѣсь кромѣ ворона. Флорентинъ зналъ о существованіи потаенной двери въ галлереѣ и вошелъ черезъ нее безъ доклада, имѣя на это право, какъ духовникъ Франциски. Но когда въ пустыхъ комнатахъ раздался крикъ ворона, то Флорентинъ принялъ это за предостереженіе судьбы и безъ дальнѣйшихъ колебаній направился въ покои герцогини.

Жакъ, проводивъ изъ аббатства короля и Франциску, вернулся въ замокъ Фуа и сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ Химены. Но когда эта несчастная, всѣми покинутая дѣвушка, послѣ смерти старой графини отправилась въ Фонтенбло, чтобы искать пріюта у Франциски, то воронъ послѣдовалъ за нею. Химена не замѣчала или не хотѣла замѣтить, что графиня Шатобріанъ не расположена къ ней и смотритъ на нее недовѣрчиво, потому что любила ее мечтательной любовью юности и, захвативъ съ собой ворона, думала этимъ доставить ей особенное удовольствіе.

Флорентинъ не зналъ о прибытіи Жака и встрѣтивъ его въ комнатахъ Франциски увидѣлъ въ этомъ нѣчто зловѣщее и сверхестественное.

Въ то время, какъ часть тогдашняго французскаго доховенства склонялась къ реформаціи, другіе, утративъ вѣру въ непреложность господствующей религіи старались пополнить пробѣлъ въ своихъ

вѣрованіяхъ изученіемъ таинственныхъ силъ природы и подземнаго міра, который во всѣ вѣка казался людямъ какимъ-то обширнымъ, волшебнымъ царствомъ. Моисей ясно сознавалъ опасность грозившую пытливому человѣческому уму отъ такого дѣленія на добрыхъ и злыхъ духовъ и ратовалъ противъ него въ своемъ ученіи. Но и его народъ не избѣгъ этой двойственности, господствовавшей на востокѣ. Іудеи изъ своего вавилонскаго плѣна принесли съ собой вѣрованіе въ сонмъ демоновъ, надъ которыми властвуетъ сатана. Незамѣтно и мало по малу прокрались эти грозные злые духи въ еврейскую религію и, наконецъ, сдѣлались въ ней узаконенными силами. Западное христіанство не отвергло ихъ и въ свою очередь признало существованіе демоновъ и сатаны—князя тьмы. Вмѣстѣ съ вѣрованіемъ въ злыхъ духовъ унаслѣдованы были и всевозможныя преданія какъ покорять ихъ. Отсюда человѣкъ логически долженъ былъ прійти къ выводу, что онъ можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію тѣмъ, что въ его власти. Магія или знаніе таинственныхъ силъ, опять выступила на сцену подъ болѣе приличными терминами: заклинанія и изгнанія діавола, а въ концѣ пятнадцатаго вѣка образовалась законченная теорія колдовства, адептами которой были преимущественно лица изъ католическаго духовенства. Дошедшій до насъ кодексъ уголовныхъ правилъ, по которому судились вѣдьмы, служитъ нагляднымъ доказательствомъ, насколько и до какихъ тонкостей разработано было это ученіе. Колдовствомъ могъ заниматься каждый и за него наказывали только при извѣстныхъ усиливающихъ вину обстоятельствахъ. Просвѣщенное итальянское духовенство, дававшее тонъ всему католическому міру открыто признавало колдовство. Помпонацци въ Падуѣ и Болоньи читалъ лекціи о магіи какъ о наукѣ, трактующей о скрытыхъ символическихъ іероглифахъ, съ помощью которыхъ можно читать книгу чудесъ природы. Онъ приписывалъ библейскія чудеса натуральной магіи, допускалъ возможность превращенія человѣка въ звѣря и обратно. Возвращеніе въ прежнее блаженное состояніе возможно для человѣка только тогда, когда онъ покоритъ своей власти силы ада. Глубокомысленныя теоріи древнихъ и новѣйшихъ философовъ, доказывающія духовное всемогущество человѣка, служили подтвержденіемъ этого ученія, имѣвшаго многочисленныхъ послѣдователей среди высшаго французскаго духовенства.

Подобное ученіе должно было неизбѣжно увлечь невѣрующаго Флорентина, богато одареннаго умомъ и фантазіей, тѣмъ болѣе, что оно было въ ходу среди самыхъ знатныхъ и наиболѣе уважаемыхъ прелатовъ Парижа. Это была своего рода религія, но несравненно болѣе податливая, которую каждый могъ расширить или съузить по собственному усмотрѣнію. Для Флорентина она имѣла особаго рода обаяніе, такъ какъ здѣсь все было ново для него. Въ эту первую пору увлеченія, когда для него не существовало никакой критики, встрѣтилъ онъ въ пустыхъ комнатахъ Франциски знакомаго ворона,

который показался ему какимъ-то роковымъ предвѣстникомъ. Воронъ игралъ важную роль въ магіи при всѣхъ колдовствахъ. Знаменитая книга д-ра Іогана Фауста „Miracul, Kunst und Wunderbuch" или „Черный Воронъ", была извѣстна во Франціи; и Флорентинъ не только зналъ ее по заглавію, но изучилъ ея содержаніе. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ не рѣшился ни минуты оставаться наединѣ съ ворономъ и съ ужасомъ бросился отъ него въ галлерею Франциска I-го черезъ потаенную дверь, которая тотчасъ же закрылась за нимъ.

Герцогиня Луиза жила въ самой отдаленной части тогдашняго замка Фонтенбло. Флорентину пришлось перейти весь дворъ и длинный мрачный корридоръ съ арками, чтобы отыскать флигель, въ которомъ находились покои герцогини. Она намѣренно искала уединенія, такъ какъ у ней всегда были дѣла, которыя она должна была скрывать отъ придворныхъ. Только этимъ и можно объяснить, почему она помѣстилась въ самой старой и тѣсной части прежняго охотничьяго дома съ узкими окнами и комнатами, въ которыхъ нѣкогда останавливался Людовикъ IX, посѣщая Фонтенбло.

Когда Флорентинъ вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣла герцогиня, онъ увидѣлъ Бонниве, который, кончивъ визитъ, подалъ руку стоявшей возлѣ него красивой молодой дамѣ. Глядя на Бонниве, трудно было замѣтить, что онъ вернулся изъ неудачнаго похода и, что его считаютъ виновникомъ понесеннаго пораженія. Онъ былъ также веселъ, какъ всегда, многозначительно поцѣловалъ руку герцогини и указывая глазами на молодую даму, спросилъ: какъ прикажетъ ему поступить въ настоящемъ случаѣ неизмѣнно милостивая къ нему герцогиня Ангулемская?

— Будьте благоразумны хотя разъ въ жизни! поспѣшно отвѣтила герцогиня, понизивъ голосъ.—Всего осталось нѣсколько минутъ; нужно воспользоваться ими! Король принимаетъ ванну въ красномъ павильонѣ; какъ только онъ выйдетъ оттуда, поспѣшите представить ему эту даму; онъ будетъ въ хорошемъ настроеніи духа и милостиво приметъ ее.

Бонниве молча поклонился.

— Вооружитесь мужествомъ, моя милая, добавила герцогиня, обращаясь къ молодой дамѣ съ ласковой улыбкой.—Вы можете совершенно откровенно говорить съ королемъ. До свиданія. Увѣдомьте меня о результатѣ, Бонниве; я останусь дома до самаго обѣда.

Бонниве вышелъ изъ комнаты съ дамой. Герцогиня бросила долгій испытующій взглядъ на молодого прелата. Она молчала, зная по опыту, что при всякихъ переговорахъ проигрываетъ тотъ, кто заговоритъ первый, хотя бы дѣло касалось давно рѣшеннаго вопроса.

Флорентинъ не выдержалъ ея взгляда и, опустивъ глаза, сказалъ:

— Вы приказали мнѣ явиться къ вамъ герцогиня...

Онъ остановился, чтобы не сказать чего нибудь лишняго.

— Вѣроятно вы получили это приказаніе отъ другихъ. Я даже не упоминала объ этотъ! возразила она улыбаясь.

— Въ такомъ случаѣ прошу извинить меня! Если произошло недоразумѣніе, то въ этомъ виноватъ г. канцлеръ Дюпра. Я пріѣхалъ въ Фонтенбло по его приглашенію.

— Скажите пожалуйста, вы не видѣли еще сегодня графини Франциски? Она теперь не помнитъ себя отъ удовольствія. Новый способъ кокетства, который она примѣнила къ моему сыну, по вашему совѣту, вполнѣ удался ей. Вотъ почему ваше посѣщеніе такъ удивило меня.

Флорентинъ почувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами. Противъ всякаго ожиданія, Франциска была въ полной силѣ, а онъ хотѣлъ измѣнить ей и могъ такимъ образомъ сдѣлать непростительный промахъ. Онъ пробормоталъ сквозь зубы нѣсколько уклончивыхъ словъ.

Герцогиня не прерывала его и опять устремила на него свой назойливо-пристальный взглядъ, приводившій его въ смущеніе.

— Вы не знали этого, г. прелатъ! сказала наконецъ герцогиня послѣ продолжительнаго молчанія.—Вы въ нерѣшимости къ чьей партіи примкнуть и явились въ Фонтенбло, чтобы условиться со мной относительно вознагражденія въ случаѣ, если перейдете на мою сторону! Поговоримъ откровенно безъ всякихъ увертокъ. Вы еще настолько неопытны, что никого не обманете ими и даже сами не съумѣете оградить себя отъ обмана. Еслибы графиня Шатобріанъ дѣйствительно пользовалась такимъ могуществомъ, то, неужели я, зная что вы колеблетесь, встрѣтила бы васъ подобнымъ извѣстіемъ!

— Вы напрасно считаете меня такимъ нерѣшительнымъ, возразилъ Флорентинъ, дѣлая надъ собою усиліе чтобы говорить прямо.— Мои колебанія кончились, когда въ день смерти королевы Клавдіи я убѣдился въ полной неспособности Франциски къ политикѣ и узналъ изъ книги судебъ, что ей суждено погибнуть безъ защиты со стороны короля.

— Я не воображала, что ваши книги написаны такимъ понятнымъ языкомъ и что изъ нихъ можно узнать такія интересныя подробности.

— Позвольте мнѣ кончить мою мысль. Я готовъ бросить графиню Шатобріанъ безъ малѣйшихъ колебаній, потому что служу только тому, кто имѣетъ дѣйствительную силу и могущество, а не мимолетный успѣхъ. Но до сихъ поръ я не могъ узнать: кто собственно пользуется прочнымъ вліяніемъ при французскомъ дворѣ!

— Однако вы становитесь невѣжливымъ, что также показываетъ вашу полную неопытность. Извольте, я скажу вамъ, кто по всѣмъ вѣроятіямъ достигнетъ наибольшаго могущества при нашемъ дворѣ. Вы видѣли даму, которая была здѣсь съ Бонниве? Ее ожидаетъ блестящая будущность...

— Не спорю. Но это случится лѣтъ черезъ двадцать, не раньше. Такая далекая будущность можетъ представлять интересъ для мечтателей, но не для насъ.

— Какъ! черезъ двадцать лѣтъ! Это очень оригинально! Вы забыли, что вопросъ идетъ о вліяніи, которое можетъ оказать на короля молодость и красота. Вы сегодня положительно не въ ударѣ, мой дорогой Флорентинъ.

— Эта шестнадцатилѣтняя дама можетъ быть имѣетъ всѣ задатки для успѣха, но пока они въ зародышѣ, а теперь я ничего не вижу въ ней, кромѣ мимолетной прелести, свойственной ея лѣтамъ.

— Развѣ вы знакомы съ ней?

— Діана де-Брезе была у меня въ Парижѣ восемь дней тому назадъ, когда я считалъ себя еще связаннымъ съ участью Франциски. Графиня де-Брезе казалась мнѣ настолько неопасной, что я самъ настоятельно уговаривалъ ее пріѣхать въ Фонтенбло и явиться прямо къ королю. Вдобавокъ, я далъ ей нѣкоторыя наставленія относительно того, какъ понравиться вашему сыну и тронуть его сердце.

Флорентинъ торжествовалъ въ свою очередь. Узнавъ тайну герцогини и принятый ею планъ дѣйствій, онъ смѣло встрѣтилъ ея взглядъ.

Герцогиня замѣтила это и перемѣнивъ тонъ, ласково пригласила красиваго прелата сѣсть рядомъ съ нею, указавъ ему рукой на кресло.

— Какъ жаль, сказала она, что такъ трудно или, вѣрнѣе сказать, невозможно прійти съ вами къ какому нибудь соглашенію.

— Вы ошибаетесь, герцогиня. На меня можно скорѣе положиться, чѣмъ на большинство людей; у меня нѣтъ никакой преобладающей страсти; отъ васъ зависитъ удовлетворить моему единственному стремленію.

— Какому стремленію?

— Я желалъ бы достигнуть высокаго положенія въ духовной іерархіи и получить мѣсто епископа.

— Слѣдовательно, кто пообѣщаетъ вамъ это мѣсто, тотъ можетъ разсчитывать на вашу вѣрную службу, пока вы его не получите?

— Я буду вѣрно служить тому, что дастъ мнѣ мѣсто епископа и со временемъ доставитъ мнѣ еще лучшее.

— Вы думаете, что это можетъ сдѣлать особа, которая будетъ править государствомъ въ отсутствіе короля?

— Я убѣжденъ въ этомъ.

— Вы увѣрены, что черезъ нѣсколько дней я буду назначена правительницей Франціи?

— Да.

— Значитъ вы отказались отъ нелѣпой надежды, что ваша графиня достигнетъ такого высокаго положенія?

— Я употреблю всѣ усилія, чтобы эта надежда не осуществилась.

— Это сдѣлается само собою безъ всякихъ хлопотъ съ нашей

стороны. Я не понимаю, какъ могло явиться у меня подобное опасеніе. Мой сынъ совершенно успокоилъ меня относительно этого.

— Король самъ не знаетъ, какъ онъ поступитъ въ рѣшительную минуту, возразилъ Флорентинъ. Его обѣщаніе тѣмъ болѣе ненадежно, что, по вашимъ словамъ, онъ опять увлекся графиней. По всѣмъ вѣроятіямъ, это случилось такимъ образомъ, что въ ней заговорила благородная кровь Фуа: она приняла смерть Семблансэ за личное оскорбленіе, потому что была его усердной заступницей и потребовала отъ короля удовлетворенія или полнаго разрыва. Король почувствовалъ, что поступилъ опрометчиво и, увидя въ ней большую нравственную силу, нежели онъ предполагалъ, рѣшилъ загладить свою вину. Любовникъ въ этомъ случаѣ всегда впадаетъ въ преувеличеніе; никакое вознагражденіе не кажется ему достаточнымъ, а тутъ представляется самый легкій способъ дать удовлетвореніе любимой женщинѣ, передавъ ей регентство. То, что кажется нелѣпымъ человѣку въ хладнокровномъ состояніи, то становится для него вполнѣ естественнымъ, когда онъ увлеченъ страстью. Не упускайте также изъ виду смерти королевы Клавдіи, которая должна была усилить притязанія графини. Робость ея исчезла и она смѣло заявила свои права, что должно было произвести благопріятное впечатлѣніе на короля, такъ какъ она держала себя совершенно иначе при жизни королевы. Повѣрьте герцогиня, то, что вы считаете нелѣпымъ и несбыточнымъ, можетъ осуществиться самымъ неожиданнымъ образомъ, если мы не примемъ противъ этого какихъ нибудь дѣйствительныхъ мѣръ.

— Вы хотите придать особенную цѣну тѣмъ услугамъ, которыя можете оказать мнѣ, перейдя на мою сторону.

— Я окажу вамъ непослѣднюю услугу, если мнѣ удастся отговорить васъ не дѣлать никакихъ попытокъ прельстить короля шестнадцатилѣтней Діаной, хотя я убѣжденъ, что адмиралъ Бонниве поведетъ дѣло наилучшимъ образомъ.

— Почему вы хотите отговорить меня отъ этого?

— По весьма основательной причинѣ, что Діана пока настолько ничтожна, что отдастся королю безъ всякаго сопротивленія и не возбудитъ въ немъ никакого серьезнаго чувства. Онъ вернется къ прежней возлюбленной и постарается загладить свою случайную измѣну тѣмъ или другимъ способомъ...

При этихъ словахъ въ комнату вошелъ Бонниве съ такимъ торжествующимъ видомъ, что не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что все удалось какъ нельзя лучше.

— Разсказывайте скорѣе, воскликнула герцогиня, вставая съ кресла. Г-нъ прелатъ на нашей сторонѣ, ему все извѣстно.

— Судьба положительно благопріятствовала мнѣ сегодня! началъ Бонниве. Благодаря Флоріо, дѣло устроилось такимъ образомъ, что въ тотъ моментъ, когда король вышелъ изъ павильона, графиня Шатобріанъ очутилась позади его на опушкѣ лѣса. Она могла только

видѣть издали, какъ я подвелъ къ королю очаровательную де-Брезе, которая упала къ его ногамъ, какъ онъ ее поднялъ и повелъ въ павильонъ. Затѣмъ, я отправился къ графинѣ Шатобріанъ и съ особеннымъ удовольствіемъ распространился о необычайной красотѣ дочери Сенъ-Валлье и милостивомъ настроеніи короля, объяснивъ при этомъ, почему молодая дама предпочла сама ходатайствовать о помилованіи отца, помимо одной особы, не имѣющей никакого вліянія на короля. Нечего сказать, хороша дама сердца! Она просила пощадить Семблансэ, и его повѣсили, просила за графа Сенъ-Валлье, а мы для подтвержденія просьбы должны были выписать въ Фонтенбло его дочь...

— Вы, кажется, были правы, г-нъ прелатъ, замѣтила герцогиня, прерывая адмирала. Мы сдѣлали непростительную глупость.

— И, вдобавокъ, довольно опасную, сказалъ съ удареніемъ Флорентинъ. Пріѣздъ Діаны былъ бы очень кстати, еслибы дѣло шло объ удаленіи докучливой любовницы. Но король болѣе, чѣмъ когда нибудь, увлеченъ графиней; и вся эта сцена приведетъ къ новымъ любовнымъ объясненіямъ, которыя могутъ кончиться чрезвычайными жертвами со стороны короля, въ видѣ предложенія руки и короны.

— Съ нѣкотораго времени счастье окончательно покинуло васъ, мой бѣдный Бонниве! сказала съ усмѣшкой герцогиня. Постарайтесь, по крайней мѣрѣ уговорить короля къ возможно быстрому отъѣзду, чтобы онъ не успѣлъ помириться съ Шатобріанъ и сдѣлать какихъ-либо распоряженій въ ея пользу...

— Но я не понимаю...

— Не теряйте ни минуты. Сообщите ему какія хотите извѣстія, что Марсель взятъ или Бурбонъ дошелъ до Авиньона... только заставьте короля сегодня же уѣхать въ Италію!

Бонниве поклонился и молча вышелъ изъ комнаты.

— Одобряете-ли вы мое распоряженіе? спросила съ безпокойствомъ герцогиня, обращаясь къ Флорентину, такъ какъ чувствовала уваженіе къ его мудрости послѣ сдѣланныхъ имъ замѣчаній и сознавала его превосходство надъ собой.

Она вполнѣ оцѣнила умнаго и красиваго прелата и рѣшила не выпускать его изъ рукъ; онъ съ своей стороны готовъ былъ служить ей, потому что у него было достаточно самонадѣянности чтобы предвидѣть, что этимъ путемъ, онъ самъ можетъ сдѣлаться регентомъ Франціи.

Онъ горячо поцѣловалъ протянутую ему руку и далъ всѣ тѣ совѣты, какіе считалъ нужнымъ для удаленія грозившей опасности. Его совѣты имѣли тѣмъ большую цѣну, что въ данную минуту, благодаря сношеніямъ, какія поддерживало католическое монашество съ различными частями королевства, онъ зналъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени въ Фонтенбло явятся два союзника противъ графини Шатобріанъ: ея мужъ и Брезе.

Флорентинъ былъ убѣжденъ, что если раздраженные сеньеры будутъ допущены въ замокъ, хотя бы на нѣсколько часовъ, то это неминуемо поведетъ къ скандалу, который будетъ крайне непріятенъ королю и отобьетъ у него всякую охоту передать регентство Франпискѣ.

Пока онъ распространялся на эту тему, вошелъ слуга и доложилъ герцогинѣ, которая уже приняла на себя заботу объ охранѣ замка, что упомянутые сеньеры пріѣхали въ Фонтенбло и что начальникъ тѣлохранителей, согласно ея приказанію, спрашиваетъ: впустить-ли прибывшихъ господъ въ замокъ или нѣтъ?

— Пускай они войдутъ! отвѣтила герцогиня. Приведи ко мнѣ сенешала де Брезе и, кстати, позови Флоріо.

Слуга удалился съ низкимъ поклономъ.

— Разъясните мнѣ пожалуйста ваши предположенія относительно того, какъ слѣдуетъ направить это дѣло въ чатностяхъ? продолжала герцогиня, обращаясь къ Флорентину. Я не понимаю какую пользу можетъ принести присутствіе этихъ господъ. Брезе человѣкъ придворный и отъ него нельзя ожидать особенно сильнаго противодѣйствія. Что же касается Шатобріана, то съ его пріѣздомъ связана непосредственная опасность для жизни...

— Развѣ насильственная смерть Франциски можетъ повредить вашимъ интересамъ?

— Нѣтъ, не это безпокоитъ меня...

— Франциска не съумѣла во-время воспользоваться своимъ положеніемъ и ее рано или поздно ожидаетъ горе и бѣдность. Поэтому быстрый насильственный конецъ будетъ для нея благодѣяніемъ.

— Какое мнѣ дѣло до Франциски! Она нисколько не интересуетъ меня! Но мой сынъ можетъ подвергнуться опасности отъ грубости бретанскаго графа.

— Нѣтъ. Судя по всему, что я слышалъ, этотъ сеньеръ принадлежитъ къ числу безвредныхъ крикуновъ. Его гнѣвъ разразится надъ женой и этимъ дѣло кончится. Мы можемъ принять мѣры, чтобы онъ не приблизился къ королю.

— Но что выйдетъ изъ всего этого?

— Графиня, раздраженная противъ короля, откажется принять его и ничего не узнаетъ о предстоящемъ отъѣздѣ. Мы же отправимъ къ ней графа Шатобріана и будемъ спокойно ждать результатовъ этого свиданія.

Герцогиня, нѣсколько взволнованная переговорами о дѣлѣ близкомъ ея сердцу, пригласила Флорентина въ болѣе прохладную комнату и пошла впередъ улыбающаяся и веселая.

Графиня Шатобріанъ въ это время переживала новыя волненія, которыя составляютъ какъ бы неизбѣжную принадлежность всякой

незаконной любви. Послѣ смерти королевы Клавдіи и казни Семблансэ, наступилъ особый фазисъ въ ея отношеніяхъ къ королю. Она была глубоко оскорблена невниманіемъ короля къ ея просьбѣ, но не рѣшилась высказать ему это изъ гордости. Король понялъ, что былъ не правъ передъ нею, и, чувствуя себя униженнымъ ея высокомѣрнымъ обращеніемъ, предался раскаянію и самобичеванію. Въ немъ проснулись лучшіе инстинкты его сердца; краснорѣчиво и въ поэтическихъ краскахъ онъ описывалъ ей насколько считаетъ себя преступнымъ въ данномъ случаѣ и искренно предлагалъ ей загладить свою вину тѣмъ способомъ, какимъ она потребуетъ отъ него.

— Ты не должна прощать меня Франциска! прервалъ онъ ее, когда она хотѣла положить конецъ его объясненіямъ. — Ты должна назначить мнѣ строгое и тяжелое покаяніе и, когда я выдержу его, ты снизойдешь къ моей просьбѣ и откроешь мнѣ потаенную дверь въ твое жилище...

Слова короля наполнили блаженствомъ сердце Франциски. Ея идеалъ оказался достойнымъ той любви, которую она чувствовала къ нему; всѣ вынесенныя ею страданія были забыты. Порывъ ея женской гордости и упреки оказали самое благодѣтельное дѣйствіе на короля, потому что онъ самъ благодарилъ ее за это, говоря, что обязанъ ей своимъ нравственнымъ спасеніемъ. Хотя король настоятельно требовалъ, чтобы она осудила его на недѣльное изгнаніе, но она обняла бы его горячѣе чѣмъ когда либо, если бы онъ вздумалъ явиться къ ней вслѣдъ за этимъ объясненіемъ, не смотря на данный обѣтъ. Такого рода отношенія незамѣтно установились между ними и ничто не нарушало ихъ до того дня, когда Бонниве представилъ королю графиню де-Брезе. Еще утромъ король писалъ нѣжную записку Францискѣ наивными стихами въ духѣ Марò, въ которыхъ робко спрашивалъ ее: найдетъ ли онъ открытою извѣстную ей дверь изъ галлереи и позволитъ ли она повергнуть къ ея ногамъ раскаяніе его сердца?

Пріѣздъ Химены, которая явилась въ Фонтенбло въ сопровожденіи стараго Бернара, не измѣнилъ этихъ идиллическихъ отношеній. Франциска, при своемъ теперешнемъ настроеніи, забыла недовѣріе съ какимъ относилась къ молодой дѣвушкѣ, которая, несмотря на ея постоянное недоброжелательство рѣшилась пріѣхать къ ней, потому что не могла долѣе оставаться въ замкѣ Фуа, послѣ смерти старой графини. Химена, всегда скрытная и молчаливая, встрѣтивъ ласковый пріемъ со стороны Франциски, высказала ей свою преданность въ такихъ нѣжныхъ выраженіяхъ, что Франциска была тронута до глубины души. Ей казалось, что она, наконецъ, нашла друга, котораго никогда не имѣла; и въ первый же день свиданія разсказала молодой дѣвушкѣ всю исторію своей любви, такъ какъ счастье всегда располагаетъ насъ къ сообщительности.

Король въ послѣдніе дни, въ ожиданіи предстоящаго свиданія

съ Франциской былъ въ полномъ опьяненіи любви, и потому едва ли можно было предположить, что онъ въ состояніи измѣнить своей возлюбленной такимъ наглымъ способомъ какъ утверждалъ Бонниве. Хотя и существуетъ цѣлая теорія, по которой легкомысленные и чувственные люди въ подобномъ состояніи всего способнѣе на измѣну, но мы должны замѣтить въ оправданіе короля, что никто не могъ сказать съ увѣренностью, какого рода сцена произошла между королемъ и Діаной въ павильонѣ. Всѣмъ извѣстенъ только фактъ, что король въ этотъ день согласился на помилованіе отца Діаны графа Сенъ-Валлье и, что впослѣдствіи она вступила въ близкія сношенія съ другимъ королемъ. Отказавшись нѣсколько лѣтъ спустя носить фамилію своего мужа, она сдѣлалась неразлучной спутницей французскаго короля Генриха II-го, сына короля Франциска. Сама Діана всегда упорно утверждала, что она никогда не была любовницой послѣдняго, такъ какъ это противорѣчило бы всѣмъ нравственнымъ принципамъ и было бы вдвойнѣ оскорбительно для Генриха II-го.

Мы съ своей стороны не беремся рѣшить этотъ вопросъ; но Франциска Шатобріанъ, который постоянно отказывали въ ея просьбахъ о помилованіи осужденныхъ могла истолковать только извѣстнымъ образомъ милость короля къ Діанѣ. Не смотря на всю ея пламенную любовь, у ней не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія относительно невѣрности короля; и она провела остатокъ дня въ полусознательномъ состояніи.

Наступилъ длинный лѣтній вечеръ. Франциска лежала на покойномъ креслѣ, въ комнатѣ, примыкавшей къ небольшой прихожей, на потолкѣ которой была нарисована Семела, погибающая отъ огня Юпитера. Глаза ея горѣли лихорадочнымъ блескомъ; темные распущенные волосы окаймляли ея блѣдное, заплаканное лицо, искаженное отъ горя. Химена, слышавшая въ саду извѣстіе, сообщенное Бонниве, рѣшилась, наконецъ, подойти къ Францискѣ и взяла ее за руку. Но теперь несчастная женщина опять почувствовала прежнее отвращеніе къ молодой дѣвушкѣ, которая такъ искренно любила ее. Въ головѣ ея мелькнула непріятная мысль, что Химена вездѣ приноситъ ей несчастіе; и она въ ужасѣ оттолкнула ея руку. Не смотря на всѣ наши мудрствованія, мы всѣ болѣе или менѣе вѣримъ въ то, что одни люди приносятъ намъ счастье, а другіе—несчастіе.

Химена молча отошла отъ нея.

Въ это время кто-то постучалъ въ наружную дверь, выходившую въ корридоръ. Франциска инстинктивно бросилась къ потаенной двери и еще крѣпче задвинула задвижку. Она содрагалась при одной мысли, что черезъ эту дверь, имѣвшую такое важное значеніе въ исторіи ея любви можетъ войти человѣкъ, который такъ коварно измѣнилъ ей.

Химена, слыша шаги въ сосѣдней комнатѣ поспѣшно вышла и увидѣла одного изъ королевскихъ слугъ, который просилъ передать

графинѣ Шатобріанъ приглашеніе короля явиться на прощальную аудіенцію, такъ какъ его величество въ эту же ночь уѣзжаетъ въ Италію.

— Какой отвѣтъ должна я дать слугѣ? спросила Химена, обращаясь къ графинѣ.

— Скажи, что я больна... Нѣтъ, не нужно; онъ можетъ подумать, что я заболѣла отъ сильнаго огорченія. Скажи, что я не могу прійти или дай какой хочешь отвѣтъ. Теперь уже ничто не испортитъ мою жизнь! Все кончено!

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Бюде. Франциска, бросилась къ нему на встрѣчу и взявъ его за руку горько заплакала.

Бюде старался успокоить ее и этимъ еще больше увеличилъ ея горе.

— Вы не спрашиваете меня о причинѣ моихъ слезъ! воскликнула она.—Значитъ вы уже знаете... Это всѣмъ извѣстно! Я не нуждаюсь въ состраданіи...

— Нѣтъ, моя дорогая графиня. Никто ничего не знаетъ. Мнѣ сообщилъ это съ своимъ обычнымъ злорадствомъ Бонниве, которому доставляетъ удовольствіе огорчать меня и, который ненавидитъ васъ, потому что ему не удалось заслужить ваше расположеніе. Вы должны выслушать короля Франциска! Можетъ быть все это наглая ложь, придуманная вашими врагами, чтобы поссорить васъ съ королемъ за нѣсколько часовъ до его отъѣзда, съ тою цѣлью, чтобы онъ не сдѣлалъ какихъ-либо распоряженій въ вашу пользу на время своего отсутствія.

— Вы говорите это, чтобы утѣшить меня! Я сама видѣла, какъ она упала къ его ногамъ. Онъ внимательно выслушалъ ея просьбу, хотя дѣло Жана Пуатье извѣстно ему до малѣйшихъ подробностей! Зачѣмъ онъ повелъ ее съ собою въ павильонъ, если не... Уходите Бюде... Оставьте меня одну! Я не могу говорить объ этомъ...

— Я пойду къ королю и потребую отъ него искренняго признанія!

Бюде ушелъ, а Франциска въ изнеможеніи опустилась на кресло.

Мало по малу наступили сумерки. Химена не подходила больше къ графинѣ; и та долго оставалась одна въ темной комнатѣ. Высокія окна только сверху освѣтились восходящей луной, которая всегда поздно появлялась въ Фонтенбло, потому что она должна была подняться надъ высокимъ лѣсомъ. Въ настоящій моментъ графиня Шатобріанъ, — которой всѣ завидывали и предсказывали корону послѣ смерти королевы Клавдіи,—была едва ли не самымъ несчастнымъ существомъ въ цѣлой Франціи. Она ни о чемъ не думала; мысли путались въ ея головѣ и она въ состояніи была ощущать только одно свое безвыходное горе. Но вотъ что-то оживило ее; она выпрямилась и стала прислушиваться. Она узнала шаги короля, который поспѣшно шелъ вдоль галлереи. Прошло еще нѣсколько секундъ и онъ остано-

вился передъ спящей нимфой, прижалъ пружину, стучалъ нѣсколько разъ, но дверь не поддавалась. Она ясно слышала, какъ онъ звалъ ее по имени...

Еслибы онъ могъ видѣть ее въ ея бѣломъ легкомъ платьѣ при серебристомъ лунномъ освѣщеніи, которое все болѣе и болѣе распространялось по комнатѣ! Какое томительное ожиданіе виднѣлось въ ея граціозно наклоненной фигурѣ, въ ея протянутой рукѣ! Трудно было сказать, одинъ ли гнѣвъ выражали эти блестящіе, широко раскрытые глаза. Хорошій физіономистъ прочелъ бы въ нихъ безграничную любовь къ человѣку, такъ глубоко оскорбившему ее. Если онъ еще разъ позоветъ ее, то, вѣроятно, любовь восторжествуетъ надъ всѣми другими чувствами.

Король въ это время усиленно стучалъ въ дверь. Этотъ стукъ раздражалъ потрясенные нервы молодой женщины; она еще болѣе нахмурила свои красивыя тонкія брови; на губахъ мелькнула презрительная улыбка.

Въ комнату вошелъ Бернаръ съ свѣчами въ рукахъ. За нимъ слѣдовалъ Флорентинъ, который, пользуясь правомъ духовника, всегда являлся безъ доклада. Графиня слегка вскрикнула увидя его и закрыла лицо руками..

— Унесите свѣчи, сказала она,—мнѣ больно смотрѣть на свѣтъ.

Флорентинъ былъ очень доволенъ случаю остаться наединѣ съ графиней при лунномъ освѣщеніи, хотя пришелъ къ ней съ совершенно иными намѣреніями. Примкнувъ къ партіи герцогини Ангулемской, онъ тотчасъ же составилъ планъ дѣйствій и собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Между прочимъ, онъ узналъ, что Бріонъ прибылъ изъ Ліона съ печальною вѣстью объ успѣхахъ непріятеля и, что слѣдовательно, явилась не вымышленная, а дѣйствительная необходимость, чтобы король самъ явился на мѣсто сбора новаго войска, если возможно будетъ собрать его и, если дворянство Бурбонэ и Оверна не перейдетъ открыто на сторону быстро приближавшагося непріятеля. Теперь не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что король немедленно отправится къ войску и что передъ отъѣздомъ онъ долженъ будетъ поручить кому нибудь регентство на время своего отсутствія. Вопросъ о выборѣ не могъ считаться рѣшеннымъ, если останется хотя полчаса для примиренія короля съ Франциской. Въ этомъ прелатъ окончательно убѣдился изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ королемъ, которыя онъ слышалъ, проходя мимо открытой двери. Королю, повидимому, было извѣстно, что Бонниве объяснилъ по своему графинѣ Шатобріанъ его свиданіе съ Діаной. Это могъ сообщить ему стоявшій возлѣ него Бюде, вернувшійся отъ графини. Король, съ лицомъ побагровѣвшимъ отъ гнѣва, осыпалъ упреками Бонниве; рука его судорожно сжимала рукоятку шпаги.

— Онъ тотчасъ же отправится къ графинѣ, подумалъ Флорентинъ, ускоривъ шагъ:—нужно во что бы то ни стало помѣшать ему

въ этомъ, иначе наше дѣло будетъ безвозвратно проиграно. Если ихъ свиданіе состоится, то король, помирившись съ нею, предоставитъ ей правленіе.

Занятый этими размышленіями, Флорентинъ поспѣшно прошелъ дворъ и часть сада, потому что, исключая выхода въ галлерею, комнаты Франциски не имѣли непосредственнаго сообщенія съ королевскими покоями. Войдя въ переднюю, онъ засталъ ожидавшаго его Флоріо, съ которымъ онъ еще утромъ успѣлъ уговориться относительно общаго плана дѣйствій и намекнулъ ему, что черезъ полчаса онъ можетъ приступить къ дѣлу.

Флоріо, согласно плану Флорентина, долженъ былъ въ извѣстный моментъ провести графа Шатобріана черезъ потаенную дверь въ комнаты Франциски. Зная подозрительность бретанскаго дворянина, Флорентинъ вручилъ Флоріо собственноручную записку сенешала Брезе такого содержанія: „довѣряй этому человѣку, онъ изъ нашихъ“.

Флоріо съ этой запиской немедленно отправился къ графу Шатобріанъ, который жилъ въ одномъ изъ лѣтнихъ домовъ, построенныхъ въ послѣдніе годы, по близости королевскаго замка для господъ, временно пріѣзжавшихъ въ Фонтенбло по разнымъ дѣламъ. При этомъ итальянецъ, изъ боязни быть узнаннымъ, счелъ нужнымъ закрыть лицо свое маской и переодѣться сеньеромъ. Послѣднее было тѣмъ удобнѣе, что смерть королевы Клавдіи и предстоящій отъѣздъ короля привлекли въ Фонтенбло множество сеньеровъ, и графъ Шатобріанъ могъ предположить, что который-либо изъ нихъ вздумалъ оказать ему дружескую услугу въ дѣлѣ, нарушившемъ его домашнее спокойствіе, но почему-то желаетъ остаться неизвѣстнымъ.

Уходя изъ замка Флоріо подробно разсказалъ о данномъ порученіи своему господину, который внимательно выслушалъ его. Для Бонниве возможность встрѣчи между королемъ и графомъ Шатобріаномъ была особенно пріятна въ эту минуту, потому что онъ былъ взбѣшенъ на короля и заранѣе радовался его униженію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ головѣ фаворита мелькнула мысль, что, если представится опасность для жизни короля, то онъ можетъ оказать ему большую услугу, явившись во-время для его защиты, и что этимъ способомъ онъ опять войдетъ въ милость.

Въ это время Флорентинъ, оставшись наединѣ съ Франциской и смущенный ея молчаніемъ, не зналъ съ чего начать разговоръ. Стукъ въ потаенную дверь вывелъ его изъ затрудненія. Предполагая, что это король, онъ вышелъ въ прихожую, сказавъ въ полголоса Францискѣ:

— Надѣюсь, что ты не захочешь видѣть его послѣ того, какъ онъ такъ недостойно велъ себя...

— Нѣтъ, я не въ состояніи видѣть его!.. Ради Бога не открывай задвижки...

— Не безпокойся, я еще подержу дверь, чтобы онъ не вздумалъ вломиться сюда.

Флорентинъ подошелъ къ двери и приложилъ къ ней ухо. Онъ услышалъ шаги удалявшагося короля и, выждавъ моментъ, когда все затихло въ галлереѣ, тихонько отодвинулъ задвижку и вернулся въ комнату графини. Ему казалось невозможнымъ возвращеніе короля и потому онъ рѣшилъ употребить все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Франциску, что она должна отказаться отъ предстоящаго торжества, такъ какъ это было бы несовмѣстимо съ ея достоинствомъ. Въ случаѣ, если она знала о скоромъ отъѣздѣ короля, то необходимо было представить его поведеніе въ самыхъ черныхъ краскахъ. Въ виду этого онъ распространился о невѣрности короля, какъ о фактѣ не подлежавшемъ ни малѣйшему сомнѣнію, о которомъ всѣ толковали при дворѣ, и кончилъ свою рѣчь вопросомъ: что намѣрена дѣлать графиня при ея сомнительномъ положеніи?

Франциска молчала, закинувъ голову на спинку кресла: грудь ея высоко поднималась отъ сдавленныхъ рыданій. Молодой прелатъ любовался ею, мысленно сравнивая эту привлекательную красавицу съ Луизой Ангулемской. Опять въ душѣ его проснулась надежда, отъ которой онъ долженъ былъ отказаться въ аббатствѣ св. Женевьевы. Зачѣмъ онъ послалъ Флоріо къ графу?. Можетъ быть ему удастся уговорить Франциску искать снова убѣжища за монастырскими стѣнами, а со временемъ...

Онъ насильственно прервалъ нить своихъ размышленій, зная, что у него осталось немного времени для бесѣды съ нею.

— Франциска! началъ онъ торжественнымъ тономъ, — какъ думаешь ты распорядиться своею будущностью?

Она молчала.

— Къ несчастью, я самъ вывелъ тебя на тотъ путь, по которому ты идешь теперь, и всю жизнь буду раскаиваться въ этомъ. Но я думалъ открыть тебѣ обширный кругъ дѣятельности и, если я погрѣшилъ противъ отдѣльныхъ личностей, то сдѣлалъ это, имѣя въ виду благородную цѣль. Я не ожидалъ такихъ печальныхъ результатовъ! Ты глубоко оскорбила своего мужа, отреклась отъ всѣхъ семейныхъ обязанностей, возбудила противъ себя общественное негодованіе и ничѣмъ не искупила сдѣланнаго тобою зла! Ты не поняла высокой возложенной на тебя задачи и думала только объ удовлетвореніи своей личной склонности. Ты не только не принесла пользы церкви и государству, но даже несчастнымъ просителямъ, и не съумѣла обезпечить и упрочить свое собственное положеніе. Гдѣ нѣтъ добродѣтели, тамъ, по крайней мѣрѣ, люди ожидаютъ встрѣтить мудрую предусмотрительность; гдѣ не находятъ ни того, ни другого, то мирятся съ успѣхомъ и многое прощаютъ изъ-за него. Ты, моя бѣдная Франциска, не можешь ничѣмъ похвалиться изъ всего этого! Что осталось тебѣ въ жизни? Одна гордость... Вооружись ею и положи

конецъ своимъ страданіямъ. Пусть король никогда больше не увидитъ твоего лица и ни одинъ посторонній зритель не выразитъ тебѣ своего сострáданія. Я къ твоимъ услугамъ; возьми мою руку и слѣдуй за мной. Я отведу тебя въ такое уединеніе, куда не проникнетъ ни одинъ звукъ, ни одно дуновеніе суетнаго свѣта, гдѣ все отравлено для тебя. Чѣмъ раньше ты оставишь его, тѣмъ легче будетъ для тебя бѣгство.

Франциска поднялась съ кресла съ видимымъ желаніемъ вырваться поскорѣе на свободу и удалиться навсегда отъ человѣка, такъ недостойно обманувшаго ее. Но какая-то непреодолимая сила удержала ее на мѣстѣ. Былъ ли это обманъ ея разстроеннаго воображенія? Она услышала шаги; знакомый голосъ назвалъ ее по имени.

Въ комнату вошелъ король. Послѣ напрасныхъ попытокъ отворить потаенную дверь, онъ рѣшился обойти кругомъ черезъ дворъ и садъ къ другому входу. Пройдя поспѣшными шагами мимо Химены, онъ прямо направился въ послѣднюю комнату. Франциска, увидя его, вскрикнула и отступила назадъ; Флорентинъ загородилъ ему дорогу.

— Ваше величество, сказалъ онъ,—эта дама принадлежитъ церкви и не желаетъ, чтобы до нея прикасалась рука свѣтскаго человѣка.

— Ты съ ума сошелъ! Прочь съ дороги! Франциска!..

Она молча подняла руку. Въ этомъ движеніи выразилось столько гнѣва и отвращенія, что король съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

Первое извѣстіе объ измѣнѣ короля, сообщенное ей Бонниве, настолько поразило графиню Шатобріанъ, что она не повѣрила ему. Любящее сердце подсказывало ей, что такая наглая измѣна невозможна, и, что если ея возлюбленный поддался минутному увлеченію, то она не должна придавать этому особеннаго значенія. Бюде еще болѣе успокоилъ ее; и если бы король пришелъ къ ней до прибытія Флорентина, то ему вѣроятно удалось бы оправдать себя и она охотно простила бы его. Но рѣчь Флорентина дала иное направленіе ея мыслямъ. Въ ней заговорила ненависть,—чувство невѣдомое ея душѣ, и примиреніе сдѣлалось для нея невозможнымъ.

Король не могъ допустить подобнаго настроенія въ женщинѣ, которая такъ горячо любила его. Лунный ли свѣтъ помѣшалъ ему разглядѣть выраженіе ея лица или свойственная его характеру самонадѣянность была причиной этого, только онъ грубо обманулся относительно чувствъ своей возлюбленной. Съ свойственнымъ ему повелительнымъ жестомъ онъ дотронулся до плеча священника и указалъ ему на дверь.

Флорентинъ, не желая навлечь на себя гнѣвъ короля, поспѣшно удалился.

— Какое мнѣ дѣло, если графъ Шатобріанъ убьетъ его! пробормоталъ онъ. — Въ случаѣ смерти короля, герцогиня Ангулемская будетъ объявлена правительницей.

Оставшись наединѣ съ Францискoй, король подошелъ къ ней, и видя, что она бросилась къ нему, думалъ, что сцена примиренія начнется съ страстныхъ объятій и онъ такимъ образомъ будетъ избавленъ отъ непріятнаго объясненія. Но къ удивленію его, Франциска вырвала изъ ноженъ кинжалъ, который онъ всегда носилъ съ собой, и, поднявъ руку, проговорила съ бѣшенствомъ:

— Я убью тебя на мѣстѣ, измѣнникъ, если ты осмѣлишься прикоснуться къ моему платью!

— Франциска!.. воскликнулъ король, опомнившись отъ перваго испуга.

Въ этотъ моментъ онъ услышалъ, какъ отворилась потаенная дверь, и въ прихожей глухо раздались мужскіе шаги со шпорами. За Францискoй показалась высокая, темная фигура.

— Кто тутъ? громко спросилъ король, обнаживъ шпагу.

— Шатобріанъ! прошептала Франциска, не помня себя отъ ужаса, такъ какъ приняла темную фигуру за привидѣніе, явившееся сквозь запертую дверь. Кинжалъ выпалъ изъ ея рукъ. Она стояла неподвижно среди комнаты съ широко раскрытыми глазами, пристально устремленными на темную фигуру, какъ будто хотѣла убѣдиться: привидѣніе ли это или ея мужъ, неизвѣстно какимъ способомъ вошедшій въ комнату? Ни одинъ мускулъ ея блѣднаго лица не дрогнулъ въ этотъ моментъ томительнаго ожиданія. Она видѣла, какъ онъ обнажилъ шпагу и вслѣдъ затѣмъ услыхала знакомый голосъ:

— Да, я графъ Шатобріанъ; и вы оба получите достойное наказаніе за свой развратъ!..

Франциска громко вскрикнула и сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла бѣжать изъ комнаты; но ноги отказывались служить ей и она не могла сдѣлать ни шагу.

— Убейте меня! сказала она, послѣ минутнаго молчанія, слабымъ, но внятнымъ голосомъ.—Убейте меня, Шатобріанъ. Это будетъ благодѣяніемъ для насъ обоихъ.

Графъ машинально поднялъ шпагу надъ головой несчастной женщины; но король поспѣшно бросился впередъ и во-время схватилъ его за руку.

Увидя графа Шатобріана, король тотчасъ же надѣлъ бархатную маску, которую всегда носилъ съ собою. Онъ сдѣлалъ это отчасти въ знакъ уваженія къ дамѣ, у которой его встрѣтили, а также изъ рыцарскаго чувства справедливости, потому что въ любовныхъ дѣлахъ не хотѣлъ пользоваться преимуществами своего сана. Для Шатобріана это представляло то удобство, что онъ могъ безъ всякихъ колебаній напасть на ненавистнаго для него человѣка, который являлся передъ нимъ не какъ король и ленный властелинъ, а въ качествѣ частнаго лица. Тѣмъ не менѣе онъ невольно сробѣлъ и, желая придать себѣ бодрости, спросилъ:

— Франциска Шатобріанъ, признаешь ли ты за мною право наказать этого человѣка за то оскорбленіе, которое онъ нанесъ мнѣ?

— Да, признаю, отвѣтила она рѣшительнымъ голосомъ послѣ минутнаго молчанія.

Эти слова были сигналомъ для начала поединка, который легко могъ кончиться смертью одного изъ противниковъ при слабомъ лунномъ освѣщеніи и въ комнатѣ, заставленной высокими стульями и длинными столами, по модѣ того времени. При первомъ же нападеніи всѣ невыгоды оказались на сторонѣ графа, незнакомаго съ обстановкой комнаты и уступавшаго королю въ ловкости и искусствѣ фехтованія.

Франциска оставалась безучастной зрительницей борьбы, которая происходила такъ близко отъ нея, что руки и шпаги противниковъ касались ея платья. Послѣ внезапнаго прилива гнѣва и ненависти, овладѣвшаго ея сердцемъ, на нее напало какое-то безсознательное состояніе.

Она ничего не видѣла и не чувствовала изъ того, что дѣлалось около нея и была вся поглощена своимъ внутреннимъ міромъ. Ей казалось, что она опять въ аббатствѣ св. Женевьевы и передъ нею стоитъ старая графиня Фуа, такая же суровая и ворчливая, какъ въ былое время и шепчетъ ей на ухо: „Ты нигдѣ не найдешь себѣ покоя, потому что ты пренебрегла семейными обязанностями для удовлетворенія своего сластолюбія. Человѣкъ, которому ты предалась, измѣнитъ тебѣ и будетъ насмѣхаться надъ тобой; и тогда въ сердцѣ твоемъ проснется ненасытное чувство мести; ты будешь побуждать людей къ убійству и наконецъ умрешь какъ жалкая тварь, оставленная Богомъ и людьми!“...

Паденіе одного изъ противниковъ, сопровождаемое проклятіемъ и шумъ упавшаго стола вызвали Франциску изъ задумчивости. Сознаніе дѣйствительности вернулось къ ней; она бросилась къ дверямъ не помня себя отъ ужаса.

Въ этотъ моментъ въ комнату ворвался какой-то человѣкъ съ обнаженной шпагой въ рукѣ и громко воскликнулъ:

— Сюда, графъ Шатобріанъ! Ты отвѣтишь мнѣ за свою измѣну!

Это былъ Бонниве, который прохаживаясь въ галлереѣ, слышалъ шумъ поединка и счелъ нужнымъ явиться на помощь своему господину черезъ потаенную дверь.

Но это вмѣшательство показалось совершенно неумѣстнымъ королю, который рѣзко выразилъ свое неудовольствіе назойливому любимцу.

Они вышли въ галлерею. Король вложилъ свою шпагу въ ножны и казалось совершенно забылъ о пораженномъ противникѣ. Но Бонниве, не видя никого въ комнатѣ, гдѣ происходилъ поединокъ, невольно задалъ королю робкій вопросъ:

— Куда дѣвался Шатобріанъ?

— Откуда ты могъ узнать, что это былъ графъ Шатобріанъ?

— Отъ Флоріо; онъ привелъ сюда графа, возразилъ Бонниве, который по опрометчивости не разсчиталъ послѣдствій своего отвѣта, предполагая, что въ данный моментъ правда будетъ цѣлесообразнѣе плохо замаскированной лжи.

— Какъ узналъ Флоріо о существованіи потаенной двери?.. Кто поручилъ ему привести сюда графа Шатобріана?

— Насколько мнѣ извѣстно, герцогиня Ангулемская.

— Насколько тебѣ извѣстно!.. Какъ будто ты не зналъ о томъ, что творится здѣсь! Если-бы это дѣйствительно было такъ, то что могло заставить тебя расхаживать здѣсь въ потьмахъ и прибѣжать ко мнѣ на помощь съ обнаженной шпагой. Благодари свою судьбу, что я справился съ Шатобріаномъ до твоего прихода. Совѣтую тебѣ никогда больше не вмѣшиваться въ интриги моей матери, помимо моего вѣдома, такъ какъ ты можешь поставить меня въ глупѣйшее положеніе.

— Ваше величество...

— Оставимъ это! Foi de gentilhomme, я вижу, что мнѣ приходится блуждать по какому-то лабиринту; а у меня нѣтъ времени, чтобы выйти на настоящую дорогу. Благодаря вашимъ проклятымъ интригамъ, я поссорился съ Франциской! Вы испортили все дѣло!..

Король задумался при этихъ словахъ и машинально остановился среди галлереи, освѣщенной во всю длину луннымъ свѣтомъ, при которомъ гладкій дубовый паркетъ и золотыя украшенія на стѣнахъ и потолкахъ блестѣли какимъ-то особеннымъ волшебнымъ свѣтомъ.

— Я не понимаю, что сдѣлалось съ нею! продолжалъ король. Я никогда не видалъ въ ней такой вспышки гнѣва!.. Что такое произошло? Неужели это опять происки моей матери!..

Онъ пошелъ дальше по галлереѣ. Бонниве молча слѣдовалъ за нимъ.

Король заговорилъ первый:

— Скажи мнѣ пожалуйста, спросилъ онъ своего любимца уже совсѣмъ инымъ тономъ — кто эта молодая дѣвушка, съ прелестными глазами, которую я видѣлъ сегодня у графини?

— Герцогиня Инфантадо.

— Это, кажется, испанская фамилія?

— Да, ваше величество.

— Изъ нея выйдетъ красавица. Зачѣмъ она пріѣхала сюда? Не послалъ ли ее къ намъ императоръ Карлъ, чтобы собрать свѣдѣнія о томъ, что дѣлается у насъ?

— Она родственница графини Фуа.

— Я ничего не слыхалъ о ней!.. А мнѣ все-таки кажется очень страннымъ поведеніе графини!..

— Что касается красоты, то ваше величество увидитъ въ Миланѣ такую красавицу, что трудно представить себѣ, что либо подобное. Ее зовутъ Клярисой...

— Отчего же ты не остался въ Миланѣ ухаживать за этой красавицей?

— Ваше величество...

— Узнай, пожалуйста, не пріѣхалъ ли архіепископъ и парижскіе депутаты. Я намѣренъ принять ихъ въ этой галлереѣ и проститься съ ними.

Съ этими словами король направился въ комнаты своей сестры, такъ какъ всегда обращался къ ней, когда что нибудь безпокоило его. Онъ хотѣлъ переговорить съ Маргаритой относительно загадочнаго поведенія своей возлюбленной, которая получила теперь особенный интересъ въ его глазахъ, послѣ ея безумной вспышки гнѣва.

Бонниве, разставшись съ королемъ, пошелъ къ герцогинѣ Ангулемской и отдалъ ей подробный отчетъ о случившемся. Герцогиня въ это время была поглощена двумя преобладающими мыслями: съ одной стороны встрѣча ея сына съ графомъ Шатобріанъ; а съ другой—боязнь, что Франциска будетъ назначена правительницей. Успокоившись относительно исхода поединка послѣ разговора съ Бонниве, герцогиня отправилась въ покои короля, чтобы узнать отъ него съ полною достовѣрностью: кому онъ намѣренъ оставить регентство въ свое отсутствіе? Извѣстіе, что парижскій архіепископъ вызванъ въ Фонтенбло еще болѣе усилило мучившія ее сомнѣнія.

Герцогиня, не заставъ короля въ его кабинетѣ, намѣревалась идти къ Маргаритѣ, въ надеждѣ, что она еще застанетъ его тамъ. Но камердинеръ просилъ ее остаться, говоря, что король долженъ скоро вернуться, потому что велѣлъ приготовить себѣ самое парадное платье. Съ этими словами онъ разложилъ на креслѣ бархатную темнокрасную мантію, усѣянную золотыми лиліями и обшитую золотой бахрамой, принесъ башмаки и положилъ беретъ на мраморный столъ.

— Ваше высочество можетъ не встрѣтить короля! добавилъ камердинеръ. У насъ въ замкѣ чуть ли не каждую недѣлю устраиваются все новыя потаенныя лѣстницы и двери, такъ что его величество является всегда неожиданно, то съ одной стороны, то съ другой...

Въ комнату вошли Бюде и Бріонъ, — оба приверженцы графини Шатобріанъ, что также показалось дурнымъ предзнаменованіемъ герцогинѣ Ангулемской.

— Вы вѣроятно явились сюда по приказанію моего сына? спросила она съ живостью.

— Да, мы пришли сюда по приказанію его величества, отвѣтили они.

Бріонъ, сильно загорѣвшій отъ южнаго солнца, казался грустнымъ и озабоченнымъ. Онъ любитъ Франциску! подумала съ безпокойствомъ герцогиня:—ему извѣстно, что сегодня же король назна-

чить ее правительницей! Если она достигнетъ этой чести, то молодой сеньеръ не можетъ разсчитывать, что, утѣшая красавицу въ горѣ, заслужитъ ея расположеніе.

— Господинъ канцлеръ, спросила герцогиня, обращаясь къ Бюде:— не по вашему ли приказанію пріѣдетъ сегодня въ Фонтенбло парижскій архіепископъ?

— Нѣтъ, онъ вызванъ сюда королемъ.

— Неизвѣстно ли вамъ, для какой цѣли?

— Вѣроятно для той же, какъ и другіе высшіе сановники, которые должны явиться сюда сегодня вечеромъ. Король хочетъ передать имъ заботу о государствѣ во время своего отсутствія, тѣмъ болѣе, что оно можетъ продлиться неопредѣленное время.

— Бюде, сказала герцогиня вполголоса, дѣлая ему знакъ, чтобы онъ подошелъ поближе.—Будьте со мной откровенны, и не смотрите на меня, какъ на врага, ослѣпленнаго ненавистью! Если король любитъ Франциску, то она сдѣлается для меня также дорога, какъ и ему, и она смѣло можетъ разсчитывать на мою дружбу. Не для того ли король вызвалъ сюда архіепископа, чтобы устроить ея судьбу?

— Что можетъ сдѣлать архіепископъ? Она все еще графиня Шатобріанъ и вдобавокъ католичка; для формальнаго развода необходимо разрѣшеніе св. отца въ Римѣ.

— Ты играешь со мной комедію! подумала герцогиня и добавила вслухъ: — Недостающія формальности могутъ быть обойдены посредствомъ духовнаго обрученія. Но по моему мнѣнію, г. канцлеръ, это будетъ ложный шагъ, который можетъ имѣть дурныя послѣдствія какъ для короля, такъ и для графини. Вся Франція возстанетъ противъ этого! Не забудьте, что мы едва успѣли похоронить королеву Клавдію!

— Я все-таки считаю большимъ несчастіемъ для графини, если король ничего не сдѣлаетъ въ ея пользу. Она будетъ въ самомъ затруднительномъ положеніи...

— Это почему?

— Благодаря гласности, которую получила ея любовь, она навлекла на себя справедливое нареканіе свѣта. Съ другой стороны придворные, изъ желанія угодить вамъ, герцогиня, явно выказываютъ ей свое нерасположеніе, тѣмъ болѣе, что люди, пользующіеся особеннымъ покровительствомъ высокопоставленныхъ особъ, всегда возбуждаютъ противъ себя зависть. Такимъ образомъ въ отсутствіе короля графинѣ нельзя будетъ оставаться здѣсь, потому что она ни въ комъ не встрѣтитъ поддержки.

— Я уже говорила вамъ, что буду ея первой защитницей, если она не заявитъ какихъ-либо неумѣстныхъ притязаній и будетъ довольствоваться своимъ настоящимъ положеніемъ.

— Графъ Шатобріанъ, ея мужъ, всѣмъ извѣстенъ своей суровостью; онъ не пощадитъ ее.

— Какіе пустяки! Этотъ вопросъ давно покончень.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать этимъ! Если король не устроитъ ее тѣмъ или другимъ способомъ, то въ его отсутствіе, которое можетъ продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, она принуждена будетъ выѣхать изъ Франціи!

— Вы преувеличиваете! Все зависитъ отъ нея самой. Еслибы она была поскромнѣе, то развѣ мало у насъ монастырей, гдѣ она могла бы спокойно прожить до возвращенія короля? Наконецъ замокъ Фуа въ ея полномъ распоряженіи послѣ смерти старой графини.

— Герцогиня, вашъ сынъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы королевская власть во Франціи достигла небывалаго могущества и значенія...

— Да поможетъ ему въ этомъ Господь!

— Я самъ желаю этого! Если ему удастся достигнуть такого величія, о которомъ идетъ рѣчь, то нужно, чтобы оно проявилось во всемъ, что касается его особы. Женщина, которую онъ любилъ, должна быть избавлена отъ всякихъ превратностей судьбы. Кто желаетъ зла этой женщинѣ тотъ врагъ новой королевской власти.

— Все это школьная премудрость! Вы разсуждаете какъ ученый буржуа и всегда останетесь такимъ!

— Я и не желаю быть ничѣмъ инымъ.

— Однако въ вашихъ словахъ есть извѣстная доля правды! Только объясните мнѣ, почему вамъ кажется, что я не расположена къ Франциску. Я напротивъ того, хочу отвлечь отъ нея общее вниманіе, такъ какъ изъ-за этого она можетъ подвергнуться разнымъ случайностямъ, отъ которыхъ было бы желательно избавить ее. Вы поступили бы гораздо благоразумнѣе, еслибы помогли мнѣ въ этомъ и не сомнѣвались бы въ чистотѣ моихъ намѣреній, потому что мною руководитъ только любовь къ сыну. Если же мы посмотримъ на это дѣло съ политической точки зрѣнія, то все противъ васъ...

— Король! идетъ король! послышалось въ передней; вслѣдъ затѣмъ Францискъ вошелъ въ комнату быстрыми шагами.

— Сынъ мой! воскликнула герцогиня, бросаясь къ королю и обнимая его.—Что ты намѣренъ дѣлать теперь?

— Что я намѣренъ дѣлать! возразилъ король, почтительно цѣлуя ея руку.—Но что съ вами? Вы чѣмъ-то разстроены...

— Надѣюсь, ты не рѣшишься огорчить твою мать!

— Зачѣмъ сдѣлаю я это? Что такое случилось?

— Ничего, Францискъ. Меня только безпокоятъ всѣ эти приготовленія къ твоему отъѣзду. Я ожидаю для себя самаго худшаго. Зачѣмъ пріѣдетъ сюда архіепископъ?

— Чтобы обвѣнчать меня. Ты блѣднѣешь! Прости, что я не предупредилъ тебя объ этомъ заранѣе... Однако, не теряй времени и займись своимъ туалетомъ; ты должна явиться сегодня въ полномъ блескѣ и не дальше какъ черезъ полчаса. Которая изъ дамъ опоздаетъ,

та будетъ жалѣть объ этомъ. До свиданія, цѣлую твои ручки. Сегодня изъ Генуи привезены два наряда; одинъ изъ нихъ я подарю извѣстной тебѣ дамѣ... другой посланъ въ твою комнату. Ты знаешь, какъ я люблю видѣть тебя въ твоемъ королевскомъ итальянскомъ нарядѣ. Онъ такъ идетъ къ твоему величественному росту! Adieu! Я также долженъ переодѣться.

Съ этими словами король проводилъ герцогиню изъ комнаты и началъ свой туалетъ. Онъ довольно скоро отпустилъ Бріона, отдавъ ему нѣкоторыя приказанія, относительно предстоящей поѣздки.

— Кстати, вернись на минуту, крикнулъ онъ вслѣдъ уходившему Бріону:—говорятъ ты неравнодушенъ къ графинѣ Шатобріанъ?

— Ваше величество! проговорилъ съ смущеніемъ Бріонъ, останавливаясь въ дверяхъ.

— Посмотри Бюде, какъ онъ покраснѣлъ. О счастливая юность! Скажи пожалуйста, ты не видѣлъ еще дамы твоего сердца послѣ возвращенія?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Я долженъ вознаградить тебя за твои военныя доблести. Иди къ ней тотчасъ же; она будетъ очень рада видѣть тебя! передай ей отъ моего имени, что я настоятельно прошу ее прійти въ галлерею и присутствовать на аудіенціи и прощальномъ торжествѣ. Если она считаетъ себя виноватой предо мной, то я постараюсь успокоить ее относительно этого, потому что отъ всей души простилъ ее. Отказъ ея будетъ доказательствомъ, что причиной всему не сердечный порывъ, а какой нибудь таинственный и неизвѣстный для меня поводъ. Объясни ей Бріонъ, что она не должна отпускать меня отсюда съ такими печальными мыслями. Одному небу извѣстно сколько времени продлится эта война и каковъ будетъ исходъ! Желаю тебѣ успѣха. Постарайся въ точности исполнить мое порученіе.

Бріонъ молча удалился.

— Ну что ты скажешь мнѣ, Бюде? сказалъ король, обращаясь къ канцлеру.—Ты вѣрно ждешь отъ меня какихъ нибудь распоряженій относительно твоихъ школъ и учебныхъ заведеній, и надѣешься, что я дамъ тебѣ на это денегъ, не правда ли? Но я не въ состояніи помочь тебѣ въ этомъ, мой милый другъ. Наступили тяжелыя времена; науки и исскуства должны отступить на задній планъ, такъ какъ дѣло идетъ о спасеніи государства. Теперь всякій человѣкъ, способный носить оружіе, важнѣе Приматиса и твоей высшей школы. Если мы даже останемся побѣдителями, то я принужденъ буду содержать постоянное войско, чтобы сдѣлаться независимымъ отъ нашихъ высокомѣрныхъ вассаловъ. Такимъ образомъ неизвѣстно, когда осуществятся наши планы, Бюде, но будемъ надѣяться, что наступитъ когда нибудь такое время. Надежда ничего не стоитъ, а все-таки служитъ утѣшеніемъ! Не морщи лба; я на виноватъ въ этомъ. Ты знаешь, какъ я старался о томъ, чтобы образовать третье сословіе для от-

пора нашимъ сеньорамъ, но вижу, что безъ войска дѣло не обойдется. Вооружись терпѣніемъ и поддержи какъ нибудь свои школы, пока я справлюсь съ императоромъ и захвачу Италію въ свои руки. Не могу же я отпустить художниковъ въ настоящую минуту, когда работа въ полномъ ходу...

— Хорошо ли сидитъ этотъ камзолъ, продолжалъ король, обращаясь къ своему камердинеру: — не надѣть ли другой? Нѣтъ?.. Ну, тѣмъ лучше. Во всякомъ случаѣ, мой дорогой Бюде, я очень радъ буду увидѣть Италію, опять привезу съ собой художниковъ и разныя сокровища искусства!

— Меня удивляетъ, что ваше величество можетъ быть въ такомъ хорошемъ настроеніи духа, зная, что Франція находится въ опасности и дорога въ Италію занята побѣдоноснымъ непріятелемъ.

— Foi de gentilhomme, всѣ находятъ, что я слишкомъ самонадѣянъ и ты, кажется, раздѣляешь общее мнѣніе. Можетъ быть вы правы, но это свойство всего болѣе поддерживаетъ меня. Ручаюсь тебѣ, что этотъ Бурбонъ, да накажетъ его Господь за его измѣну— оставитъ Францію прежде, чѣмъ я нанесу одинъ ударъ меча или даже, быть можетъ, прежде, чѣмъ они увидятъ мою особу. Однако, я не долженъ высказывать моихъ предположеній относительно будущаго, это своего рода вызовъ судьбѣ, и она можетъ наказать меня за это. Перекрести меня трижды, Мартинъ, чтобы мои легкомысленныя слова не навлекли на меня несчастія. Ты не вѣришь этимъ вещамъ, Бюде, и тебя недаромъ считаютъ еретикомъ!

— До сихъ поръ счастье благопріятствовало вамъ, мой дорогой король, и вы умѣете пользоваться имъ; дай Богъ, чтобы такъ было и впредь. Но мнѣ кажется, что все-таки нужно принять нѣкоторыя предосторожности, чтобы предупредить несчастіе.

— Само собою разумѣется! Затяни покрѣпче лѣвый башмакъ Мартинъ! Но счастье также отворачивается отъ людей, которые постоянно думаютъ о несчастіи.

— Неужели вы не сдѣлаете какихъ-либо положительныхъ распоряженій относительно того, кто будетъ управлять государствомъ въ ваше отсутствіе?

— Этотъ вопросъ, повидимому, очень интересуетъ тебя! Я знаю кого ты имѣешь въ виду, и не осуждаю тебя за это. Изъ всѣхъ добродѣтелей ты выше всего цѣнишь честность, и потому я поставилъ тебя во главѣ народнаго образованія. Не воображаешь ли ты, что изъ тебя выйдетъ хорошій правитель государства при твоей безусловной честности? Что касается меня лично, то любовь точно также вредитъ мнѣ, какъ тебѣ вредила бы твоя честность. Ну, а женщины еще хуже. Кто можетъ заранѣе сказать о нихъ что-либо опредѣленное? Есть ли что причудливѣе женщинъ и погоды?

— Развѣ между женщинами не встрѣчаются вполнѣ опредѣленныя личности?

— Ты думаешь! Впрочемъ, относительно этого пункта я считаю себя лучшимъ судьей, потому что гораздо опытнѣе тебя. Пусть самъ Богъ правитъ Франціей въ мое отсутствіе; это будетъ наилучшее. До свиданія, Бюде...

Франциска, испуганная паденіемъ одного изъ противниковъ, быстро пробѣжала всѣ комнаты, какъ будто спасаясь отъ чьихъ-то преслѣдованій, бросилась въ лѣсъ черезъ дворъ и садъ, и въ изнеможеніи опустилась на землю подъ дубомъ. Химена послѣдовала за нею. Сознавая, насколько неумѣстны будутъ всякія утѣшенія, она остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ несчастной женщины, которую можно было различить въ тѣни по бѣлому платью. Онѣ, вѣроятно, долго оставались бы такимъ образомъ въ темномъ лѣсу, фантастически освѣщенномъ луннымъ свѣтомъ, еслибы ихъ не испугало стадо дикихъ сернъ, пасшихся на лугу около замка, которыя, почуявъ присутствіе людей, бросились въ чащу съ громкимъ топотомъ. Франциска, внезапно пробужденная изъ своего мучительнаго раздумья, вскочила съ мѣста и съ испугомъ смотрѣла на мелькавшія около нея темныя фигуры. Она была въ такомъ возбужденномъ состояніи, что въ первую минуту нисколько не удивилась неожиданному появленію Химены и молча поблагодарила ее пожатіемъ руки.

Возвращаясь къ замку, Франциска разсказала своей спутницѣ о поединкѣ и просила ее пойти вмѣстѣ съ Бернаромъ въ ея спальню и узнать: не остался ли на мѣстѣ раненымъ или убитымъ одинъ изъ противниковъ.

— У меня не хватитъ на это мужества, добавила она, входя въ прихожую.

Химена отвѣтила, что пойдетъ одна, потому что, по ея мнѣнію, не слѣдуетъ посвящать Бернара въ такую важную тайну, не смотря на его испытанную преданность дому Фуа.

Помѣщеніе Франциски было такъ удобно расположено, что слуги ничего не знали о случившемся. Это былъ совершенно отдѣльный флигель на дальнемъ концѣ замка, который примыкалъ къ главному зданію только со стороны галлереи. Выходная дверь и лѣстница раздѣляли этотъ флигель на двѣ неровныя части: направо жила Химена и прислуга, а налѣво были комнаты графини Шатобріанъ. Первая комната при входѣ служила передней и въ ней неотлучно находился Бернаръ. Химена, увидя изъ окна высокую фигуру короля, проходившаго по двору, поспѣшно послала стараго слугу подъ какимъ-то предлогомъ въ свою комнату, такъ какъ употребляла всѣ усилія, чтобы скрыть отъ него отношенія короля къ Франциискѣ. Такимъ образомъ Бернаръ, видя уходившаго прелата, не подозрѣвалъ, что кто нибудь могъ войти въ его отсутствіе.

Химена взяла подсвѣчникъ и твердымъ шагомъ дошла до послѣд-

ней комнаты, гдѣ происходилъ поединокъ. Тутъ она остановилась и стала прислушиваться; но ничего не было слышно. Наконецъ она собралась съ мужествомъ и открыла дверь, хотя сердце ея усиленно билось, потому что она ожидала увидѣть мертваго или раненаго. Холодный потъ выступилъ на ея лбу отъ скрипа двери, но она все-таки вошла, не выпуская свѣчи изъ рукъ. Въ комнатѣ царила мертвая тишина; не слышно было ни вздоха, ни храпѣнія и не видно ни одной души. Столъ и стулъ лежали опрокинутые, дверь въ прихожую, примыкавшую къ галлереѣ была открыта. Химена едва слышнымъ шагомъ вошла въ нее; но и тутъ все было пусто. Еслибы она продолжала свои поиски, то сдѣлала бы открытіе, которое поразило бы ее ужасомъ и заставило бы обратиться въ бѣгство.

Она поспѣшно вернулась къ графинѣ и сообщила ей свое предположеніе, что поединокъ, вѣрятно, ничѣмъ не кончился, такъ какъ она никого не нашла на мѣстѣ происшествія. Затѣмъ она пошла къ Бернару и спросила: все ли благополучно? Ей хотѣлось узнать: не видалъ ли Бернаръ короля или графа Шатобріана, которые могли выйти въ ея отсутствіе. Но слуга отвѣтилъ спокойнымъ голосомъ, что „все по старому“.

— Значитъ они оба прошли въ галлерею черезъ потаенную дверь! подумала Химена.

Въ это время дворъ неожиданно освѣтился свѣтомъ факеловъ; два пажа шли впереди, медленно поднимаясь на лѣстницу, за ними слѣдовала богато одѣтая дама. Это была Маргарита, герцогиня Алансонская.

Трудно передать всѣ тѣ ощущенія, которыя должна была испытать графиня Шатобріанъ во время получасовой бесѣды съ сестрой короля, чтобы перейти изъ тревожнаго состоянія къ полному успокоенію. Благодаря этому она безпрекословно согласилась присутствовать при торжественной церемоніи выѣзда короля изъ Фонтенбло.

Маргарита съ первыхъ же словъ съумѣла дать иное направленіе мыслямъ Франциски и поддержать ея тайное желаніе помириться съ королемъ. Подъ вліяніемъ чувства всепрощающей любви, Франциска спрашивала себя: былъ ли у ней какой-либо основательный поводъ для гнѣва противъ короля? Сцена въ павильонѣ была объяснена ей адмираломъ Бонниве, который могъ намѣренно оклеветать передъ нею короля, чтобы поссорить ихъ въ рѣшительную минуту. Неужели Маргарита, всегда строго осуждавшая брата за его мимолетныя увлеченія, стала бы такъ снисходительно относиться къ нему въ данномъ случаѣ? Она, вѣроятно, знала это дѣло до малѣйшихъ подробностей, такъ какъ стояла внѣ придворныхъ партій и пользовалась безусловнымъ довѣріемъ короля. Онъ самъ послалъ свою сестру просить у ней прощенія и еслибы дѣйствительно чувствовалъ себя виноватымъ, то, вѣроятно, счелъ бы нужнымъ оправдаться въ томъ, что было главной причиной ихъ ссоры. Маргарита говорила равнодушнымъ

тономъ о пріѣздѣ Діаны ко двору; всѣ извиненія короля сводились къ тому, что онъ нарушилъ свой обѣтъ и самовольно явился къ Францискѣ раньше назначеннаго срока.

Бѣдная женщина горько упрекала себя за свое жестокое обращеніе съ королемъ.

— Какъ я была несправедлива къ нему! думала она: — какой поводъ подалъ онъ мнѣ къ гнѣву? Только любовь могла заставить его придти ко мнѣ, а я не только хотѣла убить его, но еще признала право Шатобріана напасть на него! А мой дорогой Франциско, не смотря на все это, думаетъ только о томъ, какъ бы помириться со мной!..

Принесли богатое генуэзское платье изъ темнокраснаго бархата, посланное королемъ въ подарокъ графинѣ Шатобріанъ. Новый знакъ вниманія съ его стороны!.. Неужели она не захочетъ явиться на прощальную аудіенцію? Она должна дорожить каждой минутой; когда зайдетъ мѣсяцъ короля уже не будетъ въ Фонтенбло. Можетъ быть пройдутъ годы, пока она увидитъ его и она вѣчно будетъ упрекать себя, что такъ равнодушно разсталась съ человѣкомъ, который былъ ея единственной любовью и надеждой на землѣ...

Подъ вліяніемъ этихъ размышленій Франциска поспѣшно встала съ мѣста и удалилась съ Хименой, чтобы сдѣлать свой туалетъ и явиться во всемъ блескѣ на прощальной аудіенціи, которая должна была рѣшить ея судьбу. Не подлежитъ сомнѣнію—думала она—что король приметъ мѣры, чтобы обезпечить ее во время своего отсутствія и доставить ей достойное положеніе между завистливыми недоброжелателями!..

Шабо де-Бріонъ, явившись отъ имени короля, удостоился чести вести на прощальное торжество даму своего сердца. Онъ заранѣе радовался ея счастью, въ полной увѣренности, что король сдержитъ свое слово и обвѣнчается съ нею, забывая, что это должно положить конецъ всѣмъ его надеждамъ.

Галлерея Франциска I была освѣщена тысячами восковыхъ свѣчей; всѣ двери и окна со стороны двора были открыты настежь. Франциска и Шабо де-Біонъ, поднявшись по мраморной лѣстницѣ, были поражены зрѣлищемъ, которое представилось ихъ глазамъ.

Множество придворныхъ и высшихъ сановниковъ государства, призванныхъ по случаю предстоящаго торжества, прохаживались неправильными группами взадъ и впередъ по великолѣпной залѣ, богато украшенной золотомъ и рѣзьбой. Король еще не входилъ и блистательный тронъ, надъ которымъ возвышалась колоссальная корона съ лиліями, былъ пустъ. Вокругъ его стояли сто пажей со свѣчами въ рукахъ.

Придворные почтительно кланялись графинѣ Шатобріанъ, которая шла рядомъ съ сестрой короля. Всѣхъ занимала распространившаяся въ этотъ день молва, что графиня получитъ титулъ герцогини Ромо-

рантенъ и будетъ назначена правительницей. Парижскій архіепископъ долженъ былъ благословить новую герцогскую корону и кусокъ мрамора, который послужитъ первымъ камнемъ при закладкѣ будущаго великолѣпнаго замка герцогини Роморантенъ.

Художники, съ которыми Франциска познакомилась въ Блуа, подошли къ ней и радушно привѣтствовали ее. Они были довольны тѣмъ, что въ отсутствіе короля правительницей государства будетъ назначена красивая молодая женщина, одаренная тонкимъ вкусомъ и сочувствующая искусству.

Едва Франциска успѣла сказать имъ нѣсколько словъ, какъ отворились створчатыя двери и при оглушительныхъ звукахъ музыки вошелъ король подъ руку съ своей матерью. За ними слѣдовалъ архіепископъ въ полномъ облаченіи, окруженный священниками въ цвѣтныхъ одѣяніяхъ и пѣвчими.

Король подвелъ свою мать къ ступенямъ трона и, поклонившись ей, подошелъ къ сестрѣ, которая стояла въ отдаленіи съ Франциской среди художниковъ. Онъ поблагодарилъ Маргариту, что она оправдала его въ глазахъ его дорогой пріятельницы и привела ее съ собой; затѣмъ обратился къ Францискѣ и сказалъ ей нѣсколько словъ полныхъ любви и нѣжности.

Ласковое обращеніе короля всегда неотразимо дѣйствовало на графиню Шатобріанъ, благодаря искренности, составлявшей отличительную черту отношеній короля къ женщинамъ. Но эта искренность, которую онъ ставилъ себѣ въ заслугу, была обоюдоострымъ оружіемъ, потому что служила оправданіемъ его частыхъ увлеченій. Только женщина, хорошо изучившая его характеръ силой своего умственнаго превосходства и съ помощью разныхъ уловокъ, могла привязать его къ себѣ, какъ это сдѣлала впослѣдствіи mademoiselle de Heilly. Но графиня Шатобріанъ, при своей простодушной и самоотверженной любви, не могла имѣть на него никакого вліянія. Въ этотъ вечеръ, болѣе чѣмъ когда нибудь, она должна была отвѣтить ему отказомъ, когда онъ попросилъ ее подойти къ матери, которой онъ хотѣлъ поручить ее въ качествѣ своей невѣсты на все время своего отсутствія, потому что этимъ поступкомъ она давала ему возможность сложить съ себя тяготившую его обязанность.

Герцогиня Ангулемская, которая уже успѣла сообщить въ короткихъ словахъ свои опасенія Флорентину, вошедшему въ свитѣ архіепископа, поблѣднѣла какъ смерть, когда увидѣла, что король, подавъ руку графинѣ Шатобріанъ, ведетъ ее къ трону у котораго она стояла. Безпокойство ея было вполнѣ основательно, потому что никто не могъ поручиться какъ поступитъ король въ слѣдующую минуту подъ вліяніемъ извѣстнаго романическаго настроенія.

Когда король подошелъ къ ступенямъ трона, гробовое молчаніе, воцарившееся въ залѣ, обратило его вниманіе. Онъ видѣлъ, что всѣ ожидаютъ отъ него чего-то необыкновеннаго, и рука его, державшая

руку Франциски, дрогнула; у него внезапно явилось желаніе оправдать общее ожиданіе. Герцогиня замѣтила это и рѣшилась помѣшать во что бы то ни стало намѣренію короля. Еслибы она сдѣлала это рѣзко, въ видѣ открытаго протеста, то дѣло было бы тотчасъ рѣшено въ пользу Франциски. Но герцогиня слишкомъ хорошо знала своего сына, чтобы сдѣлать подобный промахъ. Она обратилась съ ласковой рѣчью къ ненавистной для нея графинѣ Шатобріанъ и взявъ ее за руку разъединила съ королемъ, который тотчасъ же успокоился, когда услышалъ всѣ тѣ обѣщанія и дружескія увѣренія, которыя его мать расточала передъ его возлюбленной. Главная причина безпокойства была устранена; то, чего онъ напрасно добивался было достигнуто; обѣ женщины, которыхъ онъ хотѣлъ сблизить, были теперь въ наилучшихъ отношеніяхъ; герцогиня по собственному побужденію предложила Францискѣ взять ее подъ свое покровительство во время его отсутствія. Съ свойственной ему величественной осанкой онъ вошелъ на ступени, ведущія къ трону, и сдѣлалъ рукою знакъ архіепископу, который стоялъ среди духовенства на приготовленной для него эстрадѣ, покрытой пурпуромъ.

Архіепископъ, почтенный старикъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ руку, заявляя этимъ, что желаетъ говорить. Когда все умолкло въ залѣ, архіепископъ выразилъ въ короткихъ, исполненныхъ достоинства словахъ, что по приказанію короля и сообразно своей священной обязанности, онъ обращается съ увѣщаніемъ къ присутствующимъ, умоляя ихъ во имя Всевышняго быть снисходительными другъ къ другу и дѣйствовать единодушно, въ роковой моментъ, когда король принужденъ оставить государство, которому грозитъ неминуемая опасность.

— Мы должны отрѣшиться—добавилъ онъ—отъ всякой зависти, раздоровъ и, да пріемлетъ Господь нашу клятву, что мы теперь же, на этомъ мѣстѣ, даемъ обѣтъ забыть всѣ личные помыслы и желанія для блага государства, пока не возвратится къ намъ божій помазанникъ!

Архіепископъ, произнося эту клятву, преклонилъ колѣна; всѣ присутствующіе послѣдовали его примѣру.

Наступившая при этомъ торжественная тишина была внезапно нарушена появленіемъ человѣка съ блѣднымъ и окровавленнымъ лицомъ, который шумно ворвался въ освѣщенную галлерею, черезъ потаенную дверь, ведущую въ комнаты Франциски. Платье его было въ безпорядкѣ, волосы опускались длинными прядами на лобъ; онъ держалъ въ рукахъ обнаженную шпагу.

Это былъ графъ Шатобріанъ. Упавъ навзничь во время поединка, онъ ударился головой о ступени стоявшей за нимъ высокой кровати съ балдахиномъ и шелковыми занавѣсями. Ударъ лишилъ его сознанія; длинная шелковая занавѣсь и упавшій стулъ скрыли его отъ глазъ Бонниве и Химены, которые ушли не замѣтивъ его. Такимъ

образомъ онъ пролежалъ около двухъ часовъ въ полномъ безпамятствѣ, пока наконецъ медленно, мало по малу сознаніе вернулось къ нему и онъ настолько собрался съ силами, что поднялся на ноги и отыскалъ при лунномъ свѣтѣ дверь, черезъ которую привелъ его Флоріо.

Яркое освѣщеніе галлереи въ первую минуту на столько ослѣпило его, что онъ стоялъ неподвижно, стараясь отдать себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ около него.

Присутствующимъ онъ показался олицетвореніемъ Божьей кары, посланной свыше. Впечатлѣніе словъ архіепископа было моментально уничтожено; всѣ поднялись на ноги и смотрѣли то на графа, то на короля, который, сойдя съ первой ступени строна, остановился въ свою очередь, пораженный явленіемъ, которое показалось ему чѣмъ-то сверхестественнымъ. Онъ былъ увѣренъ, что убилъ графа и выжидалъ только удобной минуты, чтобы приказать Бонниве въ эту же ночь убрать тѣло убитаго, въ тайнѣ отъ графини. Не довѣряя собственнымъ глазамъ и, не думая о томъ, что привлечетъ на себя общее вниманіе, онъ вынулъ шпагу изъ ноженъ и тщательно осматривалъ ее въ полномъ убѣжденіи, что на ней остались слѣды крови. Нѣсколько сеньоровъ, не понявъ намѣренія короля, также обнажили свои шпаги въ ожиданіи нападенія со стороны графа Шатобріана, который, благодаря своему блѣдному лицу и блуждающимъ глазамъ, имѣлъ видъ помѣшаннаго.

Между тѣмъ садовая площадь передъ галлерей внезапно освѣтилась множествомъ зажженныхъ факеловъ, а вслѣдъ затѣмъ послышались звуки боевыхъ трубъ отряда, который долженъ былъ сопровождать короля на войну. Король вложилъ шпагу въ ножны и презрительно отвернулся отъ графа Шатобріана, завляя этимъ, что не желаетъ болѣе обращать на него вниманія и не имѣетъ на это времени. Все пришло въ движеніе и смѣшалось, каждый спѣшилъ придвинуться къ трону, и только немногіе замѣтили, что прелатъ Флорентинъ, по знаку герцогини Ангулемской, взялъ за руку испуганную Франциску и подвелъ ее къ графу Шатобріану.

Несчастная женщина была такъ смущена неожиданнымъ появленіемъ мужа и близкой разлукой съ королемъ, что находилась въ безсознательномъ состояніи и опомнилась только тогда, когда графъ назвалъ ее по имени.

— Да меня зовутъ Франциской Шатобріанъ! проговорила она съ видимымъ усиліемъ.

— Это имя ты будешь носить до самой смерти! Выслушай меня внимательно и взгляни мнѣ прямо въ глаза.

— Я не въ состояніи сдѣлать этого.

— Помни, что я буду ожидать тебя въ замкѣ Шатобріанъ! Ты благословишь свою дочь и выслушаешь тотъ приговоръ, который будетъ произнесенъ надъ тобой.

При этихъ словахъ подошелъ Шабо де-Бріонъ, побуждаемый желаніемъ помочь Францискѣ и обращаясь къ графу сказалъ:

— Король спрашиваетъ о причинѣ вашего посѣщенія.

— Скажите королю, что бретанскому дворянину не нужно особенныхъ причинъ, чтобы явиться въ королевскій замокъ! Я пэръ Франціи! Впрочемъ, считаю нужнымъ заявить, что я искалъ здѣсь не французскаго короля, а желалъ переговорить съ Францискомъ Валуа!..

Пока происходила эта сцена, король, стоя на верхней ступени трона, дѣлалъ послѣднія распоряженія. Герцогиня Ангулемская была объявлена правительницей государства; герцогъ Вандомскій назначенъ генералъ-лейтенантомъ Иль-де-Франса; герцогъ Гизъ—намѣстникомъ Шампаньи и Бургундіи; сенешалъ де Брезе — намѣстникомъ Нормандіи; графъ Лаваль—Британіи; а маршалъ Лотрекъ—намѣстникомъ Гіены и Лангедока. Только послѣднее назначеніе показывало до нѣкоторой степени заботу о Францискѣ.

Всѣ спѣшили къ выходамъ, потому что снова раздался воинственный призывъ трубъ; король также направился къ главнымъ дверямъ. Толпа оттѣснила графа Шатобріана отъ его жены, которую Бріонъ повелъ по лѣстницѣ. Король шелъ подъ руку съ своей матерью и, казалось, съ безпокойствомъ искалъ глазами Франциску. Наконецъ онъ увидѣлъ ее при свѣтѣ факеловъ, поспѣшно подошелъ къ ней и, взявъ за руку, передалъ ее въ объятія улыбающейся герцогини Ангулемской, умоляя взглядомъ и жестомъ, награжденную государствомъ женщину, не оставить покинутую имъ возлюбленную.

Вслѣдъ затѣмъ король быстро повернулся къ провожавшему его обществу и, приложивъ пальцы къ губамъ, послалъ всѣмъ прощальный поцѣлуй, дружески обнялъ Маргариту и, сойдя съ лѣстницы, сѣлъ на коня при громкихъ крикахъ: „Да здравствуетъ король!“ Секунду спустя онъ исчезъ съ своей свитой въ темномъ лѣсу, который при свѣтѣ факеловъ казался еще мрачнѣе и таинственнѣе.

Конецъ третьей части.

ЧАСТЬ IV.

ГЛАВА I.

Письмо маршала Лотрека къ графинѣ Шатобріанъ.

Ты въ первый разъ обращаешься ко мнѣ за совѣтомъ, Франциска, и просишь чтобы я сообщилъ тебѣ что нибудь о королѣ. То и другое одинаково удивляетъ меня! Неужели ты, живя при дворѣ правительницы государства, не имѣешь никакихъ извѣстій о королѣ и войскѣ! Затѣмъ я желалъ бы знать: на что понадобился тебѣ мой совѣтъ послѣ того, какъ ты самовольно распорядилась своей жизнью и отказалась отъ своихъ прямыхъ обязанностей? Я никому не повѣрилъ бы, если бы не видѣлъ ясно изъ нѣкоторыхъ выраженій въ твоемъ письмѣ, что ты не понимаешь ни своего собственнаго положенія, ни общаго хода дѣлъ. О королѣ у тебя составилось совершенно превратное представленіе. Ты питаешь какія то розовыя надежды, какъ семнадцатилѣтній юноша, который переживаетъ волненія первой любви. Бѣдняжка! Король самый безсердечный любовникъ, потому что нѣтъ человѣка легкомысленнѣе его! Ты не повѣришь приключенію съ Діаной Брезе и въ убѣжденіи, что король остался вѣренъ тебѣ, не считаешь себя въ правѣ сердиться на него за то, что онъ не далъ тебѣ никакого положенія въ свѣтѣ и поручилъ покровительству своей матери. Тебѣ кажется это вполнѣ естественнымъ и по твоимъ словамъ, если мать короля злоупотребляетъ его довѣріемъ во вредъ себѣ, то это не его вина! Бѣдняжка! Развѣ королю не было извѣстно, что его мать всегда ненавидѣла тебя и никого не любитъ кромѣ себя и его? Она считаетъ приличнымъ чтобы король имѣлъ любовницу, не заявляющую никакихъ притязаній, а

не такую, какъ ты! Чего онъ достигъ, поручивъ тебя своей матери кромѣ того, что ты брошена на произволъ судьбы?

„Въ подтвержденіе моихъ словъ, не хочешь ли ты узнать, какъ велъ себя этотъ человѣкъ, которому ты приписываешь такія нѣжныя чувства, не дальше, какъ нѣсколько дней послѣ вашего прощанія въ Фонтенбло? Проѣздомъ черезъ Моноскъ онъ прельстился какой то необыкновенно красивой дамой, по имени m-elle Воланъ и тотчасъ-же остановился съ своей свитой, въ надеждѣ одержать побѣду надъ молодой дѣвушкой, хотя зналъ, что войско съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его и находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. Однако это приключеніе имѣло совсѣмъ иной исходъ, чѣмъ сотни другихъ исторій, героемъ которыхъ былъ твой вѣрный любовникъ. M-elle Воланъ была настолько цѣломудренна, что долго сопротивлялась королю и, наконецъ, чтобы избавиться отъ его назойливаго ухаживанія рѣшилась испортить свое прекрасное лицо парами сѣрной кислоты. Этотъ скандалъ возмутилъ весь свѣтъ, но не исправилъ короля и не сдѣлалъ никакого впечатлѣнія на Бонниве, который при первомъ удобномъ случаѣ опять примется за сводничество.

„Я знаю, что влюбленнымъ нельзя говорить правды относительно предмета ихъ любви, потому что если правда будетъ имъ не по вкусу, то они не повѣрятъ ей даже въ томъ случаѣ, еслибы Святая Дѣва стала убѣждать ихъ. Впрочемъ такъ и должно быть и ты съумѣешь оправдать своего возлюбленнаго... Но, basta, я не знатокъ въ этихъ вещахъ, думай что хочешь о королѣ, только въ концѣ концовъ выслушай мой дружескій совѣтъ, тѣмъ болѣе, что ты сама обратилась ко мнѣ. Жаль только, что ты не сдѣлала этого прежде! Я не могу конечно оказать тебѣ никакой фактической помощи, потому что твое общественное положеніе тѣсно связано съ судьбой короля и государства. Чтобы сказать тебѣ что нибудь опредѣленное я долженъ сообщить тебѣ мои предположенія относительно той будущности, какая ожидаетъ короля и государство.

„Около короля теперь не мало всякихъ разряженныхъ господъ. Между ними есть вполнѣ почтенные военачальники, какъ графъ Сенъ-Поль, ла-Тремуйль и маршалы—ла-Палиссъ де-Фуа, Монморанси, хотя послѣдніе два очень молоды и вѣроятно не отличаются предусмотрительностью. Но все это не имѣетъ никакого значенія для общаго хода дѣлъ, потому что всѣмъ будетъ распоряжаться болтливый выскочка Бонниве. Къ несчастью король не только любитъ его до какого то страннаго ослѣпленія, но безусловно слушается его совѣтовъ, что должно повести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Хотя нельзя отказать Бонниве въ извѣстной ловкости и умѣ, но онъ человѣкъ безхарактерный, не имѣетъ никакого понятія о военномъ искусствѣ и, безъ толку придерживается то одной, то другой системы, не изучивъ ни одной изъ нихъ. Правда король своими личными свойствами можетъ восполнить то, чего не достаетъ его любимцу, потому

что на войнѣ онъ отличается рѣшительностью и его можно безусловно назвать храбрымъ. Но война въ большихъ размѣрахъ ему не по силамъ, такъ какъ онъ недостаточно свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ; и никто не рѣшится намекнуть ему на это, потому что онъ въ особенности гордится своими военными знаніями. Дѣйствительно, въ иныхъ случаяхъ, благодаря воспріимчивости ума онъ способенъ составить такой планъ дѣйствій, который сдѣлалъ бы честь любому полководцу. Такъ было и въ началѣ нынѣшней кампаніи. Не обращая никакого вниманія на непріятеля, сосредоточившаго свои силы въ Провансѣ, онъ прямо спустился черезъ Альпы въ Ломбардію. Несомнѣнно, это было сдѣлано по его инціативѣ и ничего умнѣе нельзя было придумать. Пескара и Бурбонъ, изъ боязни быть отрѣзанными отъ Италіи и атакованными съ тылу, поспѣшно двинулись назадъ черезъ Лигурійскія Альпы; король былъ уже въ Верчелли, когда они едва дошли до Монферато. Умный планъ дѣйствій увѣнчался полнымъ успѣхомъ; Миланъ изнуренный чумой не могъ защищаться; Пескара и Бурбонъ, наскоро укрѣпивъ миланскую крѣпость, Павію и Алессандрію, должны были отступить. Но тутъ случилось то, чего можно было ожидать заранѣе: король, очутившись среди разгара битвъ, надѣлалъ рядъ промаховъ, вслѣдствіе того, что ему не достаетъ опыта, спокойствія и пониманія новыхъ способовъ веденія войны. Со временъ Карла VIII война ведется совсѣмъ инымъ способомъ нежели прежде; между тѣмъ король во всемъ подражаетъ Гастону и Баярду, упуская изъ виду, что эти прославленные герои принадлежатъ къ такой военной школѣ, которая съ каждымъ днемъ становится менѣе приложимой. Онъ ожидаетъ блестящихъ результатовъ отъ личныхъ подвиговъ въ духѣ рыцарства; нарядные господа слѣдуютъ его примѣру. Они поставили себѣ задачей овладѣть во что бы то ни стало Миланомъ и Павіей и такимъ образомъ потративъ дорогое время дали возможность непріятелю опять сплотить свои силы. При этомъ невольно возникаетъ вопросъ, почему они не воспользовались тѣмъ моментомъ, когда Пескара и Бурбонъ съ своимъ разсѣяннымъ войскомъ боязливо ожидали нападенія короля, который могъ отбросить ихъ въ Венецію?

„Но этого не случилось! Благопріятная минута была потеряна: знаменитый испанскій военачальникъ Антоніо де-Лейва упорно защищаетъ Павію; недѣля проходитъ за недѣлей; Пескара укрѣпляется въ Лоди; Бурбонъ вербуетъ новыя войска въ Германіи и Франшъ-Конте и склоняетъ на свою сторону Савойю. Я съ ужасомъ думаю о томъ, что наша армія принуждена будетъ дать битву между Павіей и Тичино, потому что въ головѣ короля засѣла устарѣвшая аксіома, что „затративъ столько усилій онъ не можетъ отступить“. Да избавитъ насъ Господь отъ катастрофы! Но она неизбѣжна, потому что король задумалъ какія то невѣроятныя экспедиціи, какъ будто дѣло шло о завоеваніи вселенной. Онъ отправилъ часть войска

въ Генуую и Неаполь и настолько ослабилъ себя, что я дрожу при одной мысли, что его могутъ теперь же принудить къ битвѣ.

„Все это должно убѣдить тебя, что ты ничего не достигнешь, даже при благопріятномъ исходѣ кампаніи, потому что всѣ полученные результаты не имѣютъ никакого серьезнаго значенія и не можетъ быть рѣчи о побѣдѣ и выгодномъ мирѣ. Если же дѣла примутъ дурной оборотъ, что весьма вѣроятно, то король долженъ будетъ рѣшиться на какое нибудь супружество, выгодное въ политическомъ отношеніи; и я, твой родной братъ, буду первый совѣтовать ему это, если бы даже твои права на законный бракъ были въ точности опредѣлены. Изъ всего сказаннаго мною ты можешь ясно видѣть, что ожидаетъ тебя въ томъ и другомъ случаѣ. Всѣ твои надежды построены на пескѣ и ты ни въ комъ не найдешь поддержки.

„Теперь разсмотримъ вопросъ съ другой стороны. Честь твоя потеряна; ты самымъ грубымъ образомъ нарушила свои обязанности и ничто не загладитъ твоего проступка, хотя бы завтра св. отецъ въ Римѣ далъ тебѣ разводъ и благословилъ на бракъ съ королемъ. Для женщины изъ рода Фуа не велика честь сдѣлаться королевой Франціи. По моему глубокому убѣжденію ты безвозвратно погибла, моя бѣдная Франциска. Передъ тобою двѣ пропасти и тебѣ остается только выбрать одну изъ нихъ... Прости, я привыкъ называть вещи по имени. Ты должна или вернуться въ замокъ Шатобріанъ и покориться рѣшенію твоего мужа, или же удалиться въ монастырь и навсегда исчезнуть изъ міра.

„Ты просишь меня высказать мое мнѣніе и поэтому я совѣтую тебѣ остановиться на послѣднемъ. Лучше покончить разомъ, чѣмъ вернуться съ половины пути и подвергнуть себя позорной мести оскорбленнаго бретанскаго дворянина. Само собой разумѣется, что при этомъ нужно будетъ отрѣшиться отъ всякихъ материнскихъ сѣтованій о ребенкѣ, которыя совершенно неумѣстны, тѣмъ болѣе, что это дѣвочка. Если ты могла бросить свою дочь ради личнаго счастья, то тѣмъ легче забыть о ней въ несчастьи! Выбрось также изъ головы мысль украсть ее, потому что это было бы безчестно относительно мужа, которому ты нанесла кровное оскорбленіе.

„Если ты будешь имѣть мужество послѣдовать моему совѣту, то я сдѣлаю распоряженіе, чтобы тебѣ приготовили приличный пріемъ въ аббатствѣ св. Женевьевы и пошлю надежныхъ людей, которые проводятъ тебя изъ Фонтенбло до твоей родины".

Письмо это глубоко огорчило графиню Шатобріанъ, не потому только, что она узнала о новой измѣнѣ короля, но въ немъ была безпристрастная оцѣнка личности ея возлюбленнаго, предрекавшая ему безславную будущность и прямо высказывался взглядъ на ея любовь, какъ на несчастіе, отъ котораго она должна искать спасенія.

Но можетъ ли любящее сердце сразу отказаться отъ надежды на счастье? Для этого нужна продолжительная борьба и рядъ печальныхъ разочарованій, чтобы окончательно потерять вѣру въ любимаго человѣка. Мы прибѣгаемъ къ всевозможнымъ софизмамъ, чтобы оправдать его поступки въ нашихъ собственныхъ глазахъ и инстинктивно, путемъ самообольщенія, приходимъ къ выводамъ, которые обезоруживаютъ насъ и дѣлаютъ невозможнымъ всякое нравственное сопротивленіе!

Извѣстное разочарованіе началось для Франциски при первомъ открытіи, что любимый человѣкъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу, взлелѣянному ея сердцемъ. Она особенно почувствовала это въ день смерти королевы Клавдіи и, возмущенная до глубины души эгоизмомъ короля, рѣшилась прямо высказать ему свое неудовольствіе. Король употребилъ тогда всѣ усилія, чтобы успокоить ее и сгладить непріятное впечатлѣніе, потому что своимъ противодѣйствіемъ она внушила ему извѣстнаго рода уваженіе къ своей личности. Тѣмъ не менѣе этотъ случай показалъ ей, что она не должна ожидать отъ короля особенно нѣжнаго вниманія къ ея чувствамъ; и она мысленно навсегда отказалась отъ подобныхъ притязаній въ тотъ моментъ, когда упрекала его за то, что онъ оставилъ ее одну на произволъ парижской черни и когда дѣлала видъ, что прощаетъ ему смерть Семблансэ. Врядъ ли также можно допустить, что она окончательно успокоилась относительно свиданія короля съ Діаной Брезе. Но любовь была сильнѣе гнѣва; послѣ разговора съ Бюде и Маргаритой она увѣрила себя, что приключеніе въ павильонѣ—наглая клевета, и что вопросъ этотъ долженъ быть покончень и забытъ. Послѣ этого ей не трудно было оправдать короля и во всемъ остальномъ.

— Что бы ни говорили люди, думала Франциска, но онъ не могъ дать мнѣ лучшаго доказательства своей привязанности, какъ поручивъ меня попеченію своей матери. Онъ желаетъ дружескаго сближенія между двумя особами, которыя для него всего дороже. Развѣ онъ виноватъ въ томъ, что я не могу заслужить расположенія его матери? Что же касается исторіи съ м-зель Воланъ, о которой пишетъ Лотрекъ, то я убѣждена, что въ дѣйствительности ничего подобнаго не было и, что эта исторія въ высшей степени преувеличена. Я не понимаю, какое тутъ преступленіе совершилъ король! Онъ встрѣтилъ молодую красивую дѣвушку и она понравилась ему. Боже мой, неужели изъ любви ко мнѣ онъ долженъ утратить чувство и пониманіе изящнаго, которымъ онъ одаренъ отъ рожденія, и которое побуждаетъ его преклоняться передъ всѣмъ прекраснымъ въ природѣ и въ произведеніяхъ искусства. Если бы это случилось, то я считала бы своимъ долгомъ послѣдовать примѣру м-зель Воланъ и обезобразить себя, чтобы онъ не отступалъ отъ своей великой роли—покровителя искусства. Впрочемъ, что понимаетъ въ любовныхъ дѣлахъ такой суровый воинъ, какъ Лотрекъ? Если я обратилась къ

нему, то сдѣлала это почти исключительно съ цѣлью получить подробныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ событій, потому что у короля нѣтъ достаточно времени, чтобы писать мнѣ. Затѣмъ я хотѣла также узнать: могу ли я въ чемъ нибудь разсчитывать на помощь брата, но убѣдилась, что любовники не должны вмѣшивать постороннихъ людей въ свои дѣла, такъ какъ никто не можетъ дать имъ полезнаго совѣта. Флорентинъ всегда давалъ мнѣ дурные совѣты, а Маргарита, Бюде и Маро врядъ ли правы, убѣждая меня, что я должна остаться въ Фонтенбло, не смотря на всѣ преслѣдованія королевы-матери, и что въ противномъ случаѣ я лишу себя того положенія, которое назначено мнѣ королемъ. Какъ будто между мной и Францискомъ можетъ быть поднятъ вопросъ о какихъ либо формальностяхъ? Не лучше ли мнѣ прямо отправиться въ замокъ Фуа? Лотрекъ долженъ будетъ согласиться, что я буду тамъ въ такой же безопасности, какъ и въ аббатствѣ св. Женевьевы.

Такимъ образомъ графиня Шатобріанъ употребляла всѣ усилія, чтобы сохранить во что бы то ни стало свою вѣру въ любовь короля. Только эта вѣра и поддерживала ее. Она написала Лотреку вовсе не изъ тѣхъ побужденій, какія она перечисляла, бесѣдуя наединѣ съ собой. Гордость ея была задѣта оскорбительныхъ обхожденіемъ герцогини Ангулемской; и она надѣялась, что братъ выведетъ ее изъ того унизительнаго положенія, въ которомъ она очутилась послѣ отъѣзда короля; но теперь все это казалось ей второстепеннымъ дѣломъ и она досадовала на себя, зачѣмъ дала поводъ своему брату написать ей письмо, разрушившее единственную надежду ея жизни. Она не могла послѣдовать его совѣту, пока въ сердцѣ ея оставалась хотя тѣнь надежды.

Была уже поздняя осень; холодный вѣтеръ осыпалъ сухими листьями пустынный дворъ, на который выходили окна графини Шатобріанъ. Она сидѣла у одного изъ нихъ и задумчиво смотрѣла на темныя тучи и на старый густой лѣсъ, чернѣвшій передъ ея глазами. Письмо Лотрека, лежавшее около нея, не могло долѣе привлекать ея вниманія.

— Я не должна придавать особеннаго значенія разсужденіямъ Лотрека о настоящей войнѣ, думала она. — У него односторонній взглядъ на короля; онъ судитъ о военныхъ дѣлахъ съ своей точки зрѣнія и считаетъ свои мнѣнія непогрѣшимыми...

Въ это время въ Фонтенбло царила мертвая тишина. Дворъ давно переѣхалъ въ Парижъ; въ замкѣ осталась одна Франциска, которая не въ состояніи была долѣе выносить злобныхъ выходокъ герцогини Ангулемской. Друзья Франциски совѣтовали ей не выѣзжать изъ королевскаго дома до послѣдней возможности, ради ея дальнѣйшей будущности. Къ числу этихъ друзей принадлежалъ Маро, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ спасъ ее отъ народной ярости своимъ совѣтомъ. Она не знала этого, но всегда охотно видѣлась съ

поэтомъ, который въ легкихъ, общедоступныхъ формахъ способствовалъ развитію самостоятельной умственной жизни при французскомъ дворѣ. Его общественное положеніе, несмотря на милость короля, было незавидное. Хотя Францискъ I при своемъ свободомысліи не обращалъ особеннаго вниманія на низкое происхожденіе поэта и оказывалъ ему почетъ, но все-таки не могъ настолько возвыситься надъ своими современниками, чтобы окончательно упустить изъ виду это обстоятельство. Маро оставался для него сыномъ камердинера, который возвысился его милостью и держался ею. Поэзія во Франціи не имѣла еще тогда никакого опредѣленнаго характера и выработанной литературной формы и Маро не могъ создать ее при неблагопріятныхъ условіяхъ своей жизни. Тѣмъ не менѣе поэтъ сознавалъ свое высокое призваніе и его насмѣшливое обращеніе могло бы озлобить придворныхъ, еслибы онъ не обезоруживалъ ихъ своимъ добродушіемъ и неистощимой веселостью.

Маро, всѣмъ обязанный своему таланту, живо интересовался судьбою Франциски, такъ какъ она могла занять высокое общественное положеніе только благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ, а не въ силу какихъ-либо правъ. Та же скрытая оппозиція противъ сословныхъ преимуществъ побуждала поэта сочувственно относиться къ реформаціи, которая въ это время уже имѣла многочисленныхъ адептовъ въ западной Европѣ. Онъ не стѣсняясь говорилъ съ Франциской о новомъ религіозномъ движеніи и даже разъ прямо высказалъ свое убѣжденіе, что если ей удастся склонить короля къ реформаціи, то она можетъ играть видную роль во Франціи. Тогда, добавилъ Маро, — вашъ разводъ съ графомъ Шатобріанъ не представитъ никакихъ затрудненій, и не будетъ никакой надобности хлопотать о разрѣшеніи папы. Вы сдѣлаетесь французской королевой и подобно супругѣ Клодвига будете имѣть громадное вліяніе на образованіе и духовную жизнь французской націи.

Графиня Шатобріанъ выслушала поэта съ недовѣрчивой улыбкой, но слова его глубоко запали въ ея душу, потому что подобные разговоры и намеки она часто слышала, какъ отъ самого Маро́, такъ и отъ Бюде и Маргариты. Идея церковной реформы, помимо личной симпатіи, служила главною связующею нитью между этими людьми и Франциской, такъ какъ они думали дѣйствовать черезъ нее на короля.

По ихъ мнѣнію, графиня Шатобріанъ не должна была уѣзжать изъ королевскаго замка, потому что въ противномъ случаѣ правительница употребитъ всѣ средства, чтобы очернить ее въ мнѣніи своего сына и несомнѣнно будетъ имѣть успѣхъ. Послѣ прощальной сцены въ галлереѣ, всѣ считали графиню нареченной невѣстой короля, которую онъ оффиціально поручилъ покровительству своей матери. Никому не покажется страннымъ, что она осталась въ уединенномъ Фонтенбло; но если она уѣдетъ отсюда куда бы то ни было,

кромѣ отеля Турнель въ Парижѣ, гдѣ помѣщалась правительница, то для послѣдней это будетъ желаннымъ предлогомъ, чтобы торжественно отказаться отъ роли покровительницы. При этомъ герцогиня Ангулемская постарается придать удаленію Франциски возможно большую огласку, чтобы навсегда затруднить ей доступъ къ двору, даже въ случаѣ возвращенія короля на родину.

Однако, не смотря на эти доводы, Франциска все болѣе и болѣе убѣждалась въ необходимости оставить Фонтенбло. Правительница, переѣзжая съ дворомъ въ Парижъ, не сдѣлала никакихъ распоряженій относительно содержанія графини и оставила ее почти безъ прислуги.

— Кто заставляетъ ее оставаться въ Фонтенбло! говорила герцогиня Ангулемская. — Если ей не нравится мое общество и она не находитъ меня достаточно любезной, то пусть сама заботится о своемъ содержаніи...

Между тѣмъ бѣдная Франциска поневолѣ должна была избѣгать общества герцогини, которая не только была холодна съ ней, но оскорбляла ее при всякомъ удобномъ случаѣ, чтобы сдѣлать невыносимымъ ея дальнѣйшее пребываніе при дворѣ. Франциска уже нѣсколько недѣль оставалась одна въ Фонтенбло, гдѣ она должна была испытывать всевозможныя лишенія. Не получая никакихъ извѣстій отъ своихъ друзей изъ Парижа, она написала Лотреку, въ надеждѣ, что онъ сообщитъ ей о судьбѣ короля и научитъ какъ выйдти изъ затруднительнаго положенія. Письмо Лотрека привело ее еще въ болѣе печальное настроеніе духа; она увидѣла всю безпомощность своего положенія и не знала на что рѣшиться.

Ея грустныя размышленія были прерваны пріѣздомъ Маро, который вошелъ въ комнату въ сопровожденіи Бернара, единственнаго слуги, оставшагося въ Фонтенбло.

Подобныя посѣщенія не были безопасны для поэта, который существовалъ въ полной зависимости отъ правительницы. Бюде уже возбудилъ противъ себя ея неудовольствіе своей дружбой съ Франциской. Между тѣмъ война затянулась; вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія короля, положеніе лицъ, не пользующихся расположеніемъ правительницы, становилось затруднительнѣе со дня на день. Нужно было не мало отваги со стороны Бюде и Маро, чтобы поддерживать сношенія съ графиней въ такое время, когда чуть ли не ежедневно распространялись о королѣ новые неблагопріятные слухи. То оказывалось, что король потерялъ большую битву, то заболѣлъ чумой, свирѣпствовавшей въ Миланѣ, или, что онъ умеръ. Никто не вѣрилъ извѣстіямъ, которыя сообщала правительница, хотя помимо ея, трудно было получить непосредственныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ событій.

Въ виду всего этого мы не можемъ ставить въ упрекъ Маро, что, отправляясь въ Фонтенбло, онъ принималъ всѣ мѣры предосторож-

ности, чтобы кто нибудь изъ придворныхъ не увидѣлъ его и приходилъ въ смущеніе, когда это не удавалось ему. На этотъ разъ онъ также явился къ Францискѣ совершенно растерянный, потому что на опушкѣ лѣса, гдѣ дорога поворачивала къ замку, онъ неожиданно встрѣтилъ нѣсколько монаховъ, ѣхавшихъ на мулахъ, и ему показалось, что въ числѣ ихъ былъ Флорентинъ. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія онъ тотчасъ же свернулъ съ дороги и, оставивъ свою лошадь у угольщика, вечеромъ прокрался въ замокъ, предварительно распросивъ Бернара, не пріѣзжалъ ли прелатъ. Слуга отвѣтилъ, что у графини никого нѣтъ и далъ торжественное обѣщаніе, что не впуститъ прелата, не увѣдомивъ объ этомъ г. Маро.

Графиня Шатобріанъ была убѣждена, что Маро ошибся, потому что Флорентинъ не былъ въ Фонтенбло со дня отъѣзда двора, и нѣсколько разъ извинялся передъ нею письменно, ссылаясь на недостатокъ времени и уговаривая ее пріѣхать въ Парижъ.

— Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ у него нѣтъ времени, возразилъ Маро, занявъ свое обычное мѣсто около огня, горѣвшаго въ каминѣ.—Оставаясь празднымъ, нельзя сдѣлаться въ такіе молодые годы кандидатомъ на первое вакантное мѣсто епископа, а наша правительница за свои милости требуетъ усиленной работы...

— Что можетъ заставить его пріѣхать ко мнѣ въ такую ненастную погоду?

— Я видѣлъ внизу всадника въ графской ливреѣ Фуа...

— Вы знаете, что я не могу позволить себѣ такой роскоши! Это гонецъ отъ Лотрека; онъ привезъ мнѣ отвѣтъ на письмо, о которомъ я вамъ говорила.

— Это, вѣроятно, и побудило прелата пріѣхать сюда! Я видѣлъ вчера этого человѣка въ отелѣ Турнель и только теперь вспомнилъ объ этомъ!.. Не подлежитъ сомнѣнію, что Лотрекъ въ своихъ депешахъ правительницѣ писалъ ей объ васъ, и она сочла нужнымъ послать сюда для переговоровъ краснорѣчиваго прелата. Только на этотъ разъ, Бога ради, вооружитесь твердостью и не давайте уговорить себѣ къ отъѣзду изъ Фонтенбло. Ни одинъ изъ вашихъ друзей не посовѣтуетъ вамъ промѣнять это чистилище на адъ, ожидающій васъ въ отелѣ Турнель.

— Въ настоящемъ случаѣ, мой дорогой Маро, я не могу послѣдовать вашему совѣту, потому что раздѣляю мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ мой отъѣздъ изъ Фонтенбло необходимымъ.

Маро хотѣлъ возражать, но она остановила его движеніемъ руки и продолжала:

— Во-первыхъ, я не вѣрю, будто бы моя репутація и будущность зависятъ отъ того, что я буду выжидать возвращенія короля здѣсь или въ Парижѣ! Во-вторыхъ, я убѣждена, что это намѣренно выдумано правительницей, чтобы имѣть возможность мучить меня, вывести изъ терпѣнія и принудить къ какой нибудь оскорбительной сценѣ,

которая послужитъ ей предлогомъ для моего удаленія. Мои отношенія къ королю настолько серьозны, что онъ не можетъ придавать особеннаго значенія тому, гдѣ я буду жить въ его отсутствіе. Затѣмъ въ моемъ положеніи не можетъ быть ничего унизительнѣе, какъ выносить долѣе всевозможныя матеріальныя лишенія въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни. Даже теперь, добавила она улыбаясь,—я едва буду въ состояніи подать вамъ сколько нибудь приличный ужинъ, мой добрый Моро, хотя мнѣ придется употребить на это всѣ запасы нашей несчастной крѣпости! Вы вѣрно проголодались послѣ верховой ѣзды...

— Но почему вы не позволяете мнѣ намекнуть на это герцогинѣ Ангулемской? возразилъ со смѣхомъ обезоруженный поэтъ.

— Нѣтъ, Маро, я считаю правительницу своей матерью и не хочу ставить ее въ неловкое положеніе. Тутъ есть еще одна причина... Но что это! мнѣ послышался шумъ въ галлереѣ, а на этой сторонѣ замка никто не живетъ теперь.

Графиня Шатобріанъ сидѣла съ своимъ гостемъ въ той самой комнатѣ, гдѣ происходилъ поединокъ между королемъ и графомъ Шатобріанъ. Франциска особенно любила эту комнату, потому что здѣсь она всегда видѣлась съ королемъ въ тѣ счастливые дни, когда онъ такъ часто посѣщалъ ее. Хотя потаенная дверь была наглухо заперта, но Франциска слышала, что кто-то подошелъ къ ней и прижалъ пружину.

Это былъ Флорентинъ. Маро не ошибся, говоря, что видѣлъ его. Молодой прелатъ, пріѣхавъ въ Фонтенбло, остановился у придворнаго капелана, жившаго на другой сторонѣ замка и собралъ у него всѣ необходимыя свѣдѣнія объ образѣ жизни графини Шатобріанъ. Чтобы не идти по двору подъ проливнымъ дождемъ. Флорентинъ хотѣлъ сперва убѣдиться, нельзя ли проникнуть въ комнаты Франциски черезъ потаенную дверь. Къ этому побуждала его также усвоенная имъ привычка входить неожиданнымъ способомъ, чтобы застать кого нибудь въ расплохъ или подслушать, что говорилось въ домѣ. Пройдя по темной галлереѣ съ фонаремъ въ рукахъ, онъ остановился передъ изображеніемъ нимфы, чтобы убѣдиться нѣтъ ли гдѣ щели, черезъ котурую можно было видѣть то, что происходило въ комнатахъ графини Шатобріанъ. Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, онъ пожалъ пружину и слегка толкнулъ потаенную дверь, но она оказалась запертою на задвижку. Вслѣдъ затѣмъ онъ услышалъ возгласъ Франциски и чей-то мужской голосъ, но не могъ разобрать словъ, не смотря на всѣ усилія. Однако и это открытіе имѣло цѣну для Флорентина; онъ погасилъ свой фонарь и, поставивъ его передъ дверью, направился ощупью къ ближайшему выходу изъ галлереи въ садъ. Всевозможные планы быстро смѣнялись въ его головѣ, вслѣдствіе предположенія, что у Франциски есть еще любовникъ помимо короля или, что, по крайней мѣрѣ, можно будетъ обвинить ее въ этомъ. Вопросъ для Флорентина вовсе не заключался въ томъ, чтобы возбудить рев-

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ."

Петербургъ, Невскій, 60. | **Москва, Никольская,** домъ Ремесленной Управы.

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

СЦЕНЫ и РАЗСКАЗЫ

. Горбунова. (Шестое, значительно дополное изданіе). Спб. 1881. Ц. 1. р. 75 к. съ пер. любителей отпечатаны особенные экземы этого изданія въ большомъ форматѣ, но: 100 экз. на слоновой бумагѣ, каждый умеромъ (арабскими цифрами). Ц. 5 руб. кз., 10 экз. на ватманской бумагѣ, каждый умеромъ (римскими цифрами). Ц. 10 р. за емпляръ.

ЮНОШЕСКІЯ ДРАМЫ

Ю. Лермонтова. Изданіе подъ редакціею А. ремова. Спб., 1880. Ц. 1 р. 50 коп. Для лютелей напечатаны особенные экземпляры этого данія, въ большомъ форматѣ, именно: 100 экз. слоновой бумагѣ, каждый за нумеромъ (арабми цифрами) 3 руб. 10 экз. на ватманй бумагѣ, каждый за нумеромъ (римскими фрами). Ц. 12 руб. за экз.

МОСКВА ВЪ РОДНОЙ ПОЭЗІИ.

орникъ стихотвореній русскихъ и славянихъ писателей и прозаическихъ характерикъ, относящихся къ Москвѣ, Кремлю, мовскимъ событіямъ, московскому быту и проч., ловицы, относящіяся къ Москвѣ, библіографія гъ и статей литературнаго содержанія имѣюхъ своимъ предметомъ Москву, перечень русхъ писателей, родившихся и умершихъ въ сквѣ и проч. Сборникъ составленъ С. П. **номаревымъ.** Ц. 1 р. 25 к. на хорошей агѣ, кромѣ того для любителей напечатаны бенные экземпляры: 100 экз. на слоновой буѣ, каждый за номеромъ (арабскими цифрами). а 3 р. за экз.

ТОРІЯ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

. **Шашкова**. Изданіе второе, исправлени дополненное. Ц. 1 р. 75 к.

Ъ ОБЛАСТИ ВѢЧНАГО ЛЬДА.

орія путешествій къ сѣверному полюсу съ внѣйшихъ временъ до настоящаго времени. . Фр. **Гельвальда**. Съ многими иллюціями и картами. Цѣна каждаго выпуска въ ечатныхъ листовъ большого формата 65 коп.

ЛЮДИ СТАРАГО ВѢКА.

сказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа айной Канцеляріи. **Г. В. Есипова.** Спб. 1880. 1 р. 50 к.

ЦАРСТВО ПРОТИСТОВЪ.

Очеркъ низшихъ организмовъ, съ научнымъ прибавленіемъ системы протистовъ. **Э. Геккеля.** Перевелъ съ нѣм. И. Устюжаниновъ, подъ редакціею и съ примѣчаніями **Э. К. Брандта,** съ 58 рис. въ текстѣ. Спб. 1880. Ц. 1 р. 20 коп.

ОБЩАЯ ХИРУРГИЧЕСКАЯ ПАТОЛОГІЯ И ТЕРАПІЯ

въ 50-ти лекціяхъ. Руководство для учащихся и врачей. **Д-ра Теодора Бильрота**, проф. Хирургіи въ Вѣнѣ. Переводъ съ 8 нѣм. изданія, дополненнаго и исправленнаго, со множествомъ рисунковъ. Д-ровъ Н. Гейнаца и Д. Фридберга. Спб. 1880. Ц. 4 р. 50 коп.

ОБЩАЯ МЫШЕЧНАЯ и НЕРВНАЯ ФИЗІОЛОГІЯ.

Розенталя. Перев. съ нѣм. подъ ред. **И. Р. Тарханова.** Ц. 2 р.

АЗБУКА ИКСА

въ задачахъ изъ алгебры и геометріи, съ подробными вычисленіями искомаго. Сост. **И. Хмыровъ.** Спб. 1880. Ц. 2 р. 50 коп.

HOMERI ODYSSEA, pars I. (12 пѣсней). Спб. 1880. Ц. 35 к. Ч. II. Ц. 35 коп.

HOMERI ILIAS pars I. c. I-XII. Ц. 35 к. У. К. М. Нар. Просв. Одобрены какъ **учебное пособіе** въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства Мин. Нар. Просв.

ГОМЕРОВСКІЙ СЛОВАРЬ

къ Иліадѣ и Одиссеѣ **Вл. Краузе.** Въ текстѣ словаря 130 гравюръ, кромѣ того въ приложеніи планъ Одиссеева дома и карта Трои. 528 стр. Ц. 1 р. 50 коп. У. К. М. Нар. Просв. **допущено** къ употребленію въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Мин. Нар. Просвѣщенія какъ **учебное пособіе** по греческому языку.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ НАУКУ.

Руководство къ пониманію природы и явленій. Проф. **Гексли.** Спб. 1880. Ц. 30 к.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЕВРОПЫ.

Э. Я. Фримана. Переводъ со 2-го англійскаго изданія, снабженнаго 6-ю картами. Спб. 1880. Ц. 60 к., въ перепл. 80 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ,** при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени",** Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа **„Историческаго Вѣстника":** русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты и рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. № 11—2.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

MAR 2 '61 H

AUG 16 '63 H

5469

DUE APR '66 H

OCT ... 1965 H

CANCELLED